

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 4

ИЮЛЬ-АВГУСТ 2022

Журнал основан в 1889 г.
Выходит 6 раз в год
Выходил под названиями: “Этнографическое обозрение” (1889–1916; 1992–н.в.);
“Этнография” (1926–1930); “Советская этнография” (1931–1991).
Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.Н. Абашин (д.и.н., Европейский ун-т, Санкт-Петербург),
С.С. Алымов (к.и.н., ИЭА РАН, Москва), **С.А. Арутюнов** (чл.-корр. РАН, ИЭА РАН),
В.О. Бобровников (к.и.н., НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург),
М.Л. Бутовская (чл.-корр. РАН, ИЭА РАН, Москва),
М.В. Добровольская (д.и.н., Ин-т археологии РАН, Москва),
А.Л. Елфимов, главный редактор (Ph.D., к.и.н., ИЭА РАН),
П.С. Куприянов (к.и.н., ИЭА РАН),
М.Ю. Мартынова (д.и.н., ИЭА РАН), **Д.В. Михель** (д.ф.н., РАНХиГС, Москва),
Е.В. Попова (к. полит. н., Томский гос. ун-т),
С.В. Соколовский (д.и.н., ИЭА РАН), **В.А. Тишков** (акад. РАН, ИЭА РАН),
В.В. Трепавлов (д.и.н., Ин-т российской истории РАН, Москва),
Е.Г. Трубина (д.ф.н., Уральский федеральный ун-т),
Е.И. Филиппова, зам. гл. ред. (д.и.н., ИЭА РАН), **Д.А. Функ** (д.и.н., ИЭА РАН)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Ю.Е. Березкин (Кунсткамера РАН, Санкт-Петербург), **В. Вате** (CNRS, Франция),
Д.Н. Замятин (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), **Н.М. Лебедева** (ВШЭ, Москва),
М. Могильнер (Ун-т шт. Иллинойс, США), **В.И. Мукомель** (Ин-т социологии РАН, Москва),
Б. Петрик (EHESS, Франция), **И.Ф. Попова** (Ин-т восточных рукописей, Санкт-Петербург),
М. Ривз (Манчестерский ун-т, Великобритания), **Н.В. Ссориин-Чайков** (ВШЭ, Санкт-Петербург),
Л.А. Чவர் (Ин-т востоковедения РАН, Москва), **П. Швайцер** (Венский ун-т, Австрия),
В.А. Шнирельман (ИЭА РАН, Москва)

Заведующая редакцией *И.А. Кучерова*

Адрес редакции:
119991 Москва, Ленинский пр., д. 32а, тел. (495) 938-18-67
Интернет-сайт: <https://eo.iea.ras.ru>, e-mail: ethnoreview@iea.ras.ru

ETNOGRAFIČESKOE OBOZRENIÉ

№ 4

JULY-AUGUST 2022

Founded in 1889
Published as *Etnograficheskoe Obozrenie* (1889–1916, 1992–present);
Etnografia (1926–1930); *Sovetskaiia Etnografia* (1931–1991)
Publication frequency: 6 issues per year
Organ of the Division of History and Philology, Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

Sergey Abashin (European U. at St. Petersburg),
Sergey Alymov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Sergey Arutyunov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Vladimir Bobrovnikov (Higher School of Economics, St. Petersburg),
Marina Butovskaya (Inst. of Ethnology and Anthro., Moscow),
Maria Dobrovolskaya (Inst. of Archaeology, Moscow),
Alexei Elfimov, *Editor-in-Chief* (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Elena Filippova, *Associate Editor* (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Dmitri Funk (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Pavel Kupriyanov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Marina Martynova (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Dmitry Mikhel (RANEP, Moscow), **Evgeniya Popova** (Tomsk State U., Tomsk),
Sergey Sokolovskiy (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Valery Tishkov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Vadim Trepavlov (Inst. of Russian History, Moscow), **Elena Trubina** (Ural Federal U., Ekaterinburg)

ADVISORY BOARD

Yuri Berezkin (Kunstkamera, St. Petersburg), **Liudmila Chvyr** (Inst. of Oriental Studies, Moscow),
Nadezhda Lebedeva (Higher School of Economics, Moscow),
Marina Mogilner (U. of Illinois at Chicago, USA), **Vladimir Mukomel** (Inst. of Sociology, Moscow),
Boris Pétric (EHESS, France), **Irina Popova** (Inst. of Oriental Studies, St. Petersburg),
Madeleine Reeves (U. of Manchester, UK), **Peter Schweitzer** (U. of Vienna, Austria),
Viktor Shnirelman (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Nikolai Ssorin-Chaikov (Higher School of Economics, St. Petersburg),
Virginie Vaté (CNRS, France), **Dmitry Zamiatin** (Moscow State University)

Irina Kucherova Editorial Office Manager

Editorial Office Address:
Rm 1807, 32-a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia;
phone +7 (495) 938-1867

Исследования миграции и мигрантов

<i>С.Н. Абашии.</i> Русская рулетка для мигрантов: производство неопределенности и прагматика фатализма	5
<i>А.А. Эндрюшко, К.С. Григорьева.</i> Мигранты на российском рынке труда: оценка стартовых возможностей	26
<i>Ю.В. Бучатская.</i> Дом русскоязычных переселенцев в Германии: люди и вещи	44

Антропология природопользования и ресурсов

<i>Н.И. Новикова.</i> Каутокейно против рудника: почему промышленная компания не получила социальную лицензию?.....	66
<i>О.В. Васильева, А.Р. Федорова, А.А. Слепцова.</i> Мамонтовая кость, общество и государство: неформальные практики природопользования на Северо-Востоке России и их социально-экономический эффект	86

История науки

<i>П.И. Костогрызов.</i> Изучение общинных институтов в современной латиноамериканистике	109
<i>Н.С. Любимова.</i> Немецкая этнологическая традиция в изучении Японии: Эрвин фон Белц как антрополог и этнолог	128
<i>И.В. Кузнецов.</i> У истоков лингвистической антропологии: Франц Боас	144
<i>Приложение: Ф. Боас.</i> О чередующихся звуках (пер. с англ. И.В. Кузнецова)	162

Статьи и материалы

<i>О.И. Брусина.</i> Конструирование татарской идентичности и воспроизводство этничности у астраханских туркменов	167
<i>А.О. Никитичева.</i> Этнический и религиозный факторы Всероссийской переписи населения в понимании местных мусульман Московской области	192
<i>М.Л. Бутовская, Ю.И. Адам.</i> Рискованное поведение как адаптивная стратегия мужчин, их морфофизиологические профили и связь с репродуктивным успехом в современном обществе	209

Критика, обзоры, рецензии

<i>Т.Д. Соловей.</i> Вернуть Европу (рец. на: Вкус Европы. Антропологическое исследование культуры питания. М., 2020)	228
<i>М.Е. Кабицкий.</i> О культуре питания народов Европы (рец. на: Вкус Европы. Антропологическое исследование культуры питания. М., 2020)	233
<i>Г.Г. Еришова.</i> Российские полевые исследования быта кубинцев первой половины 1980-х годов (рец. на: Александренков Э.Г. Кубинские полевые тетради (1980–1985). Часть I. М., 2021)	238

Migration Studies

- Abashin S.N.* Russian Roulette for Migrants: Creation of Uncertainty and the Pragmatics of Fatalism [Russkaia ruletka dlia migrantov: proizvodstvo neopredelennosti i pragmatika fatalizma] 5
- Endryushko A.A., and K.S. Grigor'eva.* Migrants in the Russian Labor Market: An Assessment of Starting Opportunities [Migranty na rossiiskom rynke truda: otsenka startovykh vozmozhnostei] 26
- Butschatskaja J.V.* The House of Russian-Speaking Immigrants in Germany: People and Things [Dom russkoiazychnykh pereselentsev v Germanii: liudi i veshchi] 44

Anthropology of Extractivism

- Novikova N.I.* Kautokeino vs. Mine: Why Did Not an Industrial Company Receive a Social License? [Kautokeino protiv rudnika: pochemu promyshlennaia kompaniia ne poluchila sotsial'noi litsenziiu?] 66
- Vasileva O.V., A.R. Fedorova, and A.A. Sleptsova.* Mammoth Tusk, Society, and the State: Informal Practices of Natural Resource Use in the North-East of Russia and Their Social and Economic Impact [Mamontovaia kost', obshchestvo i gosudarstvo: neformal'nye praktiki prirodopol'zovaniia na Severo-Vostoke Rossii i ikh sotsial'no-ekonomicheskii effekt] 86

History of the Discipline

- Kostogryzov P.I.* Research on Community Institutions in Contemporary Latin American Studies [Izuchenie obshchinnnykh institutov v sovremennoi latinoamerikanistike] 109
- Liubimova N.S.* German Ethnological Tradition in Studies of Japan: Erwin von Baelz as Anthropologist and Ethnologist [Nemetskaia etnologicheskaia traditsiia v izuchenii Yaponii: Ervin fon Bel'ts kak antropolog i etnolog] 128
- Kuznetsov I.V.* At the Origins of Linguistic Anthropology: Franz Boas [U istokov lingvisticheskoi antropologii: Frants Boas] 144
- Supplement: Boas F.* On Alternating Sounds [O chereduiushchikhsia zvukakh] 162

Memory Studies

- Brusina O.I.* The Construction of the Tatar Identity and Ethnic Survival of the Astrakhan Turkmen [Konstruirovaniie tatarskoi identichnosti i vosproizvodstvo etnichnosti u astrakhanskikh turkmen] 167
- Nikiticheva A.O.* Ethnic and Religious Factors in the Russian Census as Local Muslims of the Moscow Region Understand Them [Etnicheskie i religiozniye faktory Vserossiiskoi perepisi naseleniia v ponimanií mestnykh musul'man Moskovskoi oblasti] 192
- Butovskaya M.L., and Y.I. Adam.* Risky Behavior as an Adaptive Strategy of Men, Their Morphophysiological Profiles and Relationship with Reproductive Success in Modern Society [Riskovannoe povedenie kak adaptivnaia strategiiia muzhchin, ikh morfofiziologicheskie profili i sviaz' s reproduktivnym uspekham v sovremennom obshchestve] 209

Book Reviews and Critiques

- Solovei T.D.* Reclaiming Europe [Vernut' Evropu]: A Review of *Vkus Evropy. Antropologicheskoe issledovanie kul'tury pitaniia* [The Taste of Europe: Anthropological Research on Food Culture], edited by O.D. Fais-Leutskaia and M. Yu. Martynova 228
- Kabitskiy M.E.* On the Food Culture of the Peoples of Europe [O kul'ture pitaniia narodov Evropy]: A Review of *Vkus Evropy. Antropologicheskoe issledovanie kul'tury pitaniia* [The Taste of Europe: Anthropological Research on Food Culture], edited by O.D. Fais-Leutskaia and M. Yu. Martynova 233
- Ersnova G.G.* Russian Field Studies of the Everyday Life of Cubans in the First Half of the 1980s [Rossiiskie polevyie issledovaniia byta kubintsev pervoi poloviny 1980-kh godov]: A Review of *Kubinskie polevyie tetradi (1980–1985). Chast I* [Cuban Field Notebooks (1980–1985). Part 1], by E.G. Aleksandrenkov 238

РУССКАЯ РУЛЕТКА ДЛЯ МИГРАНТОВ: ПРОИЗВОДСТВО НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ПРАГМАТИКА ФАТАЛИЗМА

С.Н. Абашин

Сергей Николаевич Абашин | <https://orcid.org/0000-0002-4873-1596> | s-abashin@mail.ru | д. и. н., профессор | Европейский университет в Санкт-Петербурге (ул. Гагаринская, 6/1а, Санкт-Петербург, 191187, Россия)

Ключевые слова

транснациональная миграция, миграционная политика, Центральная Азия, фатализм

Аннотация

В фокусе настоящей статьи находятся миграционные законы и практики в современной России. Российский миграционный режим, с одной стороны, позволяет иностранцам из ряда постсоветских стран свободно перемещаться через границы, но с другой стороны, создает сложные и дорогостоящие способы регулирования статусов этих людей. В результате подавляющее число иностранных трудовых мигрантов имеют проблемы с документами, а сам статус правильных документов находится в серой зоне постоянно идущих переговоров мигрантов, предпринимателей, полиции и правозащитников. В своей статье я рассматриваю правило “180/90”, которое регулирует пребывание иностранцев в России с помощью специальной программы автоматического учета выезда из страны и нового въезда в нее. Поскольку работа программы имеет множество сбоев, то возникает ситуация непредсказуемого решения, которую мигранты используют в обход закона для частичной легализации своего положения. Эта связь законов, технологий и мигрантских повседневных практик показывает, как российский миграционный режим управляет миграцией при помощи производства неопределенности.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проекты № 14-18-02149, 14-18-02149А]

Миграционный режим в современной России выглядит парадоксальным: благодаря безвизовому въезду миллионы жителей целого ряда стран бывшего СССР свободно перемещаются через государственные границы, но при этом создаются сложные по процедуре и дорогостоящие способы легализации этих людей, что оставляет значительную часть приезжих без полноценного документального урегулирования. Вследствие такой политики подавляющее число иностранных трудовых мигрантов, уже находящихся в России,

---

Статья поступила 05.09.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 01.12.2021
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Абашин С.Н. Русская рулетка для мигрантов: производство неопределенности и прагматика фатализма // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 5–25. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040017>
EDN: HWPGX

Abashin, S.N. 2022. Russkaia ruletka dlia migrantov: proizvodstvo neopredelennosti i pragmatika fatalizma [Russian Roulette for Migrants: Creation of Uncertainty and the Pragmatics of Fatalism]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 5–25. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040017> EDN: HWPGX

имеют проблемы с документами, а само понятие “правильные документы” носит неопределенный характер из-за постоянно идущих формальных и неформальных переговоров мигрантов, представителей власти, работодателей и общественных правозащитных структур. Такие переговоры решают так или иначе вопрос о статусе конкретных людей, но не приводят к системной “починке” самого миграционного режима, продолжающего воспроизводить неопределенность, которая, в свою очередь, стигматизирует мигрантов как “нелегальных”.

В статье я рассмотрю правило “180/90” – которое существует в российском миграционном законодательстве и регулирует получение разрешения на временное пребывание, – как один из путей или механизмов производства неопределенности статусов мигрантов. Правило заключается в том, что иностранец, без визы въезжающий в Россию, может пребывать на ее территории 90 дней в течение полугода (180 дней), а оставшиеся 90 дней, т.е. три месяца из шести, он должен находиться за пределами страны, если только не получил патент, разрешение на временное пребывание (РВП) или вид на жительство (ВНЖ), которые позволяют продлить срок проживания на территории России (ФЗ 115). К тому же, что очень важный момент, время пребывания в России высчитывается не пограничниками или полицейскими, а автоматически, специальной компьютерной программой, в которую регулярно загружаются данные о въезде и выезде каждого иностранца. Поскольку вся эта процедура учета – ввод данных, работа самой программы – сопряжена со множеством сбоев технического или человеческого свойства и нарушитель обнаруживается с некоторым, иногда существенным, опозданием, то возникает ситуация продолжительной неопределенности, которую многие мигранты используют, чтобы нарушить правило “180/90”, въехать в Россию раньше допустимого и получить все формально законные документы для нахождения в стране. При этом в любой момент упомянутая программа может автоматически вычислить нарушение, выставить в базе данных галочку против имени того или иного человека, лишив все его документы легальности, и назначить наказание – обычно запрет на въезд в Россию. Такая неопределенность, когда документы еще действуют, но в любое мгновение могут превратиться в филькину грамоту, может длиться долго, иногда даже годами; она является и постоянной угрозой, и одновременно возможностью и способом урегулирования мигрантами своего статуса.

Анализ законов, технологий, институтов, сетей и практик, создающих неопределенность и позволяющих нормализовать ее, я этнографически проиллюстрирую конкретным примером истории одной женщины из Узбекистана, за миграционной жизнью которой мне пришлось наблюдать много лет. На момент нашего знакомства 50-летняя Нодира уже десять лет работала в Москве няней. Она родом из большого узбекского города – областного центра, имеет высшее образование, знает русский язык как родной. Необходимость заработать на обустройство (женитьбу, образование) трех своих детей, двух дочерей и сына, заставила Нодиру еще в середине 2000-х годов переехать на работу в Россию. По миграционным правилам, введенным в 2014 г., она оформила патент и ежемесячно платила за него в течение двух лет, что давало ей возможность все это время законно находиться в стране и заниматься трудовой деятельностью. По истечении этого срока Нодира должна была выехать домой в Узбекистан, пробыть там три месяца, потом вернуться в Россию и снова получить/купить патент. Однако, опасаясь потерять выгодное рабочее место, она этого не сделала и перешла в другой режим жизни: отказалась продлевать патент и стала раз в три месяца выезжать за пределы России и тут же въезжать обратно, это дало ей возможность получать на границе новую миграционную карту и находиться в стране следующие три месяца. Она рассказывала мне об этом выборе как об открытии:

Н.: Я думала, что нужно будет для продления своего патента... Чтобы я продлила и заново не делала все. Но как выяснилось, что... [смеется...] оказывается легче выехать и приехать. Делать обратно патент, чтобы сделать патент, продолжение патента – там куча всего. Всяких много надо. Оказывается, можно было сделать просто частный визит – написать и каждые три месяца это обновлять: выезжать-приезжать... Я сама была в шоке, говорю: «Ой, а мы-то ходим тут по четыре тыщи платим это все, и, оказывается, можно так, и там многие сказали, говорят: “Оказывается, можно и так”».

В новом ритме мигрантской жизни Нодира было, правда, сразу два серьезных отступления от российских законов. Женщина не имела права в таком статусе наниматься на работу и, пересекая границу туда-обратно, она нарушала упомянутое правило “180/90”. Если риск оказаться поиманной и наказанной за недокументированную трудовую деятельность был не очень высоким, так как Нодира работала няней в домашних условиях, где она была защищена работодателем от внешнего контроля, то риск оказаться невъездной в Россию при пересечении границы был более серьезным: компьютерная программа, которая фиксировала все ее выезды и въезды, могла в любой момент поставить запрет на въезд в Россию на несколько лет. Иначе говоря, любая проверка пограничным контролем при следующем пересечении границы теперь грозила Нодире отправкой надолго домой, полной потерей заработков и рабочего места. В наших с ней разговорах она неоднократно демонстрировала совершенно ясное осознание этого риска. Вот, например, как эта тема звучала в ее рассказе о встрече с полицейским в московском метро:

Н.: Это было... в июне что ли... Я такая иду. И меня так: “Можно? Девушка?!” Я хотела сказать: “Спасибо Вам за девушку!” [смеется] – “А можно, – говорит, – у Вас... документы”. Я говорю: “А что случилось?” – “Ну, просто, – говорит, – проверка”. Так посмотрел, говорит: “А-а”. Потом так... Очень много печатей же у меня в паспорте. Пересечение границы, очень много же я выезжала, приезжала. “Что-то Вы, – говорит, – такая путешественница”. Я говорю: “Ну да, – говорю, – такая у меня работа, что, это, езжу туда-сюда”. – “А-а, да?” Ну, не спросил, что за работа, что это. Говорит: “Ну да, хорошо”. Завели меня в этот... У них есть ведь эти маленькие закуточки. Там он посмотрел, весь мой паспорт посмотрел, потом сказал, что мы с ним в один день родились. Я говорю: “Ой, как приятно”. В общем, посмеялись, посмеялись, он меня отпустил. Я даже не поняла, думаю, чего такое. Ну, он посмотрел, регистрация новая, там, всё, я не нарушала. Но он мне, правда, сказал, что я нарушаю. Что я должна 90 дней находиться.

С.: Он Вам сказал это?

Н.: Да! [смеется]

С.: А Вы что ответили?

Н.: Я говорю: “Я знаю, – говорю, – но я же прохожу”. Он говорит: “Да, Выходите, но Вам везет. Но когда-нибудь у Вас *выстрельнет* это”. Я говорю: “Я это знаю”. Он говорит: “Ну, вот, – говорит, – будьте начеку”.

Несмотря на вполне реальные перспективы наказания за нарушение правила “180/90”, Нодира считала свой выбор правильным и более для нее выгодным и приемлемым, нежели прежнее оформление патента, которое, казалось бы, гарантировало ей спокойное будущее. Зацепившись за слово “прострельнуть”, которое моя собеседница повторяла каждый раз, когда речь шла об этой практике, я решил назвать эту ситуацию “игра в русскую рулетку” – метафорический образ непредсказуемого исхода, иррационального риска и фаталистического отношения к судьбе.

В ситуации, аналогичной той, в которой оказалась Нодира, находятся сотни тысяч трудовых мигрантов из нескольких постсоветских стран, имеющих безвизовый режим с Россией. Они вполне сознательно выбирают рискованный путь нарушения миграционных законов и приспособляются к жизни в ожидании наказаний. Ситуацию “игры в русскую рулетку” создают несколько

факторов: сами российские законы, которые обеспечивают неопределенный характер миграционных статусов; институты и способы миграционного контроля, которые формируют циклы и практики производства этой неопределенности; разнообразные неформальные социальные сети и инфраструктуры, которые оказывают мигрантам поддержку и помогают адаптироваться к такой неопределенности. Риски, которые кажутся на первый взгляд высокими, в совокупном действии всех этих факторов становятся вполне допустимыми и оправданными, с точки зрения самих мигрантов, которые, используя пробелы и “поломки” миграционного режима и исходя из имеющихся ресурсов и планов, выбирают именно этот риск как свою основную миграционную стратегию. Как и в “русской рулетке”, опасности просчитываются и по возможности минимизируются, но одновременно к ним готовятся и принимают их как неизбежность.

Далее в своей статье я намерен более детально проанализировать, каким образом устроены и взаимодействуют миграционные нормы, практики и сети, как с их помощью создается неопределенность миграционного статуса и как последняя включается в планы, повседневность и адаптационные тактики мигранта. Исследование было проведено в 2014–2018 гг. в рамках проекта по изучению транснациональных миграций между Россией и Средней Азией и дополнено наблюдениями и интервью в 2020–2021 гг.¹. Методология исследования включала в себя развернутые интервью с иностранными мигрантами в России и их близкими в стране происхождения, эти встречи повторялись на протяжении ряда лет, тем самым появлялась возможность наблюдать, как складывалась судьба каждого человека, с которым установились постоянные контакты. Настоящий текст не ставит своей целью разбирать все возможные сценарии трудовой деятельности и легализации мигрантов. Пример Нодеры был выбран в качестве базового не как репрезентативный и обобщающий случай, а как повод погрузиться в этнографическую конкретику при обсуждении проблемы взаимосвязи миграционного режима, миграционных технологий, институтов и практик с планами и действиями мигрантов.

Новая историография миграции в Россию

Трудовая иностранная миграция в Россию совсем недавно, всего около двух десятков лет назад, стала предметом растущего интереса. Основное место в ее изучении занимают причины, структура и сценарии миграции, их обсуждение обычно фокусируется на экономике и демографии (*Denisenko et al.* 2020). Значительный корпус академической и экспертной литературы посвящен тому, каким образом и в какой мере мигранты становятся жертвами российского миграционного режима, как они преследуются полицией и другими государственными службами, эксплуатируются работодателями и посредниками из своей собственной среды, стигматизируются политиками и СМИ, ксенофобски и расистски притесняются в повседневном быту окружающими людьми (*Kuznetsova, Round* 2019; *Malakhov, Simon* 2018; *Alexseev* 2015; *Поletaев* 2014). Некоторые работы рассматривают разных акторов миграционного регулирования, показывая пересечение множественных ситуаций и интересов, формирующих миграционную политику (*Мукомель* 2005: 80–113; *Schenk* 2018). Существует литература, которая оценивает характер интегрированности мигрантов в российском обществе и указывает на различные препятствия, которые мешают полному их включению в него (*Varshaver, Rocheva* 2021; *Варшавер, Рочева* 2015; *Карпенко* 2016).

Вопрос об интегрированности связан с темой производства легальности/нелегальности, а также с темой субъектности мигрантов, использующих неформальные практики адаптации к режиму миграционной неопределенности

(*Urinboyev 2021; Kubal 2017; Reeves 2013; Григоричев 2012*). Целый ряд исследований говорят о мигрантских сетях и инфраструктурах, создающихся в России (*Demintseva 2020; Kashnitsky, Demintseva 2018; Turaeva 2018; Varshaver, Rocheva 2018*), есть работы о транснациональных связях, которые становятся ключевыми в повседневности и планах мигрантов (см., напр.: *Бредникова, Абашин 2021*).

Несмотря на растущее число публикаций о международной миграции в Россию, само это исследовательское поле испытывает ряд трудностей. По-прежнему заметен большой недостаток официальных информации и статистики, которые остаются неполными, закрытыми и непрозрачными. Проекты изучения миграции развиваются раздельно по дисциплинарным и методологическим направлениям. Проблематики миграционной политики и повседневных миграционных практик, сетей и инфраструктур, интеграции и транснационализма существуют как будто по отдельности, не пересекаясь и не обуславливая друг друга. Хотя появились работы с осмыслением специфики российской/постсоветской миграции, весь концептуальный аппарат заимствуется в основном из исследований, посвященных США и странам Европы.

В своей статье я попытаюсь соединить изучение перспектив того, как устроены миграционные законы и как работают механизмы миграционного регулирования, с анализом реакций и способов адаптации мигрантов к этим условиям. Я ставлю своей целью увидеть некоторые особенности российского случая и одновременно вписать его в общую проблематику изучения миграции в мире.

Я покажу на примере работы правила “180/90”, что миграционное законодательство в России устроено таким образом, чтобы сохранять постоянную неопределенность статуса трудовых мигрантов. В этом отношении российская миграция вписывается в общий глобальный миграционный режим, который воспроизводит “нелегальность” как свой фундаментальный способ управления (*De Genova 2002; Ngai 2014*). Миграционные режимы, пишет Мае М. Нгай, “создали нелегального чужака в качестве нового юридического и политического субъекта, включение которого в нацию было одновременно социальной реальностью и юридической невозможностью, – субъекта, лишённого гражданства и не имеющего прав” (*Ngai 2014: 4*). Я покажу также, что российское миграционное управление выстраивается не только через “пограничный спектакль” (*De Genova 2002: 436–437*), т.е. пограничную политику контроля за границей, и не только через “бумажную работу” (*Borrelli, Andreetta 2019*), т.е. полицейскую политику сбора и аутентификации документов, но и через создание тотальной базы данных на всех мигрантов и цифрового мониторинга любых их следов. Российские власти активно внедряют в миграционное регулирование электронные средства слежения и категоризации, которые автоматически распределяют иностранцев на “легальных” и “нелегальных”, при этом недоработки используемых программ и постоянные ручные вмешательства в них воспроизводят зыбкие полулегальные статусы.

Далее я покажу, каким образом сами мигранты приспосабливаются к режиму “нелегальности”, достраивают его своими неформальными практиками, сетями и инфраструктурами, которые позволяют нормализовать повседневную жизнь в условиях ограничений. Я подчеркну, в частности, особенность российского случая, в котором государственная граница, открытая и легко пересекаемая для многих трудовых мигрантов из бывших советских окраин, используется не для делегализации мигрантов (*De Genova 2013*), а напротив, восстанавливает нормализованный статус пребывания в России и служит средством защиты от повседневного государственного насилия. В то же время я отмечу, что сама эта нормализация вписана в существующий миграционный режим и воссоздает ситуацию непредсказуемости, которую этот режим поддерживает.

Наконец, вернувшись к примеру узбекской няни Нодиры, я покажу, как мигранты включают эту неопределенность, эту “русскую рулетку” российского миграционного режима, в свои повседневные практики. Эти повседневные практики, планы и сопутствующие им аффекты схожи с теми, что возникают в состоянии “депортированности” (*deportability*), которое многократно описано на примере миграции в Америке и Европе, где, как пишет Николас Де Женова, «“[н]елегальность” мигрантов переживается через осязаемое чувство депортированности, т.е. возможность депортации, возможность быть удаленным из пространства национального государства» (*De Genova* 2002: 439). Ощущаемое состояние, возникающее из постоянной угрозы физического исключения, предопределяет целый репертуар эмоций и действий, благодаря которым жизнь мигрантов становится одновременно постоянной и временной, укорененной и готовой к самой радикальной перемене. Вместе с тем я покажу, что российский миграционный режим выстроен не столько вокруг депортации, которая, конечно, тоже осуществляется, сколько вокруг запретов на въезд. Эти запреты не приводят к моментальному удалению мигрантов с неурегулированным статусом из России, но грозят в любой момент “выстрелить” и прервать миграционную биографию. Я попробую описать, как такая угроза формирует особые переживания и поведения, которые я назвал прагматикой фатализма.

Миграционный режим: “где родился, там и пригодился”

Совокупность миграционных законов и инструкций, институтов, политических программ и заявлений, которую я называю общим термином “миграционный режим”, производит правовую неопределенность статусов мигрантов, что, в свою очередь, позволяет стигматизировать значительную их часть как “нелегальных”. Российские чиновники, говоря о целях миграционной политики, регулярно озвучивают одной из своих главных задач максимально полную легализацию статуса и деятельности иностранных граждан в России. Однако, несмотря на эти риторические призывы, количество трудовых мигрантов, не имеющих полного набора документов и попадающих так или иначе в категорию “нелегальных”, остается стабильно довольно высоким. Если продолжить пример Узбекистана, откуда родом Нодира, то всего в августе 2019 г. в России одновременно находилось 2,2 млн граждан этой страны (*Мкртчян, Флоринская* 2019: 40), в том числе, по грубым оценкам, не менее 1,8–1,9 млн человек – это трудовые мигранты, из которых около 1,1–1,2 млн имели возможность работать законно, т.е. получили патент, РВП и ВНЖ. От 600 до 800 тыс. мигрантов из этой страны, по приблизительным оценкам, находились и трудились в России по разным неформальным, недокументированным схемам (*Трушин* 2019).

Разрыв между пожеланиями и реальной картиной возникает и устойчиво, несмотря на официальные декларации, сохраняется потому, что сами же чиновники сознательно строят в России такой миграционный режим, который выталкивает мигрантов в сферу “нелегальности”. Помимо задачи минимизировать издержки и максимизировать прибыли, связанные с миграцией, их интерес состоит в том, чтобы сохранять для себя возможность при необходимости ограничивать въезд мигрантов в Россию. Мэр Москвы Сергей Собянин в одном из своих выступлений в 2017 г. признал, что российский мегаполис, в который направлен самый большой поток иностранных мигрантов, будет испытывать без них дефицит рабочей силы, при этом он добавил: “Не надо такие искусственные потоки создавать, как в Европе. Каждый должен жить в своей стране. Где родился, там и пригодился” (ГоворитМосква 2017).

Исходя из этой политической логики в законы и правила регулирования миграции включено множество норм, которые оставляют на личное усмотрение чиновникам разного уровня объявление больших масс людей “нелегальными” и, соответственно, подлежащими высылке или получению запрета на въезд. Эта схема гибкая, она позволяет чуть ужесточать или чуть смягчать правила в зависимости от потребностей экономики и наличия масштабных проектов, требующих концентрации рабочей силы, а также от политической ситуации вроде выборов или необходимости влияния на отношения с другими странами. Я не описываю эти интересы как специальный продуманный план, они формируют миграционную политику скорее спонтанно, как постоянный поиск баланса множества политических и административных акторов.

Например, главный на сегодняшний момент механизм регулирования трудовой миграции из ряда постсоветских стран, с которыми в России отсутствует визовый режим, через получение патента действительно представлялся наиболее простым и эффективным для легального оформления пребывания и трудовой деятельности мигрантов. Именно так он задумывался экспертами, которые приветствовали миграционную реформу 2014 г. Но в процессе разработки механизма получения патента разные ведомственные и политические лоббисты, кроме ежемесячного авансового платежа, примерно равного среднему подоходному налогу в том или ином регионе, предусмотрели еще несколько обязательных условий: оформление регистрации (ее до сих пор называют по большей части “пропиской”), сдачу медицинских анализов, покупку медицинской страховки (фактически не действующей), сдачу экзамена по русскому языку и российской истории. Кроме того, сам патент дает возможность работать только в одном регионе и только по заявленной профессии, а получение нового патента нужно оплачивать заново. Общая стоимость патента, например, в Москве, включая все разовые формальные и неформальные расходы на его получение, может составлять 10–30% обычного мигрантского годового заработка. Соблюдение всех этих и многих других условий возможно при пунктуальности и строгом следовании временным графикам, малейшее отклонение от которых тут же прерывает процедуру легализации. В итоге вся эта механика, связанная с патентом, оказывается организационно сложной, неудобной и довольно дорогой, т.е. создает разные препятствия для легализации, требуя порой от многих мигрантов чрезмерных усилий и затрат (Тимошкин 2019).

Наказания за невыполнение множества правил сильно варьируются в зависимости от характера нарушения миграционных законов: мигранта могут на первый раз оштрафовать, на второй или третий – предложить после оплаты штрафа добровольно покинуть Россию, угрожая принудительной депортацией; сама мера депортации связана нередко с длительным содержанием в лагерях тюремного типа (Turaeva, Amon 2021). Наиболее болезненным для трудовых мигрантов является запрет на въезд в Россию (Kubal 2017), который отрывает их и их семью от источников дохода и нередко ставит на грань выживания у себя на родине.

Особенностью миграционного режима является существование параллельно с механизмами выталкивания мигрантов в неопределенность и “нелегальность” целой инфраструктуры возвращения к нормализованному и урегулированному статусу. Часть этой инфраструктуры имеет вполне формальный характер: юристам, адвокатам и правозащитникам удастся в рамках досудебных переговоров и судебных процедур, используя противоречивый характер законов и инструкций, добиться отмены санкций в отношении мигрантов, в том числе запрета на въезд. Часть инфраструктуры работает неформально: с помощью личных договоренностей или взяток, передаваемых напрямую либо с помощью посредников, удает-

ся избегать применения санкций или откладывать их (*Urinboyev* 2021); массово фабрикуются поддельные или получаются незаконные документы, которые не всегда просто отличить от “чистых” бумаг, что становится предметом отдельных переговоров мигрантов и полиции (*Reeves* 2013). Упомяну еще одну практику управления миграцией, которая еще больше усложняет ситуацию. Речь идет об амнистиях для мигрантов. Таких амнистий для граждан Кыргызстана, Молдовы и Таджикистана в 2015–2019 гг. уже было три, в результате чего сотни тысяч мигрантов были формально освобождены от наказаний, прежде всего запрета на въезд в Россию. Вся эта сложная инфраструктура позволяет, таким образом, автоматический способ превращения почти любого мигранта в “нелегала” уравновесить столь же легким способом обратного превращения “нелегала” в (полу)документированного мигранта.

Правило “180/90” и поломки автоматике

Миграционные нормы, правила и технологии имеют внутри себя множество противоречий, пробелов и “поломок”. Трудовые мигранты маневрируют в пространстве миграционных ловушек и активно используют недостатки режима для того, чтобы сохранить те или иные элементы легальности, которые позволяют им оставаться в России и при этом снижают возможные издержки и риски. Одним из примеров такого маневрирования является использование мигрантами, приезжающих в Россию без виз, правила “180/90” дней.

Напомню еще раз, что это правило работает при помощи специальной базы данных и программ, по определению Мадлен Ривз, “рекомбинантных человеческих и нечеловеческих систем, через которые движение человека систематически направляется, фильтруется и прекращается” (*Reeves* 2017: 298). База данных называется “Центральный банк данных по учету иностранных граждан” и собирается с 2011 г.; сначала она находилась в ведении Федеральной миграционной службы, а после расформирования последней в 2016 г. перешла вместе со всеми миграционными делами под контроль Министерства внутренних дел. База фиксирует персонально каждого иностранного гражданина в моменты пересечения им российской границы в обе стороны, а также любые изменения в его статусе, которые производятся официальными институтами. В нее вносятся информация об административных нарушениях, оформленных полицией. В программы обработки данных включены алгоритмы, которые, в частности, позволяют определять нарушение срока нахождения в России (“180/90”) и автоматически составлять списки иностранцев, подлежащих наложению запрета на въезд, известные как “черные списки” (*Reeves* 2017).

В работе этой базы тем не менее существуют слепые зоны, требующие постоянного вмешательства человека. Поскольку не все иностранные паспорта оснащены электронной информацией, часть данных загружается в базу вручную, что допускает возможность ошибок; несовпадение же хотя бы одной буквы в имени и фамилии, одной цифры в дате рождения, опечаток в других персональных характеристиках сразу создает виртуального мигранта-дубликата, который живет своей собственной электронной жизнью и учитывается в статистике как отдельный человек. Такая проблема до расформирования миграционной службы отчасти решалась постоянной сверкой данных, поиском дубликатов и их ликвидацией (объединением с одной реальной фигурой), что требовало немало времени и опять же ручного контроля. Эта процедура на жаргоне миграционных чиновников называлась “схлопывание”. Однако передача базы данных из гражданского управления в полицейское министерство сделала и этот процесс более длительным и менее качественным из-за закрытости самого института МВД и

сокращения технического персонала. Еще одним слепым пятном базы данных и программы ее обработки является коммуникация между разными ведомствами, например, пограничной службой и полицией: хотя электронная система подразумевает моментальную передачу информации между ними, на практике институциональная граница все время тормозит этот процесс, видимо, какими-то внутренними вмешательствами в процесс. Наконец, сами программы обработки данных несовершенны и допускают время от времени технические сбои, что требует времени на их обнаружение и “починку”. В результате “Центральный банк данных по учету иностранных граждан” сам по себе производит большую степень “инфраструктурной неопределенности” (Reeves 2017), умножая неопределенность законов, о которых я говорил раньше: вся процедура поиска и фиксации нарушений миграционных правил может затягиваться на длительный срок, иногда даже на несколько лет.

Пробелы и поломки в автоматическом режиме контроля создают множество практик, с помощью которых мигранты могут обманывать компьютерную программу. Самая простая – это использование поддельных (или чужих) документов, что позволяет при встрече с полицейским внутри России быть незамеченным при процедуре “пробивки по базе”, которая устанавливает связь между конкретным человеком и его электронным следом. Однако такой путь не позволяет мигранту совершать новые путешествия через российскую границу, получая легальные разрешения на работу и в случае обнаружения грозит уже уголовным наказанием. Другой распространенный способ – вполне легальная замена старого паспорта на новый в стране происхождения с изменением имени-фамилии, хотя бы нескольких букв в них, что сразу создает нового человека в миграционной базе при пересечении границы. Он, однако, стал тоже рискованным после того, как “банк” стал пополняться данными об отпечатках пальцев мигрантов, что тут же криминализовало въезд в Россию с подправленным паспортом. Существует, хотя и не является массовой, экстремальная практика обмана всей этой системы автоматического контроля, она заключается в том, чтобы переходить границу, минуя пограничные службы. Такие нарушения выводят мигранта даже из серой зоны, целиком криминализует его пребывание в России и требует, соответственно, особых, имеющих не у всех навыков выживания в миграции.

Выезд-въезд

Поскольку способы обмануть автоматическую систему контроля мигрантов ограниченные и часто дорогие, так как требуют расходов на поддельные документы или взятки, то основной тактикой становится использование правил, зазоров и поломок самой системы для того, чтобы продолжать свою миграционную жизнь. Непредсказуемость срока, в который компьютерная программа обнаружит факт нарушения закона, открывает возможность сыграть с ней в “русскую рулетку”. Мигрант может продолжать в нарушение правила “180/90” регулярно, раз в три месяца, выезжать из России и сразу въезжать обратно – каждый такой въезд дает ему новую легальную миграционную карту с пометкой “частная поездка” (вместо “работа”) и очередной штамп в паспорте, которые пограничники и полицейские признают законными. Эти перемещения прерываются лишь после того, как в конце концов компьютерная программа “выстрелит”, т.е. поставит галочку против конкретного имени в базе и включит его в “черный список”, – пограничник/полицейский, наконец, сможет увидеть нарушение и объявить мигранту решение о запрете на въезд в Россию.

Следуя этой открывшейся возможности до поры до времени без немедленных последствий нарушать правило “180/90” и получать к тому же законные

документы, многие тысячи мигрантов регулярно раз в три месяца доезжали/долетали до ближайшей границы со странами, куда им не требуется виза, там формально покидали территорию России и тут же, через несколько часов или дней, возвращались обратно². При наличии компьютерной программы пограничники освобождены от обязанностей контролировать и ограничивать время пребывания безвизового иностранца в России, т.е. даже если он не выполнил правило “180/90” и не имеет права въезжать на российскую территорию, пока в базе данных не появилось отметки об этом, его никто на границе не остановит, мигрант считается легально въехавшим. Новая миграционная карта не дает сама по себе возможности получить разрешение на работу (для этого гражданину того же Узбекистана нужен патент), но если в паспорте стоит штамп, свидетельствующий о том, что три месяца пребывания в России не истекли, то в публичном пространстве это будет гарантией для свободной городской мобильности без каких-либо наказаний, а этого уже достаточно, чтобы неформально наниматься на работу и зарабатывать.

Такой способ приспособиться к миграционным правилам имеет очевидный плюс в глазах мигрантов – это экономия заработанных денег. По подсчетам моего собеседника, мигранта из Узбекистана Алишера, а он как раз занимался до пандемии организацией этого бизнеса по выезду-въезду, одна автомобильная поездка из Москвы к границе Казахстана (а в прошлом и Украины) стоила мигранту 5 тыс. руб. туда-обратно, еще 1 тыс. руб. уплачивалась за спокойное прохождение границы с российской и украинской/казахстанской сторон, плюс дополнительно 1,5 тыс. руб. – местным перевозчикам, если мигрант решался не самостоятельно переходить границу, а сделать это на машине без очереди. Три-четыре таких поездки в год, оформление новых въездных документов вместе с обязательным, после каждого получения новой миграционной карты, продлением регистрации стоят около 35–45 тыс. руб., что экономит мигранту в год 50–60% той суммы, которую он должен был бы потратить на связанные с патентом расходы. К тому же “выезд-въезд” позволяет сохранить более высокую мобильность (возможность перебраться в другой регион России).

Вокруг практики “выезда-въезда” сложилась своя собственная инфраструктура, которая максимально упрощает и удешевляет весь процесс, приспособляя его для массового использования (*Urinboyev* 2021: 130–131). Ключевыми фигурами этой инфраструктуры являются “таксисты”, т.е. владельцы частного или арендованного транспорта, обычно миниавтобуса на 7–8 мест, они обеспечивают постоянную перевозку иностранцев до границы и обратно. “Таксисты”, к числу которых принадлежал упомянутый Алишер, сами, как правило, являются мигрантами, но имеющими, в отличие от своих пассажиров, все необходимые легальные документы на проживание и работу в России. Владельцы транспорта вписаны в мигрантские социальные сети через своих земляков, родственников и знакомых, что обеспечивает их непрерывную (через мобильные телефоны и интернет-мессенджеры) связь с клиентами и необходимое для устных договоренностей взаимное доверие. У каждого из них формируется круг постоянных пассажиров, при этом “таксисты” собираются в команды, чтобы обмениваться клиентами и помогать друг другу в дороге. “Таксисты” дорожат своей репутацией, должны быть внимательными водителями и хорошо знать дорогу, все удобные остановки и объездные пути, а также в их функции входит установление надежных контактов с полицейскими по пути следования транспорта к границе, чтобы максимально обезопасить путешествие. До пандемии “таксист” совершал 7–8 поездок в месяц и имел, соответственно, немаленький доход – до \$2000.

Инфраструктура “выезда-въезда” адаптируется к разного рода изменениям. Долгое время вся процедура для мигрантов, работающих в Москве, занимала

сутки и проходила в основном через российско-украинскую границу, а когда она несколько лет назад закрылась, мигранты стали переориентироваться на Казахстан. Существуют и другие маршруты, в том числе авиаперелеты в Армению и Азербайджан, реже в Турцию. Меняется и сама процедура: если в прошлом “таксисты” довозили мигрантов прямо до “таможни”, как назвал Алишер пограничный пункт, сами передавали паспорта и деньги пограничникам, то какое-то время назад они стали направлять своих клиентов местным водителям, не доезжая до “таможни”. Те на автобусах отвозят мигрантов к границе и пропускают через сеть своих доверенных лиц среди российских и казахстанских полицейских и пограничников. Такое увеличение и усложнение цепочки, с одной стороны, давало возможность большему числу людей получать доходы за счет мигрантов, с другой – предохраняло всех ее участников от возможного внешнего контроля.

В месяц, по подсчетам Алишера, через границу только на одном пограничном пункте проходило таким образом в среднем 15 тыс. мигрантов, и годовой оборот одной “таможни” только на них мог составлять около \$2,5 млн. Это означает, что практика “выезда-въезда” была выгодна не только мигрантам, но и пограничным службам двух стран, а также “таксистам”, местным водителям, полицейским и многочисленным представителям сферы разнообразных услуг по дороге к границе и возле нее. Сложившаяся инфраструктура, в которой было задействовано большое число людей и институтов, являлась тем фактором, который делал массовое нарушение правила “180/90” необременительным и обыденным.

Прагматика фатализма

На вопрос, много ли было запретов на въезд в результате нарушения правила “180/90”, мой собеседник Алишер, которому по роду деятельности приходилось наблюдать, как кто-то из его клиентов возвращается с “таможни”, а кто-то уже не возвращается из-за запрета на въезд, безапелляционно ответил: “Один к ста”. Скорее всего, он сильно преувеличивал, поскольку соотношение числа таких запретов к возможному числу недокументированных мигрантов составляет, по грубым подсчетам, не более 1:10³. Тем не менее такая субъективная оценка заниженной вероятности “выстрела” в игре в “русскую рулетку” показывает распространенное среди самих мигрантов мнение о допустимости такого риска. Каким же образом риторически конструируется это ощущение?

Вернусь к истории узбекской няни Нодиры, живущей и работающей в Москве. Узнав с изумлением, что она отказалась от патента и решила строить легальность своего статуса с помощью “выезда-въезда”, я несколько раз в разговоре с ней пытался понять мотивы ее выбора. На первый взгляд, главным аргументом была экономия денег. Размер заработков является одним из ключевых ориентиров в поведении трудовых мигрантов, они постоянно сами говорят об этом, обсуждают доходы и расходы, дорожат каждой копеей в России, покупательная стоимость которой в стране исхода значительно возрастает. Расходы, связанные с патентом, составляли около 10% от доходов Нодиры. Эта доля, хотя и не выглядит критической, для нее является существенной, учитывая, что еще не менее 30% она должна тратить на съем жилья, еду и другие повседневные нужды. Нодира, как и большинство трудовых мигрантов, настроена на сбережение и аккумуляцию максимально возможной суммы для будущих трат на своей родине – обычно это большие разовые расходы на покупку/строительство жилья или другие значительные приобретения, на свадьбу или социальные обязательства (*Rubinov 2014*).

Нодира много жаловалась мне на высокие расценки на патенты и ежемесячную плату за них, говорила о том, что ей “жалко” расставаться с деньгами, борьба за которые – поиск работы, переговоры с работодателем – дается ей тяжело физически и эмоционально. С ее точки зрения, обновление миграционной карты раз в три месяца вместо патента – это самая экономная процедура получения наиболее “чистых” документов. Ей потребуется три раза за год сделать фиктивный выезд-въезд, что уменьшит статью расходов на легализацию более чем в два раза. Нодира сначала планировала ездить в Казахстан, но, побоявшись неудобств – незнакомых попутчиков, неизвестности, которая ее ждет в дороге, – а также из-за страха остаться в Казахстане в случае возможного запрета на въезд, предпочла более комфортный вариант: рейсовый самолет из Москвы в Армению (в Гюмри) и обратно, что немного увеличивало расходы, но все равно обеспечивало заметную экономию. Еще один-два раза в год Нодира делала реальный “выезд-въезд” – домой в Узбекистан в отпуск, где ее ждали дети, внуки, родственники и подруги, какие-то неотложные дела и обязательства.

И все же экономический аргумент вызывал во мне сомнения и чувство недосказанности. Ведь взамен не критичной экономии Нодира поставила себя в положение, когда может в любой момент, как это решит “русская рулетка”, лишиться вообще возможности жить и зарабатывать в России. И сама няня явно не была полностью удовлетворена этим объяснением, на мои расспросы она реагировала нервно (Reeves 2015):

С.: То есть Вы каждый раз...

Н.: Рискую, да. А я тоже, даже два месяца вот меня не было... Я уже... У меня такое уже... Я хожу, там эти, паспортные контроли же, несколько, в аэропорту. Так – эта чего-то придирается, раз, хожу, там уже к другому, смотрю, к другому. Думаю – не, надо к мужчине [смеется].

С.: А это не от него зависит, это зависит от машины.

Н.: Это зависит-то, конечно. Это я просто сама себя успокаиваю.

Нодира постоянно вопрошает других и себя: “А вдруг?” И дает ответ: “А что, боишься? Не надо бояться, надо делать, идти и все, ничего не будет”. В разных вариациях ее ответов на мой вопрос “почему?” были слышны фаталистические мотивы или даже некоторое бравирование: “Риск – благородное дело”. В узбекском обществе принято любой план и выбор сопроводить словами “худо хохласа”, в переводе – “если Бог захочет”, или “дай Бог” (или в более арабизированном и исламизированном варианте “Иншалла”). Эта фраза означает одновременно и веру в predeterminedность судьбы, и пожелание удачи, и своеобразное предохранение от сглаза. Однако в этом фатализме ощущалась какая-то недоговоренность, мне он казался не всегда до конца убедительным и больше риторическим, принятым способом публично ссылаться на неизбежность судьбы или волю высших сил. Я снова и снова продолжал терзать Нодиру вопросами, поскольку ее решение вызывало у меня недоумение.

Из-за недостатка убедительности экономических расчетов моя собеседница предлагала каждый раз новые ответы – и не только для меня, но и для себя самой. Важным для нее аргументом было то, что так делают “многие”, “все”, что ее “убедили” в том, что она “зря” берет патент. Эта отсылка на “всех” работала как в 2014 г., когда женщина уверенно рассуждала о необходимости брать патент, в 2016 г., когда ее одолевали сомнения и страхи по поводу определения дальнейшего пути легализации, так и в 2017 г., когда она от патента совсем отказалась и оправдывала это решение. Во всех случаях “все” были на ее стороне, несмотря на разные выводы. В разговоре Нодира также

ссылалась на пример и уговоры брата мужа, который, будучи мигрантом в Москве, перестал брать патент и стал ездить к границе с Казахстаном. Для женщины дополнительным аргументом в пользу такого решения было и то, что “некоторые говорили: мы уже пять лет так делаем, и нормально”. Такое следование уже распространенной практике, подкрепленное общим мнением, что ловят только, по выражению Алишера, “одного из ста”, имело уже не экономическую, а скорее этическую и социальную рациональность: быть как все, быть не хуже других.

В ответах Нодиры я слышал и иные соображения, которые подкрепляли ее выбор. Расчеты строились на поддержке миграционных инфраструктур или даже просто отдельных знакомых, которые нашли ключик к миграционным технологиям контроля. Вместе с Нодирой в России работают две ее сестры, одна из которых уже попадала в аналогичную ситуацию:

Н.: Ну, вот, сестру тоже один раз... Ей запрет поставили. Она как-то не делала вовремя регистрацию, вот, которая в Сити.

С.: Ну, это давно?

Н.: Это давно было. Ну... Сколько ей. Ну, да, три года назад. Ей... она въезжала, ей говорят – у Вас запрет. У Вас на три года запрет. Ну, у нее хозяин очень хороший. У него здесь все... как бы, всё схвачено. И она ему позвонила с аэропорта. “Всё-всё, решу, сейчас решу”. Но она сутки просидела в аэропорту.

С.: Но он решил эту ситуацию?

Н.: Он решил, ее пропустили...

С.: Ну, то есть Вы думаете, что хозяин... Сестра попросит, и хозяин тоже...

Н.: Я на счет себя-то не думала. Но мне моя хозяйка говорит: “Вы смотрите, не рискуйте! У меня таких знакомых нету, чтобы Вас вызволить” [смеется].

С.: Ну, вот... хозяин сестры. Если что есть... Можно попробовать.

Н.: Ну, если попробовать, да. Но такое, *дай Бог*, чтобы не случилось.

Сестра смогла решить проблему запрета на въезд благодаря вмешательству своего влиятельного работодателя. Как это ему удалось – остается загадкой, но сам этот факт показывает, что система автоматического контроля за миграцией вполне доступна для вмешательства, или, по крайней мере, пограничники могут на нее не обращать внимания и принимать решения без оглядки на “черный список”. Опыт сестры и ее связи для Нодиры являются возможным сценарием развития событий, хотя она и отказывается подробно обсуждать такую возможность и характер гарантий на этот случай.

К тому же, поскольку наказание за нарушение правила “180/90” носит отложенный характер, это создает надежды на какие-то события, которые снимут проблему. Таким событием могла бы стать амнистия для узбекских мигрантов, слухи о которой распространялись в 2017–2019 гг. и выглядели вполне реальными, учитывая опыт других стран и интенсивные переговоры между Россией и Узбекистаном о вступлении последней в Евразийский союз.

Наконец, мигранты планируют, как правило, свое будущее на короткие дистанции (Бредникова 2017), в этой схеме возвращение домой в Узбекистан является вполне приемлемым вариантом. Мигранты держатся только за долгосрочную и хорошо оплачиваемую работу, если же рабочая позиция не имеет перспектив (как в случае присмотра за ребенком, который быстро растет и становится самостоятельным) или если зарплата в результате инфляции падает, то путь обратно на родину превращается из далекого мифа во вполне реальный план. Нодира всегда внутренне готовится к такому сценарию, много говорит о нем, считает, что после женитьбы сына и замужества младшей дочери вернется, даже мечтает о жизни дома и планирует разные варианты своего трудоустройства в Узбекистане:

С.: И что дальше? Значит нужно искать какую-то работу... Вы там сразу не найдете, наверное, в Узбекистане работу какую-то.

Н.: Не, ну там сейчас очень хорошо, тоже можно няней устроиться.

С.: Можно, да?

Н.: Да. Вот, у меня сестра, как раз-таки, еще одна. В Ташкенте которая живет. Очень хорошо работает. 500 долларов получает.

С.: 500 долларов?

Н.: Да. Няней, да.

С.: То есть Вы думаете, что в принципе можно...

Н.: Она мне даже сама говорит: “Все, заканчивай, приезжай, я тебе здесь работу найду”.

С.: В Ташкенте, да?

Н.: Да, вот, говорит: “Это же Ташкент, не Москва, далеко так. А Ташкент – каждую неделю будешь ездить, выходные домой, там, все такое!” Я говорю: “Нет, подожди, ладно. Пока я здесь, у меня все хорошо” [смеется].

Такое возвращение не ломает социальный статус, а, наоборот, достраивает его. В таком возможном будущем Нодира уже видит свои плюсы: восстановление отношений с родственниками, помощь вышедшим замуж дочерям и женившемуся сыну в уходе за внуками. В ее случае это еще и решение спора о наследниках дома, который остался от родителей мужа и на который претендует сестра мужа. Важным для моей собеседницы является и пример двух сестер, которые много лет работали в Москве и создавали здесь тот социальный круг общения, в котором Нодира чувствовала себя защищенной и своей. Обе сестры решили вернуться в Узбекистан и уже предприняли какие-то практические шаги к этому, что стало для Нодире важным ориентиром ее собственных планов. Сестры и взрослые дети уговаривают и ее вернуться тоже, разными рациональными доводами и эмоциями давят на нее, зовут домой.

Впрочем, не исключает Нодира для себя, в случае запрета на въезд в Россию, и варианта уехать в миграцию в другие страны:

С.: А какие-нибудь другие варианты, там, Турция? Вообще, возможно, в принципе, там?

Н.: Ну, меня звали в Турцию, там.

С.: Арабские Эмираты?

Н.: Ну, в Арабских Эмиратах – там как бы нет зарплаты большой. Там от 300 долларов, 200 долларов...

С.: Ну, Вы тоже узнавали, да?

Н.: Да-да. 200 долларов, 400 долларов, ну так. А в Турции – там тоже неплохая зарплата. Там... Очень много моих знакомых. Работают, всё. Ну, тоже говорят: “Приезжай”...

С.: А кем работают?

Н.: Также по хозяйству помощники, там, за стариками смотрят, за детьми смотрят. Ну, такие...

С.: И тоже говорят “приезжай”, да?

Н.: “Приезжай” говорят, да. “Приезжай, а чего ты там в Москве, в Турции, там, это, мол, все хорошо, и близко, и... это”. Ну, я говорю: “Я как-то привыкла здесь. Как-то”... Здесь мне комфортней. Не знаю, может быть, где-то, может быть, там мне будет. Я не была в Турции, не знаю.

Запрет на въезд в Россию в этих множественных проекциях будущего совсем не выглядит для нее катастрофой, это скорее откладывающийся шаг, который необходимо рано или поздно будет сделать и который миграционная “русская рулетка” поможет ей сделать.

С.: Включили Вас в список или не включили. И что, вот? Вы для себя уже как-то запланировали? Вот, сейчас мне запрет...

Н.: Да...

С.: И что Вы будете делать?

Н.: Всегда думаю [смеется].

С.: И что Вы будете делать?

Н.: Обратно уеду [смеется].

Миф о возвращении, таким образом, легко соединялся с прагматикой подготовки к такому сценарию. Причем даже денежные потери не выглядели в этих проекциях будущего важным аргументом, так как Нодира вполне могла рассчитывать на то, что ее младшая дочь или даже сын заменят ее в миграции на какое-то время. Не случайно в 2017 г., когда Нодира отказалась от патентов, ее дочь приехала в Россию и стала искать варианты работать и учиться здесь. Этот сценарий, при котором неурегулированность статуса, выполнив свои задачи, в итоге должна привести к завершению миграционной биографии, принимается как должный и беспроблемный.

Н.: Вот, я знаю одну. Она, правда, из Киргизии. Она говорит: “Я уже пять лет никуда не выезжаю”. “Как ты так можешь?” А она говорит: “У меня, – говорит, – ни патента нет, ни регистрации, – говорит, – я не делала. И всё, – говорит, – а вот теперь, – говорит, – я наработаю-наработаю, а потом, – говорит, – уеду, и всё, – говорит, – уже больше не приеду”.

* * *

Пандемия коронавируса в 2020–2021 гг. стала тем событием, которое вмешалось в российскую миграционную жизнь. Кто-то из мигрантов, потеряв работу или опасаясь болеть в чужой стране, использовал разные возможности, чтобы уехать домой. Кто-то остался и получил, согласно официально принятым чрезвычайным решениям, возможность жить и работать без необходимости нарушать законы. Правило “180/90” из-за карантина перестало действовать, и вся инфраструктура, связанная с его обходом, замерла. “Таксист” Алишер больше не отвозил клиентов к границе, но занялся строительными работами, и его заработки даже выросли. Узбекская няня Нодира осталась в России и использовала карантинные обстоятельства для легализации своего положения: пять лет жизни без патента пока не “выстрелили” никаким наказанием, подкрепляя ее убежденность в том, что автоматическое наказание за нарушение правила “180/90” “вообще ни у кого не работает”. В конце 2021 г. для 158 тыс. граждан Узбекистана была проведена миграционная амнистия (РИА Новости 2021), все их прежние нарушения были вычеркнуты из “черного списка”, и мигрантская история “обнулилась”. Возможно, в число амнистированных попала и моя собеседница.

Я не буду прогнозировать, восстановятся ли после пандемии правило “180/90” и связанные с ним практики в прежнем виде, или российские чиновники попытаются модифицировать миграционные нормы в какой-то новой конфигурации. Я не собираюсь предрешать дальнейшую судьбу теперь уже 57-летней узбекской няни Нодеры. Эти примеры конкретных законов и конкретных человеческих ситуаций демонстрируют, на мой взгляд, некоторые общие особенности трудовой иностранной миграции в России, о которых я хотел сказать в своей статье.

Вывод, к которому я пришел, заключается в том, что российский миграционный режим, т.е. совокупность миграционных законов и инструкций, ин-

ституты, политических программ и заявлений, своей внутренней противоречивостью и репрессивностью создает и воспроизводит неопределенный статус мигрантов, которые, в свою очередь, стигматизируются в российском обществе как “нелегалы”. Механизмы и институты миграционного надзора с помощью единой базы учета, фиксирующей все передвижения и действия мигрантов и автоматически выставляющей наказания в виде так наз. черных списков, умножают эту неопределенность. Как пишет Ривз, “мы могли бы представить черный список как своего рода управление с помощью неопределенности: т.е. через распространение юридических, практических и экзистенциальных неопределенностей посредством размножения цифровых данных и невидимости их многочисленных присвоений” (Reeves 2017: 303). Неопределенность, в которой оказываются безвизовые иностранцы в России, является не побочным или случайным эффектом недоработанности законов и технологий, а базовой чертой этого самого миграционного режима, выделяющего приезжих в особую категорию чрезвычайного и волюнтаристского/ручного управления. Эта неопределенность позволяет чиновникам и политикам сосредотачивать в своих руках большую власть для точечных интервенций в миграционные процессы и одновременно получать от этого высокие символические и экономические прибыли.

Второй мой вывод состоит в том, что сами мигранты разрабатывают и осваивают разные способы нормализации своей жизни в условиях такой неопределенности. Они адаптируются к российским условиям, используя противоречия самих законов и инструкций, пробелы в них и неясные, открытые для разных интерпретаций нормы, ограниченные возможности институтов контроля, какие-то недоработки, сбои и поломки в коммуникации и в технологии. Созданная законами и технологиями неопределенность компенсируется появлением, во многом стихийным, устойчивых неформальных отношений, инфраструктур и практик, которые пристраиваются к официальному режиму, срастаются с ним. Трудовые мигранты постоянно ищут пути наиболее упрощенной и удешевленной легализации и нормализации – пусть частичной, но приемлемой для жизни в России – своего статуса в существующей ситуации. Такая нормализация требует от иностранцев особых “мигрантских” навыков маневрирования и избегания дополнительных рисков и лишних расходов, умения общаться с работодателями и представителями государства, усилий по поддержанию сетей доверия. У приезжих формируются особые техники контроля своих эмоций с помощью фаталистической риторики и прагматического планирования своего “мигрантского” многоценарного настоящего и будущего.

Примечания

¹ Исследование проводилось при Европейском университете в Санкт-Петербурге в рамках проекта “Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России”, который финансировался Российским научным фондом (гранты № 14-18-02149 и 14-18-02149А). Я выражаю признательность О. Чудиновских и В. Чупик за консультации, а также анонимным рецензентам за полезные комментарии.

² Такой практикой пользовались, опять по самым грубым прикидкам, почти половина тех граждан Узбекистана, кто не брал патенты, или около 200–300 тыс. мигрантов из этой страны.

³ Данные по числу запретов на въезд можно найти на сайте МВД. См., напр.: “Основные показатели по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2019 года”. <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/19364859>

Источники и материалы

- ГоворитМосква 2017 – Собянин: без мигрантов в Москве “ситуация будет не очень хорошая” // ГоворитМосква. 94,8 fm. 23.11.2017. <https://govoritmoskva.ru/news/142478>
- Мкртчян, Флоринская 2019 – Мкртчян Н., Флоринская Ю. Миграционная ситуация // Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 – август 2019 г. / Под ред. Т.М. Малевой. М.: Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, 2019. С. 37–44.
- РИА Новости 2021 – Россия объявила о “миграционной амнистии” для 158 тысяч жителей Узбекистана // РИА Новости. 13.10.2021. <https://ria.ru/20211013/amnistiya-1754464567.html>
- Трушин 2019 – Трушин А. Квоты в мешке: Правительство расписало трудовых мигрантов по отраслям // Коммерсантъ-Огонек. 05.11.2019. <https://www.kommersant.ru/amp/4142360>
- ФЗ 115 – Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” от 25.07.2002 N 115-ФЗ. Ст. 5. <https://fzrf.su/zakon/o-pravovom-polozhenii-inostrannyh-grazhdan-115-fz/st-5.php>

Научная литература

- Бредникова О. (Не)возвращение: могут ли мигранты стать бывшими? // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 32–47.
- Бредникова О., Абашин С. (ред.) Жить в двух мирах. Переосмысляя транснационализм и транслокальность. М.: НЛЮ, 2021.
- Варишвер Е., Рочева А. Вглядываясь в “этническое” сообщество: отличия характеристик интеграции в “земляческо-родственные” и “национальные” круги на примере мигрантов из Кыргызстана в Москве // Социальная политика и социология. 2015. № 14 (3). С. 24–38.
- Григоричев К.В. “Таджики”, “нерусские”, “гастарбайтеры” и другие: иностранные трудовые мигранты в пригородах Иркутска // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 14–31.
- Карпенко О. Реформы миграционной политики: принуждение к интеграции // Реформы в России в 2000-е годы / Отв. ред. С.Ю. Барсукова. М.: Издательский дом “Высшая школа экономики”, 2016. С. 138–176.
- Мукомель В.И. Миграционная политика России: постсоветские контексты. М.: Диполь-Т, 2005.
- Полетаев Д. Мигрантофобия и миграционная политика // Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Ред. В.И. Мукомель. М.: Academia, 2014. С. 5–19.
- Тимошкин Д.О. Тема снижения издержек на легализацию в принимающей стране: обсуждение в русскоязычных мигрантских интернет-сообществах // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 4. С. 56–71.
- Alexseev M. The Asymmetry of Nationalist Exclusion and Inclusion: Migration Policy Preferences in Russia, 2005–2013 // Social Science Quarterly. 2015. Vol. 96. No. 3. P. 759–777.
- Borrelli L.M., Andretta S. Introduction: Governing Migration through Paperwork // Journal of Legal Anthropology. 2019. Vol. 3. No. 2. P. 1–9.
- De Genova N. Migrant “Illegality” and Deportability in Everyday Life // Annual Review of Anthropology. 2002. № 31. P. 419–447.
- De Genova N. Spectacles of Migrant “Illegality”: The Scene of Exclusion, the Obscene of Inclusion // Ethnic and Racial Studies. 2013. Vol. 36. No. 7. P. 1180–1198.

- Demintseva E.* Educational Infrastructure Created in Condition of Social Exclusion: “Kyrgyz’ Clubs” for Migrant Children in Moscow // *Central Asian Survey*. 2020. Vol. 39. No. 2. P. 220–235.
- Denisenko M., Strozza S., Light M.* (eds.) Migration from the Newly Independent States: Societies and Political Orders in Transition. Cham: Springer, 2020.
- Kashnitsky D., Demintseva E.* “Kyrgyz Clinics” in Moscow: Medical Centres for Central Asian Migrants // *Medical Anthropology: Cross-Cultural Studies in Health and Illness*. 2018. Vol. 37. No. 5. P. 401–411.
- Kubal A.* Entry Bar as Surreptitious Deportation? Zapret na v’ezd in Russian Immigration Law and Practice: A Comparative Perspective // *Law&Social Inquiry*. 2017. Vol. 42. No. 3. P. 744–768.
- Kuznetsova I., Round J.* Postcolonial Migrations in Russia: The Racism, Informality and Discrimination Nexus // *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2019. Vol. 39. No. 1–2. P. 52–67.
- Malakhov V., Simon M.* Labour Migration Policy in Russia: Considerations on Governmentality // *International Migration*. 2018. Vol. 56. No. 3. P. 61–72.
- Ngai M.M.* Impossible Subjects: Illegal Aliens and the Making of Modern America. Princeton: Princeton University Press, 2014.
- Reeves M.* Clean Fake: Authenticating Documents and Persons in Migrant Moscow // *American Ethnologist*. 2013. Vol. 40. No. 3. P. 508–524.
- Reeves M.* Living from the Nerves: Deportability, Indeterminacy, and the “Feel of Law” in Migrant Moscow // *Social Analysis*. 2015. Vol. 59. No. 4. P. 119–136. <http://dx.doi.org/10.3167/sa.2015.590408>
- Reeves M.* The Black List: On Infrastructural Indeterminacy and Its Reverberations // *Infrastructures and Social Complexity: A Companion* / Eds. P. Harvey, C. Bruun Jensen, A. Morita. L.: Routledge, 2017. P. 296–308.
- Rubinov I.* Migrant Assemblages: Building Postsocialist Households with Kyrgyz Remittances // *Anthropological Quarterly*. 2014. Vol. 87. No. 1. P. 183–215.
- Schenk C.* Why Control Immigration? Strategic Uses of Migration Management in Russia. Toronto: University of Toronto Press, 2018.
- Turaeva R.* Imagined Mosque Communities in Russia: Central Asian Migrants in Moscow // *Asian Ethnicity*. 2018. Vol. 20. No. 2. P. 131–147.
- Turaeva R., Amon I.* Deportation Regimes in the Post-Soviet Space: Producing Deportable Migrants in the Russian Federation // *Labour, Mobility and Informal Practices in Russia, Central Asia and Eastern Europe: Power, Institutions and Mobile Actors in Transnational Space* / Eds. R. Turaeva, R. Urinboyev. L.: Routledge, 2021. P. 51–68.
- Urinboyev R.* Migration and Hybrid Political Regimes Navigating the Legal Landscape in Russia. Oakland: University of California Press, 2021.
- Varshaver E., Rocheva A.* Localized Migrant Communities in the Absence of Ethnic Neighbourhoods: A Glimpse into Moscow’s Ethnic Cafés // *Urbanities. Journal of Urban Ethnography*. 2018. Vol. 8. No. 2. P. 42–58.
- Varshaver E., Rocheva A.* “Homeland-Rooted” or Acquired in the Receiving Society: How Does the Composition of Migrants’ “Co-Ethnic” Ties Affect Their Patterns of Integration? // *Journal of International Migration and Integration*. 2021. Vol. 22. No. 1. P. 347–368.

Research Article

Abashin, S.N. Russian Roulette for Migrants: Creation of Uncertainty and the Pragmatics of Fatalism [Russkaia ruletkka dlia migrantov: proizvodstvo neopredelennosti i pragmatika fatalizma]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022,

no. 4, pp. 5–25. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040017> EDN: HWPGIX
ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and
Anthropology RAS]

Sergei Abashin | <https://orcid.org/0000-0002-4873-1596> | s-abashin@mail.ru |
European University at St. Petersburg (6/1a Gagarinskaya Str., St. Petersburg, 191187,
Russia)

Keywords

transnational migration, migration policy, Central Asia, fatalism

Abstract

This article focuses on current Russian immigration legislation and practices. On the one hand, foreigners from a number of post-Soviet countries are allowed to freely cross borders under the existing policy; on the other hand, that very policy creates complicated and expensive ways to regulate the status of such people. As a result, the vast majority of foreign labour migrants have paper issues, and the very status of the correct papers is in the gray zone of constant negotiations between migrants, entrepreneurs, police officers and human rights activists. In this article, I examine the “180/90” rule under which a special programme automatically records people entering and leaving the country – and thus regulates the stay of foreigners in Russia. The frequent glitches in the programme create a space for unpredictable decision-making, and migrants use it to bypass the legislation and partially legalise their stay. This plexus of policy, technology and migrants’ daily practices illustrates how the Russian immigration legislation regulates migration by creating uncertainty.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no.
14-18-02149, 14-18-02149A]

References

- Alexseev, M. 2015. The Asymmetry of Nationalist Exclusion and Inclusion: Migration Policy Preferences in Russia, 2005–2013. *Social Science Quarterly* 96 (3): 759–777.
- Borrelli, L.M., and S. Andreetta. 2019. Introduction: Governing Migration through Paperwork. *Journal of Legal Anthropology* 3 (2): 1–9.
- Brednikova, O. 2017. (Ne)vozvrashchenie: mogu li migranty stat' byvshimi? [(Non) Return: Can Migrants Become Exes?]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 32–47.
- Brednikova, O., and S. Abashin, eds. 2021. *Zhit' v dvukh mirakh. Pereosmysliiaia transnatsionalizm i translokal'nost'* [Living in Two Worlds: Rethinking Transnationalism and Translocality]. Moscow: NLO.
- De Genova, N. 2002. Migrant “Illegality” and Deportability in Everyday Life. *Annual Review of Anthropology* 31: 419–447.
- De Genova, N. 2013. Spectacles of Migrant “Illegality”: The Scene of Exclusion, the Obscene of Inclusion. *Ethnic and Racial Studies* 36 (7): 1180–1198.
- Demintseva, E. 2020. Educational Infrastructure Created in Condition of Social Exclusion: “Kyrgyz’ Clubs” for Migrant Children in Moscow. *Central Asian Survey* 39 (2): 220–235.
- Denisenko, M., S. Strozza, and M. Light, eds. 2020. *Migration from the Newly Independent States: Societies and Political Orders in Transition*. Cham: Springer.
- Grigoriev, K.V. 2012. “Tadzhiki”, “nerusskie”, “gastarbaitery” i drugie:

- inostrannye trudovye migranty v prigorodakh Irkutsk [“Tajiks”, “Non-Russians”, “Gastarbeiters” and Others: Foreign Labor Migrants in the Suburbs of Irkutsk]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 14–31.
- Karpenko, O. 2016. Reformy migratsionnoi politiki: prinuzhdenie k integratsii [Migration Policy Reforms: Forcing Integration]. In *Reformy v Rossii v 2000-e gody* [Reforms in Russia in the 2000s], edited by S.Y. Barsukova, 138–176. Moscow: Izdatel'skii dom “Vysshaia shkola ekonomiki”.
- Kashnitsky, D., and E. Demintseva. 2018. “Kyrgyz Clinics” in Moscow: Medical Centres for Central Asian Migrants. *Medical Anthropology: Cross-Cultural Studies in Health and Illness* 37 (5): 401–411.
- Kubal, A. 2017. Entry Bar as Surreptitious Deportation? Zapret na v'ezd in Russian Immigration Law and Practice: A Comparative Perspective. *Law&Social Inquiry* 42 (3): 744–768.
- Kuznetsova, I., and J. Round. 2019. Postcolonial Migrations in Russia: The Racism, Informality and Discrimination Nexus. *International Journal of Sociology and Social Policy* 39 (1–2): 52–67.
- Malakhov, V., and M. Simon. 2018. Labour Migration Policy in Russia: Considerations on Governmentality. *International Migration* 56 (3): 61–72.
- Mukomel, V. 2005. *Migratsionnaia politika Rossii: postsovetskie konteksty* [Migration Policy of Russia: Post-Soviet Contexts]. Moscow: Dipol'-T.
- Ngai, M.M. 2014. *Impossible Subjects: Illegal Aliens and the Making of Modern America*. Princeton: Princeton University Press.
- Poletaev, D. 2014. Migrantofobiia i migratsionnaia politika [Migrant-Phobia and Migration Policy]. In *Migranty, migrantofobii i migratsionnaia politika* [Migrants, Migrant-Phobia and Migration Policy], edited by V.I. Mukomel, 5–19. Moscow: Academia.
- Reeves, M. 2013. Clean Fake: Authenticating Documents and Persons in Migrant Moscow. *American Ethnologist* 40 (3): 508–524.
- Reeves, M. 2015. Living from the Nerves: Deportability, Indeterminacy, and the “Feel of Law” in Migrant Moscow. *Social Analysis* 59 (4): 119–136. <http://dx.doi.org/10.3167/sa.2015.590408>
- Reeves, M. 2017. The Black List: On Infrastructural Indeterminacy and Its Reverberations. In *Infrastructures and Social Complexity: A Companion*, edited by P. Harvey, C. Bruun Jensen, and A. Morita, 296–308. London: Routledge.
- Rubinov, I. 2014. Migrant Assemblages: Building Postsocialist Households with Kyrgyz Remittances. *Anthropological Quarterly* 87 (1): 183–215.
- Schenk, C. 2018. *Why Control Immigration? Strategic Uses of Migration Management in Russia*. Toronto: University of Toronto Press.
- Timoshkin, D. 2019. Tema snizheniia izderzhkek na legalizatsiiu v primimaiushchei strane: obsuzhdenie v russkoiazыchnykh migrantskikh internet-soobshchestvakh [Reducing Legalization Expenses as a Topic in Russian-Speaking Migrant Online Communities]. *Sotsiologicheskii zhurnal* 25 (4): 56–71.
- Turaeva, R. 2018. Imagined Mosque Communities in Russia: Central Asian Migrants in Moscow. *Asian Ethnicity* 20 (2): 131–147.
- Turaeva, R., and I. Amon. 2021. Deportation Regimes in the Post-Soviet Space: Producing Deportable Migrants in the Russian Federation. In *Labour, Mobility and Informal Practices in Russia, Central Asia and Eastern Europe: Power, Institutions and Mobile Actors in Transnational Space*, edited by R. Turaeva and R. Urinboyev, 51–68. London: Routledge.
- Urinboyev, R. 2021. *Migration and Hybrid Political Regimes Navigating the Legal Landscape in Russia*. Oakland: University of California Press.
- Varshaver, E., and A. Rocheva. 2015. Vgliadyvaias' v “etnicheskoe” soobshchestvo:

otlichiiia kharakteristik integratsii v “zemliachesko-rodstvennye” i “natsional’nye” krugi na primere migrantov iz Kyrgyzstana v Moskve [Looking into an “Ethnic” Community: Differences between the Types of Integration into “Kin” and “National” Circles (the Case of Migrants from Kyrgyzstan in Moscow)]. *Sotsial’naia politika i sotsiologiia* 14 (3): 24–38.

Varshaver, E., and A. Rocheva. 2018. Localized Migrant Communities in the Absence of Ethnic Neighbourhoods: A Glimpse into Moscow’s Ethnic Cafés. *Urbanities. Journal of Urban Ethnography* 8 (2): 42–58.

Varshaver, E., and A. Rocheva. 2021. “Homeland-Rooted” or Acquired in the Receiving Society: How Does the Composition of Migrants’ “Co-Ethnic” Ties Affect Their Patterns of Integration? *Journal of International Migration and Integration* 22 (1): 347–368.

МИГРАНТЫ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА: ОЦЕНКА СТАРТОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

А.А. Эндрюшко, К.С. Григорьева

Анна Александровна Эндрюшко | <https://orcid.org/0000-0002-1358-1145> | anna.endryushko@mail.ru | младший научный сотрудник | Институт социологии ФНИСЦ РАН (ул. Большая Андроньевская 5 стр. 1, Москва, 109544, Россия)

Ксения Сергеевна Григорьева | <https://orcid.org/0000-0002-7761-7792> | [kseniagriгорьева@yandex.ru](mailto:kсениагригорьева@yandex.ru) | к. соц. н., старший научный сотрудник | Институт социологии ФНИСЦ РАН (ул. Большая Андроньевская 5 стр. 1, Москва, 109544, Россия)

Ключевые слова

мигранты, трудовая миграция, рынок труда, интеграция мигрантов, коэффициенты интеграции мигрантов

Аннотация

В статье представлены результаты исследования, посвященного анализу доступа иностранных граждан к рынку труда в России. Эмпирическую основу исследования составил ряд экспериментов, проведенных авторами в ноябре 2020 г., в ходе которых выяснялось влияние гражданской принадлежности потенциальных работников на получение приглашения от работодателя на собеседование. Эксперименты проводились с использованием самого популярного сайта поиска работы и подбора персонала HeadHunter. Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что доступ мигрантов из разных государств к российскому рынку труда неодинаков. Наиболее предпочтительны для работодателей граждане Украины и Беларуси, а доступ других мигрантов более или менее ограничен. В аутсайдерах – приезжие из Азербайджана, Таджикистана и Узбекистана. Проанализированы стратегии работодателей при выборе сотрудников с разным гражданством, а также предлагаемые условия занятости на одних и тех же вакансиях для мигрантов и немигрантов.

Российская Федерация около 30 лет является страной иммиграции, привлекающей множество граждан государств постсоветского пространства. Если в первой половине 1990-х годов это были в основном беженцы из зон вооруженных конфликтов и вынужденные переселенцы, в том числе этнические русские, то со второй половины 1990-х и по сей день большая часть приезжих – это трудовые мигранты, коренные жители стран СНГ, чьи перемещения детерминированы экономическими мотивами, прежде всего поиском работы. Согласно данным Главного управления по вопросам миграции МВД РФ, в 2019 г.

Статья поступила 15.06.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 27.10.2021
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Эндрюшко А.А., Григорьева К.С. Мигранты на российском рынке труда: оценка стартовых возможностей // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 26–43. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040029>
EDN: HXIOVN

Endryushko, A.A., and K.S. Grigor'eva. 2022. Migrants na rossiiskom rynke truda: otsenka startovykh vozmozhnostei [Migrants in the Russian Labor Market: An Assessment of Starting Opportunities]. *Этнографическое обозрение* 4: 26–43. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040029> EDN: HXIOVN

40% граждан, въехавших в Россию из государств СНГ, указали, что прибыли с целью поиска работы, еще 18% – с частной целью¹. В 2020 г. при общем сокращении миграционных потоков (государственные границы были закрыты ввиду пандемии COVID-19) в РФ хотели трудоустроиться 56% всех прибывших граждан СНГ и еще 21% заявили, что приехали с частной целью².

Практически все научные подходы к исследованию интеграции³ мигрантов так или иначе анализируют структурные компоненты этого процесса, т.е. вхождение приезжих в экономические и иные институты принимающего общества (*Eldering 2005*). Так, Р. Альба и В. Ни, пересмотрев в конце 1990-х годов американскую концепцию ассимиляции (ранее делавшую акцент преимущественно на культурных различиях), предложили рассматривать данный процесс как включение новых членов в четыре основные жизненные сферы: жилищную, социальную, образовательную и трудовую (*Alba, Nee 1997*). В европейской традиции изучения интеграции мигрантов с 1970-х годов основной вопрос также сводился к тому, насколько успешно и в каких именно сферах она происходит. В частности, Х. Эссер и Ф. Хекман определяли интеграцию как “включение мигрантов в уже существующие социальные системы” (*Esser 2004: 46*) и как “вхождение в основные институты, отношения и статусы принимающего общества” (*Heckmann 2006: 16*). Х. Эссер конкретизировал эти определения обозначением четырех сфер жизни (в том числе экономической), в которые интегрируются мигранты (*Esser 2004*). Х. Энцингер⁴ и Р. Пеннинкс разработали сходную модель, но обозначили три сферы интеграции. Показателем, характеризующим вхождение в социально-экономическую сферу, они назвали доступ к рынку труда (*Penninx 2005: 137–152*). Для его оценки Р. Пеннинкс предложил использовать ответы на следующие вопросы: имеют ли мигранты равный с местными жителями доступ к средствам поиска работы? используют ли они эти средства? добиваются ли они результатов, сопоставимых с местными работниками? (*Penninx 2019*).

Следует отметить, что в ЕС термин “интеграция мигрантов” существует не только в научном, но и в политическом пространстве и, как правило, подразумевает официально утвержденную миграционную политику (*Малахов 2015: 181–195*). Большую популярность приобрел МИРЕХ (Индекс политики интеграции мигрантов – *Migrant Integration Policy Index*), позволяющий сравнивать миграционную политику разных стран. МИРЕХ учитывает 167 индикаторов по 8 направлениям, среди которых есть и доступ к рынку труда⁵. Он опирается на следующие показатели: наличие у мигрантов прав и возможностей для получения работы и повышения квалификации; правовые основы равного доступа к рынку труда (в том числе к вакансиям в государственных учреждениях); доступ к системе поддержки занятости (служба занятости, профессиональная переподготовка, признание квалификации); адресная поддержка (языковые и профессиональные тренинги, целевые меры поддержки); защита прав трудящихся.

Кроме того, крупными международными организациями (напр., Международная организация труда, Международная организация по миграции и др.) проводятся масштабные обследования процессов интеграции мигрантов. Наиболее известны обследования Организации экономического сотрудничества и развития⁶ (проводятся с 2012 г.). Они охватывают несколько направлений интеграции, одно из которых – вхождение на рынок труда. Интеграция в трудовой сфере измеряется через такие индикаторы как уровень образования, доступ к обучению взрослых, показатели занятости и безработицы, риски исключения из рынка труда, уровень квалификации, доля высокообразованных (сверхквалификация), доля самозанятых, типы трудовых договоров (временные/постоянные), условия труда (продолжительность рабочей недели, работа на тяжелых/вредных производствах)⁷.

Таким образом, и в теоретических моделях, и в расчетах показателей интеграции учитываются не только правовые основы доступа к трудовой сфере, но и реальные результаты включения в нее мигрантов в принимающей стране. В российских исследованиях для оценки доступа иностранцев на рынок труда в основном измеряются реальные показатели их занятости и условий труда (см., напр.: Мукомель 2017; Флоринская и др. 2015: 71–73; Эндрюшко 2017) либо трудовые ориентации и траектории иностранных работников (Бредникова 2020). Однако для полноценного анализа этого показателя необходимо сравнивать также стартовые возможности трудоустройства мигрантов и местного населения. Само понятие “доступ” скорее подразумевает оценку возможностей вхождения на рынок труда, нежели реальных показателей занятости иностранных работников.

Вопрос о потенциальных шансах на получение работы отнюдь не тривиален. Легко можно представить ситуацию, при которой иностранный работник сознательно занижает требования при поиске подходящей вакансии, полагая, что доступ к высококвалифицированным рабочим местам в принимающей стране для него закрыт. Подобная убежденность может не соответствовать действительности, стимулируя распространение явления, известного как сверхквалификация (см.: Мукомель 2020), особенно характерного для мигрантов и являющегося одним из признанных препятствий их успешной интеграции в социально-экономической сфере.

Для исследования стартовых возможностей трудоустройства российских и иностранных работников наиболее подходящим является экспериментальный метод, поскольку он помогает установить действительные различия в предпочтениях работодателей и при этом избежать искажений, порождаемых субъективными оценками нанимателей и соискателей. В зарубежных исследованиях подобные эксперименты получили название “аудиторские исследования” (*audit studies*), они сосредоточены главным образом на проблемах этнической и расовой дискриминации. Методология аудита появилась в 1970-х годах и применялась для проверки наличия дискриминации в разных сферах: на рынке недвижимости, в ипотечном кредитовании, при покупке автомобиля, вызове такси и т.д. Изучение дискриминации при приеме на работу основано на двух подходах: “заочные тесты” или “тесты на соответствие” (*correspondence tests*) и “личные аудиты” (*in-person audits*) (обзор см.: Pager 2007: 109–114). Первый из этих подходов предполагает рассылку фактически идентичных фиктивных резюме работодателям, размещающим вакансии в открытых источниках. Второй – детальную симуляцию процесса найма на работу парой кандидатов (называемых тестировщиками) с контролем на каждом этапе.

В нашей работе мы прибегли к первому подходу, сместив традиционный для западных исследований акцент с этнической (расовой) принадлежности фиктивных соискателей на гражданство.

Описание методики эксперимента

Эксперименты были проведены авторами статьи в ноябре 2020 г. Цель состояла в том, чтобы определить, влияет ли и (если да, то) как влияет гражданство потенциального работника на решение работодателя пригласить его на собеседование. Для ответа на эти вопросы мы исследовали стратегии работодателей двух типов: тех, кто ищет высококвалифицированных сотрудников, и тех, кто ведет набор работников на вакансии, не требующие высокой квалификации.

Чтобы проанализировать стратегии работодателей, находящихся в поиске работников высокой квалификации, на сервисе для поиска работы и подбора

персонала HeadHunter был создан ряд резюме юристов и экономистов. При составлении резюме мы стремились использовать минимум переменных, которые могли бы создать лишний “фоновый шум”. Вследствие этого была выбрана модель выпускника российского вуза, не имеющего опыта работы и только выходящего на рынок труда. Это снизило привлекательность резюме для работодателей, зато позволило максимально выровнять “соискателей”. Вузы, которые окончили “выпускники”, находились на сходных позициях в рейтингах по соответствующим специальностям (использовался рейтинг сервиса HeadHunter⁸). “Соискатели” были примерно одного возраста (24–26 лет), мужчины. Резюме различались только по именам, гражданству и родным языкам “соискателей”. В качестве родного указывался язык страны исхода, при этом было обозначено, что русским языком “кандидаты” владеют в совершенстве. Для “соискателей” на должность юриста были созданы резюме граждан РФ, Армении, Азербайджана, на должность экономиста – граждан РФ, Кыргызстана, Таджикистана (см. Табл. 1).

Таблица 1

Примерная структура резюме “соискателей” с разным гражданством на вакансии высококвалифицированных работников

Пункты резюме	“Соискатели-юристы”			“Соискатели-экономисты”		
	Резюме 1	Резюме 2	Резюме 3	Резюме 1	Резюме 2	Резюме 3
Гражданство	РФ	Армения	Азербайджан	РФ	Кыргызстан	Таджикистан
Возраст	26 лет	25 лет	26 лет	23 года	25 лет	24 года
Желаемая должность	Младший юрист/помощник юриста (начало карьеры, студенты)			Экономист/помощник экономиста (начало карьеры, студенты)		
Желаемая зарплата	35 тыс. руб.			40 тыс. руб.		
Образование	Магистр, профиль – юридический, год окончания – 2020			Высшее (бакалавр), профиль – экономический, год окончания – 2020		
Знание языков	Русский – родной	Армянский – родной	Азербайджанский – родной	Русский – родной	Кыргызский – родной	Таджикский – родной
	Английский – В1 – средний			Английский – В1 – средний		
	–	Русский – С2 – в совершенстве		–	Русский – С2 – в совершенстве	
Дополнительная информация	В последние годы я проходил обучение без возможности работать					

Для анализа влияния гражданства на доступ к работе, не требующей высокой квалификации, был создан ряд резюме водителей. В данном случае возраст “соискателей” составлял от 34 до 37 лет; было указано, что они имеют среднее специальное образование (без уточнения, какое именно учебное заведение окончено). Совокупный опыт работы составлял от 5,6 до 5,8 лет. У каждого “соискателя” было три предыдущих места работы: в такси, в службе доставки, персональным или семейным водителем. Как и в случае с высококвалифициро-

ванными специалистами, различались лишь имена, гражданство и родные языки “соискателей” (Табл. 2).

Таблица 2

**Примерная структура резюме “соискателей-водителей”
с разным гражданством**

Пункты резюме	Резюме 1	Резюме 2	Резюме 3	Резюме 4	Резюме 5	Резюме 6	Резюме 7	Резюме 8
Гражданство	РФ	Беларусь	Армения	Азербайджан	Таджикистан	Кыргызстан	Узбекистан	Украина
Возраст	37 лет	36 лет	37 лет	36 лет	34 года	37 лет	35 лет	36 лет
Желаемая должность	Водитель (транспорт, логистика)							
Желаемая зарплата	60 тыс. руб.							
Образование	Среднее специальное (без уточнения профиля и учебного заведения)							
Опыт работы	2015–2020 гг. – водитель в службе такси; персональный/личный/ семейный водитель; водитель-курьер/водитель-экспедитор (для каждого резюме разный порядок, разные фирмы и срок работы по каждому из направлений)							
Знание языков	Русский – родной	“Язык страны исхода” – родной; русский – С2 – в совершенстве						
Дополнительная информация	Имеется собственный автомобиль; права категории В							

После создания резюме подбирались подходящие вакансии, на которые рассылались отклики с определенным временным интервалом (так, чтобы они не шли сразу друг за другом). В сумме и на вакансии водителей, и на вакансии юристов и экономистов с каждого резюме было отправлено более 100 откликов.

Реакция работодателей (приглашение, отказ, просмотр) фиксировалась в сводных таблицах. Для итогового сравнения отбирались только такие отклики, по которым на каждое отправленное резюме последовала определенная реакция работодателя. Если хотя бы одно резюме из соответствующего ряда не было просмотрено работодателем, вакансия исключалась из общей базы для сравнительного анализа.

Всего на отклики “выпускников-юристов” было получено 52 пересекающихся реакции работодателей, “выпускников-экономистов” – 59, “водителей” – 60. Наибольшее количество приглашений от работодателей во всех случаях ожидаемо получили соискатели с российским гражданством. Показатели россиян использовались как базовые для последующей сравнительной оценки доступа мигрантов на российский рынок труда.

Стоит отметить, что правовые основания доступа на рынок труда в России неодинаковы для выходцев из разных государств СНГ. Иностранцев можно разделить на две категории: прибывающие из стран-участниц Евразийского экономического союза (в данном исследовании это граждане Беларуси, Кыргызстана и Армении) и из иных государств СНГ (в данном случае это граждане Азербайджана, Таджикистана, Узбекистана, Украины). Первые имеют значительные преференции, в числе которых возможность работать в России

на основании трудового или гражданско-правового договора, без оформления патента, а также право на обязательное медицинское страхование. Второй категории иностранцев для доступа к работе в РФ необходимо оформить патент. Приобретение патента, в свою очередь, обязывает мигранта к сдаче экзамена по русскому языку, основам законодательства и истории России и покупке полиса добровольного медицинского страхования. Кроме того, условия работы по патенту для приезжих из государств СНГ, не входящих в ЕАЭС, предусматривают осуществление трудовой деятельности только в том регионе, где он был получен. На мигрантов из ЕАЭС такие ограничения не распространяются.

Для работодателей найм иностранцев, работающих по патентам, влечет за собой определенные сложности, связанные с оформлением документов. Во-первых, необходимо ориентироваться в тонкостях миграционного законодательства и следить за его изменениями. Во-вторых, приходится контролировать наличие у иностранного работника всех разрешительных документов и своевременную оплату патента, поскольку при нарушении хотя бы одного из этих условий иностранец автоматически получает статус нелегального, что может навлечь на работодателя серьезные штрафные санкции. В то время как условия найма иностранных работников из стран ЕАЭС и россиян почти не отличаются.

Результаты: доступ мигрантов к рынку труда в РФ

Доступ мигрантов к высококвалифицированной работе. Как уже говорилось, для оценки влияния гражданства на доступ к высококвалифицированной работе был создан ряд резюме юристов и экономистов (по три резюме для каждой специальности, включая резюме “соискателя” с российским гражданством). В случае с “соискателями-юристами” сравнивались показатели граждан РФ, Азербайджана и Армении. От 52 работодателей, просмотревших все три резюме, “россиянином” было получено 24 приглашения, “соискателем” с армянским гражданством – 15, “кандидатом” с азербайджанским гражданством – 8 (см.: Рис. 1).

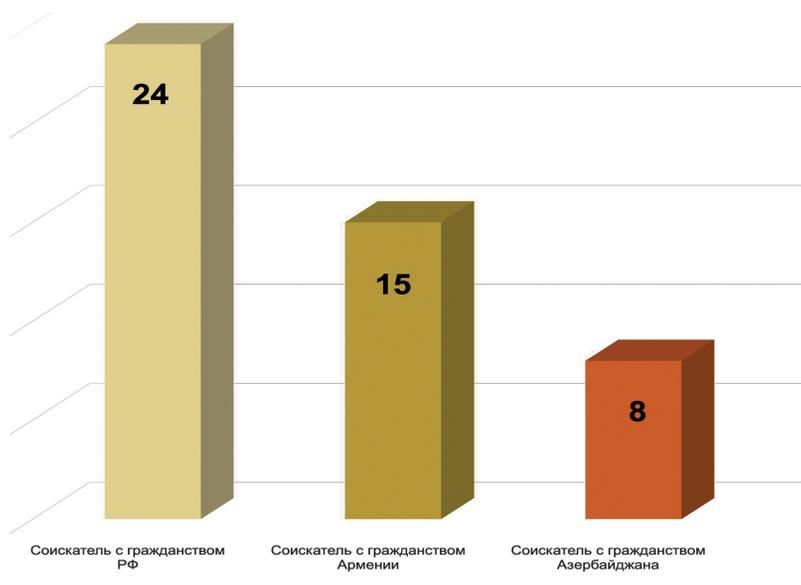
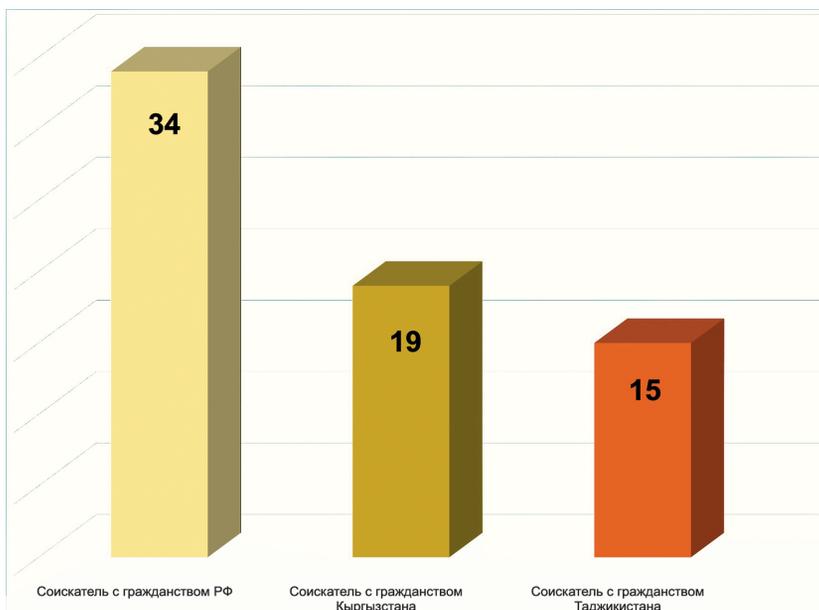

Рис. 1. Приглашения на собеседование соискателей-юристов с разным гражданством

Рис. 2. Приглашения на собеседование соискателей-экономистов с разным гражданством

Таким образом, коэффициент доступа к рынку труда для гражданина Армении составил 0,62 а для гражданина Азербайджана – 0,33 (Табл. 3).

В случае с “соискателями-экономистами” сравнивалась реакция работодателей на отклики граждан РФ, Кыргызстана и Таджикистана. Из 59 работодателей, просмотревших резюме, пригласили на собеседование: россиянина – 34 организации, гражданина Кыргызстана – 19 и гражданина Таджикистана – 15 (см.: Рис. 2).

Коэффициент доступа к рынку труда для “кандидатов” составил: с кыргызским гражданством – 0,56, с таджикским – 0,44 (Табл. 3).

Таблица 3

**Доступ мигрантов из разных стран к работе в России
(должности высококвалифицированных специалистов)**

Гражданство “соискателя”	Доля работодателей, готовых пригласить на собеседование (%)	Коэффициент доступа к высококвалифицированной работе
Армения	62,5	0,62
Кыргызстан	55,9	0,56
Таджикистан	44,1	0,44
Азербайджан	33,3	0,33

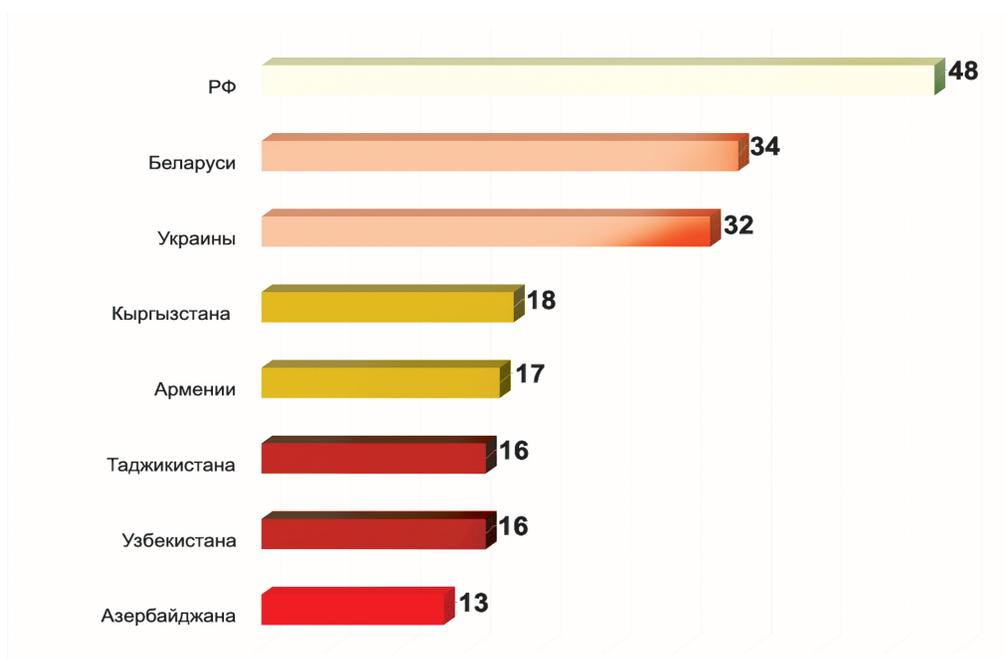

Рис. 3. Приглашения на собеседование соискателей-водителей с разным гражданством

Обобщенная таблица доступа мигрантов из разных стран к высококвалифицированной работе в России показывает, что лучший доступ к соответствующим вакансиям имеют мигранты из стран, входящих в Евразийский союз. Это может объясняться упрощенной системой трудоустройства граждан этих государств и/или этнокультурными предпочтениями работодателей: из опросов общественного мнения следует, что граждане Кыргызстана более желательны в глазах россиян, чем мигранты из Таджикистана, а граждане Армении предпочтительнее выходцев из Азербайджана⁹.

Доступ мигрантов к работе, не требующей высокой квалификации. Для откликов на вакансии водителей было создано восемь резюме “соискателей” с гражданством России, Азербайджана, Армении, Беларуси, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и Украины. Из 60 работодателей, просмотревших все резюме, приглашения на собеседование россиянину отправили 48 организаций; гражданину Беларуси – 34; гражданину Украины – 32; “кандидату” из Кыргызстана – 18; “соискателю” из Армении – 17; гражданину Таджикистана – 16; гражданину Узбекистана – 16, гражданину Азербайджана – 13 (см.: Рис. 3).

Коэффициенты доступа к рынку труда составили 0,71; 0,67; 0,37; 0,35; 0,33; 0,33 и 0,27 соответственно (см.: Табл. 4).

В данном случае выбор работодателей, очевидно, в значительной степени был продиктован этнокультурными предпочтениями, на что отчетливо указывает большее расположение к “кандидату” с украинским гражданством по сравнению с “соискателями” из Кыргызстана и Армении.

Таблица 4

**Доступ мигрантов из разных стран к работе в России
(должности, не требующие высокой квалификации)**

Гражданство “соискателя”	Доля работодателей, готовых пригласить на собеседование (%)	Коэффициент доступа к работе на должностях, не требующих высокой квалификации
Беларусь	70,8	0,71
Украина	66,6	0,67
Кыргызстан	37,5	0,37
Армения	35,4	0,35
Таджикистан	33,3	0,33
Узбекистан	33,3	0,33
Азербайджан	27,0	0,27

Стратегии выбора работников

Простой подсчет частоты выбора того или иного кандидата не позволяет проследить разнообразие стратегий работодателей. Для более детального анализа существующих подходов к поиску сотрудников мы исследовали различные комбинации приглашений, направленных нашим “соискателям”. Всего было выделено семь возможных стратегий. На двух противоположных концах континуума находились приглашения, направленные только гражданам РФ или исключительно иностранцам. Между этими полюсами расположилось еще пять промежуточных комбинаций: приглашение россиян и граждан стран ЕАЭС; приглашение россиян и граждан стран, не входящих в ЕАЭС; приглашение россиян и граждан некоторых стран, как входящих, так и не входящих в ЕАЭС; приглашение “славян” (россиян и граждан Украины или Беларуси)¹⁰; приглашение всех кандидатов, вне зависимости от гражданства.

Любопытно, что около трети работодателей, ищущих как высококвалифицированных, так и низкоквалифицированных сотрудников, продемонстрировали полную индифферентность к гражданству соискателей, направив приглашение всем предложенным “кандидатам” (Табл. 5). Сопоставимая доля работодателей пригласила только российских граждан. Впрочем, в данном случае уже наблюдались некоторые различия между работодателями, ищущими юристов/экономистов и водителей. Наибольшую “приверженность” к кандидатам с российским гражданством продемонстрировали работодатели, нуждающиеся в экономистах, наименьшую – находящиеся в поиске водителей (Табл. 5). Россиян и граждан стран ЕАЭС, претендующих на должность юриста, пригласили чуть больше трети работодателей, на должность экономиста – лишь 10,5% работодателей, на должность водителя – только 4% (см.: Табл. 5).

Предпочли кандидатов-“славян” (с российским, украинским и белорусским гражданством) 26% работодателей, находящихся в поиске водителей (см.: Табл. 5). Еще 14% работодателей, открывших вакансию “водитель”, направили приглашение россиянам и гражданам стран как входящих, так и не входящих в ЕАЭС (см.: Табл. 5). Данная стратегия, по всей вероятности, как и выбор всех предложенных “кандидатов”, свидетельствует об индифферентном отношении к гражданству соискателей. Таким образом, общая доля работодателей, находящихся в поиске водителей и безразличных к гражданству будущих работников, возрастает до 42%.

Незначительная часть работодателей, ищущих юристов и экономистов (4,2% и 5,3% соответственно), направили приглашения россиянам и гражданам государств, не входящих в ЕАЭС. Возможно, за подобной стратегией кроется желание сэкономить на уплате налогов. Согласно российскому законодательству, с заработной платы граждан РФ и государств ЕАЭС работодатель обязан отчислять страховые взносы на пенсионное, социальное и медицинское страхование, в то время как за иностранцев, работающих по патентам, – взносы только в пенсионный и социальные фонды (см. подр.: *Иванова, Варшавер* 2018: 16). Данная гипотеза, впрочем, требует дальнейшей проверки.

Наконец, небольшая доля работодателей, ищущих экономистов и водителей (10,5% и 4,0% соответственно) предпочла кандидатов-иностранцев. Сложно сказать, чем именно может объясняться такой выбор в данном случае. Исходя из материалов исследований прошлых лет (интервью с работодателями), можно предположить, что некоторые наниматели выбирают соискателей, не имеющих российского гражданства, полагая, что они менее требовательны, более ответственны и работоспособны, чем россияне.

Таблица 5

Стратегии выбора кандидатов, откликнувшихся на вакансии юристов, экономистов и водителей; % от общего числа приглашений

Отправлено приглашение	Юристы	Экономисты	Водители
Всем кандидатам	29,2	31,6	28
Только гражданам РФ	33,3	42,1	24
Гражданам РФ и гражданам государств ЕАЭС	33,3	10,5	4
Гражданам РФ и гражданам государств, не входящих в ЕАЭС	4,2	5,3	–
Гражданам РФ и иностранцам из стран, входящих и не входящих в ЕАЭС	–	–	14
Гражданам РФ, Украины и Беларуси	–	–	26
Только иностранцам	–	10,5	4
Всего	100	100	100

В целом углубленный анализ стратегий работодателей показывает, что предпочтение, оказываемое кандидатам-иностранцам с гражданством стран, входящих в ЕАЭС, не столь существенно, как могло показаться на первый взгляд.

Условия занятости на вакансиях разного типа

После предварительного анализа реакции работодателей на отправленные резюме мы проанализировали описания вакансий, по которым были получены приглашения. Это позволило установить, на какие условия могут претендовать иностранные работники в сравнении с гражданами РФ, и лучше понять мотивы выбора работодателей. Основное внимание обращалось на следующие позиции: характер оформления (трудовой договор, гражданско-правовой договор, иное); график работы; уровень заработной платы; дополнительные условия (программы страхования сотрудников, бесплатное питание, фитнес и другие бонусы, предлагаемые работодателем).

Проведенный анализ позволил установить, что в подавляющем большинстве¹¹ высококвалифицированным специалистам предлагается оформление по ТК РФ. Если говорить о вакансиях водителей, то здесь наблюдается большее разнообразие: около 30% работодателей предлагает оформление по договорам гражданско-правового характера (ГПХ), подряда/услуг, а также в качестве индивидуального предпринимателя или самозанятого (Табл. 6).

График работы для юристов и экономистов в 65% случаев описан как стандартная пятидневная рабочая неделя с 8-часовым рабочим днем; переработки, ненормированный график или командировки оговариваются отдельно. Более чем в 70% для позиции водителя не указывается продолжительность рабочего дня, и можно предположить, что в значительной части случаев он не нормирован.

Перечень дополнительных условий, предлагаемых работодателями, шире в описаниях вакансий высококвалифицированных специалистов, а почти в половине предложений для водителей бонусы вообще отсутствуют (Табл. 6). Но в обоих случаях основная часть привилегий связана с сопровождением профессиональной деятельности: обучение и тренинги – для юристов и экономистов, техническое обслуживание автомобиля и спецодежда – для водителей.

Таблица 6

Различия в условиях занятости на вакансиях высококвалифицированных и низкоквалифицированных работников

Критерии	Вакансии высококвалифицированных работников	Вакансии на должности, не требующие высокой квалификации
Общее число работодателей	52 – юристы 59 – экономисты	60 – водители
Указали тип оформления	Юристы: 31 (в т.ч. по ТК РФ – 26) Экономисты: 31 (в т.ч. по ТК РФ – 29)	44 (в т.ч. по ТК РФ – 27)
График	Около 65% – стандартная 5-дневная неделя с 9/10.00 до 18/19.00	Около 10% указывают стандартный график, 67% – “полный день/полная занятость” без уточнения
Дополнительные условия, предлагаемые работодателями	Юристы: 38% – нет доп. условий; 30%* – обучение, тренинги; 12% – компенсации (питания, мобильной связи, проезда); 19% – другое (включая ДМС, скидки на продукцию, фитнес, страхование жизни, английский, чай и кофе в офисе). Экономисты: 24% – нет доп. условий; 36% – обучение и тренинги; 31% – ДМС/соцпакет/страхование; 14% – компенсации (мобильная связь, питание); 25% – другое (включая льготные кредиты, фитнес, английский, туристические путевки, чай и кофе, премии).	47% – нет доп. условий; 29% – оплата ГСМ, техническое обслуживание авто, спецодежда; 25% – компенсация связи, питания; 15% – ДМС/соцпакет/страхование; 18% – другое (включая парковку, служебный автомобиль, премии, спорт).

*В одной вакансии может быть предложено несколько дополнительных условий.

Из Табл. 6 также видно, что “щедрость” работодателей в раздаче дополнительных бонусов варьирует не только между вакансиями высококвалифицированных и низкоквалифицированных работников, но и между вакансиями в разных сферах занятости. Так, экономистам чаще предлагаются разнообразные бонусы, чем юристам (76% против 62%).

Интересно, что, при сравнении вакансий одной категории, различий в уровне оплаты труда или количестве предлагаемых бонусов между работодателями, приглашающими на собеседование только россиян, и теми, кто готов рассматривать кандидатуры и россиян, и иностранных работников, не зафиксировано. Это опровергает распространенное представление о том, что работодатели, приглашающие на работу иностранцев, предлагают худшие условия труда, чем те, кто берет на работу исключительно россиян.

Анализ вакансий позволил проверить нашу первоначальную гипотезу, согласно которой работодатели, находящиеся в поиске высококвалифицированных сотрудников и чаще приглашавшие на собеседование граждан стран ЕАЭС, руководствуются при выборе стратегии тем, что можно использовать упрощенную систему трудоустройства таких иностранцев. Полученные результаты не подтвердили эту гипотезу. “Соискатели” из стран, входящих и не входящих в ЕАЭС, примерно с одинаковой частотой получали приглашения на вакансии, предполагающие оформление по ТК РФ. Доля таких приглашений составила 37,5–40,0% для иностранных “соискателей”-экономистов¹², и 20,0–26,3% для иностранных “соискателей”-юристов. Учитывая небольшой объем выборочной совокупности, различия в 2,5% и 6,3% нельзя считать существенными (Табл. 7).

Таблица 7

Способ оформления сотрудников на вакансиях высокой квалификации, предлагаемых “соискателям” с разным гражданством

Гражданство “кандидатов”		Всего приглашений	Способ оформления сотрудников			% от общего числа приглашений		
			Не указано	ТК РФ	Другое (ГПХ, ИП, самозанятые)	Не указано	ТК РФ	Другое
Юристы	РФ	24	13	8	2	54,2	33,3	8,3
	Армения	15	8	6	1	53,3	40,0	6,7
	Азербайджан	8	4	3	1	50,0	37,5	12,5
Экономисты	РФ	34	16	16	2	47,1	47,1	5,9
	Кыргызстан	19	12	5	2	63,2	26,3	10,5
	Таджикистан	15	11	3	1	73,3	20,0	6,7

Таким образом, фактор упрощенной системы оформления граждан стран ЕАЭС, по всей видимости, не вносит фундаментального вклада в повышение их доступа к российскому рынку труда. Впрочем, на небольшой экспериментальной выборке было бы преждевременно делать однозначные выводы. Данный вопрос заслуживает более глубокого изучения.

Дальнейшее развитие исследований

Дизайн нашего исследования, обусловленный ограничениями временных и людских ресурсов, не позволял разделить гражданство и этническую принадлежность “соискателей”. Вследствие этого предположение об этнокультурных предпочтениях работодателей не было эмпирически проверено. Для того чтобы подтвердить или опровергнуть эту гипотезу, необходимо проведение серии дополнительных экспериментов с включением в число “кандидатов” этнически русских граждан стран СНГ и россиян иной этнической принадлежности.

Развитие экспериментальных исследований в этом направлении, кроме того, позволит соотносить результаты с выводами зарубежных авторов, которые фиксируют наличие этнической и расовой дискриминации при приеме на работу. Например, в США резюме с “именами, звучащими как белые” получают на 50% больше приглашений на собеседования, чем резюме с “именами, звучащими как африканские”, степень дискриминации одинакова для разных профессий и отраслей (*Bertrand, Mullainathan* 2004). Эксперименты, проведенные в Швеции, демонстрируют, что кандидаты ближневосточного происхождения имеют значительно меньшую вероятность быть приглашенными на собеседование, чем местные жители (*Carlsson, Rooth* 2007; *Carlsson* 2010). Аналогичные результаты получены в Голландии (*Thijssen et.al.* 2020); эти выводы подтверждает и целый ряд международных исследований (обзор см.: *Riach P., Rich J.* 2002). В период с 2005 по 2016 гг. было проведено по меньшей мере 37 экспериментов, в которых основное внимание уделялось вопросам этнической дискриминации (*Baert* 2018). В большинстве случаев документально подтверждено нарушение прав этнических меньшинств. А в двух исследованиях в США и одном в Малайзии дискриминация обнаружена в отношении этнического большинства (*Ibid.*).

В целом, экспериментальный метод представляет массу возможностей для эмпирически обоснованного анализа доступа иностранных работников на рынок труда. Один из индикаторов, характеризующих этот процесс, был рассчитан нами в ходе анализа полученных данных, – это коэффициент доступа к рабочим местам для разных категорий мигрантов. Он позволяет сравнивать показатели иностранных работников из разных стран. При помощи экспериментов также можно исследовать влияние большого числа дополнительных переменных, таких как, например, продолжительность трудового стажа, уровень образования, место его получения, возраст, пол, вероисповедание и т.д. Кроме того, экспериментальный метод открывает возможность проведения сравнительных исследований доступа иностранцев на рынок труда в различных регионах России и в самых разных сферах занятости.

* * *

Проведенное исследование показало, что доступ к рабочим местам в России неодинаков для разных групп мигрантов. Наиболее благоприятная ситуация у выходцев из Беларуси и Украины, наименее – у граждан Азербайджана, Таджикистана и Узбекистана. При этом для высококвалифицированных специалистов (при условии получения высшего образования в России) открываются большие возможности на рынке труда РФ, чем для соискателей, претендующих на места, не требующие высокой квалификации.

Работодатели прибегают к разным стратегиям найма. Около трети совершенно индифферентно относятся к гражданству соискателей и готовы пригласить на собеседование любого кандидата, квалификация которого отвечает требованиям вакансии. Сопоставимая доля работодателей предпочитает только российских

работников. Наконец, немалая часть нанимателей, по всей видимости, руководствуется этнокультурными предпочтениями. При этом существует и небольшая часть тех, кто скорее пригласит на работу иностранца, чем россиянина.

Заработная плата и дополнительные условия, указанные в описании вакансий (добровольное медицинское страхование, обучение и тренинги, компенсация питания и т.д.), фактически не различаются у работодателей, приглашающих на собеседование только россиян, и тех, кто также готов рассматривать кандидатуры иностранцев. Это опровергает распространенное утверждение, что работодатели, привлекающие мигрантов, предлагают худшие условия труда, чем те, которые ориентируются исключительно на россиян.

По всей видимости, упрощенная система оформления на работу, предусмотренная для граждан стран ЕАЭС, не является ключевым фактором, влияющим на выбор работодателей. Те, кто желает избежать сложностей при приеме новых сотрудников, вероятнее всего, предпочитают нанимать россиян.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта “Адаптация и интеграция иностранных мигрантов в контексте взаимоотношений с принимающим населением и консолидации локальных социумов: вызовы, индикаторы, потенциал, оценка эффективности” при поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований “Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности”, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности.

Примечания

¹ Последние, как показывают интервью с экспертами и мигрантами, при этом могут также осуществлять трудовую деятельность, но без оформления соответствующих документов.

² Статистические сведения по миграционной ситуации // Официальный сайт ГУ МВД РФ. <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 10.05.2021).

³ В некоторых российских работах применительно к временным трудовым мигрантам говорят об адаптации, к постоянным – об интеграции. В данной статье авторы опираются на европейские научные подходы и на базовые определения Европейской комиссии, где под интеграцией понимается в том числе элементарное приспособление, взаимная адаптация мигрантов и принимающего общества.

⁴ Entzinger H. The Social Integration of Immigrants in the European Union. Keynote speech by Han Entzinger at the JILPT International Symposium “Migration Policy and Society in Europe”. Tokyo, 17 January 2007. https://www.jil.go.jp/foreign/event/symposium/sokuho/documents/20070117/Entzinger_ppt.pdf (дата обращения: 21.05.2021).

⁵ Официальный сайт индекса интеграционной политики MIPEX. <http://www.mipex.eu> (дата обращения: 19.04.2021).

⁶ Официальный сайт ОЭСР, раздел “Миграция”. <https://www.oecd.org/migration> (дата обращения: 23.04.2021).

⁷ OECD/EU. 2018. Settling In 2018: Indicators of Immigrant Integration, OECD Publishing, Paris/European Union, Brussels. P. 63–100. <https://www.oecd.org/publications/indicators-of-immigrant-integration-2018-9789264307216-en.htm> (дата обращения: 15.05.2021).

⁸ Лучшие факультеты и вузы Москвы по версии hh.ru 2019–2020. <https://hh.ru/rating> (дата обращения 15.11.2020).

⁹ Иммиграция в Россию: благо или вред? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3845. 19.12.2018. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigracziya-v-rossiyu-bлаго-ili-vred> (дата обращения: 15.05.2021).

¹⁰ Последние две стратегии были доступны только работодателям, находящимся в поиске водителей, т.к. их выбор был шире.

¹¹ В расчет принимались только те вакансии, где были указаны условия оформления.

¹² При этом, как видно из Табл. 7, “кандидату”-россиянину, претендующему на вакансии экономиста, чаще предлагалось оформление по ТК РФ, чем его “конкурентам-иностранцам”. Аналогичные стратегии демонстрировали работодатели, находящиеся в поиске водителей. “Россиянину” оформление по ТК РФ предлагалось до 30% чаще, чем “иностранцам”.

Научная литература

Бредникова О.Е. Мобильная занятость мобильного субъекта // Журнал исследований социальной политики. 2020. № 18 (4). С. 705–720. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720>

Иванова Н.С., Варшава Е.А. Особенности правового положения трудовых мигрантов из ЕАЭС и прочих стран СНГ в России: сравнительный анализ (окончание) // Миграционное право. 2018. № 4. С. 9–17. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3502763>

Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М.: Фонд “Либеральная Миссия”, 2015.

Мукомель В.И. Высококвалифицированные мигранты из постсоветских государств: трудовая мобильность // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 2. С. 31–59. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.2.7264>

Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и Экономика. 2017. № 6. С. 69–79. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-6-69-79>

Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. (ред.) Миграция и рынок труда. М.: Издательский дом “Дело” РАНХиГС, 2015.

Эндрюшко А.А. Социально-экономический потенциал азербайджанских мигрантов, прибывших в Россию в 2014–2017 гг. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 216–233. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.11>

Alba R., Nee V. Rethinking Assimilation Theory for a New Era of Immigration // International Migration Review. 1997. Vol. 31 (4). P. 826–874.

Baert S. Hiring Discrimination: An Overview of (Almost) All Correspondence Experiments Since 2005 // Audit Studies: Behind the Scenes with Theory, Method, and Nuance / Ed. S. Michael Gaddis. Cham: Springer, 2018. P. 63–77. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-71153-9>

Bertrand M., Mullainathan S. Are Emily and Greg More Employable than Lakisha and Jamal? A Field Experiment on Labor Market Discrimination // American Economic Review. 2004. Vol. 94 (4). P. 991–1013. <https://doi.org/10.2139/ssrn.422902>

Carlsson M. Experimental Evidence of Discrimination in the Hiring of First- and Second-Generation Immigrants // LABOUR. 2010. Vol. 24 (3). P. 263–278. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1467-9914.2010.00482.x>

Carlsson M., Rooth D. Evidence of Ethnic Discrimination in the Swedish Labor Market

- Using Experimental Data // *Labour Economics*. 2007. Vol. 14 (4). P. 716–729. <http://dx.doi.org/10.1016/j.labeco.2007.05.001>
- Eldering L.* The Bhojpuri Diaspora: A Rich Field for Comparative Acculturation Research // *Psychology and Developing Societies*. 2005. No. 17 (2). P. 237–247.
- Esser H.* Welche Alternativen zur “Assimilation” gibt es eigentlich? // *Migration – Integration – Bildung: Grundfragen und Problembereiche* / Ed. K.J. Bade. Osnabrück: Eigenverlag IMIS, 2004. Vol. 23. P. 41–59.
- Heckmann F.* (ed.) *Integration and Integration Policies: IMISCO Network Feasibility Study*. Bamberg: EFMS INTPOL Team, 2006.
- Pager D.* The Use of Field Experiments for Studies of Employment Discrimination: Contributions, Critiques, and Directions for the Future // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2007. Vol. 609 (1). P. 104–133. <http://dx.doi.org/10.1177/0002716206294796>
- Penninx R.* Integration of Migrants: Economic, Social, Cultural and Political Dimensions // *The New Demographic Regime: Population Challenges and Policy Responses* / Eds. M. Macura, A.L. MacDonald, W. Haug. N.Y.: United Nations, 2005. P. 137–152.
- Penninx R.* Problems of and Solutions for the Study of Immigrant Integration // *Comparative Migration Studies*. 2019. Vol. 7 (13). P. 2–11.
- Riach P., Rich J.* Field Experiments of Discrimination in the Market Place // *The Economic Journal*. 2002. Vol. 112. P. 480–518. <http://dx.doi.org/10.1111/1468-0297.00080>
- Thijssen L., Coenders M., Lancee B.* Ethnic Discrimination in the Dutch Labor Market: Differences Between Ethnic Minority Groups and the Role of Personal Information About Job Applicants-Evidence from a Field Experiment // *Journal of International Migration and Integration*. 2020. Vol. 22. P. 1125–1150. <http://dx.doi.org/10.1007/S12134-020-00795-W>

Research Article

Endryushko, A.A. and K.S. Grigor'eva. Migrants in the Russian Labor Market: An Assessment of Starting Opportunities [Migranty na rossiiskom rynke truda: otsenka startovoykh vozmozhnostei]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 26–43. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040029> EDN: HXIOVN ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Anna Endryushko | <https://orcid.org/0000-0002-1358-1145> | anna.endryushko@mail.ru | Institute of Sociology of FCTAS, Russian Academy of Sciences (5 bld. 1 Bolshaia Andron'evskaia St., 109544, Moscow, Russia)

Ksenija Grigor'eva | <https://orcid.org/0000-0002-7761-7792> | kseniagrigoryeva@yandex.ru | Institute of Sociology of FCTAS, Russian Academy of Sciences (5 bld. 1 Bolshaia Andron'evskaia St., 109544, Moscow, Russia)

Keywords

migrants, work migration, labor market, integration of migrants, integration coefficients of migrants

Abstract

The article presents the results of a study devoted to the analysis of foreign citizens' access to the labor market in Russia. The empirical basis of the study was a series of experiments conducted by the authors of the article in November 2020.

Through experiments, we studied the effect of nationality of potential employees on the chance of receiving an invitation from an employer for an interview. The experiments were carried out using the most popular job search and recruiting site HeadHunter. The results obtained allowed us to conclude that the access of migrants from different countries to the Russian labor market is not the same. The most preferable for employers are migrants from Ukraine and Belarus, and the access of other migrants is more or less limited. The outsiders are citizens of Azerbaijan, Tajikistan, Uzbekistan. We also analyzed the strategies of employers when choosing employees with different citizenships, conditions of employment for vacancies for migrants and non-migrants.

References

- Alba, R., and V. Nee. 1997. Rethinking Assimilation Theory for a New Era of Immigration. *International Migration Review* 31 (4): 826–874.
- Baert, S. 2018. Hiring Discrimination: An Overview of (Almost) All Correspondence Experiments Since 2005. In *Audit Studies: Behind the Scenes with Theory, Method, and Nuance*, edited by S. Michael Gaddis, 63–77. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-71153-9>
- Bertrand, M., and S. Mullainathan. 2004. Are Emily and Greg More Employable than Lakisha and Jamal? A Field Experiment on Labor Market Discrimination. *American Economic Review* 94 (4): 991–1013. <https://doi.org/10.2139/ssrn.422902>
- Brednikova, O.E. 2020. Mobil'naiia zaniatost' mobil'nogo sub'ekta [Mobile Employment of a Mobile Subject]. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* 18 (4): 705–720. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720>
- Carlsson, M. 2010. Experimental Evidence of Discrimination in the Hiring of First- and Second-Generation Immigrants. *LABOUR* 24 (3): 263–278. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1467-9914.2010.00482.x>
- Carlsson, M., and D. Rooth. 2007. Evidence of Ethnic Discrimination in the Swedish Labor Market Using Experimental Data. *Labour Economics* 14 (4): 716–729. <http://dx.doi.org/10.1016/j.labeco.2007.05.001>
- Eldering, L. 2005. The Bhojpuri Diaspora: A Rich Field for Comparative Acculturation Research. *Psychology and Developing Societies* 17 (2): 237–247.
- Endryushko, A.A. 2018. Sotsial'no-ekonomicheskii potentsial azerbaidzhanskikh migrantov, pribyvshikh v Rossiiu v 2014–2017 gg. [Social and Economic Potential of Azerbaijani Migrants Who Entered Russia in 2014–2017]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 6: 216–233. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.11>
- Esser, H. 2004. Welche Alternativen zur “Assimilation” gibt es eigentlich? [What Alternatives to “Assimilation” are There?]. In *Migration – Integration – Bildung: Grundfragen und Problembereiche*, edited by K.J. Bade, 23: 41–59. Osnabrück: Eigenverlag IMIS.
- Florinskaya, Y.F., N.V. Mkrtchian, T.M. Maleva, and M.K. Kirillova, eds. 2015. *Migratsiia i rynek truda* [Migration and the Labor Market]. Moscow: Izdatel'skii dom “Delo” RANKhiGS.
- Heckmann, F., ed. 2006. *Integration and Integration Policies: IMISCO Network Feasibility Study*. Bamberg: EFMS INTPOL Team.
- Ivanova, N.S., and E.A. Varshaver. 2018. Osobennosti pravovogo polozheniia trudovykh migrantov iz EAES i prochikh stran SNG v Rossii: sravnitel'nyi analiz (okonchanie) [Peculiarities of the Legal Status of Labor Migrants from the EAEU and Other CIS Member States in Russia: A Comparative Analysis (Final Part)]. *Migratsionnoe pravo* 4: 9–17.

- Malakhov, V.S. 2015. *Integratsiia migrantov: kontseptsii i praktiki* [Integration of Migrants: Concepts and Practices]. Moscow: Fond "Liberal'naia Missiia".
- Mukomel, V.I. 2017. Migranty na rossiiskom rynke truda: zaniatost', mobil'nost', intensivnost' i oplata truda [Migrants at the Russian Labor Market: Occupations, Mobility, Intensity of Labor and Wages]. *Statistika i Ekonomika* 6: 69–79. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-6-69-79>
- Mukomel, V.I. 2020. Vysokokvalifitsirovannye migranty iz postsovetskikh gosudarstv: trudovaia mobil'nost' [Highly Skilled Migrants from Post-Soviet States: Labor Mobility]. *Sotsiologicheskii zhurnal* 26 (2): 31–59. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.2.7264>
- Pager, D. 2007. The Use of Field Experiments for Studies of Employment Discrimination: Contributions, Critiques, and Directions for the Future. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science* 609 (1): 104–133. <http://dx.doi.org/10.1177/0002716206294796>
- Penninx, R. 2005. Integration of Migrants: Economic, Social, Cultural and Political Dimensions. In: *The New Demographic Regime: Population Challenges and Policy Responses*, edited by M. Macura, A.L. MacDonald, and W. Haug. New York: United Nations.
- Penninx, R. 2019. Problems of and Solutions for the Study of Immigrant Integration. *Comparative Migration Studies* 7 (13): 2–11.
- Riach, P., and J. Rich. 2002. Field Experiments of Discrimination in the Market Place. *The Economic Journal* 112: 480–518. <http://dx.doi.org/10.1111/1468-0297.00080>
- Thijssen, L., M. Coenders, and B. Lancee. 2020. Ethnic Discrimination in the Dutch Labor Market: Differences Between Ethnic Minority Groups and the Role of Personal Information About Job Applicants-Evidence from a Field Experiment. *Journal of International Migration and Integration* 22: 1125–1150. <http://dx.doi.org/10.1007/S12134-020-00795-W>

ДОМ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ГЕРМАНИИ: ЛЮДИ И ВЕЩИ

Ю.В. Бучатская

Юлия Валерьевна Бучатская | <https://orcid.org/0000-0001-9139-0179> | julia.butschatskaja@yahoo.de | к. и. н., старший научный сотрудник | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Ключевые слова

вещи, дом, гостиные, русскоязычные переселенцы в Германии, мигрантский дом, русский дом

Аннотация

В статье, основанной на наблюдениях, опросах и нарративах русскоязычных переселенцев в городах Германии, которые касаются дома и его вещной сферы, затрагиваются вопросы о том, отличается ли обстановка гостиных русскоязычных жителей Германии от немецкой традиционной обстановки и почему. Какие вещи оказываются значимыми для информантов? Как связан выбор декоративных объектов с биографиями их владельцев? Рассмотрены понятия родины и дома как места проживания повседневности и эмоциональных привязанностей, как пространства демонстрации идентичности и вкуса через вещи, сосуществования людей и важных для них вещей. Материал показывает, что хозяева домов проявляют субъектность, стремясь сделать свой дом непохожим на место исхода, реализовать в своем жилье стиль европейских интерьеров, однако зачастую воспроизводят стереотипы и фрагменты из прежних домов, в которых проходила их жизнь до переезда.

Исследование дома и вещей в нем имеет долгую традицию в социологии, этнографии, антропологии, психологии, географии, истории и других науках, что позволяет, например, Ольге Бредниковой и Ольге Ткач (*Бредникова, Ткач* 2010: 75) концептуализировать дом “как перекресток... самых разных социальных дисциплин”. Социологи, антропологи и социальные психологи рассматривают дом как воплощение идентичностей и ценностей его хозяев, выраженное материально; как место, в котором сосуществуют люди и вещи (*Csikszentmihalyi, Rochberg-Halton* 1981; *Hepworth* 1999; *Langhamer* 2005; *Marcus* 1995; и др.), какместилище памяти и представлений (*Bachelard* 1994 [1964]), пространство пересечения биографии и этнографии (*Hoskins* 1998; *Carsten* 2018). Дом можно трактовать как определенную зону, где человек чувствует себя в безопасности,

---

Статья поступила 17.11.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 04.05.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Бучатская Ю.В. Дом русскоязычных переселенцев в Германии: люди и вещи // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 44–65. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040030> EDN: HXKHXO

Butschatskaja, J.V. 2022. Dom russkoiazыchnykh pereselentsev v Germanii: liudi i veshchi [The House of Russian-Speaking Immigrants in Germany: People and Things]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 44–65. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040030> EDN: HXKHXO

где он защищен, как место привязки и стабильности, как ценный и уникальный объект для хозяев и их наследников. Боллноу (*Bollnow* 1963) говорит о проживаемом людьми пространстве (*der gelebte Raum*), которое формирует и формируется человеком, а размышления о нем дают нам представление о тождествах и отношениях людей и материальности.

В этом смысле можно говорить о разных исследованиях. Одни из них фокусируются на изучении дома как комплексного феномена, выявляющего связи между жизнями людей и историческими, социальными и политическими контекстами, в которых они материально находятся (*Carsten* 2018); другие – на культурной биографии домов (*Kopytoff* 1986) или же на отдельных помещениях дома, в частности гостиных (*Götze* 1979; *Riggins* 1994; *Warnke* 1982). С 1970-х годов в этнографии гостиных преобладали концепции, предлагавшие прочитывать обстановку как социальное действие и презентацию общественного статуса владельца. Исследования П. Бурдьё (*Bourdieu* 1987 [1979]), М. Дуглас и других ученых конструировали гостиную как знаковый объект, несущий смыслы, которые можно интерпретировать, т.е. в фокусе научных подходов к изучению обстановки гостиных лежали не сами вещи, а то, что они “значат” (*Hahn* 2010: 13). Еще до публикации “Различий” Бурдьё немецкие ученые обращались к исследованию гостиных и выявляли корреляцию между жилым помещением и его репрезентативной функцией (*Mitscherlich* 1965, *Tränkle* 1972).

Такие явления постмодерна в Европе XX в., как возросшая географическая мобильность, распространение массовой культуры и стандартизация застройки, кажется, должны разрушать многие традиционные структуры, само чувство привязанности к месту, буквально “порождать чувство бездомности” (*Бредникова, Ткач* 2010; об этом см.: *Mitscherlich* 1965; *Cuba, Hummon* 1993: 550). Вторая половина XX в. кардинальным образом изменила понятие дома в связи с миграционными процессами в Европе: начиная с драматической истории переселения жителей с территорий, поменявших государственную принадлежность вследствие послевоенного изменения границ, трудовой миграции, и заканчивая массовой эмиграцией из республик СССР, с которой пересекается тема этой статьи. Исследования обращаются к феномену мигрантского дома. Дом в условиях глобальных транснациональных и транслокальных миграций оказывается сложным для определения и многозначным. Дом как физическое пространство (*house*) и дом как проживаемое пространство (*home*) могут не совпадать. Поэтому в исследованиях говорят о “кризисе дома” (*Armbruster* 2002).

Объектом моего исследования является материальная культура дома мигрантов из бывшего СССР в Германию. Русскоязычные переселенцы составляют большой процент жителей Германии с миграционным прошлым, однако кроме этнических немцев (*Russlanddeutsche Spätaussiedler*) существует обширная диаспора еврейских контингентных беженцев (*Kontingentflüchtlinge*), представителей других этнических обществ, проживавших в бывшем СССР. Используя понятие “русскоязычные”, я собирательно обозначаю им выходцев из бывшего СССР, которые имеют общий культурный и бытовой бэкграунд, хотя большинство собеседников в моем проекте были именно российскими немцами. Объединять разные этнические группы мигрантов из СССР в единую при рассмотрении материальной культуры дома мне позволяет концепция “синхронизации советских пространств” литовского урбаниста Нериюса Милерюса (*Милерюс* 2008: 53–54): через регламентацию повседневных практик, ритмов и материальностей процесс советской урбанизации привел к унифицированию разных по культурным традициям территорий. Вне зависимости от конкретного места исхода в бывшем СССР общее советское наследие остается сильным и влияет на повседневные практики и материальную культуру переселенцев в Германии.

Методика исследования

Материал, на котором строится этот текст, разнородный. В 2008–2009 гг. я находилась в полевом стационаре в г. Бамберг, наблюдая группу российских немцев – переселенцев 1990-х годов, которая, однако, вскоре расширилась до довольно пестрого сообщества русскоязычных из бывшего СССР с разной биографией, этническим происхождением, местом исхода. Я использовала качественные методы. В первой фазе (2008–2009 гг.) это были полуструктурированное глубинное интервью, включенное наблюдение, анализ популярных и информационных изданий. В этот период меня интересовал вопрос, есть ли культурно обусловленные отличия в выборе декора для интерьеров “русских” и немецких домов в Германии? По моей просьбе интервью проводились в квартирах собеседников, что позволило получить доступ к приватному пространству и наблюдать особенности его оформления.

Во второй фазе (2017–2020 гг.) я задалась вопросом о привязанности к вещам вообще. Расширяя имеющийся материал, я сосредоточилась на примерах из жизни собственных друзей и знакомых, проживающих в Берлине, под Гамбургом и в Мюнхене. Небольшое количество информантов компенсировалось длительным систематическим наблюдением и глубинными интервью, что позволило получить более детальное и глубокое проникновение в истории людей, их домов и вещей. В двух фазах исследования было собрано 14 интервью, из них 11 – в первой фазе. Мои наблюдения вряд ли правомерно обобщать – они предоставляют ситуативные экскурсы в жизненные миры нескольких семей во временном срезе 2009–2020 гг. Наблюдения и описания я дополняю комментариями информантов, делаю экскурс в их биографию и историю переселения в Германию, привожу сравнительные данные по интерьерам немецких жилищ, чтобы ответить на вопросы: как мои собеседники воспринимают свой дом и чем наполняют его интерьер? Где их дом? Какое значение имеют неутилитарные вещи в гостиных для людей? Все ли особенно ценные предметы выставлены напоказ? Что побуждает людей на новом месте жительства окружать себя вещами из прежней жизни и прежних домов?

Понятие дома для русскоязычных мигрантов Германии вербализуется неодинаково. Если говорить о российских немцах, то травматический опыт их жизни до эмиграции оказывает влияние на восприятие первым поколением переселенцев той страны, в которую они стремились. Люди с болью и одновременно ностальгией вспоминают свое прошлое, но при этом стремятся достигнуть уровня комфорта в повседневной жизни, который в период их пребывания в СССР казался недостижимой мечтой.

С одной стороны, мы говорим о доме мигрантов. Исследования мигрантского жилища акцентируют внимание на практиках “делания” дома через окружение себя знакомыми объектами для воспроизведения привычной атмосферы в чужой стране, подчеркивают раздвоенность мигрантского дома: одна часть его соотносится с местом исхода, а другая – с проживанием повседневности в месте актуального жительства (*Collins 2009*). Для трансмигрантов же жилище как физическое пространство вообще больше не является привязкой к новой территории. Оно переезжает вместе с живущими в нем людьми внутри принимающего общества при сохранении мигрантом прочных связей с местом исхода (*Бредникова, Ткач 2010: 78*). Называют такой дом номадическим. С другой стороны, хотя формально российские немцы – мигранты, к изучению “русского” дома в Германии применить такой подход невозможно. Переселение русскоязычных мигрантов в ФРГ было однонаправленным процессом и представляло собой разовое перемещение из места происхождения в место пребывания¹. В большин-

стве случаев переселялись родственные кланы или даже целые деревни. Для немцев из СССР на новом месте жительства характерны большие расширенные семьи, тесные узы родства, поддержание родственных связей, актуализация их в ритуальной сфере – по семейным праздникам или событиям (свадьбы, похороны). В данном случае говорить о наличии двойственности дома – оставленного в месте исхода и создаваемого на чужбине – можно только относительно: фактически “дом” как средоточие эмоциональных привязанностей переехал тоже; в месте исхода осталось лишь обжитое физическое пространство. В то же время восприятие своего жилища эмигрантами-немцами темпорально: традиции, перенесенные из прошлой жизни в СССР, постепенно трансформируются с течением времени и со сменой поколений, так что второе-третье поколение, которое социализировалось в немецкой молодежной среде и германских институтах, не сохраняет этих традиций и уже не помнит свое жилье в месте исхода. Исследователи говорят о гибридизации сообщества (*Isurin, Riehl* 2017) и ставят вопрос о содержании понятия “дом” (*daheim, zu Hause*) для индивида в случае принадлежности его к одной, двум или нескольким культурам, которые, смешиваясь, создают новый гибрид.

В стране исхода люди имели собственное жилье, и эмиграция в Германию обозначалась как переезд на новое постоянное место жительства. По моим наблюдениям, дом – как собственность и недвижимость (*house/Haus*) и как средоточие интимного мира семьи (*home/daheim*) – оказался значимым символом внутригрупповой консолидации российских немцев. И местные жители, и сами постсоветские мигранты подчеркивали, что многие “русские” имеют в собственности недвижимость: “У нас много тут русланддойче, много. И вполне они обеспеченные – ездят только на Мерседесах, и знаешь, сразу строят дома” (ПМА 2008–2010: М.М.); “Родственники наши все, что здесь, что в девяностые поприезжали, все уже живут в своих домах” (Там же: Н.М.). Неслучайно “дом” стал темой выставки о культуре и истории российских немцев *Das Russlanddeutsche Haus*, которая состоялась в Бамберге в 2008 г. Идеей выставки было показать, что для российских немцев, «народа с судьбой изгнанника и странника, “строить дом” значит выбрать место для жизни, где можно ожидать и строить свое будущее»; «обязательство стать “своим” в чужом месте»; “создать крышу над головой и кров для мечты” (*Das russlanddeutsche Haus* 2008). Поэтому приобретение нового дома после переезда в Германию для многих из них оказывается столь важным актом и даже кажется камнем преткновения в отношениях местных к переселенцам.

Специфика биографии российских немцев как народа заключена в переселениях: миграции в Россию в XVIII–XIX вв., а затем драматичный XX в., полный потерь, депортаций, репрессий, ссылок и гонений. В конце XX в. новое переселенческое движение обратно в Германию также ознаменовалось трудностями, связанными с культурной и языковой интеграцией. Ситуация такой кардинальной смены места жительства, как переезд в другую страну в условиях удаленности и отсутствия свободы пересечения границ, драматически сказывается на идентичности, которая конструируется заново на основе фактически двойственной этнической принадлежности и ментальных колебаний между прошлым и будущим (*Denisova-Schmidt* 2015), а также определяет способы взаимодействия с оставленной родиной и ставит вопрос о соотношении понятий родины и дома.

Мои материалы позволили мне выделить четыре типа демонстрируемой этой группой переселенцев этнокультурной идентичности: однозначное отнесение себя к немецкой нации и ощущение себя немцем; принадлежность к обоим культурам, осознание себя частью истории русской и немецкой нации

одновременно; утверждение своей “русскости”, а также кризис этнокультурной идентичности, невозможность вербально определить свое место на этой шкале (Иванова-Бучатская 2010). Отношение к родине как месту исхода также, как и культурное самоотнесение, как правило, определяется степенью успешности “карьеры” мигранта². При этом для очень многих приехавших важно, чтобы принимающее общество признало их немцами, но реальная ситуация обратная: их воспринимают как русских. Однако даже в среде тех русскоязычных информантов, которые переехали в Германию, получив там работу и карьерные перспективы, и успешно интегрировались в стране, отношение к оставленной родине разное: “Я тут через десять лет захотела в Россию, съездить, посмотреть, такая у меня была тоска. А как приехала к сестре в Барнаул, как посмотрела, сразу сказала: не могу дождаться, когда обратно домой, скорее домой!” (ПМА 2008–2010: В.Ш.).

Семья Ш. приехала в Германию из Казахстана, А.Ш. был шофером моего свекра в г. Талды-Кургане, и, как я знаю из рассказов моих родственников, бывших тесно связанными с семьей Ш., супруги всегда поддерживали свою немецкую идентичность, а также сохраняли настороженно-негативное отношение к соседним казахам и русским, что связано с биографическими эпизодами. Отец цитируемой В.Ш. перенес трудовую армию, лагерь и видел, как русские насиловали немецких женщин. Еще в 1970-е годы Ш. вынашивала идею уехать в Германию, тем более что мать А.Ш. уже жила там – однажды она съездила к сестре, которая была угнана в Германию немецкими солдатами во время войны, и решила остаться там; возможность закрепиться в стране она получила благодаря протекции Красного креста. В Германии Ш. с 1987 г. они быстро и успешно интегрировались в общество, заработали пенсию в ФРГ, владеют языком и поддерживают дружеские отношения подчеркнуто и исключительно с немцами.

У собеседников с трудностями определения своей этнокультурной идентичности понятия дома и родины также отличаются неопределенностью, они не тождественны, но, как правило, наличие семьи в Германии влияет и на локализацию “дома” в этой стране:

Очень сложный вопрос. Правда, не знаю, как ответить. Скажем так: я не хочу отречься от России. <...> Там все равно родина, дом. Наверное, проще сказать так: когда я слышу или мне кажется, что немцы не очень почтительно отзываются о России, меня сносит. Но точно так же меня сносит, когда я слышу, как русские нелестно отзываются о немцах. Во время чемпионата Европы я очень боялась, что выйдут в финал русские и немцы. <...> сформулировать трудно (ПМА 2008–2010: О.А.).

Процитированная собеседница О.А. достигла высокой степени интеграции в немецкое общество, имеет постоянное место работы, сходное с оставленным в России, хорошо владеет немецким языком. Очень значимой фигурой в жизни О.А. был ее отец – российский немец, который воспитывал дочь в почитании немецких национальных ценностей и классической немецкой культуры. Женщина все время нашего знакомства, которое выходило далеко за рамки данного интервью, подчеркивала, что получила немецкий паспорт еще до переезда в Германию, и называла себя по девичьей немецкой фамилии, и только случайно в конце разговора выяснилось, что живет она под фамилией мужа – русской. “Дом” О.А. определяла в ситуации беседы неоднозначно, относя его то к родительскому дому в России, то к теперешнему – в Германии: “...я не любительница телевизора, и дома никогда не смотрела особо. <...> Все нормально, все органично. Я дома”.

И.Б. выросла в Алма-Ате в “немецком” доме, ее мама и бабушка были российскими немками, и вся семья уехала в Германию в 1994 г.:

Дома чувствую я себя с того самого момента, как захожу на свой участок. Почему? Потому что это мои корни, моя вторая родина после Алма-Аты, и это мой дом, выстроенный так сказать своими руками, и это мое. Это мой дом, атмосфера, настроения, чувства, это действительно то место, где я чувствую себя дома, то, что я чувствую своей родиной. Карл Лагерфельд сказал очень замечательную фразу: там, где нахожусь я, там моя родина. Я свою родину вожу с собой. Мне очень понравилась эта фраза. Вам я очень благодарна за то, что вы мне дали возможность еще раз задуматься. Под родиной подразумевается *Heimat*. Это немного другой оттенок. Это чувство дома. Что-то я озадачилась. Мне самой стало интересно (ПМА 2020: И.Б., ж, 48).

М.К. выросла в Казахстане, в немецкой семье, где все общались на диалекте немцев Поволжья. И родители М.К., и все предки осознавали себя немцами, такую идентичность усвоила и сама М.К. Но неудавшаяся интеграция, отсутствие постоянной работы и кризис профессиональной идентичности в Германии прямо влияют на культурно-языковое самоотнесение:

Я никто. Я привыкла, как мы в Казахстане, по-немецки, значит, все. Бабушка не говорила по-русски. Мы себя немцами ощущали. <...> А здесь вот общение с немцами до того тяжелое <...> Я все время работала учителем, я могла помочь, ко мне приходили. Здесь, когда приехали, они (немцы. – *Авт.*) сразу с каким-то пренебрежением, особенно *Arbeitsamt* <...> Но я с высшим образованием. <...> Я со своими знаниями языка никому здесь не нужна. Это очень обидно. Когда ты приходишь к *арбайтсбератеру* (*Arbeitsberater*. – *Авт.*), а она говорит, идите пущать (от нем. *putzen* – чистить, убирать, мыть. – *Авт.*). Я говорю: варум пущать? Я попробую в садике, я попробую *киндерхор* – *найн*, вы с вашим дипломом уже никуда не пойдете. Только пущать. Это слышать неприятно (ПМА 2008–2010: М.К.).

То, что определение этнокультурной идентичности зависит от отношения к человеку принимающего общества, отмечала в своем нюрнбергском материале и М.С. Савоскул (*Савоскул* 2006): “Им важно, кем их считают сами немцы, в зависимости от этого они постоянно корректируют свою самоидентификацию”. Также показательно, что при неудачной интеграции и кризисной этнокультурной идентичности понятие дома, а значит – среды эмоционального комфорта и безопасности, – сужается: он не соотносится ни с покинутой страной, ни с настоящим местом жительства в Германии и Бамберге, но ограничен квартирой и семьей: “Германия – да, теперь я считаю, что это мой дом, это все, особенно домом считаешь, когда в квартире чувствуешь себя, а вышел за пределы квартиры – и уже... А там – там не было такого. Там ты живешь и, во-первых, не зря говорят: где я родился, там и пригодился” (ПМА 2008–2010: М.К.).

Трудности вербализации этнокультурной идентичности и искания смыслов понятия дома и родины, по моим наблюдениям, испытывали только респонденты из среды поздних переселенцев, в то время как русскоязычные собеседники, чей переезд был обусловлен профессиональными целями или семейным решением и регулировался иными законными основаниями, однозначно определяли свою этнокультурную принадлежность по родному языку и месту социализации, понятие родины однозначно соотносили со страной рождения, а дома – с местом актуального жительства семьи и средоточия эмоциональной привязанности и заботы. Если исходить из идеи о том, что дом только тогда становится домом, если его населяют – *Houses must be “peopled”* (*Carsten* 2018: 103; *Bachelard* 1994 [1964]), – то дом на новом актуальном месте жительства русскоязычных переселенцев играет именно такую роль независимо от разницы в основаниях, побудивших людей эмигрировать.

Материальность гостиных домов русскоязычных жителей мне впервые пришлось наблюдать в Бамберге. В январе 2009 г. меня пригласили посетить семью М. и О.А., переехавших в 2001 г. из Одессы. Они жили в трехкомнатной квартире в доме, построенном в 1970-х годах, где город сдает социальное жилье.

Хозяйка принимала меня в гостиной. Мебели в комнате было немного: кожаный диван-угол, два журнальных столика *IKEA* (красный и желтый), низкие деревянные крашенные полки с телевизором и массой декоративных мелочей. Обстановка была очень похожей на немецкие квартиры. Эта комната была разделена стеллажами с книгами на зону гостиной и зону кабинета с компьютерами на столиках и прочей техникой, письменным столом, дисками, книгами, доской с заметками и планами. Книги в стеллаже были преимущественно на русском языке: часть из них представляла собой модное или дешевое чтиво, но среди них встречались и альбомы по искусству разных европейских стран, книги-символы, без которых не обходится ни одна “приличная семья” (Пушкин, Лондон, Пастернак и т.д.), а также издания, посвященные дизайну, театру, массажу, промыслам. Были также учебники и профессиональная литература на немецком языке. Как рассказала М.А., из Одессы они взяли с собой четыре чемодана книг, а остальные пришлось сдать в библиотеку в Одессе или раздать знакомым (ПМА 2008–2010: М.А.). Супруги А. считают себя “нетипичной” мигрантской семьей, подчеркивая свое пристрастие к креативным профессиям, хотя оба супруга и в Одессе, и в Бамберге с готовностью брались за любую приносящую доход работу. Живя в Бамберге, М.А. предпочитала творческую работу и находила ее, хотя и не на постоянной основе. Она закончила в Одессе курсы дизайна интерьера и умела рисовать; на белых стенах их гостиной висели ее картины, выполненные маслом – рыбки и красная змея.

Другой эпизод, который я приведу здесь в подробностях, – визит в дом семьи И. и Л.Д. из Украины, которые переехали в Германию как российские немцы. Л.Д. была воспитателем в группе детского сада, куда ходили мои сыновья. Ее семья не имеет немецкого происхождения – немецкие корни есть у ее мужа. Семья Д. жила в то время в небольшой трехкомнатной квартире в доме, где кроме них было много русских семей, – как говорят здесь, “русакон”. В их гостиной выделялись светлая мебельная стенка и синий угловой диван; в одном углу на тумбе стоял большой телевизор *LED*, в другом, возле окна, – компьютерный стол с ноутбуком и рабочим креслом. Окно закрывали белые жалюзи. На полу перед диваном лежал ковер с красно-бежевым узором – как пошутила Л.Д., “ее приданое, привезенное с Украины”. Чешская хрустальная люстра со множеством подвесок, по словам Л.Д., “поражает всех гостей дома”. На открытых полках стенки стояли книги на русском языке: “История войн” Плутарха, энциклопедия, издания, посвященные живописи, художественная литература. В застекленной витрине стенки были выставлены хрустальные фужеры и матрешки, расписные деревянные яйца на подставках, несколько рамок с фотографиями, на одной из которых была запечатлена дочь информантов в украинском головном уборе.

Эти описания представляют два интерьера, которые выглядели в моем восприятии принципиально по-разному. В первом случае я особо отметила два момента – зонирование единого помещения с помощью книжных стеллажей (гостиная и кабинет) и наличие большого количества книг. Если в первом эпизоде хозяева выбрали стиль европейских интерьеров, включая в пространство уникальные объекты (свои картины и фотографии) и делая таким образом акцент на свободе и творческом характере живущих в доме людей, то во втором внимание привлекла типичность обстановки и схожесть с советскими практиками меблировки – мебель располагается по периметру, центр пола покрыт ковром, а визуальная доминанта комнаты – шкаф-стенка. Кроме того, в обоих случаях я особенно отметила мелкие декоративные детали, использованные в интерьере для заполнения шкафа-стенки, полок и украшения стен. Замечу при этом, что это описания гостиных, то есть помещений, рассчитанных на присутствие чу-

жих людей, гостей. Если следовать логике последователей Бурдые, для которых материальная вещь, а особенно вещь в помещении с презентационной функцией, есть социальный конструкт, то в обстановке и оформлении гостиной следует видеть демонстрацию хозяином уровня его благосостояния, соответствия моде, а также приверженности определенному стилю, персональным вкусовым предпочтениям и тем самым – объективацию идентичности. Социальная психология также прослеживает в обстановке дома отражение самого субъекта и его ценностей (*Csikszentmihalyi, Rochberg-Halton* 1981: 123). Именно в гостиных (реже – кухнях и прихожих) сосредоточены объекты, обладающие ценностью для хозяина и, соответственно, демонстрируемые посторонним персонам.

Вернусь ко второму эпизоду. Типовой способ организации пространства гостиной, заключающийся в характерном наборе мебели и объектов – стенка, большой диван и телевизор, – повторяется в большинстве посещенных мною квартир. Эти объекты конфигурированы таким образом, чтобы центр комнаты оставался свободным для ковра. При этом хозяйки описанных квартир относились к разным типам заявленной ими этнокультурной идентичности – и российско-немецкой, и кризисной, и выраженно русской – и в обстановке своих гостиных, по всей видимости, следовали усвоенным в стране исхода нормам и ценностям. В гостиной как парадном помещении дома выставлены престижные, с точки зрения представителя позднесоветского общества, предметы, указывающие на уровень благосостояния хозяев: дорогой телевизор, дорогая (модная) стенка, роскошная хрустальная люстра. Показательно, что стенка как элемент престижа возникала и в речи информантов: “Наши вот как? Он все коптит, коптит, коптит бабки, потом, гоп – стенку себе купил классную. Потому что у соседа есть” (ПИМА 2008–2010: И.Д.).

Вещная среда гостиных воспроизводит хорошо знакомую многим “подсистему” советских квартир с “осью телевизор – диван”, организованной так, чтобы выделить пространство для просмотра телевизора как наиболее важной формы советского досуга (см.: *Утехин* 2001: 19), а также с центральной позицией для стенки как места экспонирования всего ценного в доме, прежде всего – дорогой фарфоровой посуды, хрусталя, ваз. Стенка появляется в советском быту в 1980-е годы, заменяя серванты и расширяя их функции до книжного стеллажа, шифоньера, секретера. Светлана Бойм и Илья Утехин говорят об исключительной роли серванта и телевизора в интерьерах квартир, в частности – коммунальных квартир в СССР: “Содержимое видимой части серванта – предмет особой заботы и содержится в чистоте. Именно здесь побуждение украсить быт очевидно в наибольшей степени” (Там же). Бойм даже возводит “застекленную полку комода, где хранятся наиболее ценные вещи”, в ранг нового красного угла (*Boym* 1994: 151). Очевидно, что застекленный модуль “стенок” в квартирах русскоязычных мигрантов в Германии играет ту же роль, что и сервант советских коммуналок – места хранения и демонстрации ценной посуды, фотографий родных, “пристанища вещей с наибольшей символической значимостью – и безделушек” (*Утехин* 2001: 19).

Ковер, диван, стенка и телевизор в такой же пространственной конфигурации в гостиной пожилых супругов Ш., проживающих в собственном доме и выделяющих себя именно как немцев (в противоположность поздним переселенцам), подкрепляют предположение о переносе привычных в стране исхода шаблонов наполнения интерьера на новое место жительства. Разница лишь в стоимости и качестве этих предметов: у обеспеченных Ш. ковер персидский с растительным орнаментом, диван из темно-зеленой кожи, телевизор LED, большого размера и дорогой марки (Рис. 1). Ольга Нойфельд также отмечала в своем исследовании особую любовь российских немцев к коврам как элементу

Рис. 1. Фрагмент гостиной В. и А. Ш., Фасторф (фото автора, 2009 г.)

оформления гостиной, а также изменение их локализации в немецких квартирах по сравнению с жильем в России и Казахстане: со стен ковры перемещаются на пол (*Neufeld 2002: 38*).

Если исходить из того, что конструирование дома мигрантами из СССР представляет собой репрезентативный акт, то референтные рамки такого конструирования конфигурируются по-разному. Материалы показывают, что они зависят от круга общения хозяина дома и принятых в этом кругу ценностных ориентаций. В конечном итоге это возвращает нас к высказанному выше тезису о степени успешности интеграции в принимающее общество. Преимущественное общение в кругу родственников и других бывших соотечественников ограничивает рамки референций для “делания” своего дома этим кругом: надо быть не хуже, чем сосед (ср. выше: “...стенку себе купил классную. Потому что у соседа есть”).

Мне приходилось записывать нарративы о сравнении нынешнего немецкого дома с оставленным домом в Казахстане и ориентацией на модные тенденции в понимании хозяйки: “Квартиру обставляю по моде, как модно. Так нравится. Дома было иначе. Дома были разноцветные обои, полированные столы и кровати с полированными спинками. А здесь я все современное, модное покупаю” (ПМА 2008–2010: Н.М.). Следует обратить внимание также на использование слова “дом” в отношении жилища в стране происхождения. Информантка И.М. восприняла буквально вопрос об отличиях ее теперешнего дома в Германии от обстановки, характерной для страны исхода, однако конкретизировала его применительно к своей среде российских немцев, очерчивая тем самым референтные рамки сравнения Казахстаном: “В моем доме нет ничего характерного для, так сказать, юрта Казахстана, но дело в том, что в юртах Казахстана я никогда не жила, дело в том, что моя мама, она русская немка, и соответственно у нас доминировала немецкая культура быта” (ПМА 2020: И.Б.). При этом в разговоре она часто подчеркивает нетипичность ее “русского” дома и позиционирует

себя как субъекта, сознательно выбирающего стиль и наполнение интерьера дома согласно принципу *second life*: она комбинирует минималистичную современную мебель от *IKEA* с антикварными или подчеркнута рустикальными предметами. Имея за плечами долгий брак с уроженцем Германии и осознавая свою интегрированность в немецкое общество, хозяйка проявляет смелость индивидуальности в оформлении дома. В то же время утверждаемые ею как индивидуальные и непохожие образы являются отражением широких тенденций конца XX в., включающих понятие аутентичности, единичности произведения ремесла или искусства, вписанного в современный функциональный интерьер (см.: *Бодрийяр* 1995: 61, 65–66).

Используя терминологию Гастона Башляра, как делает, например, Джанет Карстен (*Carsten* 2018: 107, 114), можно говорить о том, что между разными домами, которые человек населял в течение жизни, существуют реверберации: старый дом так или иначе формирует новый, в каждый новый дом неосознанно заимствуются и переносятся образцы и материальные объекты из старого или же оспаривают и опровергают их: “Через сны, через разные дома, которые мы населяли в своей жизни, проникают и сохраняются сокровища былых дней, так что новые дома вызывают в памяти воспоминания о прежних наших жилищах” (*Joyce* 2014: 84). Патрик Джойс пишет об импринте, отпечатке прежде всего первого дома, но также и последующих домах: “Эти сменяющиеся друг друга дома перекликаются друг с другом, новое формирует старое, а старое – новое. В этом смысле мы никогда не выходим из своего первого дома” (цит. по: *Carsten* 2018: 111).

Гостиные и вещи, которые мы видим

В гостиной располагаются настенные украшения и различные декоративные предметы, помещенные в шкафы, стеллажи, полки. Самые распространенные – портреты детей, внуков или бабушек и дедушек, свадебные фотографии. Фотографии в интерьере оказываются универсальным явлением. Они – самый частый настенный объект в интерьерах немецких домов, в которых мне приходилось работать (см.: *Бучатская* 2016). В исследовании американского городского жилья и вещей, осуществленном М. Чиксентмихайи в 1970-е годы, фотографии составляют треть по величине и частотности группу вещей в домах, наделяемых хозяевами особым значением.

Портреты и фотографии не представляют культурной специфики именно русских домов. Нахождение их в пространстве интерпретируется по-разному. Татьяна Щепанская, исследуя профессиональные субкультуры и рабочие места, приходит к выводу о том, что портреты и фото есть персонификации пространства. Помещая портреты отсутствующих или покойных сотрудников или учителей в пространство профессии, их символически вводят в актуальный круг живущих и действующих коллег (*Щепанская* 2008: 24). То же можно проецировать и на семейные фото в пространстве жилья. Они символически собирают отсутствующих членов семьи – выросших и переехавших в связи с женитьбой сыновей, живущих отдельно внуков; они указывают на связь проживающих в доме людей с их предками, выстраивая линию преемственности поколений и являясь таким образом аспектом культуры памяти. В домах российских немцев в этом контексте фотографии бабушек или предков можно рассматривать и как проекцию их немецкого происхождения на поколение эмигрировавших детей со смешанной или кризисной этнокультурной идентичностью. М. Чиксентмихайи и Ю. Рошберг-Халтон (*Csikszentmihalyi, Rochberg-Halton* 1981: 69) пишут о фотографиях как вещах, которые более, чем любые другие объекты в доме, служат цели сохранения памяти о межличностных связях.

Рис. 2. Старинный комод и выставленные на нем объекты в гостиной К. и А.М., Берлин (фото К.М., 2018 г.)

В доме моих берлинских друзей, представляющих смешанную в культурном отношении русско-польскую семью с двумя детьми, родившимися и выросшими в Берлине, обстановка не похожа на приведенные мной выше примеры. Выбором мебели, настенных украшений и декоративных объектов занимается супруга-полька, ориентируясь всецело на свой вкус; русский супруг не участвует в декоративном оформлении. Однако выставленные на старинном комодe фотографии включают в повседневное поле этой семьи равным образом родителей обоих супругов, продолжающих проживать соответственно в Польше и России и физически отсутствующих в берлинском доме. Добавлю еще, что при частых разногласиях супругов, которые сопровождаются внезапным демонстративным неприятием некоторых культурных маркеров противоположной стороны, фотографии родителей остаются своего рода семейной святыней и продолжают занимать почетное место в визуальном центре гостиной.

Среди декоративных объектов в “русских” домах есть вещи, которые не имеют прагматической функции, но по какой-то причине оказываются важными для хозяев и достойными помещения в репрезентационные пространства дома. Это статуэтки, фигурки, вазы разных размеров, нефункциональная посуда и проч. Наиболее неожиданный эффект на меня произвели матрешки, яйца-писанки, самовары и подобные сувениры с явной этнической спецификой (Рис. 2).

Матрешка и расписное яйцо относятся к клишированным этническим стереотипам и довольно однозначно ассоциируются с русской (или славянской) культурой. Исследования Анны Печуриной (*Pechurina* 2011:104–106) об эстетике “русских” домов Британии и Светланы Бойм (*Boym* 2002: 332) о пространствах коллективной ностальгии и советских эмигрантах в США также называют матрешек в числе главных декоративных объектов в домах русских эмигрантов наряду с прочими шедеврами русских народных промыслов и книгами классической русской литературы. Бойм интерпретирует практику декорирования жилья мат-

решками через ностальгический опыт советских мигрантов, который превращает их дома в своеобразные частные музеи памяти. Материалы Печуриной показывают целую палитру отношений эмигрантов к матрешкам в их домах. Они зависят от степени принятия эмигрантами британской культуры и своей инокультурности в условиях мультикультурного общества страны или же отражают конфликт и демонстративное поддержание своей “русскости”. В моей практике обмена с немецкими информантами я часто использовала матрешки как “типично русский” сувенир в благодарность за уделенное время и на память о работе со мной как с русской исследовательницей. В моем собственном доме в России я матрешек не имею и тем более не выставляю ничего подобного напоказ. А вот в “русских” домах в Германии предметы типичных для России промыслов я увидела в парадном помещении гостиной. Почему в домах людей, среди которых большая часть переехала в Германию как немцы, находятся подобные стереотипные знаки русской (славянской) культуры (более того – их достаточно много, чтобы утверждать единичность выбора подобных вещей для демонстрации, например, как спорадических подарков знакомых)? Следуя своей гипотезе о соответствии типа идентичности и объектов в доме, я предположила, что матрешки сигнализируют об этнокультурном самоотнесении хозяев с выраженной русской (или славянской) идентичностью. Например, как в случае с семьей И. и Л.Д.: супруга Л. – украинка из Мариуполя, хорошо приспособившаяся к жизни в Германии, имеющая место работы, хотя и считающая себя иностранкой; ее супруг И. переехал в Германию вместе с бабушкой, которая была и считала себя настоящей немкой, говорила на диалекте, жила в Вильгельмсдорфе на Украине, в 1941 г. была депортирована в Сибирь, Новокузнецк, для работы на заводах. И.Д. в разговоре постоянно конструирует свою “русскость”, акцентирует чуждость ему немецкой культуры, обычаев, нравов и языка: «Я вообще воспитан был как русский – ну как, разговаривали по-русски, поскольку вообще родился на Украине, но вообще-то, когда меня спрашивали, я говорил – русский. <...> чувствую я себя – ну как, воспитан на русской литературе, на фильмах, всё. Я вообще не чувствовал этой “тяги к родине”. Уехал в Германию, потому что жизнь стала плохой» (ПМА 2008–2010: И.Д.).

Матрешки и деревянные расписные яйца в стеклянном серванте семьи Д. – это не только подарки знакомых и сувениры, привезенные из Украины на память³, но и маркеры этнокультурной принадлежности, сигнализирующие посетителям дома о связях хозяев со славянским миром. Фотографию дочери в традиционном украинском головном уборе, упомянутую выше, я прочитала тоже как такой сигнал.

В гостиной русско-польской семьи М. из Берлина обстановка состоит из антикварной немецкой мебели начала XX в., которая досталась супругам по наследству: они снимали жилье с 1999 по 2009 г. в старом доме в Берлин Ванзее, фактически проживая там вместе с пожилой и немощной хозяйкой дома, выполняя повседневный и гигиенический уход за ней. После смерти “бабушки Эрны” семья вынуждена была покинуть дом, но наследники разрешили взять всю мебель с собой. А.М., которая занимается декором новой квартиры, очень привязана к этой мебели – тяжелой, добротной: она “типично бюргерская”. На комод из этого гарнитура в гостиной нового дома М. рядом с пятью матрешками и семейными фото стоит самовар с яркой росписью в русском стиле. Мой вопрос, зачем ему этот самовар, хозяин дома прокомментировал:

Это плод декоративных фантазий жены. Откуда у нас матрешки, никто не помнит. Вроде как подарил кто-то. Я бы такое точно покупать не стал бы. Самовар – несколько лет назад наша тетя Лена переезжала из одной квартиры в другую, а я при переезде помогал. Тогда она много вещей ненужных выбросила. Этот самовар тоже сначала выбросить хотела, но потом мне подарила. Самовар-то красивый (ПМА 2018: К.М.).

Про плод декоративных фантазий хозяйки я могу добавить следующий комментарий. У А.М. свое специфическое отношение к русской культуре и символам России: работая в берлинской клинике и постоянно общаясь с разными клиентами, а также местными немцами, она негативно комментирует проявление “типично немецких” качеств, порядков и обычаев и в то же время активно противопоставляет им ненемецкую этнокультурную принадлежность – свою, своего мужа и детей. Если главным маркером “польскости” для нее служит родной язык, то “русскость” семьи она подчеркивает через различные невербальные высказывания. Например, в 2014 г., в период начала конфликта между Украиной и Россией, она демонстративно носила красно-сине-белый браслет на руке (при этом делая его особенно заметным для пациентов из Украины) и разговаривала на русском языке. Клишированный символ русской культуры – матрешка, разобранный и выставленный на комод гостинной, – тоже есть сходный демонстративный посыл.

Видимые и невидимые вещи: отношения с хозяином

Матрешки и прочие символы России обнаруживаются и в доме ранних немецких переселенцев из Казахстана, упомянутой семьи Ш.: в шкафу-стенке в гостинной на первом этаже выделен целый отсек для матрешек и хохломских изделий. В зале второго этажа на стеллаже можно было увидеть статуэтку в виде женщины в украинском национальном костюме и книги на русском языке – советскую и русскую классику, а также черно-белую фотографию берез в весеннем снегу. История этих предметов связана с поездками в Россию к оставшимся там родственникам: например, фото с березами купила В.Ш. во время поездки в Барнаул к сестре.

Напомню, что Ш. прожили в Германии более 25 лет и демонстративно противопоставляют себя русским и поздним переселенцам, утверждая как раз свою принадлежность к немецкой культуре и языку, и в их случае матрешки и хохломские изделия точно не служат выражением их русской идентичности, но, очевидно, относятся к разряду биографических объектов (см.: *Hoskins* 1998), ценных в связи с определенными воспоминаниями и событиями, – такими, как путешествие или подарок родственников. М. Чиксентмиайи и Ю. Рошберг-Халтон (*Csikszentmihalyi, Rochberg-Halton* 1981: 58, 164) пишут о том, что, помещая предметы в интерьер, в репрезентационные помещения дома, мы не только декларируем вовне нечто о своем “я”, но и восполняем что-то в своих психологических потребностях. Для большинства людей, которые считают дом местом защиты и опоры, нефункциональные вещи имеют значение в силу их знаковости – они являются символами отношений, связей с другими людьми или своей личной историей.

Для понимания важности вещей и смыслов, вкладываемых в эти вещи, метода наблюдения недостаточно. Разного рода предметы актуализируют свои смыслы в нарративах своих владельцев, так или иначе будучи связанными с их биографиями. Во всех “русских” домах есть то, что эмигранты привезли с родины. Это довольно примечательный факт для поздних переселенцев, поскольку в рассказах часто упоминалось ограниченное количество разрешенного к перевозу багажа: они уезжали “с одним чемоданом”. Тем не менее среди ценных вещей оказываются те, которые нельзя назвать таковыми по объективным признакам: их стоимость и полезность нулевая. Они ценны своей эмоциональной и смысловой нагруженностью.

Семья Б. из пяти человек эмигрировала из Алма-Аты в ФРГ в 1994 г., и переезд был напряженным. В Алма-Ате продали квартиру, но все деньги ушли

Рис. 3. Берестяные туюски и два куска саксаула в доме И.Б., Пиннеберг (фото И.Б., 2022 г.)

на билеты, а вещей удалось взять немного: “Они рисковали вообще остаться без денег. И тем не менее я помню, что они притащили с собой зингеровскую машинку, старую, тяжелую. Потому что бабушка сказала, что ей обязательно нужно ее взять с собой” (ПМА 2020: О.Б.).

Польза от старой швейной машинки в Германии конца XX в. сомнительна, но ценность ее находится в иной сфере: у хозяев глубокая эмоциональная связь с вещью, потому что она буквально участвовала в судьбе семьи:

Мы везли какие-то кульки, пододеяльники, зубные щетки, и с нами была зингеровская машинка и Библия 1886 г. У машинки тоже интересная судьба. Предки мои, мамин дедушка был в России, у него была мельница, и жена его в 1912 г. ездила в Баден-Баден с сыном. И привезла оттуда эту машинку. А потом начались репрессии. И эта машинка в эти годы, во время депортация моей бабушки и ее окружения, свекрови, моей мамы, ей было четыре года, они взяли эту машинку с собой в казахские степи. И эта машинка спасла их, бабушка шила, чтобы прокормить семью. Поэтому это было святое, чтобы эта зингеровская машинка поехала с нами, это были две реликвии (Там же: И.Б.).

В интервью собеседница И.Б. делает акцент на своем безразличии к декоративным объектам: “...мелочи, это вы имеете в виду распаханные по углам с целью собирать пыль”. Однако буквально в следующей фразе упоминает “два куска саксаула” – совершенно неутилитарные и, на первый взгляд, лишённые всякого смысла вещи, к которым она тем не менее испытывает эмоциональную привязанность: “В моей лично комнате лежат очень два дорогих предмета, два куска саксаула, который мы привезли с дочерью из Алма-Аты, я уж не помню, в каком году” (Рис. 3). Кроме них в доме И.Б. на видных местах, в витринах современных шкафов стоят другие нефункциональные вещи: старая мягкая игрушка-зебра, принадлежавшая в детстве ее мужу; керамическая ваза с шиповником, сделанная друзьями и подаренная ей; синяя коробочка из картона, которую раскрашивала ее дочь, когда ей было около пяти лет (Рис. 4). Также в квартире И.Б. хранится целая коллекция русских сувениров из бересты, включая достаточно большие поставцы с крышками.

Рис. 4. Фрагмент стеллажа и любимых вещей в гостиной И.Б., Пиннеберг (фото И.Б., 2020 г.)

На мой вопрос о предметах, привезенных с родины в немецкий дом семьи М. в Берлине, последовал рассказ вовсе не о матрешках и сувенирах, как я ожидала вначале:

Самая необычная вещь в нашем берлинском доме – котелок. Когда моим родителям было лет по 20, они купили этот котелок и ходили с ним в походы. Когда я подросток, то тоже таскал этот котелок в байдарочные путешествия. Как-то раз, давно уже, был я в Питере на машине. Искал что-нибудь, чтобы еду в дороге на примусе подогреть. Нашел котелок старый и взял его с собой. С тех пор котелок в Берлине живет. Мы даже с ним несколько раз в велопоходы ездили. Удивлению и восхищению немцев на кемпингах не было конца при виде такого исторического котелка. Сейчас у нас современные титановые котелки, а старый котелок моих родителей на пенсии в кухонной кладовке живет. Являясь самой, пожалуй, богатой воспоминаниями и для нас ценной вещью. <...> “Электроника 53” – эти часы носил мой папа. Поэтому, несмотря на треснутое стекло, они очень дороги нам. Сейчас сын носит то одни, то другие часы. Еще мягкие игрушки. Когда мне было, наверное, лет пять или шесть, мама с бабушкой купили мне и моей двоюродной сестре абсолютно две одинаковые собачки. Тогда мы с ними с удовольствием играли, спать укладывали и везде с собой носили. Мой Бим до сих пор в семье. Белый медвежонок – когда мои родители познакомились. Это была первая игрушка, которую мой папа подарил моей маме. Опять же, когда сын и дочь были маленькие, моя мама подарила им эти игрушки. Сейчас эти игрушки живут на полке в гостиной” (ПМА 2018: К.М.) (Рис. 5).

Именно благодаря наполненности смыслами те или иные вещи сохраняют в пространстве дома и берут с собой во время переезда на новое место жительства. Ветхие мягкие игрушки из ленинградской квартиры пожилых родителей переместились на видное место в берлинской гостиной детей. Эти вещи специфическим образом концентрируют в себе позитивные эмоции, важные для гармоничного существования человека в доме; так отчасти восполняется физическая удаленность близких людей. Эмоциональная привязанность к подобным предметам выявляет тесную связь человека и материального мира. Если говорить о них в терминах биографических объектов, то их ценность – в переплетении биографии материальных объектов с биографиями их владельцев. Вещи из просто декоративных или утилитарных превращаются в средоточие памяти и действуют, не просто актуализируя биографические воспоминания субъекта. За связью человека и материальной вещи стоит важная связь между человеком

и другим человеком (людьми), изображенными на конкретном фото или подарившими этот предмет.

Как оказалось, особым значением могут обладать не только вещи, демонстрируемые в гостиных, но и скрытые от глаз стороннего наблюдателя – вполне утилитарные предметы или бывшие таковыми ранее. Продолжая разговор о вещах в доме, интересно проследить траектории их биографии так, как это описано у Игоря Копытофф (*Копытофф* 2006: 153 и далее). Под биографией вещи понимается “ее перемещение в пространстве социальных значений” (*Вахштайн* 2006: 18): “Материальная вещь, включаясь в то или иное повествование, получая опору в мире социальных значений, становится социальным объектом, больше, чем вещью”. Например, жизнь советского походного алюминиевого котелка из дома М. длится уже более 60 лет. Его биография началась с того, что его приобрели двое влюбленных молодых людей, типичные “шестидесятники”, и это открывает целый культурный пласт в истории советского общества и данной семьи в частности. Молодые люди, представители научно-технической интеллигенции, увлекались походами и эту любовь с детства прививали своему

Рис. 5. Любимые вещи семьи М., Берлин (фото К.М., 2018 г.)

сыну, беря его в байдарочные походы. Со временем родители перестали ходить в походы и осели дома, но жизнь котелка продолжилась – сперва он просто хранился среди вещей в ленинградской квартире М., затем перешел по наследству и по причине товарного дефицита 1980-х годов в СССР к сыну; дальше он пользовался им по назначению, и потом котелок снова был забыт в кладовке на долгое время, потому что в 1990-е годы сын начал строить свою карьеру и уехал из России в Польшу, а затем поселился в Берлине, где завел семью. Здесь можно говорить об особом отношении к старой вещи в советском обществе: как бы она ни была стара, ее не выбрасывали, потому что однажды она может пригодиться. Поэтому “жизненный цикл вещей предполагал длительную остановку на пути на помойку” в кладовке, на даче или в пустой комнате коммуналки (Утехин 2001: 34)⁴. Эмигрировав, сын часто навещал ленинградскую квартиру и родителей. Он ездил на машине и, экономя деньги, не ночевал в отелях, а еду привычно готовил на костре, и вот котелок дождался своего часа: его заметили среди ненужной в хозяйстве посуды и взяли в дорогу. Так он пригодился и задом тоже сменил “место жительства”, оказавшись в Берлине 2000-х годов, где разные современные емкости для готовки на огне можно найти на любой вкус и кошелек. Затем котелок продолжил свою “карьеру” в Берлине по прямому назначению, хотя в это время он уже служил больше репрезентацией уникальности походного опыта хозяина (“исторический котелок”, “немцы восхищаются и удивляются”), чем выполнял исключительно прагматическую функцию. После замены его современной вещью котелок окончательно переместился в область *memory objects*. Такая же судьба у советских электронных часов, которые ценны для обладателя потому, что несут в себе память об умершем отце, к которому была прочная эмоциональная привязанность. Как памятную вещь, связанную с историей семьи, а также как материальную редкость из ушедшей эпохи и несуществующей страны, часы носит внук, молодой человек, выросший на немецкой молодежной культуре, но в постах в социальных сетях размещающий свои фотографии с расхожими символами СССР, выделяя свое “экзотическое” происхождение на фоне берлинского окружения.

* * *

“Русский” дом в Германии оказывается многослойным феноменом: в нем можно видеть пространство защиты и ухода от внешнего мира и неудавшейся культурно-языковой интеграции, обретения эмоционального комфорта; средоточия практик повседневной заботы и общения с семьей; место репрезентации семейных и личных ценностей, идентичности и вкусовых предпочтений; сцены, на которой разыгрываются сценарии отношений человека и вещей. В новом месте люди больше не ограничены набором типовых шаблонов обстановки жилья, которые диктовал им дефицит товаров и идей в стране исхода. Тем не менее в обстановке часто воспроизводятся стереотипы и фрагменты из прежних домов, в которых проходила жизнь до переезда.

Видимая обстановка “русского” дома в Германии оказывается вполне типичной и сопоставимой с русскими домами других стран: можно выделить стандартный набор объектов, с помощью которых русский дом “делается” – предметы народных промыслов, книги русских классиков. Переключение масштаба наблюдения на скрытые от глаз предметы выявляет многообразие любимых вещей, которое не поддается типологизациям. Феномен эмоциональной привязанности к вещам связан с биографией хозяев, историей каждой отдельной семьи, ее переезда в Германию. Вещи, которые человек помещает в свой дом, предстают объективированными воспоминаниями о событиях жизни и

других людях, сигнализируя о важности семейных и межчеловеческих отношений, выраженных в подарках, фото, рисунках и поделках детей. Отношения людей и вещей темпоральны. На протяжении физического существования вещи происходит ее перемещение в пространстве значений, приписываемых людьми.

Примечания

¹ Здесь не рассматривается промежуточное существование эмигрантов во временных лагерях размещения (*Aussiedlerheim*, разг. *Heim*).

² К сходным выводам пришли У. Кляйнкнехт-Штреле и М. Савоскул, также исследовавшие идентичности российских немцев Германии (см.: *Kleinknecht-Strähle* 2001; *Савоскул* 2006).

³ В этой связи мне вспоминается такой же символический акт со стороны моих друзей: когда я с семьей уезжала в Германию на полтора года для работы по гранту, нам подарили матрешку со словами: “Чтоб не забывали корни”.

⁴ Это открывает перспективу рассмотрения взаимоотношений с вещами в контексте культуры бедности вообще (*Lewis* 1959), что выходит за рамки моей работы.

Источники и материалы

ПМА 2008–2010 – Полевые материалы автора. Полевой стационар в Германии (г. Бамберг, д. Оберхарнсбах, д. Фасторф, г. Берлин), 2008–2010 гг. Записи интервью (информанты: М.М., м, 62; Н.М., ж, 30; М.К., ж, 52; В.Ш., ж, 67; О.А., ж, 40; Л.Д., ж, 35; И.Д., м, 35, М.А., ж, 44).

ПМА 2018 – Полевые материалы автора. Берлин, июль 2018 г. Письменные опросы и анкеты (информанты: К.М., м, 48; А.М., ж, 39).

ПМА 2020 – Полевые материалы автора. Санкт-Петербург, октябрь 2020 г. Записи интервью (информанты: И.Б., ж, 48; О.Б., ж, 47).

Das russlanddeutsche Haus 2008 – Das russlanddeutsche Haus. Eine Ausstellung in Bamberg. <https://www.welten-verbinden.de/stiftung/foerderung/projekte/das-russlanddeutsche-haus.htm> (дата обращения 10.01.2010).

Научная литература

Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995.

Бредникова О., Ткач О. Дом дляномады // Лабораториум. 2010. № 3. С. 72–95.

Бучатская Ю.В. Интерьер и вещи в контексте профессии. Наблюдения в домах городских овощеводов Бамберга // Антропологический форум. 2016. № 30. С. 175–214.

Вахштайн В. Социология вещей и “поворот к материальному” в социальной теории // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом “Территория будущего”, 2006. С. 7–43.

Копытофф И. Культурная биография вещей: товаризация как процесс // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом “Территория будущего”, 2006. С. 134–168.

Милерюс Н. Синхронизация и десинхронизация настоящего и прошлого на советском и постсоветском пространствах // P.S. Ландшафты: Оптики городских исследований / Под ред. Н. Милерюс, Б. Коуп. Вильнюс: Европейский гуманитарный ун-т, 2008. С. 37–63.

Савоскул М.С. Российские немцы в Германии: интеграция и этническая самоидентификация (по итогам исследования российских немцев в регионе Нюр-

- нберг-Эрланген) // Демоскоп Weekly. 2006. № 243–244 (17–30 апреля). <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php>
- Утехин И. Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2001.
- Щепанская Т.Б. Проекция социального контроля в пространстве профессии // Этнографическое обозрение. 2008. № 5. С. 18–31.
- Armbruster H. Homes in Crisis: Syrian Orthodox Christians in Turkey and Germany // New Approaches to Migration? Transnational Communities and the Transformation of Home / Eds. N. Al-Ali, Kh. Kose. L.: Routledge, 2002. P. 17–33.
- Bachelard G. The Poetics of Space. Boston: Beacon Press, 1994 [1964].
- Bollnow O.F. Der Mensch und der Raum // Universitas. 1963. Vol. 18. S. 499–514.
- Bourdieu P. Die feinen Unterschiede. Kritik der gesellschaftlichen Urteilskraft. Frankfurt am Main: Suhrkamp taschenbuch wissenschaft, 1987 [1979].
- Boym S. Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge: Harvard University Press, 1994.
- Boym S. The Future of Nostalgia. N.Y.: Basic Books, 2002.
- Carsten J. House-Lives as Ethnography/Biography // Social Anthropology/ Anthropologie Sociale. 2018. Vol. 26(1). P. 103–116. <https://doi.org/10.1111/1469-8676.12485>
- Collins F.L. Connecting “Home” with “Here”: Personal Homepages in Everyday Transnational Lives // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2009. Vol. 35 (6). P. 839–859. <https://doi.org/10.1080/13691830902957668>
- Csikszentmihalyi M., Rochberg-Halton E. The Meaning of Things: Domestic Symbols and the Self. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Cuba L., Hummon D.M. Constructing a Sense of Home: Place Affiliation and Migration across the Life Cycle // Sociological Forum. 1993. Vol. 8 (4). P. 547–572. <https://doi.org/10.1007/BF01115211>
- Denisova-Schmidt E. Russlanddeutsche: Geschichte und Gegenwart. Zeitzeugen erzählen über Heimat, Migration und Engagement. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2015.
- Götze U. Die Gute Stube // Lebensbereich Wohnen. Didaktisches Sachbuch zur Wohnumwelt vom Kinderzimmer bis zur Stadt. Bd. 1 / Hrg. G. Andritzky, G. Selle. Reinbek: Rowohlt, 1978. S. 288–297.
- Hahn, H.P. Von der Ethnographie des Wohnzimmers – zur “Topographie des Zufalls” // Die Sprache der Dinge. Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf die materielle Kultur / Hrg. E. Tietmeyer, C. Hirschberger, K. Noak, J. Redlin. Münster: Waxmann, 2010. S. 9–21.
- Hepworth M. Privacy, Security and Respectability: The Ideal Victorian Home // Ideal Homes? Social Change and Domestic Life / Eds. T. Chapman, J.L. Hockey. N.Y.: Routledge, 1999. P. 17–29.
- Hoskins J. Biographical Objects: How Things Tell the Stories of People’s Lives. N.Y.: Routledge, 1998.
- Isurin L., Riehl C.M. (eds.) Integration, Identity and Language Maintenance in Young Immigrants: Russian Germans or German Russians. Amsterdam: Benjamins, 2017.
- Joyce P. The Journey West // Field Day Review. 2014. No. 10. P. 62–93.
- Kleinknecht-Strähle U. Deutsche aus der ehemaligen Sowjetunion. Grundzüge ihrer Geschichte und Integration // Zwischen Isolation und Integration: 50 Jahre Eingliederung in die Bundesrepublik Deutschland. Filderstadt: Haus der Heimat des Landes Baden-Württemberg, 2001. S. 48–50.
- Kopytoff I. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Prozess // The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective / Ed. A. Appadurai. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 64–92.
- Langhamer C. The Meanings of Home in Postwar Britain // Journal of Contemporary History. 2005. Vol. 40 (2). P. 341–362. <https://doi.org/10.1177/0022009405051556>

- Lewis O. *Five Families: Mexican Case Studies in the Culture of Poverty*. N.Y.: Basic Books, 1959.
- Marcus C.C. *House as a Mirror of Self: Exploring the Deeper Meaning of Home*. Berkeley: Conari Press, 1995.
- Mitscherlich A. *Die Unwirtlichkeit unserer Städte. Anstiftung zum Unfrieden*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1965.
- Neufeld O. *Aspekte der Wohnkultur russlanddeutscher Aussiedler vor und nach der Ausreise*. Magisterarbeit. Münster, 2002.
- Pechurina A. *Russian Dolls, Icons and Pushkin: Practicing Cultural Identity through Material Possessions in Immigration* // *Laboratorium*. 2011. Vol. 3 (3). P. 97–117.
- Riggins S.H. *Fieldwork in the Living Room: An Autoethnographic Essay* // *The Socialness of Things: Essays on the Socio-Semiotics of Objects* / Ed. S.H. Riggins. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994. P. 101–147.
- Tränkle M. *Wohnkultur und Wohnweisen*. Tübingen: Gulde-Druck, 1972.
- Warnke M. *Zur Situation der Couchecke* // *Stichworte zur geistigen Situation der Zeit*. Bd. 2, Politik und Kultur / Hrg. J. Habermas. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1982. S. 673–687.

Research Article

Butschatskaja, J.V. The House of Russian-Speaking Immigrants in Germany: People and Things [Dom russskoiazыchnykh pereselentsev v Germanii: liudi i veshchi]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 44–65. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040030> EDN: HXKHXO ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Julia Butschatskaja | <https://orcid.org/0000-0001-9139-0179> | Julia.butschatskaja@yahoo.de | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Keywords

Germany, Russian-speaking immigrants, Russian house, things, home, living rooms

Abstract

This article is based on observations, surveys, and narratives of Russian-speaking immigrants in German cities, which relate to the home and its material filling, and raises the following research questions: do the living room environments of Russian-speaking residents of Germany differ from German traditions? If so, why? What things are special for people? How is the choice of decorative objects related to the biographies of their owners? I consider the concepts of Homeland and Home as a place where the everyday life is lived and emotional attachments are experienced, as a space for demonstrating identity and taste through things. The home is considered also as a space where people and their things coexist. The owners of houses show their subjectivity, striving to make their home different from the place where they came from, to implement the style of European interiors in their homes. However, they often reproduce stereotypes and fragments from previous homes in which they lived before the move.

References

- Armbruster, H. 2002. Homes in Crisis: Syrian Orthodox Christians in Turkey and Germany. In *New Approaches to Migration? Transnational Communities and the Transformation of Home*, edited by N. Al-Ali and Kh. Kose, 17–33. London: Routledge.

- Bachelard, G. (1964) 1994. *The Poetics of Space*. Boston: Beacon Press.
- Baudrillard, J. 1995. *Sistema veshchei* [The System of Objects]. Moscow: Rudomino.
- Bollnow, O.F. 1963. *Der Mensch und der Raum* [The Human and the Space]. *Universitas* 18: 499–514.
- Bourdieu, P. (1979) 1987. *Die feinen Unterschiede. Kritik der gesellschaftlichen Urteilskraft* [Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste]. Frankfurt am Main: Suhrkamp taschenbuch wissenschaft.
- Boym, S. 1994. *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia*. Cambridge: Harvard University Press.
- Boym, S. 2002. *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books.
- Brednikova, O., and O. Tkach. 2010. Dom dlia nomady [Nomad's House]. *Laboratorium* 3: 72–95.
- Butschatskaja, Y.V. 2016. Inter'er i veshchi v kontekste professii. Nabludeniia v domakh gorodskikh ovoshchevodov Bamberga [Living Space and Things in a Professional Context: A Study of Gardeners' Houses in Bamberg]. *Antropologicheskii forum* 30: 175–214.
- Carsten, J. 2018. House-Lives as Ethnography/Biography. *Social Anthropology/Anthropologie Sociale* 26 (1): 103–16. <https://doi.org/10.1111/1469-8676.12485>
- Collins, F.L. 2009. Connecting “Home” with “Here”: Personal Homepages in Everyday Transnational Lives. *Journal of Ethnic and Migration Studies* 35 (6): 839–859. <https://doi.org/10.1080/13691830902957668>
- Csikszentmihalyi, M., and E. Rochberg-Halton. 1981. *The Meaning of Things: Domestic Symbols and the Self*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cuba, L., and D.L. Hummon. 1993. Constructing a Sense of Home: Place Affiliation and Migration across the Life Cycle. *Sociological Forum* 8 (4): 547–572. <https://doi.org/10.1007/BF01115211>
- Denisova-Schmidt, E. 2015. *Russlanddeutsche: Geschichte und Gegenwart. Zeitzeugen erzählen über Heimat, Migration und Engagement*. Stuttgart: Ibidem Verlag.
- Götze, U. 1979. Die Gute Stube [The Living Room]. In *Lebensbereich Wohnen. Didaktisches Sachbuch zur Wohnumwelt vom Kinderzimmer bis zur Stadt* [Living Area: Didactic Book on the Living Environment from the Children's Room to the City], edited by G. Andritzky and G. Selle, 1: 288–297. Reinbek: Rowohlt.
- Hahn, H.P. 2010. Von der Ethnographie des Wohnzimmers – zur “Topographie des Zufalls” [From an Ethnography of Living Room to the Topography of Coincidence]. In *Die Sprache der Dinge. Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf die materielle Kultur* [The Language of Things: Cultural Studies Perspectives on Material Culture], edited by E. Tietmeyer, C. Hirschberger, K. Noak, and J. Redlin, 9–21. Münster: Waxmann.
- Hepworth, M. 1999. Privacy, Security and Respectability: The Ideal Victorian Home. In *Ideal Homes? Social Change and Domestic Life*, edited by T. Chapman and J. Hockey, 17–29. New York: Routledge.
- Hoskins, J. 1998. *Biographical Objects: How Things Tell the Stories of People's Lives*. New York: Routledge.
- Isurin, L., and C.M. Riehl, eds. 2017. *Integration, Identity and Language Maintenance in Young Immigrants: Russian Germans or German Russians*. Amsterdam: Benjamins.
- Joyce, P. 2014. The Journey West. *Field Day Review* 10: 62–93.
- Kleinknecht-Strähle, U. 2001. Deutsche aus der ehemaligen Sowjetunion. Grundzüge ihrer Geschichte und Integration [Germans from the Former Soviet Union: Mean Features of Their History and Integration]. In *Zwischen Isolation und Integration: 50 Jahre Eingliederung in die Bundesrepublik Deutschland* [Between Isolation

- and Integration: 50 Years of Integration into the Federal Republic of Germany], 48–50. Filderstadt: Haus der Heimat des Landes Baden-Württemberg.
- Kopytoff, I. 1986. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Prozess. In *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*, edited by A. Appadurai, 64–92. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kopytoff, I. 2006. Kul'turnaia biografiia veshchei: tovarizatsiia kak protsess [The Cultural Biography of Things: Commoditization as Prozess]. In *Sotsiologiia veshchei* [Sociology of Things], edited by V. Vakhshain, 134–168. Moscow: Izdatel'skii dom "Territoriiia budushchego".
- Langhamer, C. 2005. The Meanings of Home in Postwar Britain. *Journal of Contemporary History* 40 (2): 341–362. <https://doi.org/10.1177/0022009405051556>
- Lewis, O. 1959. *Five Families: Mexican Case Studies in the Culture of Poverty*. New York: Basic Books.
- Marcus, C.C. 1995. *House as a Mirror of Self: Exploring the Deeper Meaning of Home*. Berkeley: Conari Press.
- Milerius, N. 2008. Sinkhronizatsiia i desinkhronizatsiia nastoiashchego i budushchego na sovetskom i postsovetskom prostranstvakh [Synchronization and Desynchronization of the Present and the Past in Soviet and Post-Soviet Spaces] In *P.S. Landshafty: optiki gorodskikh issledovaniï* [P.S. Landscapes: Optics for Urban Studies], edited by N. Milerius and B. Cope, 37–63. Vilnius: EGU.
- Mitscherlich, A. 1965. *Die Unwirtlichkeit unserer Städte. Anstiftung zum Unfrieden* [The Inhospitableness of Our Cities: An Incitement to Discord]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
- Neufeld, O. 2001. Aspekte der Wohnkultur russlanddeutscher Aussiedler vor und nach der Ausreise [Aspects of the Domestic Culture of Russian-German Emigrants before and after Moving]. MA Thesis. Münster.
- Pechurina, A. 2011. Russian Dolls, Icons and Pushkin: Practicing Cultural Identity through Material Possessions in Immigration. *Laboratorium* 3 (3): 97–117.
- Riggins, S.H. 1994. Fieldwork in the Living Room: An Autoethnographic Essay. In *The Socialness of Things: Essays on the Socio-Semiotics of Objects*, edited by S.H. Riggins, 101–147. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Savoskul, M.S. 2006. Rossiiskie nemtsy v Germanii: integratsiia i etnicheskaia samoidentifikatsiia (po itogam issledovaniia rossiiskikh nemtsev v regione Niurnberg-Erlangen) [Russian Germans in Germany: Integration and Ethnic Self-Identification (Based on a Study of Russian Germans in Nuremberg-Erlangen Region)]. *Demoskop Weekly* 243–244. www.demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php
- Shchepanskaya, T.B. 2008. Proektsii sotsial'nogo kontroliia v prostranstve professii [Social Control Projections in a Space of Profession]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 18–31.
- Tränkle, M. 1972. *Wohnkultur und Wohnweisen* [Domestic Culture and Lifestyles]. Tübingen: Gulde-Druck.
- Utekhin, I. 2001. *Ocherki kommunal'nogo byta* [Essays on the Communal Life]. Moscow: OGI.
- Vakhshain, V. 2006. Sotsiologiia veshchei i "povorot k material'nomu" v sotsial'noi teorii [Sociology of Things and "Material Turn" in Social Theory]. In *Sotsiologiia veshchei* [Sociology of Things], edited by V. Vakhshain, 7–43. Moscow: Izdatel'skii dom "Territoriiia budushchego".
- Warnke, M. 1982. Zur Situation der Couchecke [On the Situation of a Couch Corner]. In *Stichworte zur geistigen Situation der Zeit*. Bd. 2, *Politik und Kultur* [Keywords on the Intellectual Situation of the Time. Vol. 2, Politics and Culture], edited by J. Habermas, 673–687. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

АНТРОПОЛОГИЯ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И РЕСУРСОВ

КАУТОКЕЙНО ПРОТИВ РУДНИКА: ПОЧЕМУ ПРОМЫШЛЕННАЯ КОМПАНИЯ НЕ ПОЛУЧИЛА СОЦИАЛЬНУЮ ЛИЦЕНЗИЮ?

Н.И. Новикова

Наталья Ивановна Новикова | <http://orcid.org/0000-0002-5686-1104> | natinovikova@gmail.com | д. и. н., ведущий научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

коренные народы, местное сообщество, Арктика, Каутокейно, горнодобывающая промышленность, социальная лицензия, правовые основы экстрактивизма, культура, язык, образование

Аннотация

В статье представлен конфликт между шведской горнодобывающей компанией и местным сообществом Каутокейно (Норвегия), связанный с попытками восстановить старый рудник на осенних пастбищах оленеводов. Анализ уникального примера не только в истории Норвегии, но и мира, когда муниципалитет небольшого арктического поселения отказал горнодобывающей компании и остановил освоение рудника, показывает возможности развития местного сообщества в расчете на собственные силы. Исследование строится на полевых материалах, собранных в Каутокейно в 2015–2016 гг. Были проведены беседы и записаны интервью с оленеводами, работниками администрации, учреждений культуры и образования, малого бизнеса и промышленной компании, а также с участниками международного научного проекта и другими исследователями. Особый интерес представляют материалы по инфраструктуре и демографии поселения, где активно развиваются оленеводство, различные виды предпринимательской деятельности по его обеспечению, культура и наука, а также значителен процент молодежи. Взаимодействие населения и горнодобывающей компании рассматривается через призму социальной лицензии.

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 20-68-46043] (“Антропология экстрактивизма: исследование и проектирование социальных изменений в регионах ресурсного типа”)

Статья поступила 23.05.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 12.01.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Новикова Н.И. Каутокейно против рудника: почему промышленная компания не получила социальную лицензию? // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 4. С. 66–85. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040042> EDN: HXKWIX

Novikova, N.I. 2022. Kautokeino protiv rudnika: pochemu promyshlennaia kompaniia ne poluchila sotsial'nuiu litsenziuu? [Kautokeino vs. Mine: Why Did Not an Industrial Company Receive a Social License?]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 66–85. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040042> EDN: HXKWIX

Взгляд на северную Норвегию российского антрополога неизбежно ограничен рамками предыдущего опыта. Проведенное мною небольшое исследование (около двух месяцев в течение двух лет) позволяет увидеть много общего с Россией во взаимодействии коренных народов и промышленных компаний, но мой исследовательский интерес был в большей степени связан с отличиями. Норвегия развитая и богатая страна, построившая свое благополучие в значительной степени именно на добыче полезных ископаемых. Она на всех уровнях подчеркивает свою приверженность международному праву в отношении коренных народов и была первой из западных стран, ратифицировавшая Конвенцию 169 МОТ. Здесь создан и активно действует Саамский парламент, права коренного народа саами закреплены в Конституции и многих законах страны. Отличие жизни в норвежской Арктике от российской в первую очередь заключается в преодолении стигматизированного положения саами и обеспечении их участия в принятии решений. Цель данного исследования – анализ причин этого уникального кейса: запрета муниципалитета Каутокейно на разработку рудника на оленьих пастбищах шведской компанией “Арктик Голд”. Я планирую рассмотреть правовые основания взаимодействия саами и промышленных компаний в Норвегии, особенно в Финнмарке, а также роль Саамского парламента. Затем я дам анализ оснований и причин принятого решения о запрете выполнения проекта. Основное внимание будет уделено достижению свободного, предварительного и осознанного согласия коренного народа на принятие решений и роли современного культурного развития саами. В заключение я поделюсь своими размышлениями о перспективах антропологического изучения коренного населения арктических территорий в контексте промышленного освоения или отказа от него.

Особенности полевой работы и научный анализ положения саами в Норвегии

Полевое исследование проводилось в рамках проекта¹ луле-саамского культурного центра Арран. Я была рада воспользоваться этой уникальной возможностью, т.к. без организации работ и поддержки со стороны руководителя Свена Р. Нюстё, а также помощи Эммы Уилсон и совместной работы с ней, оно бы не состоялось. Все встречи заранее координировались саамскими участниками проекта, и от всех информантов было получено согласие на использование материалов в печати. Полевое исследование проводилось в сентябре-октябре 2015 г. и марте-апреле 2016 г. Всего было записано около 40 интервью, почти поровну от мужчин и женщин в основном среднего возраста, одна беседа состоялась в гимназии с учениками старших классов, несколько интервью было записано от молодых людей в возрасте 20–30 лет.

В Норвегии существуют отличные от России правила проведения полевых исследований, они не сложнее, но я благодарна коллегам за то, что была ознакомлена с ними до поездки. Кроме того, хотя в Каутокейно часто видят людей из России, иностранный антрополог вызывает и больший интерес, и большую обеспокоенность, но анализ таких отношений не входит в задачу данной статьи. Отмечу лишь, что в России я всегда стараюсь работать с одними и теми же информантами более одного раза. Можно считать удачей две экспедиции в Каутокейно и выбор их времени, который был сделан норвежскими/саамскими коллегами.

Норвежское академическое сообщество много рефлексировало по поводу возможности изучать саами. Некоторые опасения на этот счет мне приходилось слышать и от коллег из других стран. Саамская идентичность, принадлежность к земле Сапми – очень чувствительные темы как для населения, так и для ис-

следователей (Туэн 1990). Роль академического сообщества в определении правового статуса саами подробно описана в анализе кейса Алты (Ландсем 2017). Это дело широко обсуждается в саамском сообществе до сих пор, к нему апеллировали наши собеседники и при обсуждении изучаемого кейса, поэтому я остановлюсь на нем подробнее в данной статье.

При изучении коренных народов в контексте промышленного освоения приходится учитывать и преодолевать недоверие, вызванное длительной политикой норвегизации и давления со стороны промышленных компаний. В такой работе особенно важно соблюдение этических норм, и, может быть, положение иностранного исследователя в чем-то более выигрышно. За столь короткое время проекта по сравнению с десятилетиями работы в России было трудно очень глубоко вникнуть во все проблемы саами, но нам помогли доброжелательность и готовность к диалогу наших информантов.

Правовое положение саами в Норвегии

В Норвегии был длительный период норвегизации и ассимиляции коренного населения. Борьба с самобытностью этого народа была жесткой и жестокой со стороны государства. С конца 1980-х годов политика изменилась, но, как и во многих других странах, вопросы взаимодействия саами с промышленными компаниями сохраняют свою остроту. Саами разделенный народ, они проживают в четырех государствах: Норвегии, Финляндии, Швеции и России. Международное право в отношении них играет особую роль, особенно в Норвегии. Положение коренного населения не только постоянно обсуждается, но и становится основанием для принятия руководящих для трех стран (исключая Россию) положений (Henriksen et al. 2007). Во многих публикациях и дебатах цитируется речь короля Норвегии Харальда V на открытии Саамского парламента, который подчеркнул, что и саами, и норвежцы – важные составляющие норвежского общества: “Норвежское государство было основано на территории проживания двух народов – норвежцев и саамов... Сегодня мы должны принести извинения за ту несправедливость, которую проявило норвежское государство к саамскому народу в ходе жестокой политики норвегизации, от лица государства мы выражаем свои извинения за несправедливое отношение к народу саами” (Лиле 2013). Такую политику государство проводило с XIX в. до 1959 г., когда специальная Комиссия по изучению вопроса саами предложила новую политическую стратегию и полный отказ от прежней линии на ассимиляцию. Потребовалось несколько десятилетий, чтобы ситуация действительно изменилась, были учреждены несколько комитетов по правам саами, фонд и были приняты важные нормативные акты. В 1987 г. был принят акт о созыве Саамедигги (Саамского парламента) и урегулировании других законодательных вопросов в отношении коренного народа (“Акт о саами”). Признание особого статуса саами было закреплено в Конституции страны. Можно отметить несколько знаковых событий в движении за права саами: проект Скотеберг, связанный с претензиями Саамского парламента к Министерству обороны, повышение статуса обычного права (Свенсон 1999; Туэн 2003) и, конечно, строительство дамбы на реке Алта, которое будет рассмотрено подробнее в этой статье.

Меры, которые последовательно применялись с целью сохранения и развития поселений и экономической деятельности саами, включали в себя открытие Фонда развития саами в 1974 г. и Соглашение об оленеводческих хозяйствах 1976 г. По словам современных саамских политиков и активистов, остается ряд нерешенных вопросов, но есть движение в сторону существенного улуч-

шения правового положения коренного народа со стороны государства. Для характеристики политики государства особенно важна Конституция и наличие в ней специальных статей, посвященных коренному народу. Согласно § 110а Конституции Норвегии (в редакции Закона от 27 мая 1988 г.), “в обязанности государственных органов вменяется создание возможностей для того, чтобы народность саами могла обеспечивать и развивать свой язык, свою культуру и свою общественную жизнь” (Конституция Норвегии). Более того, в рамках скандинавского саамского сообщества на межгосударственном уровне подчеркивается роль оленеводства, которое поддерживается как предпринимательская деятельность.

Как отмечают норвежские исследователи (*Ahren 2007*), в Саамской конвенции северных стран подчеркивается, что саамское предпринимательство и природопользование должны быть особо защищены при помощи правовых или финансовых механизмов в той степени, в которой они составляют основание развития культуры. Саамским предпринимательством или природопользованием считаются такие виды деятельности, которые необходимы для поддержания и развития саамских сообществ (ст. 41). Отдельно государство поддерживает саамское оленеводство, подчеркивая, что оно регулируется обычным правом (ст. 42). Важные статьи этого документа касаются обычного права (ст. 9) и организации научной деятельности (ст. 27) (*Henriksen et al. 2007*).

В 1989 г. Норвегия первой из европейских государств ратифицировала Конвенцию 169 МОТ, в которой специально оговорены права коренных народов на землю. В этом же ряду стоит и закон о Финнмарке 2005 г., который определил статус жителей этого региона. Саамский парламент выступил с критикой законопроекта, считая, что в нем недостаточно учтены права коренного народа на землю и не выполнены в полной мере обязательства Норвегии по Конвенции 169 МОТ. Председатель Саамского парламента С.Р. Нюстё заявил: “Должна быть создана комиссия (или иной орган), которая будет изучать правопритязания, основанные на обычном праве, праве давности, праве пользования с незапамятных времен, аборигенном праве, оценивать их и принимать по ним решения (при этом право саами возбуждать иски в норвежских судах сохраняется)” (ПДА 2015: Нюстё). В 2005 г. был принят новый закон о Финнмарке, который учел многие замечания. Была создана Комиссия по определению прав на землю, которая рассматривает вопросы о принадлежащих саами традиционных правах, основанных на обычном праве. В нее входят назначаемые королем лица, включая жителей Финнмарка. Кроме того, создается специальный судебный орган – Суд по некультуривуемым землям Финнмарка (§ 36–43 Акта), который будет разрешать споры по указанным землям (т.е. прежде всего споры, связанные с традиционными кочевьями оленей, поскольку они происходят именно на данных территориях). Состав Суда назначается королем (*Андреев 2007*). Важно также подчеркнуть, что этот закон не содержит этнических отсылок, хотя, возможно, это связано с тем, что большинство населения Финнмарка составляют саами.

В Акте о минералах оговорены специальные права саами, особенно в Финнмарке, уделяется внимание саамской культуре, оленеводству, коммерческой деятельности и общественной жизни, но Саамский парламент продолжает выступать против этого закона. В 2013 г. правительство Норвегии приняло Стратегию для горнодобывающей промышленности, где провозглашено следование “руководящим принципам развития бизнеса в аспекте прав человека ООН”. В этом документе продолжается обсуждение возможности более полной защиты прав саами при промышленной деятельности (*Koivurova et al. 2015: 18–19*). В случае с “Арктик Голд” решение муниципалитета стало возможным благо-

даря новому так наз. саамскому пункту, включенному в Закон о планировании и строительстве, который наделяет муниципалитет полномочиями “защищать естественную основу культуры, экономической деятельности и общественной жизни саами”. Муниципальный совет хотел защитить нынешних пользователей земли, будущее существование оленеводов и дать четкий сигнал правительству о том, что вмешательство в оленеводческие угодья достигло критического уровня. Важным шагом стал отказ муниципалитета от оценки воздействия на окружающую среду (в Норвегии в нее включается и оценка возможного воздействия на общество). Представитель муниципалитета сказал: “Сегодняшнее решение будет важно как для моего, так и для будущих поколений... ОВОС является первым шагом к получению разрешения на горнодобывающую деятельность. Мне не нужно читать ОВОС, чтобы понять природу горнодобывающей деятельности” (Ibid.: 31). Очевидно, что решение муниципального совета было направлено на защиту интересов местного населения, которое выбирало оленеводство и устойчивое развитие в расчете на местные ресурсы. Правовая система государства позволила им это сделать, и правительство не стало оспаривать это решение.

Многие исследователи, которые писали об этом кейсе, сравнивают Каутокейно с параллельно шедшим делом проекта “Нуссир” муниципалитета Квалсунн, где было принято противоположное решение, что придало особую остроту общественным дискуссиям (*Espiritu 2015; Wilson et al. 2017*). В ходе предварительного обсуждения “Арктик Голд” так настроила против себя население, что оно было против оценки воздействия. Многие молодые люди заявляли, что они уже знают, к каким последствиям приводит работа горнодобывающих компаний, и не хотят их видеть в своем родном поселке. Кроме того, если бы была проведена оценка воздействия, то этим вопросом бы уже занимались в Осло и правительство могло бы настоять на своем. В беседах с информантами часто звучала мысль о том, что если ОВОС заказывает компания, то и исследование не будет объективным. Подобные вопросы всегда разрешаются непросто, хотя наши информанты отмечали, что обычно достигается положительное для компании решение.

Сложившаяся ситуация подтверждает идею о том, что законодательство не может в полной мере определять положение коренных народов. В каждом конкретном случае большую роль играют местные обстоятельства и роль местных лидеров и сообщества. Ничто не происходит автоматически. В районах, где встречаются интересы коренных народов и промышленных компаний, очень важен контроль со стороны населения.

Роль Саамского парламента

Важной особенностью Норвегии является существование Саамского парламента (далее СП), учрежденного в соответствии с законом Норвегии № 56 от 12 июня 1987 г. “О Саметинге (Саамском парламенте) и иных правовых вопросах, касающихся народа саами” (*Протопопов 2013*). Одной из удач нашего проекта, безусловно, стали участие и руководство со стороны С.Р. Нюстё, который был президентом норвежского СП в течение двух сроков, с 1997 по 2005 гг., а также встречи и интервью с действующим президентом А. Кескитало.

Мной было взято интервью у С.Р. Нюстё²:

Как СП участвует в процессе взаимодействия коренных и промышленности? Когда возник СП, не было процедуры. Постепенно саами нашли свое место в норвежской системе. Эта процедура закреплена в законе, или парламент может сам выбирать, какие вопросы рассматривать. Объем дел огромен на разных уровнях. Четыре раза в год со-

бирается. Есть система, по которой принимают решение на более низких уровнях. Если компания только начинает работу, то решение принимается на более низком уровне. Если вопрос имеет принципиальное значение, то принимается резолюция на пленарном уровне. Любой депутат может поднять вопрос, который считает важным. Взаимодействие с промышленностью по закону о минералах вызывает много вопросов и критику со стороны парламента. Нас не устраивает, что начинается взаимодействие слишком поздно, СП редко может участвовать в обсуждениях на стадии поиска и разведки. СП частично в курсе о выдаче лицензий, но вопрос иногда кажется невинным. Может какой-то депутат заявить, что на территории кто-то начинает работать, и СП начинает разбираться. Это все происходит в формате дебатов, и выстраивается, какие вопросы более важные. И смотрят законы и решают, хотим ли мы следовать формальным процедурам или принимаем свое решение. Минеральный акт более 10 лет рассматривался. СП может принимать решение, учитывая все локальные особенности. Что касается нефти и газа, их рассматривают иным образом, чем в горнодобывающей промышленности. Сначала нефтью и газом не занимались, так как это на море, на юге. Только когда дошли до севера, стали рассматривать, и возникли принципиальные вопросы о правах саами. Шахты больше связаны с жизнью людей. СП потребуется время, чтобы занять свое место в норвежской правовой системе и международном праве. 130 человек работают при СП. Соглашения бывают с компаниями, но больше с органами государственной власти. Иногда саами приходят к выводу, что их организация недостаточно сильна, чтобы справиться с такими вопросами, когда речь идет о новой промышленности. По законодательству саами оленеводы лучше всего обеспечены информацией, так как они имеют особые права. Через муниципалитет, парламента, региональные власти или через СМИ, иногда через саамские организации. СП отрицательно оценил несколько оценок воздействия, которые были проведены по промышленным проектам (ПДА 2015: Нюстё).

О сложности проблемы с рудниками свидетельствует и интервью с А. Кескитало, действующим президентом СП. По ее словам,

депутаты обсуждали этот вопрос, и первоначально он представлялся ей нейтральным, ведь там был старый рудник. Дискуссия стала острой именно по обсуждению документа об оценке воздействия. А. Кескитало отметила, что у общества очень большое недоверие к таким документам, считается, что этот документ в большей степени отстаивает интересы компании. Механизмом мог бы стать закон о минералах, но СП был против него. Депутаты обсуждали плюсы и минусы рудников, один из их тезисов был связан со стремлением найти возможности для справедливого распределения прибылей от горнодобывающей промышленности – получение акций и т.п. Депутаты от Финнмарка были против рудников и блокировали эти предложения. Тогда СП выбрал стратегию договариваться с каждой компанией отдельно (ПДА 2015: Кескитало).

А. Кескитало рассказала также и о своих встречах с руководством компании “Арктик Голд”. Ее мнение представляет особый интерес: “Они вернулись в 1980-е годы, не поняли, что в Норвегии многое изменилось. Если предприятия хотят начать свою работу, они должны повысить свою компетентность” (ПДА 2015: Кескитало). В СП есть специальный комитет для рассмотрения вопросов с промышленными предприятиями, он возник после дела Алты. Разработан документ, как рассматривать такие взаимодействия, как рассматривать влияние на окружающую среду, а также этические вопросы. Мы неоднократно слышали и от А. Кескитало, и от многих других людей, что компания вела деловые переговоры с местными представителями в ресторане, что они все считают недопустимым. И С.Р. Нюстё, и А. Кескитало однозначно высказывались за более четкое следование принципу свободного, предварительного и осознанного согласия коренных народов на принятие решений при рассмотрении подобных вопросов, причем на более ранних этапах обсуждения. Второе требование СП – не только консультации, к чему стремится правительство, а принятие решений. Лидеры саамского движения здраво оценивают сложность проблемы и работают над ее решением и с правительством, и с норвежским

Рис. 1. Участники проекта с президентом Саамского парламента Айли Кескитало (вторая слева). (Фото автора, 2015 г.)

парламентом, и с международными организациями, чтобы заручиться их поддержкой, и с населением.

Дело Алты

Наряду с законами важную роль в установлении социального диалога бизнеса и коренного народа играют прецедентные события. История отношений Каутокейно – “Арктик Голд” также займет исторически важное место в этом процессе, но первым таким событием стало строительство дамбы на реке Алта. Я несколько раз до этого проекта участвовала в Норвегии в конференциях и всегда слышала о деле Алты, которое рассматривается как отправная точка отстаивания прав саами.

Дело Алты охватывает период с 1968 по 1982 гг. и связано с конфликтом вокруг строительства электростанции в водотоке между Каутокейно и Алтой в районе Финнмарк³. С одной стороны, утверждалось, что развитие энергетики отрицательно скажется на запасах лосося и оленеводстве, с другой – плотина должна была обеспечить технологическое развитие. В 1978 г. было создано “народное оппозиционное движение по развитию водотока Алта – Каутокейно”, а когда парламент дал согласие на план развития, принятый правительством, дело рассматривалось в окружном суде Алты. Летом и осенью 1979 г. и в начале 1981 г. проходили массовые демонстрации, участники которых разбили лагерь в Стилле, где начиналась строительная дорога, группа активистов разместилась рядом со зданием парламента и предъявила четкие требования

правительству, а затем объявила голодовку, но запланированные работы были начаты по решению Верховного суда в 1982 г. Разработка была признана законной. Было жесткое противостояние с полицией, 400 демонстрантов привлекли к ответственности. Дело Алты началось как борьба за защиту реки, но превратилось в борьбу за права саами и решение вопроса о том, могут ли саами рассчитывать на признание их прав как коренного народа и этнического меньшинства со стороны правительства.

В Норвегии в этих событиях активно участвовали не только студенты, в них было вовлечено все научное сообщество северных университетов, в первую очередь Тромсё и Каутокейно. Ученые, в том числе саами, в этот период внесли большой вклад не только в развитие академических исследований, но и в решение практических вопросов защиты прав коренного народа. В университете Тромсё прошел семинар “Права коренных народов: что говорит об этом норвежская юридическая практика?” с привлечением международных исследователей, а также представителей премьер-министра и генерального прокурора. Состоявшиеся дискуссии показали существующую напряженность не только в отношениях с правительственными кругами, но и внутри самого научного сообщества. Л. Ландсем на основании анализа письменных источников и интервью приходит к выводу, что

академическое сообщество в Северной Норвегии внесло свой вклад тремя различными способами: научная критика этого дела, их политическая деятельность и подготовка публичных отчетов. Дело Алты вызвало высокий уровень участия научных кругов, причем основное внимание уделялось правам меньшинств, включая права саамского населения. Академический и политический уровни были тесно связаны друг с другом <...> Все признавали, что исследования имеют политические последствия, но были разные мнения относительно того, в какой степени этим следует заниматься” (Ландсем 2017: 173).

И сегодня при обсуждении прав саами в Норвегии очень часто апеллируют к делу Алты. Но вопрос об участии в таких исследованиях саамских ученых остается нерешенным. Некоторые наши собеседники отмечали, что в случае такого участия может быть общественное давление; в то же время я записала интересное мнение о том, что “ученые не очень ценятся в Каутокейно, там большее значение имеет практическая деятельность человека, что он умеет делать руками” (ПДА 2015: Юльс). Напрашивается любопытная аналогия с Россией: по моим наблюдениям, ученые из числа коренных народов предпочитают темы, связанные с культурой, языком, фольклором и в меньшей степени с политикой, а тем более – со взаимодействием с промышленными компаниями (ср. Лукина 2002: 84–86).

Каутокейно как место проведения исследования

Уже при первых встречах в Норвегии мы слышали об уникальности кейса Каутокейно. В Норвегии полезные ископаемые, в первую очередь нефть, добываются в море; горнодобывающая промышленность на суше развита меньше, и в ней работают в основном иностранные компании. Саами и их организации первоначально не уделяли большого внимания рудникам. В Каутокейно рудник Бийовагги (Biedjovaggi) имеет большую историю (Tone, Brigit 2018). Согласно полевым материалам, с ним связаны неоднозначные характеристики. С одной стороны, в разговорах жители отмечали загрязнение окружающей среды, в том числе озера, на котором многие ловили рыбу. В 1960-е годы на месте пастбищ был медный рудник, после его закрытия планировалась рекультивация земель, но она не была проведена в полном объеме. Администрация вообще считала,

что там только камни и песок, поэтому не стоит тратить много сил и денег на рекультивацию. Проблема недостаточной рекультивации земель уже не раз становилась причиной недовольства и местного, и экспертного сообществ.

С другой стороны, люди помнили, что на руднике были высокие зарплаты, в поселке – более активная жизнь, т. к. приезжала работать молодежь. Это обычная ситуация для подобных районов. Финнмарк – северный район Норвегии, в нем большая концентрация оленеводов, здесь принято специальное законодательство, находятся основные учреждения, связанные с политическим положением и культурой саами. Вместе с тем этот регион занимает второе место в стране после Нурланда по экспорту полезных ископаемых. Все эти обстоятельства не могли не сказаться на отношениях между муниципалитетом Каутокейно и шведской компанией “Арктик Голд”.

В рассматриваемый период в Каутокейно еще больше обострились указанные противоречия. Этот сравнительно небольшой арктический поселок (численность населения около 3 тыс. человек) характеризовался отдаленностью от центров промышленного развития, хрупкой экосистемой, экономическими и социальными проблемами, связанными с безработицей. Фактически вся жизнь поселка строилась на оленеводстве и обслуживающих его предприятиях. В муниципалитете была самая большая концентрация оленеводов, но и самая большая безработица – 6,4%, тогда как средний показатель по стране составлял 3,3% (по данным на 2014 г.) (*Espiritu* 2015).

Золоторудное месторождение в Каутокейно разрабатывалось до закрытия рудника в 1993 г. Его площадка была законсервирована, хотя планировалось создать там музей “индустриального наследия”. В памяти населения эти события живы и активно обсуждались после 2011 г., когда шведская компания “Арктик Голд” стала готовиться к возобновлению работ. Первоначально проект был одобрен советом муниципалитета и мэром, но местное население выступило против (*Espiritu* 2015; *Wilson et al.* 2017; ПДА 2015). При этом очевидно,

Рис. 2. Место старого рудника. (Фото автора, 2015 г.)

что и руководство компании, и мэр Каутокейно сосредоточились на краткосрочной перспективе получения выгоды для поселка.

Уже в этот период стало очевидным, что политика компании не соответствует ожиданиям коренного и местного населения, а поведение ее представителей только настраивает против них общественное мнение. В прессе генерального директора “Арктик Голд” назвали “высокомерным”, в социальных сетях была распространена его фотография в техасской шляпе, и его окрестили “ковбоем”. Уже в 2013 г. позиция муниципалитета изменилась (*Wilson et al.* 2017: 155).

В сентябре 2015 г. состоялась встреча нашей группы с мэром К. Хетта. Он подробно, буквально по датам описал нам историю взаимодействия со шведской компанией “Арктик Голд”. Формат статьи не позволяет приводить столь подробные данные, поэтому ограничусь их общей характеристикой.

В ходе консультаций компания получила конкретные замечания от оленеводов по изъятию двух участков из шести запрошенных территорий, так как они связаны с коральными работами. Кроме того, вопросы возникли по количеству предоставляемых компанией рабочих мест для местных, выплатам в бюджет поселка. Началось юридическое разбирательство. Компания настаивала на том, что коммуны не могут принимать такие решения по планированию. Муниципалитет попросил помощи у министерства. Долго ждали ответ, получили: это сложный вопрос для правительства. 22.11.12 – 05.07.2013 – столько ждали ответ от министерства юстиции: возможно, муниципалитету не нужно принимать такие решения. Муниципалитет решил, что они имеют право, но они опасались, что их привлекут к ответственности. Было неясно, куда пойдут доходы от рудника. Компания предлагала большую сумму администрации, большую, чем по налогам. Муниципалитет хотел, чтобы компания зарегистрировалась и платила налоги в местный бюджет, делала закупки в местных магазинах, оплатила учебу местным, чтобы они потом смогли работать в компании. Должен был быть создан специальный фонд поддержки культуры. В этом соглашении предусмотрены обязательства компании больше, чем по закону (ПДА 2015: Хетта).

Политика “Арктик голд” была связана со многими ошибками; помимо неуважительного отношения к местному населению представители компании также пытались за спиной муниципалитета договориться с правительством, незтично вели переговоры: приглашали отдельные группы в ресторан, не провели консультации с теми оленеводами, которых это непосредственно касается. Они обратились в консалтинговую фирму, у которой была плохая репутация в оленеводческом сообществе, вели свои консультации через непопулярных в сообществе людей. Сошлюсь на мнение Э. Еспириту, работающей в Норвегии. Она исследовала политику по достижению соглашения, то есть получения социальной лицензии двух компаний: “Арктик Голд” в Каутокейно и “Нуссир” в Квалсунне. Еспириту также пришла к выводу, что политика “Арктик Голд” и ее конкретные действия были ошибочными: “В большинстве местностей, где планируется работа добывающей промышленности, особенно в тех, где присутствует коренное население, требуется установление диалога и дискуссия о допустимом поведении компании в пределах установленных политических, социальных, экономических, традиционных и культурных норм. Такие требования – это в совокупности и есть то, что называется социальной лицензией на разработку месторождения” (*Espiritu* 2015).

“Арктик Голд” – это шведская компания, которая наняла консалтинговую фирму, проводившую неверную политику и совершенно не учитывавшую интересы местного населения и оленеводов, поэтому было очевидно, что муниципалитет им откажет. Наши полевые материалы подтверждали общее мнение о некомпетентной политике компании. Ее представители пытались внести раскол в местное сообщество, по отдельности встречались с разными группами оленеводов. “Арктик Голд” пыталась опираться на местную компанию по бу-

рению, которая приобрела 2% акций, а также пригласила выступить в прессе оленевода, который поддержал компанию, т.к. на его пастбища планируемая деятельность не оказывала влияния. В газетах было несколько статей, в которых высказывались разные точки зрения. Решение должны были вынести местные депутаты. На улице их встречали плакаты “Спасибо, что поддерживаете будущее”, “Это наше золото – сердце оленя и ягода”. После этого проект “Арктик Голд” был снят с повестки. Депутаты сказали “нет”, но потом решили, что нужно дождаться новых выборов и общего мнения населения, т.к. много разных точек зрения (ПДА 2015).

У нас состоялось несколько встреч и было записано большое интервью с центральной фигурой конфликта И.М. Триумфом, представителем сообщества, чьи пастбища попадали в зону воздействия планируемого рудника. Триумф подробно объяснил, почему они выступили против проекта “Арктик Голд”. “Там, где рудник, ягель не растет”, – сказал он. Его сида (группа) уже много поколений использует эти пастбища осенью (период гона у оленей) и весной (период отела). Это очень важные времена для саами. Расположенное около рудника озеро в прошлом было загрязнено, и местное население до сих пор не уверено, что в нем можно ловить рыбу. Как сказал Триумф: “Рудники думают только о деньгах, когда они работали, люди не могли свободно дышать. Если бы это было в другом районе, не на таком важном месте, то, может, мы и могли бы согласиться. Рудники и оленеводы рука об руку ходить не могут”. Он также охарактеризовал политику компании “Арктик Голд” как абсолютно неприемлемую для саами. Триумф связал политику государства по ограничению количества оленей в семьях саами с его стремлением развивать горнодобывающую промышленность в Финнмарке. Конфликт был настолько острым, что саами были готовы идти в суд, если муниципалитет примет решение в пользу компании. Матиас сказал: “У нас был такой план, но это очень страшно: несколько саами против богатой Норвегии. Нам нужно прояснить правовые вопросы. Мы должны беспокоиться о будущем, мы должны этим заниматься насколько долго существует этот мир” (ПДА 2015, 2016: Триумф). Подобные взгляды высказывали и другие оленеводы, но именно Триумф уточнил, что рудник может нарушить ядро культуры саами.

В 2016 г. состоялись выборы, и новый мэр Ю. Васара и муниципалитет приняли решение запретить работу компании “Арктик Голд” на руднике. Очень важно подчеркнуть, что рассматриваемый вопрос имел политическое значение, – это было решением, принятым партиями. Вместе с тем мэр подчеркнул, что это политическое решение основано на локальном мнении населения и оленеводов, это решение “тех, кто работает на земле”. Мэром стал молодой человек 27 лет, выросший на севере и знающий проблемы рудника и пастбищ со школьных лет. Он заявил, что это ответственность саами перед миром за сохранение ресурсов. Однако нельзя сказать, что оленеводы против любой промышленной деятельности сегодня:

Может быть достигнуто соглашение, но под строгим контролем государства. Оно должно строиться на общих законах страны, так как права человека защищаются законами. Для саами также важны международные нормы, и Конвенция 169 МОТ делает процесс контроля более строгим. Нет универсального руководства, но не нужно ставить отдельные объединения саами-оленеводов, муниципалитеты в положение, когда они должны вступать в отношения с компанией один на один, государство не может уходить из этой сферы (ПДА 2016: Васара).

В заключении нашей беседы он сказал: “Мы стараемся предотвратить конфликты компаний с оленеводами и государством, но на ближайшие четыре

Рис. 3. Один из ключевых информантов Исаак Матиас Триумф в своем чуме.
(Фото автора, 2016 г.)

года здесь не будет работать “Арктик Голд”, мы будем заниматься текущими делами сообщества” (Там же).

Во время нашей беседы мэр произвел на меня большое впечатление как своей включенностью в дела саами, так и зрелым правовым подходом управленца-политика. Несмотря на свой молодой возраст, он уже был членом Саамского парламента и продолжал работать в сотрудничестве с ним. Очень показательно, что мэром стал молодой человек. Мы видели, и это подтверждают люди, с которыми мы беседовали, что в Каутокейно много молодежи, причем часто это люди, получившие образование и специальность и вернувшиеся жить и работать на севере.

Интересный взгляд на проблему предложила хозяйка серебряного центра “Juhls Silver Gallery” (основан в 1959 г. ее родителями) и глава местного бизнес-сообщества Р. Юльс. Она не саами, но ее дети ходят в саамскую школу и учат язык. В центре работает 17 мастеров, которые делают уникальные серебряные украшения. Галерея – это не только мастерская и магазин, но и очень интересный выставочный и концертный зал, музей. Р. Юльс сказала:

Рудник – это легкий путь сделать деньги, но при этом он разрушает все, не только природу, но и культуру. Компании не думают об альтернативных путях. Конфликт из-за рудника проходит через семью, но многие молодые не хотят уезжать отсюда, они учатся оленеводству. В соцсетях много фотографий оленей, люди в маленьком сообществе меньше говорят, но больше чувствуют свою принадлежность к этой земле (ПДА 2015: Юльс).

Во время проведения полевого исследования состоялись встречи с разными группами населения. Резюмируя интервью и отвлекаясь от частных мне-

ний, можно выделить несколько ключевых позиций. Во-первых, значение оленеводства как основы идентичности саами. Оленеводы, в том числе те, чьи пастбища попадали в зону воздействия проекта, высказывали отрицательное мнение о планируемой деятельности компании, и это стало определяющим для Каутокейно. Они подчеркивали, что все земли уже заняты, оленеводам некуда уходить, чтобы дать место руднику. Компания не продумала свою социальную политику, те крохи, которые они предлагали, не могли удовлетворить оленеводов; “Арктик Голд” могла дать работу лишь единицам, тогда как большая часть сообщества осталась бы без средств к существованию. Также важным является то, что многие молодые люди выступили против рудника, они хотели получить образование, специальность, но потом вернуться в Каутокейно и жить там.

Во-вторых, в норвежской научной литературе случай с этим рудником рассматривается в контексте онтологической безопасности и ценностной важности ландшафта для местного населения. Местный политик описывает использование ландшафта таким образом:

В норвежском образе мышления вы используете природу для экономических или рекреационных целей. Тем не менее, здесь у нас есть третья концепция, которая для нас важнее, чем две другие. Мы не идем в ландшафт для отдыха; мы собираем. Мы используем природу в нашей повседневной семье; мясо, рыбу или ягоды. Для нас природа невероятно ценна (*Tone, Brigit* 2018: 194).

Чтобы нас понять, Вам нужно просто посмотреть в окно (*Ibid.*).

Такие яркие высказывания приводятся в книге “The Will to Drill – Mining in Arctic Communities” для обоснования культурной и онтологической ценности природы и ландшафта для саами (*Ibid.*). Чувство родства с ландшафтом, когда люди “ладят” с природным окружением, важно не только для саами, но и для большинства местного населения. Именно это чувство причастности к местной земле и стало главной причиной отказа компании “Арктик Голд”. В данном случае произошло столкновение мировоззрений, когда местные ресурсы охоты, рыболовства, оленеводства и собирательства стали для населения главными “предметами роскоши”. А собирать их им позволило именно единение с ландшафтом, и в этом саами видят свое отличие от “норвежцев”, которым они объясняли свою позицию во время исследования “урбанизированных норвежских ученых” (*Ibid.*). Только собранное самими людьми в природном окружении, а не привозное или купленное, дает жителям Каутокейно ощущение онтологической безопасности, и на таком подходе настаивают многие коренные народы. Именно этот взгляд приводит к конфликтам с добывающей промышленностью и показывает, почему это не только и не столько вопрос денег. Для местного населения важен вопрос занятости, но еще большую значимость имеет “возможность использовать местные ресурсы, имеющие устойчивую продовольственную, культурную и экономическую ценность” (*Larsen et al.* 2004: 122). В обеспечении безопасности существенную роль играют местные ресурсы и знания, поэтому коренные народы настаивают на постоянных транспарантных процессах консультаций, на том, что распределение выгод должно строиться и на их знаниях (*Wynberg et al.* 2009: 349). Достижение онтологической безопасности строится на рутинизации повседневных практик (*Гидденс* 1994), а в случае с рудником Бийовагги – также на устойчивом чувстве спокойного существования в привычном освоенном ландшафте, где люди хотят быть уверенными в порядке и предсказуемости своего места в социуме, стране, регионе, мире, ощущать онтологическую безопасность (*Худайкулова, Неклюдов* 2019).

Результаты полевого исследования в Каутокейно

Первое впечатление, которое сложилось на основании полевых материалов, фильмов и обсуждений – компания вела себя неправильно, она не учитывала правовое положение саами в Норвегии и значение Каутокейно для сохранения Сапми – земли саами. Эта гипотеза находит подтверждение в истории взаимодействия муниципалитета и “Арктик Голд”. В сентябре 2015 г., когда мы проводили полевые исследования в Каутокейно, было много высказываний о том, что оленеводство слишком много значит для этого региона, чтобы можно было пойти на риск потери или ухудшения пастбищ. Особое место Каутокейно в саамской культуре и устойчивое развитие оленеводства в этом районе предопределили позицию муниципалитета и судьбу горнодобывающей промышленности.

Что особенно удивительно, по сравнению с российскими поселениями коренных народов, Каутокейно направлен на развитие, в будущее. В маленьком арктическом населенном пункте зарегистрировано 100 предприятий малого бизнеса, многие из которых обслуживают оленеводство. Инфраструктура обеспечивает образовательные, культурные и экономические потребности саами. Хотя политика правительства строго регламентирует размеры семейных стад, что является сдерживающим фактором их свободного экономического развития, в рамках скандинавского саамского сообщества на межгосударственном уровне оленеводство поддерживается как предпринимательская деятельность. Более того, как уже упоминалось, Саамская конвенция северных стран защищает саамское предпринимательство и природопользование как основание для развития саамской культуры, а оленеводство пользуется особой поддержкой государства, регулируясь нормами обычного права (*Henriksen et al.* 2007).

В ходе осмысления полевых материалов появилась вторая гипотеза: дело не только в компании, но и в самом Каутокейно как центре профессиональной культуры и науки саами (Новикова 2020). Здесь особенно видна справедливость слов о том, что в Норвегии живут два народа. В Каутокейно работают Международный центр изучения оленеводства, офис Саамского парламента (штаб-квартира находится в Карасйоке), Центр декоративно-прикладного искусства, Центр защиты прав коренных народов, Саамский театр, гимназия, музей.

В Каутокейно есть уникальные учебные заведения, в том числе Саамский университетский колледж (высшая школа) прикладных исследований, занимающийся подготовкой специалистов и ведущий научную деятельность по изучению и сохранению культуры и языка саами. Для обучения саамскому языку туда приезжают студенты из других стран, в том числе из России. Недавно был открыт бакалавриат по подготовке специалистов для работы в оленеводстве. Обучение ведется на саамском языке. Нам удалось взять интервью с организатором бакалавриата М.Н. Сара.

В бакалавриат принимаются все желающие, но пока там обучаются только женщины из оленеводческих семей. Они должны учиться три года, но иногда уходят раньше. Руководитель курса считает, что они должны получить знания в первую очередь для административной работы, которые включают как традиционные знания, так и юриспруденцию, естественнонаучные дисциплины, социальные науки. Некоторые оленеводы считают, что научиться оленеводству можно только в семье, но в последние годы слишком много новаций в этой деятельности. Оленеводы используют новые технологии, дети живут в поселке и учатся в школе, много строительства, которое влияет и на пастбища, и в целом на состояние окружающей среды. Оленеводы вступают в контакт не только внутри сообщества, но и с промышленными компаниями, органами власти и т.п. Все это нужно учитывать при обучении, а также важно сделать саамский язык академическим, особенно в сфере традиционных знаний, которые по-прежнему являются руководством для оленеводов. Он отметил, что это “саамское знание, его нет на норвежском языке” (ПДА 2015: Сара).

Почему создание этой системы стало возможно именно в Каутокейно? Здесь есть база для этого: в Каутокейно существуют Международный центр по изучению оленеводства и уникальная гимназия. В ней учатся много детей, “имеющих оленеводческие корни”, и учителя имеют возможность преподавать на саамском языке, хотя часть предметов, таких как физика, химия и т.п., проводится на норвежском. В школе обучается около 100 детей, обучение продолжается 13 лет: десять – обычная школьная программа, три года – гимназия. Выпускники получают право выбора: они могут поступить в университет или стать подмастерьями в оленеводческих хозяйствах своих семей, а позже продолжить образование, если захотят. Есть несколько детей, которые изучают саамский язык дистанционно. Мне удалось поговорить с учениками гимназии; мне понравились их спокойствие и самостоятельность в высказываниях, они с раннего детства знакомятся с оленеводством и воспринимают его как свой образ жизни. Правда, некоторые информанты сообщали, что и в школе есть противоречия; некоторым детям из оленеводческих семей приходилось слышать, что из-за того, что их родители против развития рудников, в бюджете мало денег и школа не может оборудовать спортзал. Часть преподавателей говорила, что для развития высшего образования нужна более широкая база, а общество, нацеленное на культуру и экологию, не сможет конкурировать с экономически сильными и промышленно развитыми. Но эти дискуссии лишь подтверждают убеждение в большом потенциале развития местного сообщества, обдумывающего альтернативы современного развития.

* * *

“Политический, а не экологический характер имеет их маргинальность. Выживание указанных народов зависит от применения традиционных способов взаимодействия с природой, а также от способности к созданию своего собственного образа жизни, своего языка и своих обычаев, завершенного комплекса символов и идиом, объединенных в единую непрерывную систему идентификации (самосознания)” (Туен 1990). Этот вывод норвежского исследователя очень важен для понимания того, что ресурсные конфликты носят не столько экологический, этнический характер, сколько политический. Именно поэтому их разрешение лежит в правовой сфере, в изменении/склонении большинства к учету мнения меньшинства/коренных народов. Существенное влияние на процессы взаимодействия коренных народов и промышленных компаний оказывает этика корпоративной социальной ответственности бизнеса. Все больше компаний в мире стараются строить свою работу в соответствии с международными стандартами и нормами устойчивого развития и прав коренных народов. Но превалирует все равно национальное законодательство и правовая культура всех стейкхолдеров, а также влияние на принятие решений, обладание механизмами такого влияния. Для коренных народов важнейшим таким механизмом является принцип свободного, предварительного и осознанного согласия на принятие решений. Описанный случай демонстрирует важность принципов международного права для защиты интересов коренных народов, возможности альтернативных путей развития и важность права сказать “нет” планируемой деятельности.

Опыт Каутокейно показывает также, что решения зависят не только от формальных норм, но и от потенциальной возможности коренных народов полагаться на собственные силы и собственные ресурсы. Современная Норвегия, как и весь мир, знает различные варианты развития подобных ситуаций. При всех локальных особенностях Каутокейно показывает путь к действительному

Рис. 4. Перед церковью на Пасху, Каутокейно. (Фото автора, 2016 г.)

политическому партнерству. Мэр Каутокейно высказал важную мысль о том, что решение должно приниматься с позиции сиידа (объединения оленеводов). Обращает на себя внимание и еще одно обстоятельство – стремление к онтологической безопасности. Многие оленеводы и активисты говорили нам о том, что они хотят заниматься своим делом – оленями, наукой, искусством, любой другой реальной деятельностью, а не бесконечными переговорами с промышленниками и политиками. Людей привлекает обычная жизнь, строящаяся на благополучии, психологическом комфорте, родном языке и отсутствии дискриминации.

Благодарности

Выражаю благодарность рецензентам, редколлегии и редакции журнала “Этнографическое обозрение”.

Примечания

¹ Полевые исследования проведены в рамках проекта “Indigenous Peoples and Resource Extraction in the Arctic – Evaluating Ethical Guidelines”, организованного Арран Луле Саами Центром. Проект финансировался Министерством иностранных дел Норвегии в 2014–2016 гг., его научным руководителем был Пирс Витебски (Piers Vitebsky). В полевых исследованиях в Каутокейно, помимо автора, принимали участие Свен Роальд Нюстё (Sven Roald Nystø), Эмма Уилсон (Emma Wilson), Айке Нилас Педер Селфорс (Aike Niillas Peder Selfors). Пользуюсь случаем поблагодарить их, а также еще одного участника проекта Флориана Штаммлера (Florian Stammler).

² В записи этого интервью мне оказал помощь Ф. Штаммлер в 2015 г. в г. Осло.

³ В данном случае я пользуюсь подробным описанием событий и роли академического сообщества, выполненным Л.И. Ландсем, аспиранткой Университета Тромсё (*Ландсем* 2017).

Источники и материалы

Конституция Норвегии – Конституция Норвегии. <http://www.norge.ru/constitutisia/> (дата обращения: 16.05.2021).

ПДА 2015 – Полевой дневник автора. Экспедиция в Каутокейно, сентябрь-октябрь 2015 г. (информанты: Свен Роланд Нюстё, Айли Кескитало, Миккель Нилс Сара, Исаак Матиас Триумф, Клемент Хетта, Регина Юльс).

ПДА 2016 – Полевой дневник автора. Экспедиция в Каутокейно, март-апрель 2016 г. (информанты: Юхан Васара, Исаак Матиас Триумф).

Научная литература

Андреев К.Ю. Подготовка и принятие нового закона о Финнмарке 2005 г. (Норвегия) в контексте обеспечения прав саамов (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: реферативный журнал. 2007. № 1. С. 57–64.

Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5. С. 107–134.

Ландсем Л.И. Исследование меньшинств: между наукой и политикой // Арктика и Север. 2017. № 27. С. 165–189.

Лиле Х.Х. Права человека и права коренных народов в системе ООН. Введение в тему с особым акцентом на права саамского народа // *Gáldu Čála: Journal of Indigenous Peoples Rights*. 2013. № 1. С. 1–63.

Лукина Н.В. Наука как форма общественного развития северных этносов. Томск: Изд-во ТГУ, 2002.

Новикова Н.И. Почему в Каутокейно отказались от рудника // Этнокультурная идентичность: феноменология и вариативность в контекстах истории XIX–XXI веков: Материалы Девятнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: Российский этнографический музей, 2020. С. 219–223.

Протопопов С.И. Об особенностях зарубежного законодательства о Севере // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. № 2. С. 178–187.

Свенсон Т. Полномочия саамов и юридический плюрализм: самоопределение коренного народа в действии // Обычное право и правовой плюрализм / Отв. ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 1999. С. 47–52.

Туэн Т. Культурная и этническая непрерывность у коренных народов Севера: некоторые антропологические подходы // Советская этнография. 1990. № 5. С. 56–64.

Туэн Т. Обычное право и права саами в Норвегии // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии / Отв. ред. Н.И. Новикова. М.: Стратегия, 2003. С. 103–124.

Худайкулова А.В., Неклюдов Н.Я. Концепция онтологической безопасности в международно-политическом дискурсе // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 12 (6). С. 129–149. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-6-69-129-149>.

Ahren M. The Saami convention // *Gáldu Čála: Journal of Indigenous Peoples Rights*. 2007. No. 3. P. 8–39.

- Espiritu A.* Kautokeino and Kvalsund Compared: Rejection and Acceptance of Mining in Communities in Northern Norway // *The Northern Review*. 2015. No. 39. P. 53–65.
- Henriksen J.B., Scheinin M., Ahren M.* The Saami People's Right to Self-Determination // *Gáldu Čála: Journal of Indigenous Peoples Rights*. 2007. No. 3. P. 52–97.
- Koivurova T. et al.* Legal Protection of Sami Traditional Livelihoods from the Adverse Impacts of Mining: A Comparison of the Level of Protection Enjoyed by Sami in Their Four Home States // *Arctic Review on Law and Politics*. 2015. Vol. 6. No. 1. P. 11–51. <https://doi.org/10.17585/arctic.v6.76>
- Larsen J.N. et al.* (eds.) *Arctic Human Development Report*. Akureyri: Stefansson Arctic Institute, 2004.
- Tone M., Brigte D.* The Municipal No to Mining. The Case Concerning the Reopening of the Biedjovaggi Gold Mine in Guovdageainnu Municipality, Norway // *The Will to Drill – Mining in Arctic Communities* / Ed. D. Brigte, I. Bay-Larsen, B. Skorstad. Cham: Springer, 2018. P. 175–195. https://doi.org/10.1007/978-3-319-62610-9_9
- Wilson E., Hansen A., Rowe E.* Imagining the Future: Local Perceptions of Arctic Extractive Projects that didn't happen // *Arcticness. Power and Voice from the North* / Ed. I. Kelman. London: UCL Press, 2017. P. 130–150.
- Wynberg R., Schroeder D., Chennells R.* (eds.) *Indigenous Peoples, Consent and Benefit Sharing: Lessons from the San-Hoodia Case*. Heidelberg; London; New York: Springer Dordrecht, 2009. <https://doi.org/10.1007/978-90-481-3123-5>

Research Article

Novikova, N.I. Kautokeino vs. Mine: Why Did Not an Industrial Company Receive a Social License? [Kautokeino protiv rudnika: pochemu promyshlennaia kompaniia ne poluchila sotsial'nuiu litsenziu?] *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 66–85. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040042> EDN: HXKWIX ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Natalia Novikova | <http://orcid.org/0000-0002-5686-1104> | natinovikova@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

indigenous peoples, local community, Arctic, Kautokeino, mining, social license, legal basis of extractivism, culture, language, education

Abstract

The article presents the conflict between the Swedish mining company and the local community of Kautokeino (Norway), related to attempts to restore the old mine on the autumn pastures of reindeer herders. An analysis of a unique case not only in the history of Norway, but also in the world, when the municipality of a small Arctic settlement said “no” to the mining company, stopped the development of the mine, shows an example of the development of the local community in the calculation of its own strength. The study is based on field materials collected in Kautokeino in 2015–2016. Interviews were held and recorded with reindeer herders, employees of the administration, cultural and educational institutions, small businesses and an industrial company, as well as with participants in an international scientific project and other researchers. Of particular interest are materials on the infrastructure and

demographics of the settlement, where reindeer herding is actively developing, various types of entrepreneurial activities to support it, culture and science, as well as a significant percentage of young people. The interaction of the population and the mining company is considered through the lens of a social license.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 20-68-46043]

References

- Andreev, K.Y. 2007. Podgotovka i priniatie novogo zakona o Finnmarke 2005 (Norvegiia) v kontekste obespecheniia prav saamov (obzor) [Preparation and Adoption of the New Finnmark Act 2005 (Norway) in the Context of Sami Rights (Review)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Ser. 4. Gosudarstvo i pravo: referativnyi zhurnal* 1: 57–64.
- Giddens, E. 1994. Sud'ba, risk i bezopasnost' [Fate, Risk and Safety]. *THESIS* 5: 107–134.
- Landsem, L.I. 2017. Issledovanie men'shinstv: mezhdou naukoj i politikoj [Research on Minorities: between Science and Politics]. *Arktika i Sever* 27: 165–189.
- Lile, K.K. 2013. Prava cheloveka i prava korennykh narodov v sisteme OON. Vvedenie v temu s osobym aktsentom na prava saamskogo naroda [Human and Indigenous Rights in the United Nations System. Introduction to the Topic with a Special Focus on the Rights of the Sami People]. *Gáldu Čála: Journal of Indigenous Peoples Rights* 1: 1–63.
- Larsen, J.N., et al. (eds.) 2004. Arctic Human Development Report. Akureyri: Stefansson Arctic Institute.
- Lukina, N.V. 2002. *Nauka kak forma obshchestvennogo razvitiia severnykh etnosov* [Science as a Form of Social Development of Northern Ethnic Groups]. Tomsk: Izdatel'stvo TGU.
- Novikova, N.I. 2020. Pochemu v Kautokeino otkazalis' ot rudnika [Why Kautokeino abandoned the Mine]. In *Etnokul'turnaia identichnost': fenomenologiya i variativnost' v kontekstakh istorii XIX–XXI vekov: Materialy Deviatnadsatnykh Mezhdunarodnykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii* [Ethnocultural Identity: Its Phenomenology and Variability in the Context of the History of 19th – 21st Centuries. The Materials of 19th International St. Petersburg's Ethnographic Readings]. St. Petersburg: Rossiiskii etnograficheskii muzei: 219–223.
- Protopopov, S.I. 2013. Ob osobennostiakh zarubezhnogo zakonodatel'stva o Severe [On the Peculiarities of Foreign Legislation on the North]. *Vestnik RUDN. Seriya Yuridicheskie nauki* 2: 178–187.
- Svenson, T. 1999. Polnomochiia saamov i iuridicheskii pliuralizm: samoopredelenie korenno go naroda v deistvii [Sami Powers and Legal Pluralism: Indigenous Self-determination in Action]. In *Obychnoe pravo i pravovoi pliuralizm* [Common Law and Legal Pluralism], edited by N.I. Novikova and V.A. Tishkov. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN: 47–52.
- Tuen, T. 1990. Kul'turnaia i etnicheskaia nepreryvnost' u korennykh narodov Severa: nekotorye antropologicheskie podkhody [Cultural and Ethnic Continuity among the Indigenous Peoples of the North: Some Anthropological Approaches]. *Sovetskaia etnografiia* 5: 56–64.
- Tuen, T. 2003. Obychnoe pravo i prava saami v Norvegii [Customary Law and Saami Rights in Norway]. In *Olen' vseгда prav. Issledovaniia po yuridicheskoi antropologii* [The Deer Is Always Right. Studies in Legal Anthropology], edited by N.I. Novikova, 103–124. Moscow: Strategia.

- Khudaikulova, A.V., and N.Y. Nekliudov. 2019. Kontseptsiiia ontologicheskoi bezopasnosti v mezhdunarodno-politicheskom diskurse [The Concept of Ontological Security in International Political Discourse]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* 12 (6): 129–149. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-6-69-129-149>.
- Ahren, M. 2007. The Saami convention. *Gáldu Čála: Journal of Indigenous Peoples Rights*: 38–39.
- Espiritu, A. 2015. Kautokeino and Kvalsund Compared: Rejection and Acceptance of Mining in Communities in Northern Norway. *The Northern Review* 39: 53–65.
- Henriksen J.B., M., Scheinin, and M. Ahren. 2007. The Saami People's Right to Self-Determination. *Gáldu Čála: Journal of Indigenous Peoples Rights* 3: 52–97.
- Koivurova, T. et al. 2015. Legal Protection of Sami Traditional Livelihoods from the Adverse Impacts of Mining: A Comparison of the Level of Protection Enjoyed by Sami in Their Four Home States. *Arctic Review on Law and Politics* 6 (1): 11–51. <https://doi.org/10.17585/arctic.v6.76>
- Tone, M. and D. Brigt. 2018. The Municipal No to Mining. The Case Concerning the Reopening of the Biedjovaggi Gold Mine in Guovdageainnu Municipality, Norway. In *The Will to Drill – Mining in Arctic Communities*, edited by D. Brigt, I. Bay-Larsen, and B. Skorstad, 175–195. Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-62610-9_9
- Wilson, E., A. Hansen, and E. Rowe. 2017. Imagining the Future: Local Perceptions of Arctic Extractive Projects that didn't happen. In *Arcticness. Power and Voice from the North*, edited by I. Kelman, 130–150. London: UCL Press.
- Wynberg, R., D. Schroeder, and R. Chennells (eds.). 2009. *Indigenous Peoples, Consent and Benefit Sharing: Lessons from the San-Hoodia Case*. Heidelberg: Springer Dordrecht. <https://doi.org/10.1007/978-90-481-3123-5>

МАМОНТОВАЯ КОСТЬ, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО: НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ И ИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ

О.В. Васильева, А.Р. Федорова, А.А. Слепцова

Ольга Валерьевна Васильева | <http://orcid.org/0000-0001-9992-4163> | ovasileva.igi@mail.ru | к. пол. н., старший научный сотрудник | Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (ул. Петровского 1, Якутск, 677027, Россия)

Айтали́на Родионо́вна Федоро́ва | <http://orcid.org/0000-0002-6487-3914> | aytap@mail.ru | младший научный сотрудник | Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (ул. Петровского 1, Якутск, 677027, Россия)

Айтали́на Алексе́евна Слепцо́ва | <http://orcid.org/0000-0002-8774-2570> | aytalina92s@gmail.com | младший научный сотрудник | Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (ул. Петровского 1, Якутск, 677027, Россия)

Ключевые слова

Арктика, Якутия, мамонт, добыча мамонтового бивня, антропология государства, неформальные практики природопользования, косторезный промысел

Аннотация

В статье рассматривается современная ситуация сбора мамонтовой кости, имеющего длительную историю в Якутии. В настоящее время сбор кости с коммерческими целями законодательно не отрегулирован, что формирует область теневой экономики. Особое внимание уделено социальным условиям жизни населения в якутской Арктике, провоцирующим к неформальному природопользованию, практике сбора останков мамонтовой фауны, а также тому, как сами жители сельской местности в северных районах осмысливают это явление. Статья основана на результатах полевых исследований авторов, проведенных в период с 2013 по 2021 гг. Показано, что трансформация социальной действительности в постсоветское время создает условия для развития неформальной экономики. Часть населения якутской Арктики вовлечена в неформальные практики природопользования в сфере сбора останков мамонтовой фауны. Значительную роль в функционировании теневой экономики играют социальные связи. При этом сборщиками эксплуатируется политика идентичности как попытка дистанцирования от государственного регулирования, что в этнографической традиции принято объяснять антиномией государства и коренных малочисленных народов Севера.

Работа выполнена с использованием научного оборудования ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН № 13.ЦКП.21.0016

Статья поступила 26.11.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 15.04.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Васильева О.В., Федорова А.Р., Слепцова А.А. Мамонтовая кость, общество и государство: неформальные практики природопользования на Северо-Востоке России и их социально-экономический эффект // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 86–108. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040054> EDN: XLMXM

Vasileva, O.V., A.R. Fedorova, and A.A. Sleptsova. 2022. Mamontovaia kost', obshchestvo i gosudarstvo: neformal'nye praktiki prirodopol'zovaniia na Severo-Vostoke Rossii i ikh sotsial'no-ekonomicheskii effekt [Mammoth Tusk, Society, and the State: Informal Practices of Natural Resource Use in the North-East of Russia and Their Social and Economic Impact]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 86–108. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040054> EDN: XLMXM

По разным оценкам, около 80% всех мировых запасов ископаемой мамонтовой кости, спрос на которую существенно поднялся после запрета на торговлю слоновою костью, находится на территории Республики Саха (Якутия) преимущественно в северной ее части и составляет порядка 139 тысяч тонн (Боескоров и др. 2008; Смирнов 2003). Хорошая сохранность палеонтологических останков обусловлена климатическими особенностями региона, а именно наличием вечной мерзлоты. В настоящее время сбор мамонтовой кости с целью продажи является одним из важных источников “жизнеобеспечения” в арктических селах Якутии. Однако в силу ряда причин законодательно вопрос эксплуатации недр для коммерческого использования данного ресурса так и не был решен. Пробелы в законодательстве приводят к формированию теневой индустрии, связанной с поиском, добычей и продажей мамонтовой кости, и определенным образом влияют на этносоциальную обстановку на севере Якутии. В данной статье на основе полевых материалов мы попытаемся описать по возможности наиболее полно этот в настоящее время малоизученный вид северного природопользования, в котором задействовано значительное число жителей северных поселков Республики Саха (Якутия), а также определить, какие эффекты этот вид природопользования порождает в социальной, экономической сферах и политике идентичности.

Методы и обзор литературы

Разговоры о таком виде природопользования, как сбор ископаемой мамонтовой кости, неудобны для жителей северных поселков, и хотя в последующем часть информантов отрицала, что в этой деятельности есть какие-либо элементы противозаконности, говорить о ней решались не многие. Статья основана на полевых исследованиях, проведенных авторами в период с 2013 по 2021 гг. В частности, были применены такие методы исследования, как включенное наблюдение, полужурналированные интервью, а также анализ документов, регламентирующих сферу сбора мамонтовой кости. Первые наблюдения в данной сфере были составлены в Булуномском, Усть-Янском и Аллаиховском районах, в полевой сезон 2013–2014 гг. в ходе работы над проектом, непосредственно не касающимся сбора кости. Тем не менее, в силу значимости данного вида деятельности для северных районов, сбор мамонтовой кости проступал тогда в нарративах многих жителей поселков при изучении их жизненных стратегий. В то же время информанты проговаривали, что сбор бивней – это тема криминальная, опасная для исследования и лучше в нее не вторгаться. Более полную картину о неформальных практиках природопользования позволили составить интервью, собранные в период с 2020 по 2021 гг. Поиск информантов из числа сборщиков кости велся с привлечением неформальных связей исследователей. Для того чтобы первоначально расположить информантов к взаимодействию, основной темой интервью мы обозначили повседневность сборщиков кости и их мистические представления об останках мамонта, связанные с тем, что в традиционной якутской мифологии мамонт является символом сатанического мира, мира мертвых (Васильева и др. 2021; РФА ЯНЦ СО РАН 1: Л. 13–14, 17; РФА ЯНЦ СО РАН 2: Л. 32). Уже в ходе интервью сборщики кости могли по своему желанию рассказать о проблемах, с которыми они сталкиваются в своей работе, и о взаимоотношениях с государством. Следует отметить, что информация, использованная для написания статьи, была собрана в основном попутно из разговоров о быте сборщиков, жизни на Севере. Информантами, рассказавшими непосредственно о сборе мамонтовой кости, выступили люди, занимающие разные позиции по отношению к данному виду деятельности – как рядовые работники, так и те, кто занимался пе-

ревозом крупных партий бивня на китайские заводы или вел торговлю в Якутске через местных китайских торговцев, а также жители северных районов Якутии. Из этических соображений мы не будем упоминать их имена и названия сел. Обозначим лишь, что информантами выступили жители Абыйского, Аллаиховского, Анабарского, Булунского и Усть-Янского районов Республики Саха (Якутия), а также жители г. Якутска. Кроме того, интервью были взяты у резчиков по кости, чиновников муниципального уровня, руководителей предприятий по производству сувенирной продукции. Интервью с ними непосредственно касались проблем отрасли переработки мамонтовой кости и взаимодействия художников-резчиков, бизнеса и государства.

Как известно, неформальная экономика включает в себя разнородную экономическую деятельность, которая может вести или не вести к получению дохода, может предполагать или не предполагать трансакции, может осуществляться в разных формах и масштабах. Однако главным общим признаком для всех практик, объединяемых термином “неформальная экономика”, считается дистанцирование подобной деятельности от государственного формального регулирования, учета и контроля (*Барсукова* 2003). В последнее время неформальная экономика все чаще становится объектом интереса не только экономистов, но и социологов и антропологов.

В рамках этих дисциплин различные подходы к определению сущности неформальной экономики также включают особые отношения с государством: это то, что ускользает от его “всевидящего ока”. Исследователи данного направления рассматривают, каким образом функционирует государство в тех сферах, где действие официальных законов ограничено, где государство “слабое” (*Фуко* 1999; *Скотт* 2017; *Фукуяма* 2006).

Социолог Т. Шанин добавляет, что особенности неформальной экономики заключаются в “отстраненных” (*hands off*) отношениях не только с государством, но и с капитализмом (*Шанин* 1999: 15). Как нам кажется, это вопрос весьма дискуссионный, и многое зависит от подхода к тому, что представляет собой капитализм. Здесь стоит отметить, что изучение неформальных практик обычно сосредоточено на анализе ситуации в развивающихся странах. И вывод об “отстраненности” от капитализма того вида, который мы наблюдаем в развитых странах на первый взгляд, может считаться логичным. В этом контексте интересно, что с точки зрения мир-системного анализа неформальная экономика не отстранена от капитализма, а является одной из его форм, которая способствует выводу капитала с периферии в ядро мир-системы (*Валлерстайн б.г.*).

Интерес представляет позиция Т. Хольцленера, который старается в своих исследованиях проследить связь между локальными событиями и глобальными процессами. Работа Т. Хольцленера сосредоточивает внимание на схожести неформальных экономических практик в установлении социальных порядков в разных странах. Одно из исследований проведено на Дальнем Востоке России, в нем он подчеркивает большое значение для формирования теневой экономики дальневосточных рынков социальных сетей и родственных связей (*Holzlehner* 2006: 238). Однако тезис К. Поланьи об укорененности экономики в социальных отношениях находит свое отражение не только в сетевых связях, но и в наличии особого рода морали, следование которой пронизывает многие хозяйственные действия (*Нуреева* 2006).

Надо сказать, что в последнее время вышло несколько работ, в которых в рамках темы неформальной экономики затрагивается проблема неформальных практик природопользования и особой морали в том числе коренного населения Сибири и Севера. В частности, такой аспект проблемы доступа коренного населения к охотничьим и рыбным ресурсам, который можно назвать проблемой “вы-

нужденного браконьерства», исследуется К.Б. Клоковым (*Клоков 2020*). Исследователь отмечает наличие особой морали, вызванной социально-экономическими условиями. К схожим выводам приходит и Т.Н. Журавская (*Журавская 2013*).

В свою очередь, В.Н. Давыдов считает основными аналитическими категориями непостоянство и неравномерное распределение в пространстве и времени потенциальных контролирующих действий государственных структур, что дает местным жителям возможность самостоятельно осваивать ресурсы, используя свои навыки и знания ландшафта. Таким образом, для населения удаленных от центров сибирских поселков эксплуатация биоресурсов и их распределение на практике возможны благодаря наличию “свободных пространств”, где люди могут действовать в соответствии со “своим законом”, а не с официальными правилами (*Давыдов 2019*).

В отношении добычи мамонтового бивня на севере Якутии следует сказать, что сегодня – это экономические отношения, которые сложились после распада Советского Союза на основе сформированных в советский период сетевых структур как новые культурные и экономические практики. С одной стороны, это очень специфическая история, связанная с дискурсом сохранения природы, промыслом коренных малочисленных народов Севера, с другой стороны, в ней много общего с другими кейсами неформальной экономики на Дальнем Востоке России, обусловленными во многом схожим социально-экономическим фоном. Некоторые аспекты сбора мамонтовой кости раскрываются в работах экономистов, юристов и историков. Вместе с тем следует отметить, что феномен сбора мамонтовой кости в контексте проблем функционирования неформальной экономики не рассмотрен в научной литературе.

Социальный контекст формирования неформальных практик природопользования на Северо-Востоке России

Арктические поселки, где проживают люди, занимающиеся добычей мамонтовой кости, имеют черты, которые в принципе характерны для многих населенных пунктов Дальнего Востока. Они характеризуются высоким уровнем безработицы – ее регистрируемый уровень там по итогам 2020 г. составил 6%, что превышает среднереспубликанский уровень (4,2%), причем среди мужчин уровень безработицы выше, чем среди женщин¹. Дело в том, что история многих арктических поселений непосредственно связана с реализацией крупных советских монопрофильных проектов индустриального развития и их последующим закрытием в постсоветское время. При этом жители сел оставались без работы. Однако надо отметить, что в настоящее время примерно 80% занятого населения территории может работать именно в бюджетной сфере (*Милославский 2020*). При этом доля заработной платы в структуре доходов не так велика, жители сел в значительной мере зависимы от социальных трансфертов. В Якутии доля социальных трансфертов достигает в среднем 33,5% от совокупного дохода сельских домохозяйств (в городских поселениях – 20,5%). Оплата труда в денежной и натуральной форме (в денежном выражении) составляет в сельской местности 47,6% от совокупного дохода домохозяйства, в то время как в городских населенных пунктах данный показатель – 71,1%². Совокупность указанных факторов провоцирует формирование новых стратегий выживания (теневая экономика), при этом государство в силу разных обстоятельств будто выражает некий нейтралитет и позволяет им существовать. Это подталкивает население к тому, чтобы ориентироваться на использование местных ресурсов. Как известно, охота, рыболовство и собирательство обычные спутники жизни на Севере, т.к. добыча и использование биоресурсов – прямое условие обеспечения более комфортного проживания в суровых климати-

ческих условиях, и не всегда эти практики происходят полностью на легальных основаниях (Клоков 2020). В таких обстоятельствах, когда разница между формальным и неформальным природопользованием размыта, возникают условия быстрого формирования и морального оправдания новых его видов.

С одной стороны, климатические особенности данного региона не позволяют местным жителям заниматься сельским хозяйством, с другой стороны, именно суровость климата на данной территории обеспечивает сохранность палеонтологических останков, находящихся в относительно свободном доступе для населения. Эти факторы обуславливают вовлечение значительной части местных жителей в экономику мамонтового бивня, которая в силу своего социального веса начинает влиять и на другие сферы жизни арктических сообществ и Якутии в целом.

Следует учитывать и географические особенности местности, где формируются практики неформального природопользования. Зона распространения данных практик ассоциирована с североякутской костеностной провинцией, находящейся за полярным кругом в арктической зоне Республики Саха (Якутия). Она включает в себя Усть-Янский, Абыйский, Анабарский, Аллаиховский, Булунский и Верхоянский районы Республики Саха (Якутия). Здесь следует отметить, что площадь данных территорий очень велика: как известно, Якутия – это крупнейший регион Российской Федерации. Находясь в прямом смысле слова на периферии Российского государства, эти обширные пространства являются сложными в плане организации надзора органов власти как регионального, так и федерального уровня. В то же время часть вышеназванных районов с 2006 по 2021 гг. входила в зону пограничного контроля, в частности она была установлена в населенных пунктах Анабарского, Нижнеколымского, Аллаиховского, Усть-Янского, Булунского районов. Данное обстоятельство сказывалось на ограничении свободного передвижения людей и их хозяйственной деятельности.

Также для понимания проблематики следует указать, что добыча мамонтового бивня в истории Якутии не новое явление. До прихода русского государства мамонтовая кость не выступала самостоятельно в качестве объекта промысла местных жителей – ее использовали в основном как материал для наконечников стрел, копий. С приходом русского населения данный ресурс приобретает товарное значение. Архивные источники, а также опубликованные данные говорят о том, что мамонтовая кость в Якутии на протяжении дореволюционного периода входила, наряду с мехом и моржовым клыком, в тройку товаров, имеющих наибольшее экспортное значение. Именно эти товары привлекали сибирских и российских купцов и таким образом связывали отдаленный край с центральными районами страны (Сафронов 1980). Вывозившаяся на ярмарки в центральные районы Якутии кость частично оседала среди местного населения, что породило в Якутии развитие косторезного промысла, который оформился в особую якутскую школу косторезного мастерства (Прокопьева, Слепцова 2020). В ранний советский период в связи с разрывом торговых связей промысел мамонтовой кости почти полностью затих, позднее сбор бивня велся государственными предприятиями и шел на нужды косторезных мастерских. С 1979 по 1994 гг. на севере Якутии работала ленинградская производственная компания “Северкварцсамоцветы”. Более подробно данная ситуация раскрыта в работе С.А. Григорьева (Григорьев 2021).

Правовые аспекты отрасли сбора мамонтовой кости

В течение постсоветского периода региональное правительство неоднократно совершало попытки узаконить и легализовать данную отрасль, но на сегодняшний момент ситуация все еще остается неоднозначной, что во многом свя-

зано с неопределенным до сих пор статусом мамонтовой кости – не прояснено, является ли она культурной ценностью, имеющей особое научное значение, либо полезным ископаемым. С точки зрения социальных наук, маркирование *вещи* в координатах культуры и соответственно категориальном аппарате государства – очень важный элемент в процессе производства товара (*Копытофф* 2006). Применительно к кости следует сказать, что мы наблюдаем явление, когда вещь была категоризирована в рамках советского государства и плановой экономики с низким мировым спросом, а продажа ее ведется в рамках капиталистического рыночного государства с высоким спросом. Это рождает проблемы в процессе коммодификации останков, в частности это проявляется в том, что нормативные документы имеют различные интерпретации со стороны чиновников разного уровня и профиля, надзорных органов, локальных сообществ якутской Арктики.

В настоящий момент правовое поле мамонтовой индустрии в Якутии регламентируется как федеральными, так и региональными законодательными актами. В первую очередь это Закон Российской Федерации № 27-ФЗ “О недрах” (Закон РФ “О недрах” 1992), в котором пока не существует четкого разграничения и бивни мамонта приравнены ко всем другого рода недрам. Так, лицензия на недропользование будет единой для сборщиков как мамонтового бивня, так и других геологических материалов. В соответствии с этим законом предусмотрена выдача лицензий на пользование участками недр, где разрешен сбор палеонтологических коллекционных материалов мамонтовой фауны лишь в научно-исследовательских, учебных и познавательных целях, – это означает извлечение единичных образцов из естественных обнажений без проведения горных работ и других видов специальных работ (при этом не определены конкретные объемы сбора материалов мамонтовой фауны на лицензионном участке, что способствует неформальному сбору и дальнейшей неофициальной продаже). Промышленная добыча данного вида природного ресурса в коммерческих целях не регулируется и не допускается федеральным законодательством, что не соответствует фактическим действиям сборщиков кости. Кроме того, следует отметить, что в действующий “Общероссийский классификатор полезных ископаемых и подземных вод. ОК 032-2002”, утвержденный постановлением Госстандарта России от 25 декабря 2002 г. № 503-ст, мамонтовая кость не включена. Сбор палеонтологических коллекционных материалов в соответствии с НК РФ не облагается налогом на добычу полезных ископаемых. Хотя, по оценкам экспертов, ежегодно добывается более 100 тонн, оцениваемые как 2 млрд руб., не учитывая контрабанду, которая, по сведениям Комитета по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям ГД РФ, составляет 60 тонн и оценивается в 1,5 млрд руб. (Доклад “Природные ресурсы: эффективность и контроль” 2017: 13). Следовательно, в настоящее время правовой статус ископаемой мамонтовой кости как полезного ископаемого не определен и нормативно-правовые основы выявления и освоения его месторождений отсутствуют (*Смирнов и др.* 2016).

В то же время сфера торговли костью и вывоза ее за рубеж оформляется уже через Министерство культуры и регулируется такими нормативными документами, как: 1) Закон РФ “О ввозе и вывозе культурных ценностей” № 4804-1 от 15.04.1993 (Закон РФ “О вывозе и ввозе...” 1993), 2) Федеральный закон “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сферах вывоза и ввоза культурных ценностей и архивного дела” № 435-ФЗ от 28.12.2017 (Федеральный закон РФ 2017), 3) Постановление Правительства Российской Федерации “Об утверждении Правил проведения экспертизы культурных ценностей и направления экспертом экспертного заключения в Министерство культуры Российской Федерации, а также критериев отнесения движимых предметов к культурным

ценностям и отнесения культурных ценностей к культурным ценностям, имеющим особое историческое, художественное, научное или культурное значение” № 1425 от 14.09.2020 (Постановление Правительства РФ 2020) – все они касаются уже не столько сбора кости, сколько регламентируют торговые отношения в данной сфере. Согласно закону РФ “О ввозе и вывозе культурных ценностей”, для того чтобы палеонтологический объект получил статус культурной ценности, необходимо пройти процедуру экспертизы. В случае признания объекта культурной ценностью необходимо получить лицензию на вывоз (Закон РФ “О вывозе и ввозе...” 1993). Стоит отметить, что Федеральный закон № 435-ФЗ к культурным ценностям относил только те палеонтологические образцы, которые свидетельствуют о патологии или особенностях роста (развития) животного, представляющих интерес для науки (Федеральный закон РФ 2017). В 2020 г. было принято Постановление Правительства РФ “Об утверждении Правил проведения экспертизы культурных ценностей...”. Согласно данному постановлению, в соответствии с изложенными в нем “критериями отнесения движимых предметов к культурным ценностям”, остатки ископаемых животных (беспозвоночных и позвоночных), включая бивни и фрагменты бивней, приравниваются к культурным ценностям. Экспертиза культурных ценностей проводится по заявлению недропользователя, они же и являются заказчиками экспертизы (Постановление Правительства РФ 2020).

На региональном уровне также имеется законодательство, регулирующее сбор ископаемой мамонтовой кости. История формирования законодательства в данной области более подробно раскрыта в трудах Г.С. Белолобской (*Белолобская* 2019), в данном разделе укажем лишь основные моменты его текущего состояния. В 2005 г. был принят Указ Президента Республики Саха (Якутия) № 2044 “Об особом статусе природных ресурсов – ископаемых остатков мамонтовой фауны и регулировании их оборота на территории Республики Саха (Якутия)” (Указ Президента Республики Саха [Якутия] 2005). С помощью него Правительство республики предпринимает попытки установить контроль над этой сферой и регламентировать область сбора с целью реализации. Также республиканский указ выделяет ископаемые остатки мамонта как специфический ресурс и на уровне региона наделяет его особым статусом. В этом же году был принят Закон № 507-III “О регулировании пользования и распоряжения особым природным ресурсом – ископаемыми остатками мамонтовой фауны” (Закон Республики Саха [Якутия] 2005). В законе прописываются особенности ископаемой мамонтовой фауны, позволяющие отнести их к особому природному ресурсу. В том числе указывается, что сбор и обработка бивней мамонта являются традиционным народным промыслом коренного населения северных районов Республики Саха (Якутия) в течение более чем двух веков, а места их нахождения и скопления в современном эрозионном срезе полностью совпадают с земельными участками традиционного хозяйствования коренного населения северных районов Республики Саха (Якутия). В то же время в законе прописано, что пользователями недр при попутном сборе бивней мамонта и других ископаемых остатков мамонтовой фауны могут быть любые физические и юридические лица, в том числе зарегистрировавшие традиционную хозяйственную деятельность на земельных участках, включающих заявленные участки недр.

Законом было установлено также, что при наличии лицензии разрешен только попутный сбор с поверхности, строго в рамках территории лицензионного участка. Торговля возможна при наличии у продавца товара лицензии. Недропользователи обязуются ежегодно предоставлять отчет по сбору палеонтологических коллекционных материалов, а при обнаружении уникальных бивней передать приоритетное право выкупа государству. Таким образом следует отме-

тить, что вышеуказанные документы вводят в правовое поле отношения, возникающие в связи с владением, использованием и распоряжением особым (специфическим) природным ресурсом – ископаемыми остатками мамонтовой фауны.

Данную сферу также регламентируют концептуальные документы (Концепция развития добычи... 2011; Концепция развития сбора... 2018). Актуальная концепция развития сбора, изучения, использования, переработки и реализации палеонтологических материалов мамонтовой фауны на территории Республики Саха (Якутия) была утверждена в 2018 г., и ее целью является достижение положительного социально-экономического эффекта для коренного населения арктических и северных территорий Республики Саха (Якутия) и Российской Федерации и легализация внутреннего и экспортного оборота (рынка) мамонтовой фауны (Концепция развития сбора... 2018).

Таким образом, несмотря на то, что законодательство регламентировало сбор мамонтовой фауны, его отдельные положения расходятся с имеющейся практикой. В результате в ходе рейдов природоохранных и правоохранительных органов Республики постоянно устанавливаются нарушения законодательства. По данным прокуратуры Республики Саха (Якутия), основные нарушения со стороны сборщиков – это работа без лицензии (а также невыполнение условий лицензии), использование техники, самовольное занятие водных объектов, загрязнение водных объектов, загрязнение территорий отходами, сбор кости на особо охраняемых природных территориях, повреждение и уничтожение (распил) культурных ценностей. В то же время надзорными органами отмечается, что нет прямой ответственности за самовольное извлечение палеонтологических материалов ископаемой мамонтовой кости, равно как и за применение при этом технических средств и устройств.

Практика сбора ископаемой мамонтовой кости и статус участников деятельности

Как было указано выше, сбор ископаемой мамонтовой кости законодательно закреплён «единичными образцами». Это приводит к тому, что сборщик обращается за несколькими лицензиями по небольшим участкам. Заявленный объём на них не может быть собран. Лицензии оформляются на одни участки, а сырьё может добываться на других участках, распределение которых происходит уже неформально и не регламентируется государством. В иных случаях сбор (добыча) палеонтологических материалов ведётся вообще без лицензии, либо с оформлением договора с обладателем лицензии. Впоследствии человек или группа, добывшая бивни, обращается к тем, кто имеет лицензию на сбор, и перепродает через них бивни перекупщикам, которые далее занимаются продажей бивней за рубеж. Перекупщики бывают чаще всего неместные (хотя бывают исключения, но и в этом случае такие люди проживают основную часть времени, как правило, в Якутске), это люди из столицы Якутии – Якутска, либо из Москвы, Санкт-Петербурга. Таким образом, подобная многослойная схема взаимодействий людей на уровне добычи-перекупки-продажи создаёт конечно-му покупателю особые отношения, в которых стоимость конкретных образцов зависит от людей, имеющих легальные основания для торговли.

Информанты сообщали, что в период товарного сезона после проведения работ в поле происходит поиск перекупщика, и здесь ситуация в районах может быть разная в зависимости от количества выданных населению лицензий (см. Табл. 1): от такой, когда есть выбор («Предприниматель смотрит, оценивает и говорит цену. Соглашаешься – продаешь, не соглашаешься – идёшь к другому покупателю», «Посредников и перекупщиков полно и в районе. На моей родине

есть люди, которые в город возят. Меня, например, если не знаю, как это делается и приеду в город, могут поймать, дело возбудить”), до такой, в которой возможности выбора перекупщика почти нет (“Если бы все могли иметь лицензии, то цены выросли бы. Сейчас 2–3 человека в районе имеют лицензии, и они диктуют”) (ПМА 2: тетрадь 1). Здесь следует отметить еще один важный факт – это отсутствие прозрачной информации для всех участников сбора. Данное обстоятельство, а также то, что бизнес считается очень криминализированным, приводит к формированию представлений, которые не всегда соответствуют действительности и дополнительно формируют современную мифологию отрасли.

Недропользователями несмотря на более 850 действующих лицензий являются порядка 175 организаций различных форм собственности (от ИП и общин коренных малочисленных народов Севера до АО и ООО) на республику, поэтому люди, занимающиеся этим без лицензии, продают свои находки им либо перекупщикам, но уже по более низкой цене. Если посмотреть общероссийские классификаторы видов экономической деятельности (ОКВЭДы) предприятий-лицензиатов, то можно заметить, что большинство из них имеют несколько сопутствующих направлений деятельности – это торговля, грузоперевозки, традиционные промыслы (охота, разведение оленей). Доля лицензий, выданных общинам коренных малочисленных народов Севера, составляет 17,28% (150 ед.) от числа всех лицензий (Реестр действующих лицензий б.г.).

Таблица 1

Распределение выданных лицензий и количества недропользователей по муниципальным районам Республики Саха (Якутия)

Район	Количество действующих лицензий из числа выданных в 2016–2021 гг.	Количество действующих недропользователей
Абыйский	191	38
Аллаиховский	68	17
Анабарский	29	8
Булунский	34	8
Верхневиллюйский	1	1
Верхнеколымский	7	4
Верхоянский	77	15
Жиганский	8	4
Момский	8	2
Нижнеколымский	33	8
Оленекский	14	6
Эвено-Бытантайский	1	1
Среднеколымский	62	13
Усть-Янский	328	48
Кобяйский	8	1
Итого	869	175

Следует отметить, что занимаются сбором мамонтовой кости как жители сел, так и оленеводы-кочевники. Причем для части оленеводов района, которые много кочуют и хорошо ориентируются в тундре, возможность заработать на бивне мамонта также является привлекательной, тогда как сравнительно небольшое количество оленей в собственности у оленеводческой семьи – в среднем 20–70 шт. (в Якутии большая часть оленей находится в собственности муниципальных предприятий) – сводит к минимуму коммерческое использование этого ресурса (Кадук 2017).

В целом ход работ по добыче мамонтового бивня происходит достаточно организованно, т.к. он требует серьезной подготовки и финансовых вложений. Еще зимой подготавливается техника, а весной до того, как начинается ледоход, происходит транспортировка инвентаря и топлива на намеченное место поисков: “Все это отвозят и ставят на высокое место примерно до паводка и привязывают к дереву” (ПМА 2: тетрадь 1). По рассказам информантов, подобные экспедиции требуют больших вложений, которые не всегда окупаются: “Там немалые деньги нужно вложить, чтобы заниматься этим” (ПМА 2: тетрадь 1). Также некоторые нанимают рабочую силу: “У кого есть деньги, нанимают отсюда [имеется в виду из Якутска] парней и за фиксированную плату берут с собой” (ПМА 2: тетрадь 2). Но в целом данным бизнесом занимается преимущественно местное население, никаким образом не оформляя трудовые отношения: “Приезжих нет, местные этим занимаются” (ПМА 2: тетрадь 2), “Нужно заранее договариваться. Там все поделено. Тебе нужно знать, в каких местах ходить. Нельзя выйти из дома и начать искать” (ПМА 2: тетрадь 2), “Обязательно нужен знакомый человек на местности, который знает местность. Как вариант у нас в район приезжают люди, конечно, из других районов, но все равно под процент” (ПМА 2: тетрадь 1). Один из наших информантов, будучи неместным изначально, прожил в районе 9 лет, прежде чем его пригласили на сезонную работу по сбору бивня. Таким образом, перед работами человек должен обрести некими социальными связями.

Трудовые отношения в бригадах сборщиков бивня, как правило, не регламентированы. Основой для установления таких трудовых отношений служит весь социальный опыт организации бизнеса в северных поселках, который, как показывают научные исследования, вообще во многом строится на неформальных персонализированных отношениях, где важную роль играет родственная взаимопомощь (Ventsel 2005).

Судя по всему, как мы отмечали выше, существуют также некоторые сложные неформальные отношения раздела нелегализованных костеностных земель между собой: “Подпольное, конечно, есть, кто-то кому-то что-то должен. Например, есть земля, допустим, *Якутск*, есть *Марха*, есть *Жатай*³. Те, кто нашли в *Мархе*, там же тоже люди ищут, они кому-то должны с найденного, а те, кто в *Жатае* нашли, другому кому-то должны. Это места, которые кому-то принадлежат. Неписанный закон, в общем” (ПМА 2: тетрадь 2).

Для организации экспедиции формируются бригады: это могут быть маленькие группы от 2 до 6 человек, а могут быть большие, в которых может быть задействовано 20–30 человек. Сами работы производятся в относительно теплое время года с мая по октябрь, но длительность экспедиции всегда зависит от результативности: “Можно на четыре месяца, можно на один – как повезет. Иногда можно и за месяц много найти и три месяца ничего не делать. Некоторые за месяц все находят и сразу уезжают”, “Как только лед тронулся, с этого времени начинают и почти до ноября. Когда моют водой и она начинает превращаться в лед, тогда и прекращают”. Во время поисков обычной практикой является использование гидромомповых устройств, которыми размывают землю у берегов рек и делают процесс легче для поисковых бригад, но при этом сильно

разрушают ландшафт, загрязняют водоемы и провоцируют локальное таяние мерзлоты, в которой так хорошо сохраняются останки мамонтов. Стоит отметить, что использование техники позволяет не только найти бивни, но и обнаружить их в лучшем состоянии, что сильно сказывается на стоимости при продаже. Вымытые из почвы с помощью технических устройств, они сохраняют первозданный вид, в отличие от тех, которые обнажились в ходе естественных процессов оттайки и соответственно в большей мере подверглись воздействию кислорода, резким температурно-влажностным колебаниям и атаке микробов.

Таким образом, в организации данной деятельности законное и незаконное оказывается переплетено между собой и становится возможным к реализации на основе структуры существующих социальных сетей.

Таблица 2

Количество выданных лицензий по годам

Годы	Количество выданных лицензий
2016	429
2017	78
2018	98
2019	123
2020	71
2021	70

Как говорят местные, причины участия населения в данном бизнесе кроются в отсутствии другой работы. В свою очередь сбор бивня дает хоть и нестабильную, но возможность заработать, причем большие деньги. “В летнее время в деревне живого человека нету, все в лесу. Они зарабатывают, жены и дети понимают. Там на Севере летом делать нечего, ну рыбачить можно, сенокос, немного сельское хозяйство, поэтому все добывают” (ПМА 2: тетрадь 1), “Ну, летом людей с машинами нет, все уезжают. У кого есть техника, занимаются этим. Так только выживают” (ПМА 2: тетрадь 2), “Если летом ничем не заниматься, то все будут пьянствовать. А тут едут в лес, работают, зарабатывают, а больше нечего делать. Нет постоянной работы, там работы мало” (ПМА 2: тетрадь 1), “Там зарплаты как у нас здесь, а цены, например, килограмм яблок 500–600 рублей стоит, хлеб 100 рублей, там выживание”, “Они получают с этого деньги, и, например, приезжая сюда [в Якутск], покупают дом” (ПМА 2: тетрадь 2).

По сведениям информантов, в былые годы после сезона можно было спокойно приобрести квартиру в Якутске. В настоящее время несколько снизился спрос на данный материал и упали цены, вслед за этим снизилось и количество запрашиваемых лицензий (см. Табл. 2; Реестр действующих лицензий б.г.). У разных людей различные представления о том, почему упала цена: по мнению одного информанта, снижение цены на килограмм бивня в последние годы связано с перенасыщенностью рынка, также цена может варьироваться в зависимости от сезона, когда в начале лета фиксируется максимальная цена, которая в дальнейшем идет на убыль. Часть из информантов увязывает снижение стоимости с кризисом глобальной экономики и пандемией коронавирусной инфекции.

Косторезный промысел и дискурс этнизации

В данной статье хотелось бы также раскрыть еще одну сюжетную линию, связанную с добычей мамонтового бивня, а именно развитие косторезного промысла. Как мы указывали ранее, длительная история добычи мамонтового бивня на севере Якутии породила процесс формирования и развития в регионе косторезного дела. Однако в настоящее время люди, занимающиеся данным видом декоративно-прикладного искусства, сталкиваются с трудностями, связанными с сильно возросшей стоимостью материала. Большинство опрошенных мастеров-косторезов не отмечают снижения цен на материал и в настоящее время. “Очень сложно найти, тем более качественный, материал, да и дорого стоит очень. Это если про бивни мамонта. Для своих работ я использую в основном третий сорт бивня. Это сорт, который уже разошелся по нескольким трещинам, отбираю самое лучшее,” – говорит косторезный мастер (ПМА 1: Пастушенок). В основном мастера приобретают небольшие щепы бивней мамонта для изготовления небольших изделий. Стоит отметить, что щепы бивня – это четвертый сорт материала, который наиболее доступен на местном рынке. Щепу можно приобрести практически в любом ювелирном или сувенирном магазине, и стоят эти щепы в разы меньше, чем цельные куски бивня (ПМА 1). Опрошенные мастера также отмечают, что основной объем добычи мамонтового бивня приходится на экспорт, а на территории республики остается небольшая часть материала, зачастую низкого качества.

По мнению мастеров, этот вопрос нуждается в урегулировании на республиканском уровне, а также необходимо решение вопроса о регулировании цен мамонтового бивня на рынке: “Насколько известно, основной объем добычи бивня уезжает в Китай, а в нашей республике практически ничего не остается. Хотелось бы, чтобы этот вопрос регулировался на уровне республиканской власти, и они способствовали тому, чтобы лучшие экземпляры частично оставались внутри республики” (ПМА 1: Малардырова).

Мастерами отмечается, что без поддержки государства резьба по мамонтовой кости может почти полностью исчезнуть. Известный косторез Г.Н. Родионов сообщает, что “многие мастера из-за недоступности материала вынуждены переходить на другие материалы, такие как пластик, бронза, гипс и так далее. А также параллельно занимаются другими видами искусств” (ПМА 1: Родионов). По его мнению, необходимо создание фондов для оказания поддержки учебным заведениям и небольшим мастерским, нуждающимся в финансовой помощи (для закупки материалов, а также приобретения нового оборудования) (ПМА 1). Учебные заведения, в которых ведется подготовка будущих косторезных мастеров, не могут обеспечить обучающихся материалом даже для выпускных работ. Руководство Якутского художественного училища отмечает, что студентам, обучающимся косторезному мастерству, не хватает материала для обучения, так как средств на это не предусмотрено, в таком же положении оказались студенты АГИКИ (Арктического государственного института культуры и искусства). Преподаватели и студенты в большей степени в работе используют рога лося, оленя, барана, а также животную кость. Некоторые выпускники для своих дипломных работ используют бивень мамонта, купленный на собственные средства (ПМА 1).

Еще одной проблемой, с которой сталкиваются местные мастера, является сбыт изделий из бивня. Трудность заключается в том, что мастерам легче работать с отечественными покупателями, нежели с зарубежными. Это объясняется тем, что существует ряд ограничений для вывоза из России и ввоза в различные страны изделий из бивня мамонта и других материалов. Для облегчения торго-

вых отношений созданы структуры, такие как Центр поддержки экспорта Республики Саха (Якутия), однако их деятельность ограничивается в основном консультациями. Услугами данного центра пользуются ООО “Mammoth Workshop and Gallery”, ООО “Якутский экспортный завод”, ООО “Туску”, ИП Никифоров Гаврил Иванович (Каталог экспортно-ориентированных компаний 2020). Один из представителей предприятия, сотрудничавший с данным центром, поясняет: “Мне сказали самому найти иностранные рынки, составить список и сроки выставок, затем передать им. И затем они рассмотрят это направление и свяжутся со мной, но так и не связались” (ПМА 1).

Здесь следует также отметить, что в развитии косторезного промысла в Якутии в широкой исторической ретроспективе наблюдается определенная темпоральная структура, связанная с динамикой спроса на мамонтовую кость на глобальном рынке. В настоящий период спрос на кость на мировых рынках находится на высоком уровне, что снижает возможности для развития этнической косторезной школы, и мы наблюдаем ее упадок. Интересно, что данное сворачивание области косторезного искусства, представляющего в Якутии в основном этническую якутскую культуру, происходит на фоне процесса приписывания сбора мамонтового бивня традиционной культуре и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, в то время как косторезная традиция народа саха в дискурсивных практиках оказывается представлена недостаточно.

Далее рассмотрим усилившийся в последнее десятилетие дискурс, касающийся того, что сбор мамонтового бивня является прерогативой коренных малочисленных народов Севера и относится к традиционному природопользованию. В России, кажется, это один из редких случаев, когда удалось отразить этот дискурс даже в нормативно-правовой сфере, и связано это как раз с отсутствием какого-то конкретного статуса у данного вида ископаемого ресурса. В других регионах России были прецеденты, к которым можно отнести добычу нефрита в Бурятии и Иркутской области, когда коренные малочисленные народы (эвенки) использовали этот дискурс для защиты и отстаивания собственных интересов (*Сафонова, Шанта* 2013: 117–118; *Балзер* 2014: 20). Однако в отличие от мамонтового бивня нефрит имеет статус полезного ископаемого, поэтому эвенки не смогли доказать своего права на добычу нефрита в рамках традиционного природопользования. Согласно Распоряжению Правительства РФ от 0805.2009 № 631-р “Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации” (с изменениями на 29 декабря 2017 г.), к видам традиционного природопользования относят добычу и переработку лишь общераспространенных полезных ископаемых (песок, суглинок, мел, торф и т. д.) для собственных нужд (Распоряжение Правительства РФ 2009). В свою очередь с костью из-за ее категориальной неопределенности можно наблюдать несколько иную ситуацию. Эксплуатация политики идентичности при этом, как нам кажется, направлена на то, чтобы с помощью региональных органов власти локализовать возможность прихода на данный рынок новых игроков, а также обеспечить приоритетное участие местного населения в мамонтовом промысле.

На усиление данного дискурса влияют нормативно-правовые акты и обсуждения, инициируемые государством, тематика которых касается регулирования деятельности в данной области в рамках закона. Такие обсуждения потенциально могли бы повлиять на возможность участия местного населения в сборе кости. В качестве примера можно привести ситуацию, произошедшую в 2017 г.,

Рис. 1. Один из лозунгов сборщиков мамонтового бивня, вышедших на митинг в 2018 г. (Фото Слепцовой А.А., 2018)

когда руководитель управления Министерства культуры РФ по ДФО Александр Мартынов наделил бивень мамонта статусом культурной ценности, которую нельзя повреждать. Вышеуказанное событие вызвало негодование сборщиков бивней и косторезов, а также страх, что в скором времени могут объявиться крупные игроки федерального уровня, которые монополизировали рынок и вытеснят местных. В связи с чем в Якутске даже прошло несколько митингов сборщиков мамонтовой кости.

По всей видимости, внесение в нормативные и концептуальные документы строк о том, что “эти ресурсы (мамонтовая кость) в течение 300 лет являются объектом традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Якутии, которые в процессе исторической хозяйственной деятельности собирали бивни для поставки их купцам и промышленникам”, является попыткой этнизировать данную деятельность и придать ей особый статус традиционного природопользования. Стоит отметить, что исторически в сборе мамонтового бивня с того же периода, который указан в концепции (Концепция развития сбора... 2018), широко участвовали и русские, и якуты (Башарин 2003: 81–83). Исторически территории сбора бивня были зоной межкультурного взаимодействия русских, якутов, эвенков, юкагиров, чукчей.

Вышеуказанные явления провоцируют процессы укрепления этнической идентичности. Ведь именно групповые права делают более жесткими межгрупповые границы, заставляя людей со множественной идентичностью сделать выбор в пользу одной из идентичностей при взаимодействии с государством. Интересно соотнести эти выводы с результатами исследований К.Б. Клокова и С.А. Хрущева. Исследователи указывают на то, что в Республике Саха (Якутия), согласно материалам переписей населения, проведенных в постсоветский

период, отмечается скорее мобилизационный (вызванный изменениями этнической самоидентификации) прирост населения КМНС, нежели естественный (Klokov, Khrushev 2010). В межпереписной период 2002–2010 гг. продолжается тенденция прироста КМНС на территории Якутии.

Можно предположить, что таким образом проявила себя смена идентичности под влиянием нового законодательства. Следовательно, самоидентификация местных жителей в условиях высокого уровня этнического смешения и метисации, характерного для данной территории, отчасти инструментальна и выбор этнической принадлежности производится в том числе с целью получения преимуществ в рамках административной системы.

Моральное оправдание неформальных практик и роль государства

Другой важный вопрос, который возникает в связи с приходом рыночных отношений на Север, где экосистемы очень хрупкие, это вопросы экологии. Поиск же ископаемой мамонтовой кости часто осуществляется путем промывания береговых участков морей и рек мощными мотопомпами. Интересна при этом позиция жителей Севера об экологическом вреде, который наносится природе при поиске. Вопросы, связанные с природой и экологией, воспринимаются достаточно ревностно по отношению к приезжим: “Если другие будут приезжать, будет плохо, наверное. Землю испортят, протопчут” (ПМА 2: тетрадь 3), – или крупным производственным предприятиям: «Если сравнить с “Алмазами Анабара”, то это капля в море», – тогда как личное во всех смыслах “использование” земли понимается как что-то безобидное и естественное (ПМА 2: тетрадь 2).

Следует отметить, что убежденность сборщиков мамонтовой кости в своем моральном праве на данный вид ресурсов, как в своей работе указывал К.Б. Клоков, исходит из мнения об особом моральном праве локального сообщества на ресурсы той территории, где оно существует (Клоков 2020). Информанты в ходе нашей полевой практики подтверждали эти слова. Они считают сбор мамонтового бивня одним из условий выживания на Севере или даже порой компенсацией за тяжелые и экстремальные условия жизни. В пример можно привести также растиражированную в СМИ фразу председателя уже прекратившей свое существование Якутской ассоциации сборщиков мамонтовой фауны Константина Охлопкова: “Сбор бивней – это то, что поддерживает сейчас население в северных улусах. Хлеб стоит 100 рублей, картошка – под 300 рублей. Сейчас в этой сфере занято около десяти тысяч якутян. Как выживать, не занимаясь сбором бивней? Мы не знаем” (Regnum 2018). Природопользование в обход законодательства расценивается как моральное право местного населения, связанное с уходом государства и сменой политики в отношении Севера. В этом контексте экономическое действие, нацеленное на обеспечение жизнедеятельности человека, оказывается социально укорененным действием, которое встроено в социальные отношения.

Все это формирует непростые отношения к государству. С одной стороны, в соответствии с работами в области моральной экономики, жители Арктики адресуют государству требования, касающиеся обеспечения выживания и стабильности. Деконструкция социальной инфраструктуры и падение уровня жизни расценивается как нарушение государством принципов моральной экономики выживания, что интерпретируется как отсутствие у государства права на требование соблюдать те правила, которые установлены в сфере добычи мамонтовой кости, если они не соответствуют интересам населения. В то же время в настоящем восприятии людей государственная власть выступает в качестве потенциальной силы, способной лишить их возможности получения дохода:

“В этой сфере крутятся большие деньги. Власти чувствуют это и хотят себе оттуда тоже взять, налог и туда-сюда. Хотят все запретить. С людьми по-любому не поделятся” (ПМА 2: тетрадь 1). Отдельно выделяются комментарии о новых правилах, с которыми уже сейчас нужно считаться. В частности, это Постановление Правительства Российской Федерации от 14.09.2020 № 1425 “Об утверждении Правил проведения экспертизы культурных ценностей...”, по которому отныне все культурные ценности для вывоза за границу должны проходить экспертизу (Постановление Правительства РФ 2020). К ним причислили и бивни мамонта: “Государство начало бюрократизировать – дополнительные взимания за ветеринарную справку, за лицензию по добыче, за экспорт, за оценку культурной ценности и так далее, плюс появились какие-то посредники, и есть коррупционная составляющая” (ПМА 3: опрос).

Интересен момент, связанный с “традиционностью”, которая приписывается данному виду деятельности. Несмотря на то, что жители северных поселков, не относящиеся к КМНС, часто возмущаются, что аборигены имеют больше прав на рыбалку и охоту, в отношении сферы сбора мамонтовой кости стратегия “коренной – не коренной” становится для жителей Севера попыткой ограничить перспективы ухода этих ресурсов в чужие руки, и в ход идут и дискурсивные практики. На них опираются динамические социальные стратегии, которые создают свои собственные режимы порядка и стабильности в юридической неопределенности, наблюдающейся в сфере сбора и последующей реализации остатков мамонтовой фауны. Эти стратегии задействуют укоренившуюся в общественном сознании традицию этнографии Сибири, которая построена на антиномии государства и коренных малочисленных народов Севера и связана с дискурсивным утверждением, что коренные народы находятся вне временных и пространственных рамок (пределов) государства – с начала XIX в. обитатели северных окраин представляли собой наиболее последовательно сохраняемых антиподов современного значения российскости (*Ссорин-Чайков* 2012а). Таким образом, этнографическое знание, которое не было знанием об экономике и рынке в прямом смысле слова, оказывается тесно связанным с “экономическим множеством сообщающихся сосудов” (*Ссорин-Чайков* 2012б: 70) в настоящее время.

На наш взгляд этнизация деятельности по сбору мамонтовой кости, наблюдающаяся в дискурсивных практиках сборщиков кости и отражающаяся в нормативно-правовых документах регионального уровня, в силу акцентирования внимания на значении мамонтовой кости для культуры коренных малочисленных народов Севера, недостаточно объективно отражает историю использования ресурсов мамонтовой кости, а именно развития косторезного искусства – недостаточно представлена оказывается косторезная традиция народа саха, хотя в Якутии она широко распространена и имеет длительную историю.

* * *

Подоытоживая вышесказанное, следует отметить, что в настоящий момент индустрия мамонтового бивня является неотъемлемой частью жизни якутского Севера и напрямую оказывает влияние на жизнеобеспечение северных поселков, несмотря на то, что занятость носит сезонный характер. Эта сфера деятельности оказывается вплетена в социальную жизнь северян, как на уровне сетей, так и действия принципов моральной экономики. Следует согласиться с выводами Т. Хольцленера, согласно которым социальные связи являются центром теневой экономики (*Holzlehner* 2006). В рассмотренной нами ситуации с мамонтовым бивнем это подтверждается необходимостью иметь связи для включения в промысел.

Очевидно, что данная ситуация сложилась вследствие многих социально-экономических проблем региона, здесь мы солидарны с мнением В.Н. Давыдова (*Давыдов* 2019) и К.Б. Клокова (*Клоков* 2020). Высокий спрос на мамонтовый бивень на мировом рынке оказывает влияние не только на формирование неформальных практик природопользования в условиях юридической неопределенности, но и на развитие косторезного промысла. Высокая стоимость оказывается неподъемной для косторезов. В свою очередь, государство в сфере поддержки местных косторезных мастерских проявляет себя слабо, а отсутствие четких механизмов действия лицензиатов при реализации преимущественного права государства на скупку мамонтовой кости сказывается в широком плане как на культуре, так и на науке. Кроме того, следует отметить, что процессы коммодификации мамонтовой кости пронизаны различными ментальными конструкциями, а также в определенной мере мифологизированы, и представления эти полнятся за счет пространства слухов, в условиях отсутствия четких определений и правил. Следует отметить, что вопросы формирования этих ментальных представлений остаются открытыми, но важными для дальнейших исследований.

Дискурс этнизации данной деятельности используется для защиты от вторжения государства и других игроков: на вход в деятельность по сбору мамонтовой кости действуют негласные ограничения, хотя в настоящее время сбором занимаются не только этнические сообщества из перечня коренных малочисленных народов Севера, но и жители северных поселков, относящиеся к другим этническим группам. Таким образом, на примере кости мы наблюдаем использование политики идентичности для отстаивания интересов локальных сообществ Арктики. Можно предположить, что попытка использовать политику идентичности направлена на расширение “свободных пространств” (определение, предложенное В.Н. Давыдовым [*Давыдов* 2019: 79]) за счет утвердившейся этнографической традиции, построенной на антиномии коренных малочисленных народов Севера и государства. Здесь мы согласны с мнением Н. Ссори́на-Чайкова, что этнографическое знание, которое не было знанием об экономике и рынке в прямом смысле слова, оказывается тесно связанным с экономикой в настоящее время. В то же время использование дискурса этнизации приводит к укреплению инструментальных стратегий этнической идентификации, и органы статистического учета фиксируют прирост населения КМНС. В целом следует отметить, что все это ставит научное сообщество перед достаточно сложным вопросом в сфере соотношения прав и интересов коренных малочисленных народов Севера, где проходит грань между защитой интересов локальных сообществ и попытками своего рода спекуляции на этой теме.

В заключение следует отметить, что рассмотрение сферы мамонтовой кости демонстрирует нам сетевые отношения внутри серии фактов и роль различных ситуаций, связанных с категоризацией и выстраиванием иерархий в формировании социальной реальности. Здесь в процессе коммодификации мамонтовой кости проблемы категоризации природных ресурсов переплетаются с общественными представлениями о проблемах идентификации, построенными на традициях этнографии и методиках статистического учета, которые также, несомненно, являются инструментами государственного надзора и осмысления государством собственного пространства.

Примечания

¹ Информация получена из письма Председателя Государственного комитета Республики Саха (Якутия) по занятости населения от 31.08.2021 № 21/ГКЗН-04/3999 (сост. Шарапов В.Л.), присланного по запросу авторов Государственным комитетом Республики Саха (Якутия) по занятости населения.

² Информация получена из электронного издания “Бедность: электронный статистический сборник”. Якутск, 2021, присланного по запросу авторов Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия).

³ Информант использовал условные названия, демонстрирующие, что есть разделение на территории.

Источники и материалы

Валлерстайн б.г. – Валлерстайн И. Мир-системный анализ // Архив философии истории. Проф. Н.С. Розов, личный сайт. <https://nsu.ru/filf/rpha/papers/geoeson/waller.htm> (дата обращения: 25.01.2022)

Доклад “Природные ресурсы: эффективность и контроль” 2017 – Доклад “Природные ресурсы: эффективность и контроль” // Комитет Государственной Думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям. 2017. http://www.komitet3-1.km.duma.gov.ru/upload/site49/document_news/000/264/228/doklad.pdf (дата обращения: 29.09.2021)

Закон Республики Саха (Якутия) 2005 – Закон Республики Саха (Якутия) от 16.06.2005 250-3 № 507-III “О регулировании пользования и распоряжения особым природным ресурсом – ископаемыми остатками мамонтовой фауны” (с изменениями на 27 мая 2021 года) // СПС КонсультантПлюс. <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?base=RLAW249&dst=100248&n=7551&req=doc#gksd7pS04mfOb7r4> (дата обращения: 19.11.2021)

Закон РФ “О недрах” 1992 – Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 “О недрах” // СПС КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343/ (дата обращения: 12.09.2021)

Закон РФ “О вывозе и ввозе...” 1993 – Закон Российской Федерации от 15.04.1993 № 4804-1 “О вывозе и ввозе культурных ценностей” // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации “Консорциум Кодекс”. <http://docs.cntd.ru/document/9005151> (дата обращения: 28.11.2019)

Каталог экспортно-ориентированных компаний 2020 – Каталог экспортно-ориентированных компаний Республики Саха (Якутия). Якутск, 2020. https://yakutiaexport.com/tinybrowser/files/reestr/2020/1/katalog-2020_compressed.pdf (дата обращения: 27.09.2021)

Концепция развития добычи... 2011 – Концепция развития добычи, реализации и переработки мамонтовой кости на территории Республики Саха (Якутия) от 22.07.2011 № 484-РП // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации “Консорциум Кодекс”. <https://docs.cntd.ru/document/445033166/> (дата обращения: 22.08.2021)

Концепция развития сбора... 2018 – Концепция развития сбора, изучения, использования, переработки и реализации палеонтологических материалов мамонтовой фауны на территории Республики Саха (Якутия) от 13.08.2018 № 649-РГ // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации “Консорциум Кодекс”. <https://docs.cntd.ru/document/550166534/> (дата обращения: 15.09.2021)

ПМА 1 – Полевые материалы автора Слепцовой А.А., экспедиция в Якутск. Август-октябрь 2021 г. (информанты: Пастушенко Н.Г., Малардырова М.В., Родионов Г.Н., Илларионов А.)

ПМА 2 – Полевые материалы автора Федоровой А.Р., экспедиция в Якутск. Февраль-сентябрь 2021 г. (тетради 1, 2, 3).

ПМА 3 – Полевые материалы автора Федоровой А.Р., экспедиция в Республику Саха (Якутия). Февраль-март 2021 г. (опрос).

- Постановление Правительства РФ 2020 – Постановление Правительства Российской Федерации от 14.09.2020 № 1425 “Об утверждении Правил проведения экспертизы культурных ценностей и направления экспертом экспертного заключения в Министерство культуры Российской Федерации, а также критериев отнесения движимых предметов к культурным ценностям и отнесения культурных ценностей к культурным ценностям, имеющим особое историческое, художественное, научное или культурное значение” // СПС КонсультантПлюс http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362454/ (дата обращения: 18.11.2021)
- Распоряжение Правительства РФ 2009 – Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р “Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации” // СПС КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87690/ (дата обращения: 01.11.2021)
- Реестр действующих лицензий б.г. – Реестр действующих лицензий на сбор палеонтологических коллекционных материалов с 2016 по 2021 гг. // Министерство промышленности и геологии Республики Саха (Якутия). <https://minprom.sakha.gov.ru/nedropolzovanie/reestr-dejstvujuschij-litsenzij-na-sbor-paleontologicheskikh-kollekcionnyh-materialov> (дата обращения: 14.09.2021)
- РФА ЯНЦ СО РАН 1 – Рукописный фонд Архива якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Ф. 5. Оп. 1. Д. 410.
- РФА ЯНЦ СО РАН 2 – Рукописный фонд Архива якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Ф. 5. Оп. 3. Д. 430.
- Указ Президента Республики Саха (Якутия) 2005 – Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 30.03.2005 № 2044 “Об особом статусе природных ресурсов – ископаемых остатков мамонтовой фауны и регулировании их оборота на территории Республики Саха (Якутия)” // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации “Консорциум Кодекс”. <http://docs.cntd.ru/document/802030236> (дата обращения: 28.11.2019).
- Федеральный закон РФ 2017 – Федеральный закон Российской Федерации от 28.12.2017 № 435-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сферах вывоза и ввоза культурных ценностей и архивного дела” // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации “Консорциум Кодекс”. <http://docs.cntd.ru/document/556175633> (дата обращения: 28.11.2019).
- Regnum 2018 – Сборщики бивней мамонта боятся монополизации отрасли и готовы митинговать // ИА Regnum. 25.05.2018. <https://regnum.ru/news/society/2421162.html> (дата обращения: 08.11.2021)

Научная литература

- Балзер М.М.* Коренные космополиты, экологическая защита и активизм в Сибири и на Дальнем Востоке // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 15–38.
- Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика: понятие, структура // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 4. С. 15–36.
- Башарин Г.П.* История аграрных отношений в Якутии / Отв. ред. д. ист. наук, проф. В.Н. Иванов. Т. II. Аграрный кризис и аграрное движение в конце XVIII – первой трети XIX в. М.: Арт-Флекс, 2003.

- Белолобская Г.С.* Правовое регулирование сбора останков мамонтовой фауны в Российской Федерации // Юридические исследования. 2019. № 12. С. 1–11.
- Боевский Г.Г., Кириллин Н.Д., Лазарев П.А., Тесцов В.В.* Прогнозная оценка ресурсов мамонтового бивня на севере Якутии // Проблемы региональной экологии. 2008. № 2. С. 106–109.
- Васильева О.В., Кузьмина А.А., Федорова А.Р.* Воображение Севера в контексте освоения природной среды: мамонт в мифологических представлениях якутов // Научный диалог. 2021. № 1. С. 194–210.
- Григорьев С.А.* Добыча останков мамонтовой фауны и локальные сообщества арктических территорий Якутии в конце XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 239–246.
- Давыдов В.Н.* Неформальное природопользование на Северном Байкале: добыча биоресурсов в свободных пространствах // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 76–88.
- Журавская Т.Н.* Моральная экономика “хищников”: случай дальневосточных поселений // Terra Economicus. 2013. Т. 11. № 4. С. 44–53.
- Кадук Е.В.* Рыночный обмен и практики дележа в Анабарском районе Республики Саха (Якутия) // Этнографическое обозрение. 2017. № 6. С. 111–127.
- Копытофф И.* Культурная биография вещей: товаризация как процесс // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом “Территория будущего”, 2006. С. 134–167.
- Клоков К.Б.* Между государством и рынком: неформальные практики природопользования в сибирских селах // Этнография. 2020. № 1 (7). С. 144–167.
- Милославский В.Г.* Интеллектуальная экономика в условиях отдаленных поселений Арктики: потенциал, проблемы, решения // Молодой ученый. 2020. № 25 (315). С. 194–199.
- Нуреева Р.М.* (отв. ред.) “Великая трансформация” Карла Полаanyi: прошлое, настоящее, будущее. М.: ГУ-ВШЭ, 2006.
- Прокопьева А.Н., Слепцова А.А.* Изделия из бивня мамонта в Якутии XVIII века (по материалам погребальных памятников) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 3 (41). С. 110–115.
- Сафонова Т., Шанта И.* Встречи на эвенкийской земле: кибернетическая антропология Байкальского региона. СПб.: Алетейя, 2013.
- Сафронов Ф.Г.* Русские промыслы и торги на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в. М.: Наука, 1980.
- Скотт Дж.* Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М.: Новое издательство, 2017.
- Смирнов А.И.* Ископаемая мамонтовая кость. СПб.: Изд. НИИ Океангеология, 2003.
- Смирнов А.Н., Кириллин Н.Д., Иванова Ю.В., Журилова М.А.* Забытое полезное ископаемое российской Арктики – мамонтовая кость // Арктика: экология и экономика. 2016. № 1 (21). С. 66–75.
- Ссорин-Чайков Н.В.* Гоббс в Сибири: социальная жизнь государства (из книги “Социальная жизнь государства в северной Сибири”) // Социология власти. 2012а. № 4–5. С. 155–187.
- Ссорин-Чайков Н.В.* Медвежья шкура и макароны: о социальной жизни вещей в сибирском совхозе и перформативности различий дара и товара // Экономическая социология. 2012б. Т. 13. № 2. С. 59–81.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.
- Фукуяма Ф.* Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.

- Шанин Т. Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 11–32.
- Holzlehner T. Shadow Networks: Border Economies, Informal Markets and Organized Crime in the Russian Far East. PhD diss., University of Alaska, Fairbanks, 2006.
- Klovov K.B., Khrushchev S.A. Demographic Dynamics of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Russian North, 1897–2002 // *Sibirica*. 2010. Vol. 9. No 3. P. 41–65. <http://doi.org/10.3167/sib.2010.090303>
- Ventsel A. Reindeer, Rodina and Reciprocity: Kinship and Property Relations in a Siberian Village. Berlin: LIT Verlag, 2005.

Research Article

Vasileva, O.V., A.R. Fedorova, and A.A. Sleptsova. Mammoth Tusk, Society, and the State: Informal Practices of Natural Resource Use in the North-East of Russia and Their Social and Economic Impact [Мамонтоваиа кост', obshchestvo i gosudarstvo: neformal'nye praktiki prirodopol'zovaniia na Severo-Vostoke Rossii i ikh sotsial'no-ekonomicheskii effekt]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 86–108. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040054> EDN: XLMXM ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Olga Vasileva | <http://orcid.org/0000-0001-9992-4163> | ovasileva.igi@mail.ru | Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk) (Petrovsky St. 1, Yakutsk, 677027, Russia)

Aitalina Fedorova | <http://orcid.org/0000-0002-6487-3914> | aytap@mail.ru | Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk) (Petrovsky St. 1, Yakutsk, 677027, Russia)

Aitalina Sleptsova | <http://orcid.org/0000-0002-8774-2570> | aytalina92s@gmail.com | Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk) (Petrovsky St. 1, Yakutsk, 677027, Russia)

Keywords

Arctic, Yakutia, mammoth, tusk mining, anthropology of state, informal practices, natural resource use, mammoth tusk carving

Abstract

The article discusses the issue of mammoth tusk mining which has been practiced in Yakutia for quite some time. Currently the commercial tusk mining is still not fully regulated by law, and this has been instrumental in sustaining the shadow or informal economy. This study draws on field research conducted in 2013–2021 and examines the social conditions in Yakutia that have been conducive to informal practices as well as the ways in which rural dwellers themselves think about these practices. We argue that it is the chain of post-Soviet transformations that has brought about proper conditions and social connections for the rise of the informal economy where a part of the population is constantly involved in collecting tusks. The miners exploit the politics of identity to successfully keep distance from the state regulation, which may be ethnographically explained in terms of the antinomy of the state and the indigenous culture of the north.

References

- Balzer, M.M. 2014. Korennye kosmopolity, ekologicheskaiia zashchita i aktivizm v Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Indigenous Cosmopolitans, Ecological Defense, and Activism in Russia's Siberia and the Far East]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 2: 15–38.
- Barsukova, S.Y. 2003. Neformal'naia ekonomika: poniatie, struktura [Informal Economy: Concept, Structure]. *Ekonomicheskaiia sotsiologiia* 4 (4): 15–36.
- Basharin, G.P. 2003. Istoriia agrarnykh otnoshenii v Yakutii [History of Agrarian Relations in Yakutia]. Vol. II, *Agrarnyi krizis i agrarnoe dvizhenie v kontse XVIII – pervoi treti XIX v.* [Agrarian Crisis and Agrarian Movements from the Late 18th Century through 1930s], edited by V.N. Ivanov. Moscow: Art-Fleks.
- Beloliubskaiia, G.S. 2019. Pravovoe regulirovanie sbora ostankov mamontovoi fauny v Rossiiskoi Federatsii [Legal Regulation of Collecting Mammoth Remains in the Russian Federation]. *Yuridicheskie issledovaniia* 12: 1–11.
- Boeskorov, G.G., N.D. Kirillin, P.A. Lazarev, and V.V. Testsov. 2008. Prognoznaia otsenka resursov mamontovogo bivnia na severe Yakutii [Forecasting Assessment of the Mammoth Tusk Resources in the North of Yakutia]. *Problemy regional'noj ekologii* 2: 106–109.
- Davydov, V.N. 2019. Neformal'noe prirodopol'zovanie na Severnom Baikale: dobycha bioresursov v svobodnykh prostranstvakh [Informal Land use in Northern Baikal: Extraction of Bioresources in “Free Spaces”]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 76–88.
- Foucault, M. 1999. *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tiur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison], edited by I. Borisova. Moscow: Ad Marginem.
- Fukuyama, F. 2006. *Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoi poriadok v XXI veke* [State-Building: Governance and World Order in the 21st Century]. Moscow: AST MOSKVA: KhRANITEL'.
- Grigor'ev, S.A. 2021. Dobycha ostankov mamontovoi fauny i lokal'nye soobshchestva arkticheskikh territorii Yakutii v kontse XIX v. [The Mining of Mammoth Remains and Local Communities in the Arctic Zone of Yakutia in the Late 19th Century]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* 3 (54): 239–246.
- Holzlehner, T. 2006. Shadow Networks: Border Economies, Informal Markets and Organized Crime in the Russian Far East. PhD diss., University of Alaska, Fairbanks.
- Kaduk, E.V. 2017. Rynochnyi obmen i praktiki delezha v Anabarskom raione Respubliki Sakha (Yakutiia) [Market Exchange and Share-Out Practices in the Anabar District of the Sakha Republic (Yakutia)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 111–127.
- Klovov, K.B. 2020. Mezhdru gosudarstvom i rynkom: neformal'nye praktiki prirodopol'zovaniia v sibirskikh selakh [Between the State and the Market: Informal Practices of Natural Resource Use in Siberian Villages]. *Etnografiia* 1 (7): 144–167.
- Klovov, K.B., and S.A. Khrushchev. 2010. Demographic Dynamics of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Russian North, 1897–2002. *Sibirica* 9 (3): 41–65. <http://doi.org/10.3167/sib.2010.090303>
- Kopytoff, I. 2006. Kul'turnaia biografiia veshchei: tovarizatsiia kak protsess. In *Sotsiologiia veshchei* [The Cultural Biography of Things: Commodification as a Process], edited by V. Vahstain, 134–167. Moscow: Izdatel'skii dom “Territoriia budushchego”.
- Miloslavskii, V.G. 2020. Intellektual'naia ekonomika v usloviakh otdalennykh poselenii Arktiki: potentsial, problemy, resheniia [Intellectual Economy in the Context of Remote Villages of the Arctic]. *Molodoi uchenyi* 25 (315): 194–199.

- Nureeva, R.M., ed. 2006. *“Velikaia transformatsiia” Karla Polan’i: proshloe, nastoiashchee, budushchee* [Karl Polanyi’s “Great Transformation”: Past, Present, and Future]. Moscow: GU-VShE.
- Prokop’eva, A.N., and A.A. Sleptsova. 2020. Izdeliia iz bivnia mamonta v Yakutii XVIII veka (po materialam pogrebal’nykh pamiatnikov) [Figures Carved from Mammoth Tusks in the 18th Century Yakutia]. *Problemy sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiia Sibiri* 3 (41): 110–115.
- Safonova, T., and I. Shanta. 2013. *Vstrechi na evenkiiskoi zemle: kiberneticheskaia antropologiia Baikal’skogo regiona* [Meetings in the Evenki Land: Cybernetic Anthropology of the Baikal Region]. St. Petersburg: Aleteiia.
- Safronov, F.G. 1980. *Russkie promysly i torgi na Severo-Vostoke Azii v XVII – seredine XIX v.* [Russian Economic Activities and Trade in the North-East Asia in the 17th–Mid-19th Century]. Moscow: Nauka.
- Shanin, T. 1999. Ekspoliarnye struktury i neformal’naia ekonomika sovremennoi Rossii [Expolary Structures and Informal Economy of the Present-Day Russia]. In *Neformal’naia ekonomika: Rossiia i mir*, edited by T. Shanin, 11–32. Moscow: Logos.
- Skott, D. 2017. *Iskusstvo byt’ nepodvlastnym. Anarkhicheskaia istoriia vysokogorii Yugo-Vostochnoi Azii.* [The Art of Being Unbiased: An Anarchist History of South-East Asian Highlands]. Moscow: Novoe izdatel’stvo.
- Smirnov, A.I. 2003. *Iskopaemaia mamontovaia kost’* [Fossil Mammoth Bone]. St. Petersburg: Izdatel’stvo NII Okeangeologiia.
- Smirnov, A.N., N.D. Kirillin, Y.V. Ivanova, and M.A. Zhurilova. 2016. Zabytoe poleznoe iskopaemoe rossijskoi Arktiki – mamontovaia kost’ [A Forgotten Natural Resource of the Russian Arctic – Mammoth Tusk]. *Arktika: ekologiia i ekonomika* 1(21): 66–75.
- Ssorin-Chajkov, N.V. 2012a. Gobbs v Sibiri: sotsial’naia zhizn’ gosudarstva (iz knigi “Sotsial’naia zhizn’ gosudarstva v severnoi Sibiri”) [Hobbes in Siberia: Social Life of the State]. *Sotsiologiia vlasti* 4–5: 155–187.
- Ssorin-Chajkov, N.V. 2012b. Medvezh’ia shkura i makaroni: o sotsial’noi zhizni veshchei v sibirskom sovkhوزه i performativnosti razlichiih dara i tovara [Bear Skins and Macaroni: The Social Life of Things at the Margins of a Siberian State Collective]. *Ekonomicheskaiia sotsiologiia* 13 (2): 59–81.
- Vasil’eva, O.V., A.A. Kuz’mina, and A.R. Fedorova. 2021. Voobrazhenie Severa v kontekste osvoeniia prirodnoi sredy: mamont v mifologicheskikh predstavleniakh yakutov [Imagination of the North in the Context of Conquering the Natural Environment: Mammoth in Mythological Notions of the Yakut]. *Nauchnyi dialog* 1: 194–210.
- Ventsel, A. 2005. Reindeer, Rodina and Reciprocity: Kinship and Property Relations in a Siberian Village. Berlin: LIT Verlag.
- Zhuravskaiia, T.N. 2013. Moral’naia ekonomika “khishchnikov”: sluchai dal’nevostochnykh poselenii [Moral Economy of Illegal Miners: Evidence from Russian Far East]. *Terra Economicus* 11 (4): 44–53.

ИСТОРИЯ НАУКИ

ИЗУЧЕНИЕ ОБЩИННЫХ ИНСТИТУТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКЕ

П.И. Костогрызов

Павел Игоревич Костогрызов | <http://orcid.org/0000-0002-9345-3900> | pkostogryzov@yandex.ru | к. и. н., старший научный сотрудник | Институт философии и права УрО РАН (ул. Софьи Ковалевской 16, Екатеринбург, 620990, Россия)

Ключевые слова

Латинская Америка, община, общинные исследования, политическая антропология, антропология права, community studies

Аннотация

Исследование общинных институтов давно стало одной из важных областей антропологии. Большой массив литературы посвящен, в частности, латиноамериканским общинам – как сельским, включая традиционные общины коренных народов, так и возникающим в урбанизированных и полурбанизированных зонах. В статье дается краткий обзор развития – от зарождения в 1920–1930-е годы до наших дней – латиноамериканских общинных исследований. Автор характеризует современное состояние изучения общинных институтов в регионе в зарубежной антропологии, выделяя несколько направлений в рамках латиноамериканских *community studies*. В отечественной латиноамериканистике тема общинных институтов занимает периферийное место. Советская наука имела определенные достижения в ее разработке, но методологически была ограничена догматизированной версией марксизма. В последнее десятилетие латиноамериканские общинные исследования в России несколько активизировались.

Информация о финансовой поддержке

Фонд Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung), <https://doi.org/10.13039/501100001653> [проект AZ 04/KF/20]

Каждое этнографическое исследование той или иной человеческой общности предполагает изучение присущих ей форм социальной организации. Но, как правило, для антропологов социальные институты всегда остаются лишь одним из аспектов изучаемой культуры, причем не всегда приоритетным. Тип социальной организации, с которым им приходится встречаться чаще всего, – община. Однако в течение длительного времени институт общины как таковой изучался скорее историками и социологами, нежели этнографами. Обращение последних к этому предмету началось около 100 лет назад в рам-

---

Статья поступила 01.11.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 27.11.2021

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Костогрызов П.И. Изучение общинных институтов в современной латиноамериканистике // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 109–127. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040066> EDN: HXMTIY

Kostogryzov, P.I. 2022. Izuchenie obshchinykh institutov v sovremennoi latinoamerikanistike [Research on Community Institutions in Contemporary Latin American Studies]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 109–127. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040066> EDN: HXMTIY

ках сформировавшейся на стыке социологии и этнографии научной программы “общинные исследования” (*community studies*).

Считается, что *community studies* возникли в США в конце 1920-х годов. Первой работой, которую обычно относят к этому направлению, стала книга Р. и Х. Линд “Миддлтаун: исследование американской культуры” (“*Middletown: A Study in American Culture*”) (R. Lynd, H. Lynd 1929). Авторы поставили целью изучить социально-экономические, культурные, религиозные, институциональные и иные аспекты жизни типичного американского города (Манси, шт. Индиана). Книга имела огромный успех, получила продолжение (R. Lynd, H. Lynd 1937) и породила целый научный жанр – *Middletown studies*. Затем появились аналогичные исследования в Британии и Ирландии, а также в колониальных странах, прежде всего в Африке. Интересно, что если этнография/антропология изначально была нацелена на изучение “чужих” обществ и лишь позднее ее методологический инструментарий стал применяться для изучения обществ, к которым принадлежали сами исследователи, то с *community studies* получилось наоборот: сначала они фокусировались на собственном социуме, а затем уже на иных обществах – традиционном объекте внимания этнографии. Это объясняется тем, что изобретателями нового научного жанра были социологи, которые ставили перед собой в первую очередь социологические вопросы. Тем не менее сразу же возникла необходимость в применении и этнографических методов, прежде всего включенного наблюдения. Таким образом, *community studies* изначально возникли как междисциплинарные многоаспектные исследования жизни локальных сообществ.

Разумеется, не каждое общинное исследование есть обязательно исследование самой общины как социального института. К. Гирц отмечал: “Место исследования не есть предмет исследования. Антропологи исследуют не деревни (племена, города, поселения...) – они исследуют в деревнях” (Гирц 2003: 30). С этим тезисом можно было бы согласиться, если бы его автор использовал “не только” или “не всегда” вместо категоричного “не” – иногда антропологи изучают в том числе и деревни, и даже города. В рамках данной статьи нас интересуют именно те работы жанра общинных исследований, объектом которых является сама община как форма социальной организации или отдельные ее органы, выполняющие определенные функции.

Учитывая, что английское *community* имеет более широкое значение, чем русское “община”, и что не всякое сообщество, способное стать предметом антропологического исследования, является общиной, очевидно, что не все, попадающее в категорию *community studies*, может быть названо по-русски “общинным исследованием” или “изучением общин”. Однако именно в латиноамериканистике сложилось мощное направление исследований общины как социального института.

Классическая традиция этнографического изучения первобытных народов Южной Америки для понимания феномена общины дает очень немного. Принадлежавшие к этой традиции исследователи, сосредотачиваясь на других проблемах, касались темы общины лишь вскользь. Так, К. Леви-Стросс, изучавший системы родства аборигенных племен Амазонии и Оринокии, делал особый акцент на специфике дуальной организации, а не на общей характеристике общественного устройства. Наибольшее внимание этому устройству уделил П. Кластр. В работе “Общество против государства” (Clastres 1974) с глубоким психологизмом подробно проанализирована внутренняя динамика отношений власти и подчинения в племенах тупи-гуарани, описан феномен “пророков”-караи, появление которых накануне встречи с западной цивилизацией свидетельствовало о назревшем кризисе, знаменовавшем начало важного сдвига в социально-политической ор-

ганизации у этих народов. Но и П. Кластр, характеризуя общины тупи-гуарани, не пошел дальше отнесения их к “экзогамным демам” по классификации Дж. Мердока (*Murdock* 1949). С подобных позиций ведутся и современные этнографические исследования коренных народов Амазонии и Оринокии, в том числе отечественные (см., напр.: *Матусовский* 2019).

Таким образом, объектами общинных исследований в Латинской Америке (как и в случае североамериканских *community studies*) с самого момента их возникновения стали не изолированные человеческие коллективы, сохранившие в относительной неприкосновенности архаические социальные институты, а общины – будь то аборигенные, метисные, креольские или афроамериканские, – в той или иной степени включенные в жизнь современных социумов соответствующих стран и поэтому ни с какой точки зрения не могущие рассматриваться как “первобытные”.

Направление латиноамериканских общинных исследований начало формироваться в Мезоамерике, и хотя у его истоков стояли в основном ученые из США, материалом для их работ послужили данные, собранные в Мексике и Гватемале. Первым образцом этого жанра в регионе считается работа Р. Редфилда “Тепостлан – мексиканская деревня” (“*Tepoztlán – A Mexican Village*”), вышедшая в 1930 г. (*Crow* 2017: 10). В 1930-е годы американский антрополог С. Такс открыл для мировой науки “систему должностей” – оригинальную структуру институтов самоуправления в общинах мезоамериканских индейцев и метисов, известную также под названиями “майордомия”, “религиозно-политическая иерархия” и др. (*Tax* 1996) Изучение этого феномена породило самостоятельное ответвление общинных исследований с собственной научной традицией, конкурирующими подходами, продолжающее интенсивно развиваться вплоть до настоящего времени (см. обзор в: *Korsbaek* 1996).

За чуть менее чем 100 лет своего развития латиноамериканские общинные исследования прошли определенную эволюцию. Перуанские этнографы К. Дегрегори, Р. Пахуэло и Ф. Феррейра выделяют четыре периода в изучении общинных институтов в Андах (*Ferreira, Isbell* 2016: 12). Хотя периодизация основана на материалах этнографии Перу и имеет отношение прежде всего к этой стране, ее можно распространить на весь макрорегион, поскольку общинные исследования в Латинской Америке в целом испытывали одни и те же интеллектуальные влияния и прошли через последовательное доминирование сменяющихся друг друга одних и тех же методологических концепций; возможны лишь небольшие различия в определении временных рамок отдельных периодов в разных странах:

– “ранние исследования” – до начала 1930-х годов. Исследовательский интерес, как это часто бывает, стимулировался политическими процессами. В это время организованное индейское движение впервые стало не эпизодическим (главным образом в форме восстаний), а постоянно действующим фактором латиноамериканской политики. Начавшиеся в ряде стран (прежде всего в Мексике и Перу) аграрные реформы предполагали юридическое признание сельских общин (в первую очередь индейских, но не только), существование которых до того просто игнорировалось государством. Когда политический истеблишмент обратил внимание на этот “новый” социальный феномен, он стал “видимым” и для образованного общества латиноамериканских стран и началось его научное познание;

– “золотой век” – 1930–1960-е годы. Активизация общинных исследований в 1930-х годах связана не только с открытиями антропологов из США в Мезоамерике, но и с возникновением в межвоенный период интеллектуального течения индихенизма (индеанизма), в рамках которого помимо культурных и

политических проблем (занимавших основное место) разрабатывались и некоторые научные, в частности, касающиеся традиционных социальных институтов, существовавших у коренного населения Латинской Америки.

В дальнейшем индихенизм в разных проявлениях играл все возрастающую роль в общественно-политической жизни региона, в том числе и в науке, и активизация общинных исследований в значительной степени была обусловлена его влиянием. Общинные исследования велись по всей Латинской Америке. Для работ, написанных в 1930–1960-х годах, была характерна высокая степень политической ангажированности. Большинство латиноамериканских авторов, обращавшихся к этой теме, принадлежало к левому политическому лагерю, поэтому, как и русские народники несколькими десятилетиями ранее, они рассматривали крестьянскую общину под углом зрения якобы заключенных в ней потенций к преодолению капитализма и переходу к социализму (*Маруатеги* 1963; и др.);

– “великая трансформация” – 1960–1980-е годы. Работы этого периода характеризуются поворотом от национал-романтизма “золотого века” к марксистскому экономизму при сохранении эссенциалистского подхода в этнографических вопросах. В то же время, учитывая, что марксизм был не насаждаемой сверху идеологией, как в СССР, а сознательным выбором (пусть часто и совершаемым под воздействием интеллектуальной моды), ученые Западного полушария были более свободны в своем поиске, не ограничивая его жестко очерченными рамками канонизированной советским обществоведением схемы развития и разложения общины. В частности, исследования 1970–1980-х годов показали, что современная сельская община в Латинской Америке – не результат непрерывного, идущего с первобытности процесса социальной эволюции, классовообразования и т.д., а зачастую продукт гораздо более поздних событий и явлений. Множество, если не большинство, существующих общин возникло в колониальный и даже постколониальный периоды;

– “тематическая диверсификация” – 1980–1990-е годы. Кризис и последующий распад мировой социалистической системы, начавшийся вслед за ними неолиберальный поворот, охвативший большинство стран Латинской Америки, повлияли и на научную мысль региона. Ослабили позиции марксизма как основы методологии, появились новые научные школы и направления.

Периодизация Дегрегори–Пахуэло–Феррейры заканчивается 1990-ми годами, но мы можем добавить, что начало XXI в. стало в целом продолжением последнего этапа: закрепились и развиваются наметившиеся тогда тенденции к диверсификации тем и подходов. В качестве внешних факторов, действующих на латиноамериканские общинные исследования, добавились кризис неолиберализма, “левый поворот” во многих государствах региона и активизация политических движений коренных народов. Повышению интереса ученых к общинным институтам в Латинской Америке способствовало и расширение юридического признания этих институтов в конституциях и законодательстве ряда стран (*Костогрызов* 2017). Поворот государственных структур лицом к общинам, законодательное закрепление общинной автономии в различных сферах, признание собственного права общин – все это стимулировало изучение коммунитарных институтов и практик, прежде всего в юридической и политической антропологии.

Благодаря развитию интернета активизировались научные коммуникации, ускорился обмен идеями, что привело к росту количества публикаций. Негативные для значительной части латиноамериканских социумов последствия неолиберальных реформ стимулировали возрождение интереса к марксизму, что позволило ему частично отвоевать утраченные в 1990-е годы позиции. В целом

же термин “диверсификация” вполне применим и к современной ситуации в латиноамериканских общинных исследованиях.

Одной из осевых тем для этого научного направления был и остается поиск дефиниции самого понятия общины и ее определяющих признаков, а также выработка типологии общин. Надо отметить, что проблема дефиниций и типологий в любой области социально-гуманитарного знания относится к разряду вечных, поэтому вряд ли стоит ожидать ее окончательного решения. Так, современные исследователи И. Гонсалес и Э. Салас поставили перед собой задачу найти “*общий знаменатель*”, позволяющий рассматривать ту или иную группу как общину” (*González de la Fuente, Salas Quintanal 2012: 47*). В качестве такого они в итоге предложили понятие “коммунальный проект” – совокупность общих целей и интересов, которые преследуют люди, живущие в определенных географических и политических границах, объединенные в общину и создающие соответствующие институты (*Ibid. 2012: 46*). Трудно назвать эту идею открытием, но, с другой стороны, нельзя с ней не согласиться.

И. Гонсалес и Э. Салас определяют общину как

социальную группу, как правило, проживающую на определенной территории и характеризующуюся в первую очередь тем, что взаимоотношения ее членов по большей части канализируются институтами, призванными генерировать, поддерживать и воспроизводить сцены взаимодействий, т.е. наборы ролей, в исполнении которых задействовано наибольшее возможное число соседей (*Ibid.: 45–46*).

Едва ли это определение удовлетворит всех, но оно импонирует тем, что подчеркивает очень важную характеристику общины: в отличие от государственной или муниципальной администрации, базирующейся на привлечении ограниченной команды профессионалов, общинные институты могут стабильно существовать и быть эффективными только при условии вовлеченности большинства членов общины в их деятельность.

Трудность с дефиницией и классификацией общины состоит еще и в том, что этот институт не остается неизменным, он постоянно трансформируется под воздействием идущих в обществе процессов, приспосабливаясь к меняющейся реальности. И. Гонсалес и Э. Салас справедливо отмечают, что в результате происходящей в регионе модернизации “некоторые общинные институты исчезают, тогда как другие, напротив, усиливаются” (*Ibid: 47–48*). Возможно поэтому некоторые авторы вообще отказались от попыток всеобъемлющих дефиниций и пошли по пути номинальных определений, дающих возможность просто очертить рамки объекта своего исследования. Так, Ф. Феррейра во введении к коллективной монографии, подводящей итоги многих десятилетий изучения крестьянских общин в Андском регионе, оговаривает, что под общиной в данном контексте он “имеет в виду территориальные и административные единицы, формируемые деревнями с соответствующими землями и населением, расположенные в высокогорье Анд” (*Ferreira, Isbell 2016: 4*). Однако такой подход отнюдь не единственный в латиноамериканских общинных исследованиях, в целом не испытывающих недостатка в попытках теоретического осмысления изучаемых феноменов и построения их научных моделей. Предлагаются и реальные дефиниции общины, например, бразильский ученый А. Волкмер определяет ее как “социальное объединение, связанное одним географическим пространством и характеризующееся общностью интересов и собственной идентичностью” (*Wolkmer 1991*).

На рубеже 1940–1950-х годов мексиканский антрополог Ф. Камара выдвинул концепцию двух типов общин: центростремительной и центробежной. Общины первого типа, по его мнению, гомогенны, традиционны, ориентированы

на сохранение сложившегося порядка, в них преобладает коллективизм, а благо общины превалирует над интересами отдельных индивидов. Тогда как “центробежные” общины гетерогенны, слабо интегрированы, подвержены изменениям, в них приоритет отдается интересам индивидов или отдельных групп, а не общины в целом (*Cámara Barbechano* 1996: 70).

В 1950-е годы Э. Вольф на основе сравнительных исследований в Мезоамерике и на о. Ява ввел понятие “замкнутая крестьянская община-корпорация” – “относительно автономная экономическая, социальная, языковая и политико-религиозная система” (*Wolf* 1957: 11). “Корпоративность” означает, что община четко ограничивает своих членов от лиц, не входящих в нее, и гарантирует определенный набор прав и привилегий для первых, а “замкнутость” – что она стремится быть максимально независимой от “большого” общества. Согласно Э. Вольфу, этот тип общины сформировался у автохтонного населения в ответ на вызовы колонизации и служит своего рода защитным механизмом коренных культур перед лицом угроз, исходящих от чуждых социальных и экономических институтов. Э. Вольф подчеркивает отличие этих общин от креольских и метисных общин, которые строились как открытые по отношению к “большому” обществу, прежде всего за счет ориентации на национальные и международные рынки сельскохозяйственной продукции (*Ibid.*).

Р. Редфилд в работах 1960-х годов сформулировал концепцию “малой общины” как «гомогенной, самодостаточной, обеспечивающей своих членов “от колыбели до могилы” и медленно меняющейся», где “путь одного поколения повторяет путь предшествующего” (*Redfield* 1960: 4). Признавая, что такая община представляет собой лишь идеальный тип, он расположил реальные общины на длинной шкале выраженности этих качеств (*Ibid.*: 5) – от коллективов охотников-собираателей и кочевых скотоводов, которые в наибольшей степени соответствуют идеалу, до фронтальных и городских сообществ, являющихся, по его мнению, гетерогенными и несамодостаточными.

Всплеск, можно даже сказать взрыв, интереса к общинным институтам в Латинской Америке произошел на рубеже XX и XXI вв. Толчок ему дали уже упомянутые процессы конституционализации и легализации общин, начавшиеся во многих странах региона именно в 1990-х годах, а также мексиканские события, а именно неосапатистское движение в Чьяпасе, ворвавшееся не только в национальную, но и в мировую повестку в 1994 г. В последние 25–30 лет из-под пера как латиноамериканских ученых, так и их коллег из Европы, США и Канады вышло огромное количество научной литературы, посвященной исследованию общин. Как отмечалось выше, по самому своему характеру это трансдисциплинарная область, поэтому работают в ней не только антропологи, но даже работы антропологов нельзя назвать “чисто антропологическими”. Свой вклад в изучение общин вносят социологи, политологи, юристы и др., тем не менее во всех этих исследованиях неизменно присутствует антропологический компонент.

Вследствие такого многогранного мультидисциплинарного интереса к латиноамериканским общинным исследованиям в них выделилось несколько тематических направлений. Одно из них рассматривает общину прежде всего как социальную рамку, которая позволяет сохранять и реализовывать индигенность или иную культурную идентичность, отличную от общенациональной. При этом, как было оговорено выше, объектом изучения становятся не этносы-изоляты, а основная масса коренного населения, в достаточной степени вписанного в общекультурный контекст латиноамериканских социумов, но при этом сохранившего собственные языковую и культурную идентичности. Авторы, придерживающиеся данной парадигмы, подчеркивают своеобразие присущего

автохтонным культурам мировидения, его “исконность”, укорененность в духовных, социальных и хозяйственных практиках, восходящих к временам далеких предков, т.е. к доколумбовой эпохе (*Ordoñez Cifuentes* 2008; *Fernández Osco* 2009; и др.). Важным открытием ученых этого направления стало установление того факта, что общинная структура сама по себе способна не только сохранять традиционные идентичности, но и порождать новые. В частности, в работах перуанского юриста и антрополога Р. Иригойен показано, как возникновение в горных регионах Перу во второй половине 1970-х годов новой формы общинной организации – сельских патрулей (исп. *rondas campesinas*) вместо давно распавшихся старых общинных институтов помимо социальной мобилизации крестьянства повлекло за собой еще и важные изменения в самоидентификации местного населения. Если до возникновения патрулей оно определяло себя как “крестьян” или “индейцев” (исп. *campesinos* используется в обоих значениях), то на базе этой организации сформировалась “идентичность рондерос” (исп. *identidad rondera*) – особое самосознание, связанное с принадлежностью к сельским патрулям. Как любая идентичность, она предполагает противопоставление “мы – они”, которое в данном случае строится вокруг *правосудия* как *справедливости*, отправление которого является основной, хотя и далеко не единственной задачей патрулей (*Yrigoyen Fajardo* 2002: 35).

Другие авторы видят в общинных институтах преимущественно инструмент сопротивления (*Starn* 1999; *Fumerton* 2001; *Korsbaek* 2011; *Mandujano Estrada* 2014; *Lizárraga Aranibar, Vacaflores Rivero* 2014; и др.). Вообще, категория сопротивления занимает весьма значимое место в латиноамериканском дискурсе – как общественно-политическом, так и общественно-научном. Речь при этом идет о противостоянии различных групп населения или “народа” в целом как “колониальности власти” (*Quijano* 1997), так и разнообразным формам насилия, постоянно присутствующим в регионе. Особенно актуальна тема сопротивления для стран, в которых недавно завершились или продолжаются до сих пор внутренние вооруженные конфликты, таких, например, как Колумбия (*Rudqvist, Anrup* 2013; *Llano Franco et al.* 2019). Внимание колумбийских исследователей привлекают, в частности, так наз. мирные общины, провозгласившие нейтралитет в ходе внутреннего вооруженного конфликта и отказавшиеся допускать на свою территорию его участников, независимо от того, какую сторону они представляют. Классическим примером этого направления в латиноамериканских общинных исследованиях можно считать работу Э. Сандовала об индейцах наса (*Sandoval Forero* 2008). В последнее десятилетие вышло большое количество публикаций, посвященных вооруженной самообороне мексиканских общин, противостоящей наркокартелям (*Fuentes Díaz, Fini* 2018; *Gasparello* 2018; и др.). Как известно, организованная преступность в стране приобрела силу, сравнимую с силой государства, которое ведет с криминалом настоящую войну. В этих условиях многие локальные общины вынуждены вооружаться, чтобы защитить жизни и имущество своих членов от орудующих на территории страны банд.

Третье направление фокусирует исследовательский интерес на присущей общине функции социальной самоорганизации, благодаря которой локальные сообщества в латиноамериканских странах демонстрируют не только способность адаптироваться к быстро меняющимся социально-экономическим и политическим обстоятельствам, но и высокую стрессоустойчивость в условиях слабости государственных институтов (*Salvador Rios* 1983; *Palomino Flores* 1984; *Adrián Ambía* 1989; и др.). Краткая, но информационно и интеллектуально насыщенная работа С. Ковалевского (*Kowalewski* 2003) характеризует эволюцию общины в одном относительно небольшом регионе Мексики – в Оахаке, но

на длинной временной дистанции – на протяжении 3,5 тыс. лет. Такой подход позволил автору убедительно продемонстрировать, что

община никогда не была самодовлеющей, примордиальной или полностью автономной – ни в Оахаке, ни, вероятно, где-либо еще... Как и социальные образования более низкого и более высокого уровней – домохозяйства, семьи, кланы, государства, – локальные группы формируются и получают те или иные функции в соответствии с контекстом (*Kowalewski* 2003: 17).

На примере Оахаки С. Ковалевский показал, как общинные структуры возникали, укреплялись или ослабевали, приобретали и утрачивали определенные функции, распадались и возрождались – в зависимости от исторических обстоятельств.

Еще одно направление общинных исследований в Латинской Америке развивается в русле антропологии права¹. В центре его внимания такие функции общинной организации, как установление и поддержание социального порядка, урегулирование конфликтов, предотвращение противоправного поведения и т.д., а непосредственным объектом изучения являются органы общинного правосудия. Значительная часть ученых этого направления работает в концептуальных рамках теории правового плюрализма. В конце XX – начале XXI в. в большинстве стран региона начался процесс конституционализации юридического плюрализма (*Костогрызов* 2017), т.е. общинное право и институты общинной юстиции получили признание на конституционном и законодательном уровнях, что дало толчок количественному росту исследований этой темы.

За последние десятилетия вышло значительное число работ по юридической антропологии латиноамериканской общины. Особую ценность, на наш взгляд, представляет многотомное издание об общинной юстиции в Перу и Эквадоре, ставшее итогом многолетних полевых исследований большого количества ученых из нескольких стран (*Brandt, Franco* 2006, 2007; *Vintimilla Saldaña et al.* 2007; *Franco, Gonzales* 2009; *Brandt* 2013), а также двухтомник под общей редакцией Б. ди Соузы Сантуша, также собравшего сильный интернациональный авторский коллектив (*de Sousa Santos, Exeni Rodriguez* 2012; *de Sousa Santos, Grijalva* 2012). Н. Эспиноса проследил процесс формирования общинных структур, в том числе институтов общинного правосудия, в сложном и подчас трагическом взаимодействии с партизанскими формированиями ФАРК (Революционные вооруженные силы Колумбии) в зоне относительно недавней колонизации в Колумбии (*Espinosa* 2003, 2010, 2015, 2016).

Общинное право, как и любое живое общественное явление, развивается вместе с социумом, находя новые ответы на новые вызовы. На это справедливо указывают многие ученые, работающие над проблемой общинной юстиции в латиноамериканских странах:

...коренные народы и сельские жители андских стран сохранили свои системы права и практики разрешения споров. Эти системы не “растворились” в ходе ассимиляции и интеграции индейцев в “большое” общество; напротив, они адаптировались и развивались во взаимодействии с господствующей культурой. В результате возникли новые нормы и процедуры, а также новые институты общинной юстиции – как, например, крестьянские патрули в Перу. Речь идет не об отсталости, не о каком-то атавизме или реакционном явлении, а о коллективном и демократическом действии, имеющем целью гарантировать порядок, мир и справедливость (*Brandt, Franco* 2006: x).

Разумеется, между обозначенными направлениями общинных исследований не существует непроницаемых границ. Большинство научных работ, посвященных общине в Латинской Америке, затрагивает не одну тему. Так, практически

всегда тесно переплетаются проблемы сопротивления и сохранения идентичности, поддержания правового и социального порядка и самоорганизации. Тем не менее в каждом исследовании есть главная, осевая, проблема, вокруг которой выстраивается авторский нарратив, и это позволяет отнести ту или иную публикацию к одному из выделенных нами направлений латиноамериканских общинных исследований.

Особняком в этом ряду стоят работы, посвященные сапатистскому движению в мексиканском штате Чьяпас. Хотя определенное внимание в них уделяется структуре и деятельности органов общинного самоуправления, главное место занимают все-таки иные проблемы, поэтому этот пласт исследований, на наш взгляд, должен рассматриваться отдельно, и в своем обзоре мы его не затрагиваем.

В отличие от зарубежной, отечественная наука до сих пор не уделила латиноамериканским общинным исследованиям того внимания, которого они, на наш взгляд, заслуживают. Практически единственная, вышедшая в советское время монография, посвященная латиноамериканской общине, – “Община в Перу. Очерк социально-экономического развития” И.К. Самаркиной (*Самаркина* 1974). Другие советские латиноамериканисты, если и затрагивали эту тему, то лишь “по касательной”, в связи с иными проблемами, такими, например, как положение сельских трудящихся, особенности традиционной политической культуры, индейский вопрос (*Шемякин* 2019). Книга И.К. Самаркиной содержит обширный экскурс в историю перуанской общины времен Империи инков и колониального периода, подробно характеризует социально-экономические процессы в сельском Перу первого столетия независимости страны, а основное внимание уделяет развитию общины в XX в.

При всех своих несомненных достоинствах работа И.К. Самаркиной отмечена неизбежной печатью своего времени. Представления советского обществоведения об общине были ограничены жесткими рамками догматического марксизма, в соответствии с которыми эта форма социальной организации должна была проходить строго определенные этапы развития в строго определенной последовательности, эволюционируя от раннеродовой общины охотников и собирателей через поздне родовую общину земледельцев и скотоводов к соседской, а затем разлагаясь под воздействием процессов классовобразования. При этом любая община, обнаруживаемая где бы то ни было историками или этнографами, априори рассматривалась как существующая непрерывно со времен первобытности, и в ней исследователям следовало выявлять признаки разложения и пережитки более ранних форм.

По этому предписанному пути вынуждена была следовать и И.К. Самаркина, временами вступая в противоречия с приводимыми ею же фактами и собственными промежуточными выводами. Так, в начале книги о “разложении общинной организации” говорится как об очевидном факте, не нуждающемся в доказательстве, хотя в следующей же фразе сообщается, что “в некоторых случаях на базе общин создавались производственные кооперативы” (тут же следует оговорка – “буржуазные по своей природе”) (*Самаркина* 1974: 4). А ниже автор пишет, что “происходит существенное изменение традиционной структуры общины, ее функциональных связей, от одних функций она отказывается, другие видоизменяются, возникают новые. И все-таки община сохраняется, ее традиционная структура продолжает существовать, хотя и в новых формах” (Там же: 172). Эти формы описываются на предыдущих и последующих страницах монографии. В частности, И.К. Самаркина рассказывает не только о трансформации общин в кооперативы различных типов, но и о том, как некоторые общины становятся аналогами профсоюзов, защищающих трудовые права

своих членов, работающих на шахтах, плантациях или в публичном секторе (Там же: 167), и о возникновении в городах “клубов” общинно-земляческого типа из недавних крестьян, оказывающих выходцам из деревень разнообразную помощь в социализации (поиск работы, проведение развлекательных мероприятий, материальная и прочая поддержка) (Там же: 153). Наконец, автор пишет о том, что в XX в. число общин в Перу не уменьшалось, а наоборот, росло и что большинство общин Косты и Монтаньи (прибрежной и высокогорной частей страны) относительно недавнего происхождения – они появились после 1920 г., и связано это было с изменением государственной политики, вследствие которого крестьянам стало выгодно организовываться в общины и регистрировать их в органах власти.

При всем этом, однако, автор характеризует “значительное, возможно подавляющее число перуанских общин” как “распавшиеся” или “формальные” (Там же: 163), т.е. как “ненастоящие” общины. На чем же основан такой вывод? Дело в том, что с марксистской точки зрения “полноценной” является только такая община, которая обладает земельной собственностью (а еще лучше – проводит регулярные переделы земли между своими членами). Большинство же перуанских общин это качество давно утратило: “...практически вся пахотная земля и в большинстве случаев пастбища перешли в частную собственность. В общем владении остались леса и оросительные системы” (Там же). Это в марксизме рассматривается как несомненный признак “разложения” общины. Явным признаком ее разложения считалось и пресловутое социальное расслоение общины, т.е. выделение в ней богатых и бедных, предпринимателей и наемных работников, на котором И.К. Самаркина (как и положено историку-марксисту) делает особый акцент, трактуя его как “трансформацию традиционной структуры в классовую” (Там же: 169). Но при этом автор не игнорирует и такие особенности социального строя перуанской общины, которые подчеркивают ее своеобразие на фоне “классической” крестьянской общины в России и Европе. В частности, в монографии описана иерархическая структура “сложных” общин (состоящих из нескольких поселений с собственными органами самоуправления), для которой характерны неравноправные отношения, строящиеся по расовому принципу: деревни, населенные метисами, занимают доминирующее положение, а индейские – подчиненное (Там же: 168).

Узко-аграрный подход марксистской науки к проблеме общины приводил к тому, что из ее поля зрения практически полностью выпадали общинные институты в урбанизированной среде. Городские общины изучались только в рамках истории Древнего мира и Средних веков, в обществах Модерна община рассматривалась априори как структура крестьянского социума. Между тем именно Латинская Америка (хотя, конечно, далеко не только она) дает интереснейшие и важнейшие для понимания общественных процессов примеры функционирования коммунитарных институтов в городе.

Таким образом, советская школа исследования общины (это касается не только латиноамериканистики) была весьма продуктивна в сборе и систематизации фактической информации и зачастую приходила к интересным и научно значимым промежуточным выводам, но, подходя к необходимости делать широкие теоретические обобщения, оказывалась беспомощной и не могла сказать ничего, что уже не было бы сказано “классиками марксизма-ленинизма”. Разумеется, это не вина ее, а беда – результат не недостатка собственных идей, а существовавших ограничений свободы научного поиска.

Между тем отечественная наука имеет собственную давнюю традицию общинных исследований, свободную от марксистской догматики. В многочисленных работах² русских ученых XIX – начала XX в., принадлежавших

к разным научным школам, которые советская историография маркировала обобщающим термином “немарксистские”, показано, что община не развивается однолинейно, в соответствии с некой универсальной схемой, верной для всех времен и народов, а возникает, разрушается, возрождается, изменяется в зависимости от конкретных исторических обстоятельств. Разнообразие ее форм определяется потребностями и условиями жизни людей, которые ее составляют, и не может быть сведено к заранее предписанному набору вариантов. Разумеется, эти выводы сделаны на материалах России и Западной Европы, что не умаляет их теоретической значимости. Подробный обзор этих работ содержится в монографии известного индолога Л.Б. Алаева (*Алаев 2016*), который, опираясь на достижения дореволюционных общиноведов и данные своевременной науки об истории общины в различных регионах мира, подводит итог теоретическим поискам в общинных исследованиях и показывает несостоятельность редукционистской парадигмы, в рамках которой до сих пор продолжают мыслить многие отечественные ученые. Хотя тему общины в Латинской Америке Л.Б. Алаев так же, как и его предшественники, не затрагивает, мы считаем необходимым упомянуть его труд ввиду фундаментальности рассматриваемых в нем проблем.

В постсоветский период отечественная латиноамериканистика постепенно освобождается от марксистско-ленинского догматизма, но общинная тема остается для нее периферийной. Опубликован ряд работ, посвященных отдельным странам или сюжетам. Исследование Т.В. Гончаровой показывает (подтверждая вывод И.К. Самаркиной), что сельская община в Перу во второй половине XX в. не только не “изживалась”, но и в некоторых отношениях укрепляла свои позиции, в частности, возросло количество самих общин (*Гончарова 2000: 405–410*). Г.Э. Орнелас и А.Е. Солдатова в статье, посвященной социальным и этническим процессам в автохтонных общинах-пуэблос Мексики (*Орнелас, Солдатова 2015*), также подчеркивают усиление роли общинных институтов в социально-политической жизни этой страны во второй половине XX в., связывая его с ростом этнического самосознания индейцев. Особый интерес представляет взаимодействие этого процесса с процессом урбанизации. Как показано в статье, многим автохтонным сообществам удается успешно адаптироваться к новой реальности, трансформируясь из сельских (аграрных) общин в общины городских кварталов, не теряя при этом своей идентичности.

В моих работах последних лет (*Костокрызов 2018, 2019а, 2019б и др.*) исследуются институты общинного правосудия в Латинской Америке. Показано, что эти институты – отнюдь не “атавизм”, а необходимый элемент правовой системы стран региона, важный механизм поддержания правопорядка и защиты прав человека. По итогам исследования разработана научная концепция общинного права и общинного правосудия, сформулированы дефиниции этих понятий, предложена типология органов общинной юстиции в Латинской Америке.

Итак, изучение общинных институтов давно стало важным компонентом латиноамериканских исследований, прежде всего в самих странах Латинской Америки, а также в США и Западной Европе. В российской науке этот жанр получил гораздо меньшее развитие. Достигнутые результаты дают основание констатировать, что община в большинстве стран региона не только не отмирает, но продолжает играть ключевую роль в социально-политической системе, «будучи одним из важнейших механизмов социальной интеграции... выступает как фактор достижения и сохранения целостности социальной “ткани” обществ региона, причем не только на местном, но и на общецивилизационном уровне» (*Шемякин 2019*).

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung). Проект [AZ 04/KF/20] “Local communities as agents of governance and security in Andean countries: supporting or contesting the sovereignty of the State?”

Примечания

¹ См., напр.: *Barié* 2008; *Daza, Hurtado* 2000; *Castro-Herrera* 2016; *Castro-Herrera et al.* 2017; *Ardila Amaya, Suárez Acero* 2021; и др.

² См., напр.: *Чичерин* 1856; *Качоровский* 1906; *Кауфман* 1908; *Павлов-Сильванский* 1910; и др.

Научная литература

Алаев Л.Б. Сельская община: роман, вставленный в историю. М.: Ленанд, 2016.

Гири К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2003.

Гончарова Т.В. Коренное население Перу во второй половине XX века // История Перу с древнейших времен до конца XX в. / Отв. ред. С.А. Созина. М.: Наука, 2000. С. 403–416.

Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908.

Качоровский К.А.Р. Русская община: возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? М.: Новое товарищество, 1906.

Костогрызов П.И. Конституционализация юридического плюрализма в латиноамериканских странах: сравнительный анализ национальных моделей // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 73–76.

Костогрызов П.И. Общинное правосудие в странах Латинской Америки. М.: Юрлитинформ, 2018.

Костогрызов П.И. Общинное право // Антиномии. 2019а. Т. 19. Вып. 2. С. 67–86. <https://doi.org/10.17506/aip.2019.19.2.6786>

Костогрызов П.И. Общинное правосудие // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2019б. Вып. 3 (25). С. 94–103. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2019-3-25-94-103>

Мариатеги Х.К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М.: Иностранная литература, 1963.

Матусовский А.А. Последняя малока: трансформация социокультурной роли общинного жилища у перуанских мацэс // Этнографическое обозрение. 2019. № 5. С. 151–168. <https://doi.org/10.31857/S086954150007384-2>

Орнелас Таварес Г.Э., Солдатова А.Е. Автохтонные пуэбло долины Мехико: основные подходы к антропологическому изучению // Сибирские исторические исследования. 2015. № 4. С. 47–63.

Павлов-Сильванский Н.П. Сочинения: В 3 т. Т. 3, Феодализм в удельной Руси. СПб: тип. М.М. Стасюлевича, 1910.

Самаркина И.К. Община в Перу. Очерк социально-экономического развития. М.: Наука, 1974.

Чичерин Б.Н. Обзор исторического развития сельской общины в России // Русский вестник. 1856. № 3. С. 373–396; № 4. С. 579–602.

Шемякин Я.Г. Общинная юстиция как проявление цивилизационной идентичности Латинской Америки // Латинская Америка. 2019. № 2. С. 94–106. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0003715-5>

- Adrián Ambía A.* El Ayllu en el Perú actual: Con un estudio de las normas tradicionales de la comunidad campesina de Amaru, Calca, Cusco. Lima: PUKARA, 1989.
- Ardila Amaya É., Suárez Acero A.* (eds.) Arauca: una escuela de justicia comunitaria para Colombia. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia, 2021.
- Barié C.G.* Derecho Indígena y Medios Alternativos de Resolución de Conflictos // Urvio, Revista Latinoamericana de Seguridad Ciudadana. 2008. Núm. 3. P. 110–118.
- Brandt H.-J.* (ed.) Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador. Vol. 9, Cambios en la justicia comunitaria y factores de influencia. Lima: IDL, 2013.
- Brandt H.-J., Franco R.* (eds.) Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador. Vol. 1, El tratamiento de conflictos: un estudio de actas en 133 comunidades indígenas y campesinas en Ecuador y Perú. Lima: IDL, 2006.
- Brandt H.-J., Franco R.* (eds.) Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador. Vol. 2, Normas, valores y procedimientos en la justicia comunitaria: Estudio cualitativo en comunidades indígenas y campesinas de Ecuador y Perú. Lima: IDL, 2007.
- Cámara Barbechano F.* Organización religiosa y política en Mesoamérica // Introducción al sistema de cargos. Antología / Comp. L. Korsbaek. Toluca: Facultad de Antropología-UAEM, 1996. P. 69–98.
- Castro-Herrera F.S.* Justicia comunitaria en el desplazamiento forzado. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia, 2016.
- Castro-Herrera F.S., Ardila Amaya É., Jaramillo Marín J.* (eds.) Huellas y trazos de la justicia comunitaria en Colombia. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia, 2017.
- Clastres P.* La Société contre l'État: Recherches d'anthropologie politique. Paris: Minuit, 1974.
- Crow G.* What are Community Studies? L.: Bloomsbury Academic, 2017.
- Daza A., Hurtado F.* Justicia comunitaria, entre las instituciones y las organizaciones // Pensamiento Jurídico. 2000. Núm. 12. Pt. 1, Justicia comunitaria. P. 23–42.
- de Sousa Santos B., Exeni Rodríguez J.L.* (comps.) Justicia Indígena, plurinacionalidad e interculturalidad en Bolivia. Quito: Abya Yala, 2012.
- de Sousa Santos B., Grijalva A.* (comps.) Justicia Indígena, plurinacionalidad e interculturalidad en Ecuador. Quito: Abya Yala, 2012.
- Espinosa N.* Entre la justicia guerrillera y la justicia campesina ¿Un nuevo modelo de justicia comunitaria? La Macarena, Meta, estudio de caso // Revista Colombiana de Sociología. 2003. Núm. 20. P. 117–145.
- Espinosa N.* El justo comunitario, las leyes y la justicia en una región con fuerte presencia del conflicto armado. Etnografía del pluralismo jurídico en la Sierra de La Macarena // Diálogos de Derecho y Política. 2010. Núm. 3. P. 1–26.
- Espinosa N.* Las prácticas comunitarias de justicia local en la Sierra de la Macarena. El pluralismo jurídico de cara a la reconstrucción del país en el post conflicto colombiano // AGO.USB Medellín-Colombia. 2015. Vol. 15. Núm. 2. P. 495–513.
- Espinosa N.* La justicia guerrillera en Colombia. Elementos de análisis para los retos de la transición política en una zona de control insurgente // Estudios Latinoamericanos, Nueva Época. 2016. Núm. 37 (1). P. 87–112.
- Fernández Osco, M.* El Ayllu y la Reconstitución del Pensamiento Aymara. PhD diss. Duke University, Durham, 2009.
- Ferreira F., Isbell B.J.* (eds.) A Return to the Village: Community Ethnographies and the Study of Andean Culture in Retrospective. L.: Institute of Latin American Studies; School of Advanced Study; University of London, 2016.
- Franco R., Gonzales M.* (eds.) Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador. Vol. 3, Las mujeres en la justicia comunitaria: víctimas, sujetos y actores. Lima: IDL, 2009.
- Fuentes Díaz A., Fini D.* (eds.) Defender al pueblo. Autodefensas y Policías Comunitarias en México. México: Ediciones del Lirio, 2018.

- Fumerton M.A.* Rondas Campesinas in the Peruvian Civil War: Peasant Self-Defence Organizations in Ayacucho // *Bulletin of Latin American Research*. 2001. Vol. 20. No. 4. P. 470–497. <https://doi.org/10.1111/1470-9856.00026>
- Gasparello G.* Conflicto, respuestas comunitarias a la violencia y formación de paz // *Revista de Cultura de Paz*. 2018. Vol. 2. P. 191–214.
- González de la Fuente I., Salas Quintanal H.* Community Projects in the Era of Globalization: The Case of a Local Rural Society in Mexico // *Anthropological Notebooks*. 2012. Vol. 18 (1). P. 41–64.
- Korsbaek L.* (comp.) *Introducción al sistema de cargos: Antología*. Toluca: Facultad de Antropología-UAEM, 1996.
- Korsbaek L.* El capitalismo periférico, el neoliberalismo y las Instituciones de defensa de la comunidad // *Pacarina del Sur*. 2011. Núm. 7.
- Kowalewski S.A.* What is the Community? The Long View from Oaxaca, Mexico // *Social Evolution & History*. 2003. Vol. 2. No. 1. P. 4–24.
- Lizárraga Aranibar P., Vacaflares Rivero C.* La descolonización del territorio: luchas y resistencias campesinas e indígenas en Bolivia // *Capitalismo: tierra y poder en América Latina (1982–2012)*. Vol. II / Ed. G. Almeyra et al. Mexico: Universidad Autónoma Metropolitana, 2014. P. 17–64.
- Llano Franco J.V. et al.* Pos-acuerdo y territorio en las comunidades indígenas, afro y campesinas en el Norte del Cauca. Bogotá: Grupo Editorial Ibáñez, 2019.
- Lynd R., Lynd H.* *Middletown: A Study in American Culture*. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1929.
- Lynd R., Lynd H.* *Middletown in Transition: A Study in Cultural Conflicts*. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1937.
- Mandujano Estrada M.* La primavera P'urhépecha; resistencia y Buen Gobierno en Cherán K'eri // *Bajo Palabra. Revista de Filosofía II Época*. 2014. Núm. 9. P. 103–112.
- Ordoñez Cifuentes J.E.R.* Restitución de la armonía cósmica. Propuesta jurídica de los pueblos originarios de Abya Yala // *Quid Iuris*. 2008. Núm. 8. P. 56–114.
- Palomino Flores S.* El sistema de oposiciones en la comunidad de Sarhua: La complementariedad de los opuestos en la cultura andina. Lima: Pueblo Indio, 1984.
- Quijano A.* Colonialidad del poder, cultura y conocimiento en América Latina // *Anuario Mariateguiano*. 1997. Vol. IX. Núm. 9. P. 113–122.
- Redfield R.* *The Little Community*. Chicago: University of Chicago Press, 1960.
- Rudqvist A., Anrup R.* Resistencia comunitaria en Colombia. Los cabildos caucanos y su guardia indígena // *Papeles Políticos*. 2013. Vol. 18. Núm. 2. P. 515–548.
- Salvador Rios G.* *Estructura y cambio de la Comunidad Campesina: La Comunidad de Huascoy*. Lima: CEDEP, 1983.
- Sandoval Forero E.A.* *La Guardia Indígena Nasa y el Arte de la Resistencia Pacífica*. Bogotá: Fundación Hemera, 2008.
- Starn O.* *Nightwatch: The Politics of Protest in the Andes*. Durham: Duke University Press, 1999.
- Tax S.* Los municipios del Altiplano mesooccidental de Guatemala // *Introducción al sistema de cargos: Antología / Comp. L. Korsbaek*. Toluca: Facultad de Antropología-UAEM, 1996. P. 54–68.
- Vintimilla Saldaña J., Almeida Mariño M., Saldaña Abad R.* Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador. Vol. 4, Derecho indígena, conflicto y justicia comunitaria en comunidades kichwas del Ecuador. Lima: IDL, 2007.
- Wolf E.* The Closed Corporate Peasant Communities in Mesoamerica and Central Java // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1957. Vol. 13. No. 1. P. 1–18.
- Wolkmer A.* Pluralismo jurídico, movimientos sociales y prácticas alternativas // *El Otro Derecho*. 1991. Núm. 7. P. 29–46.

Yrigoyen Fajardo R. Hacia un reconocimiento pleno de las rondas campesinas y el pluralismo legal // *Alpachis*. 2002. Año 34. Núm. 59–60. Fascículo I, Justicia Comunitaria en los Andes. P. 31–81.

Research Article

Kostogryzov, P.I. Research on Community Institutions in Contemporary Latin American Studies [Izuchenie obshchinnnykh institutov v sovremennoi latinoamerikanistike]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 109–127. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040066> EDN: HXMTIY ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Pavel Kostogryzov | <http://orcid.org/0000-0002-9345-3900> | pkostogryzov@yandex.ru | Institute of Philosophy and Law, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (16 Sofia Kovalevskaya Str., Ekaterinburg, 620990, Russia)

Keywords

Latin America, community, community studies, political anthropology, anthropology of law

Abstract

Research on community institutions has long been an important area of anthropology. A great deal of literature is devoted, inter alia, to Latin American communities, both rural, including traditional indigenous communities, and those emerging in urbanized and semi-urbanized areas. The article provides a brief overview of the development of Latin American community studies, from their origins in the 1920s and 1930s to the present day. I characterize the current state of the study of community institutions in the region in international anthropology, highlighting several trends within Latin American community studies. In domestic Latin American studies, the topic of community institutions occupies a peripheral place. Soviet scholarship had certain achievements in developing it, but methodologically it was limited by a dogmatic version of Marxism. Over the past decade, Latin American community research in Russia has gained some momentum.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Gerda Henkel Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100001653> [grant no. AZ 04/KF/20]

References

- Adrián Ambía, A. 1989. *El Ayllu en el Perú actual: Con un estudio de las normas tradicionales de la comunidad campesina de Amaru, Calca, Cusco* [The Ayllu in Peru Today: With a Study of the Traditional Norms of the Rural Community of Amaru, Calca, Cusco]. Lima: PUKARA.
- Alaev, L.B. 2016. *Sel'skaia obshchina: roman, vstavlennyy v istoriiu* [Rural Community: A Novel Inserted into History]. Moscow: Lenand.
- Ardila Amaya, É., and A. Suárez Acero, eds. 2021. *Arauca: una escuela de justicia comunitaria para Colombia* [Arauca: A Community Justice School for Colombia]. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia.
- Barié, C.G. 2008. Derecho Indígena y Medios Alternativos de Resolución de Conflictos [Indigenous Law and Alternative Conflict Resolution Media]. *Urvio, Revista Latinoamericana de Seguridad Ciudadana* 3: 110–118.
- Brandt, H.-J., and R. Franco, eds. 2006. *Justicia comunitaria en los Andes: Perú*

- y Ecuador [Community Justice in the Andes: Peru and Ecuador]. Vol. 1, *El tratamiento de conflictos: un estudio de actas en 133 comunidades indígenas y campesinas en Ecuador y Perú* [The Treatment of Conflicts: A Study of Proceedings in 133 Indigenous and Peasant Communities in Ecuador and Peru]. Lima: IDL.
- Brandt, H.-J., and R. Franco, eds. 2007. *Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador* [Community Justice in the Andes: Peru and Ecuador]. Vol. 2, *Normas, valores y procedimientos en la justicia comunitaria: Estudio cualitativo en comunidades indígenas y campesinas de Ecuador y Perú* [Norms, Values and Procedures in Community Justice: Qualitative Study in Indigenous and Peasant Communities of Ecuador and Peru]. Lima: IDL.
- Brandt, H.-J., ed. 2013. *Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador* [Community Justice in the Andes: Peru and Ecuador]. Vol. 9, *Cambios en la justicia comunitaria y factores de influencia* [Changes in Community Justice and Influencing Factors]. Lima: IDL.
- Cámara Barbechano, F. 1996. *Organización religiosa y política en Mesoamérica* [Religious and Political Organization in Mesoamerica]. In *Introducción al sistema de cargos. Antología* [Introduction to the Cargos System: Antología], edited by L. Korsbaek, 69–98. Toluca: Facultad de Antropología-UAEM.
- Castro-Herrera, F.S. 2016. *Justicia comunitaria en el desplazamiento forzado* [Community Justice in Forced Displacement]. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia.
- Castro-Herrera, F.S., É. Ardila Amaya, and J. Jaramillo Marín, eds. 2017. *Huellas y trazos de la justicia comunitaria en Colombia* [Traces of Community Justice in Colombia]. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia.
- Chicherin, B.N. 1856. *Obzor istoricheskogo razvitiia sel'skoi obshchiny v Rossii* [Review of the Historical Development of the Rural Community in Russia]. *Russkii vestnik* 3: 373–396; 4: 579–602.
- Clastres, P. 1974. *La Société contre l'État: Recherches d'anthropologie politique* [Society Against the State: Research in Political Anthropology]. Paris: Minuit.
- Crow, G. 2017. *What are Community Studies?* London: Bloomsbury Academic.
- Daza, A., and F. Hurtado. 2000. *Justicia comunitaria, entre las instituciones y las organizaciones* [Community Justice, between Institutions and Organizations]. *Pensamiento Jurídico* 12 (1), *Justicia comunitaria parte*: 23–42.
- de Sousa Santos, B., and A. Grijalva, eds. 2012. *Justicia Indígena, plurinacionalidad e interculturalidad en Ecuador* [Indigenous Justice, Plurinationality and Interculturality in Ecuador]. Quito: Abya Yala.
- de Sousa Santos, B., and J.L. Exeni Rodríguez, eds. 2012. *Justicia Indígena, plurinacionalidad e interculturalidad en Bolivia* [Indigenous Justice, Plurinationality and Interculturality in Bolivia]. Quito: Abya Yala.
- Espinosa, N. 2003. *Entre la justicia guerrillera y la justicia campesina ¿Un nuevo modelo de justicia comunitaria? La Macarena, Meta, estudio de caso* [Between the Guerrilla Justice and the Peasants' Justice]. *Revista Colombiana de Sociología* 20: 117–145.
- Espinosa, N. 2010. *El justo comunitario, las leyes y la justicia en una región con fuerte presencia del conflicto armado. Etnografía del pluralismo jurídico en la Sierra de La Macarena* [The Communal Just: Laws and Justice in a Region with Strong Presence of Armed Conflict]. *Diálogos de Derecho y Política* 3: 1–26.
- Espinosa, N. 2015. *Las prácticas comunitarias de justicia local en la Sierra de la Macarena. El pluralismo jurídico de cara a la reconstrucción del país en el post conflicto colombiano* [Community Practices of Local Justice in Sierra de la Macarena]. *AGO.USB Medellín-Colombia* 15 (2): 495–513.

- Espinosa, N. 2016. La justicia guerrillera en Colombia. Elementos de análisis para los retos de la transición política en una zona de control insurgente [The Guerrilla Justice in Colombia: Elements of Analysis of the Political Transition Challenges in an Insurgency Controlled Zone]. *Estudios Latinoamericanos, Nueva Época* 37 (1): 87–112.
- Fernández Osco, M. 2009. El Ayllu y la Reconstitución del Pensamiento Aymara [Ayllu and the Reconstitution of Aymara Thought]. PhD diss. Duke University.
- Ferreira, F., and B.J. Isbell, eds. 2016. *A Return to the Village: Community Ethnographies and the Study of Andean Culture in Retrospective*. London: Institute of Latin American Studies; School of Advanced Study; University of London.
- Franco, R., and M. Gonzales, eds. 2009. *Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador* [Community Justice in the Andes: Peru and Ecuador]. Vol. 3, *Las mujeres en la justicia comunitaria: víctimas, sujetos y actores* [Women in Community Justice: Victims, Subjects and Actors]. Lima: IDL.
- Fuentes Díaz, A., and D. Fini, eds. 2018. *Defender al pueblo. Autodefensas y Policías Comunitarias en México* [Defend the People: Self-Defense Forces and Community Police in Mexico]. México: Ediciones del Lirio.
- Fumerton, M.A. 2001. Rondas Campesinas in the Peruvian Civil War: Peasant Self-Defense Organizations in Ayacucho. *Bulletin of Latin American Research* 20 (4): 470–497. <https://doi.org/10.1111/1470-9856.00026>
- Gasparello, G. 2018. Conflicto, respuestas comunitarias a la violencia y formación de paz [Conflict, Community Responses to Violence and Peace Formation]. *Revista de Cultura de Paz* 2: 191–214.
- Geertz, C. 2003. *Interpretatsiia kul'tur* [The Interpretation of Culture]. Moscow: ROSSPEN.
- Goncharova, T.V. 2000. Korennoe naselenie Peru vo vtoroi polovine XX veka [The Indigenous Population of Peru in the Second Half of the Twentieth Century]. In *Istoriia Peru s drevneishikh vremen do kontsa XX v.* [History of Peru from the Ancient Times till the Late 20th Century], edited by S.A. Sozina, 403–416. Moscow: Nauka.
- González de la Fuente, I., and H. Salas Quintanal. 2012. Community Projects in the Era of Globalization: The Case of a Local Rural Society in Mexico. *Anthropological Notebooks* 18 (1): 41–64.
- Kachorovskii, K.A.R. 1906. *Russkaia obshchina: vozmozhno li, zhelatel'no li ee sokhranenie i razvitie?* [Russian Community: Is It Possible, is It Desirable to Preserve and Develop?]. Moscow: Novoe tovarishchestvo.
- Kaufman, A.A. 1908. *Russkaia obshchina v protsesse ee zarozhdeniia i rosta* [Russian Community in the Process of Its Origin and Growth]. Moscow: Tipografiiia tovarishchestva I.D. Sytina.
- Korsbaek, L., ed. 1996. *Introduccion al sistema de cargos: Antologia* [Introduction to the Cargos System: Antologia]. Toluca: Facultad de Antropologia-UAEM.
- Korsbaek, L. 2011. El capitalismo periférico, el neoliberalismo y las Instituciones de defensa de la comunidad [The Peripheral Capitalism, the Neo-Liberalism and the Community Defense Institutions]. *Pacarina del Sur* 7.
- Kostogryzov, P.I. 2017. Konstitutsionalizatsiia iuridicheskogo pliuralizma v latinoamerikanskikh stranakh: sravnitel'nyi analiz natsional'nykh modelei [Constitutionalization of Legal Pluralism in Latin American Countries]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* 11: 73–76.
- Kostogryzov, P.I. 2018. *Obshchinnoe pravosudie v stranakh Latinskoi Ameriki* [Community Justice in Latin American Countries]. Moscow: Yurlitinform.
- Kostogryzov, P.I. 2019. Obshchinnoe pravo [Community Law]. *Antinomii* 19 (2): 67–86. <https://doi.org/10.17506/aip.2019.19.2.6786>

- Kostogryzov, P.I. 2019. Obshchinnoe pravosudie [Community Justice]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniï (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology)* 3 (25): 94–103. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2019-3-25-94-103>
- Kowalewski, S.A. 2003. What is the Community? The Long View from Oaxaca, Mexico. *Social Evolution & History* 2 (1): 4–24.
- Lizárraga Aranibar, P., and C. Vacaflor Rivero. 2014. La descolonización del territorio: luchas y resistencias campesinas e indígenas en Bolivia [The Decolonization of the Territory: Peasant and Indigenous Struggles and Resistance in Bolivia]. In *Capitalismo: tierra y poder en América Latina (1982–2012)* [Capitalism: Land and Power in Latin America (1982–2012)], edited by G. Almeyra, et al., II: 17–64. Mexico: Universidad Autónoma Metropolitana.
- Llano Franco, J.V., et al. 2019. *Pos-acuerdo y territorio en las comunidades indígenas, afro y campesinas en el Norte del Cauca* [Post-Agreement and Territory in Indigenous, Afro and Peasant Communities in the North of Cauca]. Bogotá: Grupo Editorial Ibáñez.
- Lynd, R., and H. Lynd. 1929. *Middletown: A Study in American Culture*. New York: Harcourt, Brace and Company.
- Lynd, R., and H. Lynd. 1937. *Middletown in Transition: A Study in Cultural Conflicts*. New York: Harcourt, Brace and Company.
- Mandujano Estrada, M. 2014. La primavera P'urhépecha; resistencia y Buen Gobierno en Cherán K'eri [The P'urhépecha Spring; Resistance and Good Government in Cherán K'eri]. *Bajo Palabra. Revista de Filosofía II Época* 9:103–112.
- Mariategui, J.C. 1963. *Sem' ocherkov istolkovaniia peruanskoï deïstvitel'nosti* [Seven Essays on the Interpretation of Peruvian Reality]. Moscow: Inostrannaia literatura.
- Matusovskii, A.A. 2019. Posledniaia maloka: transformatsiia sotsiokul'turnoi roli obshchinnogo zhilishcha u peruanskikh matses [The Last Maloka: Transformation of the Socio-Cultural Role of the Communal Dwelling in the Peruvian Maces]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 151–168. <https://doi.org/10.31857/S086954150007384-2>
- Murdock, G.P. 1949. *Social Structure*. New York: The MacMillan Company.
- Ordoñez Cifuentes, J.E.R. 2008. Restitución de la armonía cósmica. Propuesta jurídica de los pueblos originarios de Abya Yala [Restitution of Cosmic Harmony: Legal Proposal of the Original Peoples of Abya Yala]. *Quid Iuris* 8: 56–114.
- Ornelas Tavares, G.E., and A.E. Soldatova. 2015. Avtokhtonnye pueblo doliny Mekhiko: osnovnye podkhody k antropologicheskomu izucheniiu [The Autochthonous Pueblos of the Mexico Valley: Basic Approaches to Anthropological Studies]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 4: 47–63.
- Palomino Flores, S. 1984. *El sistema de oposiciones en la comunidad de Sarhua: La complementaridad de los opuestos en la cultura andina* [The Opposition System in the Sarhua Community: The Complementarity of Opposites in the Andean Culture]. Lima: Pueblo Indio.
- Pavlov-Silvanskii, N.P. 1910. Sochineniia: V 3 t. [Collected Works, 3 vols.]. Vol. 3, *Feodalizm v udel'noi Rusi* [Feudalism in Appanage Russia]. St. Petersburg: tipografiia M.M. Stasiulevicha.
- Quijano, A. 1997. Colonialidad del poder, cultura y conocimiento en América Latina [Coloniality of Power, Culture and Knowledge in Latin America]. *Anuario Mariateguiano* IX (9): 113–122.
- Redfield, R. 1960. *The Little Community*. Chicago: University of Chicago Press.
- Rudqvist, A., and R. Anrup. 2013. Resistencia comunitaria en Colombia. Los cabildos caucanos y su guardia indígena [Community Resistance in Colombia:

- The Cabildos of Cauca and Their Indigenous Guard]. *Papeles Políticos* 18 (2): 515–548.
- Salvador Rios, G. 1983. *Estructura y cambio de la Comunidad Campesina: La Comunidad de Huascoy* [Structure and Change of the Peasant Community: The Community of Huascoy]. Lima: CEDEP.
- Samarkina, I.K. 1974. *Obshchina v Peru. Ocherk sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia* [Community in Peru: Essay on Socio-Economic Development]. Moscow: Nauka.
- Sandoval Forero, E.A. 2008. *La Guardia Indigena Nasa y el Arte de la Resistencia Pacifica* [The Nasa Indigenous Guard and the Art of Peaceful Resistance]. Bogotá: Fundacion Hemera.
- Shemiakin, Y.G. 2019. Obshchinnaia iustitsiia kak proiavlenie tsivilizatsionnoi identichnosti Latinskoï Ameriki [Community Justice as a Manifestation of the Civilizational Identity of Latin America]. *Latinskaia Amerika* 2: 94–106. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0003715-5>
- Starn, O. 1999. *Nightwatch: The Politics of Protest in the Andes*. Durham: Duke University Press.
- Tax, S. 1996. Los municipios del Altiplano mesooccidental de Guatemala [The Municipalities of the Midwestern Highlands of Guatemala]. In *Introduccion al sistema de cargos: Antologia* [Introduction to the Cargos System: Antologia], edited by L. Korsbaek, 54–68. Toluca: Facultad de Antropología-UAEM.
- Vintimilla Saldaña, J., M. Almeida Mariño, and R. Saldaña Abad. 2007. *Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador* [Community Justice in the Andes: Peru and Ecuador]. Vol. 4, *Derecho indigena, conflicto y justicia comunitaria en comunidades kichwas del Ecuador* [Indigenous Law, Conflict and Community Justice in Kichwa Communities of Ecuador]. Lima: IDL.
- Wolf, E.R. 1957. The Closed Corporate Peasant Communities in Mesoamerica and Central Java. *Southwestern Journal of Anthropology* 13 (1): 1–18.
- Wolkmer, A. 1991. Pluralismo jurídico, movimientos sociales y prácticas alternativas [Legal Pluralism, Social Movements and Alternative Practices]. *El Otro Derecho* 7: 29–46.
- Yrigoyen Fajardo, R. 2002. Hacia un reconocimiento pleno de las rondas campesinas y el pluralismo legal [Towards a Full Recognition of the Peasant Rondas and Legal Pluralism]. *Alpanchis* 34 (59–60): 31–81. *Justicia Comunitaria en los Andes* 1.

НЕМЕЦКАЯ ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ИЗУЧЕНИИ ЯПОНИИ: ЭРВИН ФОН БЕЛЬЦ КАК АНТРОПОЛОГ И ЭТНОЛОГ

Н.С. Любимова

Наталья Сергеевна Любимова | <https://orcid.org/0000-0002-1364-0280> | lyubimova@iea.ras.ru | младший научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

Эрвин Бельц, история науки, немецкая этнология, японистика, этногенез японцев

Аннотация

Статья посвящена наследию Эрвина фон Бельца в области этнологии Японии и его взгляду на саму эту науку. Историко-биографический экскурс демонстрирует, какие внешние факторы влияли на исследования ученого и их судьбу в научном мире и каким образом осуществлялось это влияние. Анализ наследия Бельца позволяет выделить его важнейшие наблюдения и оценить сделанные им выводы, а также определить его взгляды на теорию науки. Однако, несмотря на то что исследования Бельца (их тематика, применяемая им методология и теоретические подходы, которые он использовал) являлись частью современного ему научного мира, его научная работа проходила в относительной изоляции, поскольку географическая удаленность Японии от Европы делала невозможным полноценное участие в жизни научного европейского сообщества. Последствия этой изоляции видны в судьбе трудов Бельца: на его авторитет ссылались те ученые, которым импонировала теория европеоидности айнов, в то время как многие другие его идеи и наблюдения остались практически незамеченными и в результате оказались забыты.

Информация о финансовой поддержке

Грант Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328]

Эрвин фон Бельц (1849–1913) – один из самых знаменитых немцев, работавших в Японии в конце XIX в. Там он известен в первую очередь как основоположник современной медицины, а в Германии – как собиратель этнографических и художественных коллекций, антрополог и этнолог-японист. С одной стороны, научное творчество Бельца в области изучения Японии представляет собой характерное для немецкой этнологии XIX в. смешение интереса к физической антропологии (расоведению) с вниманием к социальным и куль-

---

Статья поступила 04.09.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 20.12.2021
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Любимова Н.С. Немецкая этнологическая традиция в изучении Японии: Эрвин фон Бельц как антрополог и этнолог // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 128–143. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040078> EDN: HXUCTI

Liubimova, N.S. 2022. Nemetskaia etnologicheskaia traditsiia v izuchenii Yaponii: Ervin fon Bel'ts kak antropolog i etnolog [German Ethnological Tradition in Studies of Japan: Erwin von Baelz as Anthropologist and Ethnologist]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 128–143. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040078> EDN: HXUCTI

турным вопросам. С другой стороны, объект изучения – народ Японии – был нетипичен для этнологов, а большинство европейских исследователей Японии опирались не на этнологические традиции, а на традиции ориенталистики, которая представляла собой филолого-историческую дисциплину. Кроме того, на творчество Бельца и на судьбу его трудов не могло не повлиять то обстоятельство, что его деятельность проходила в удалении от основных европейских научных центров. Таким образом, с точки зрения историка науки, наследие Бельца является интересным примером развития идей и подходов немецкой этнологии второй половины XIX в. в нестандартном для исследователей, принадлежавших к этой традиции, контексте.

Учитывая сложную судьбу этнологического наследия Бельца, представляется необходимым обратиться к подходу к историографической работе, выработанному Джорджем Стокингом-мл., без ссылок на которого сегодня сложно обойтись историку антропологии. Этот подход требует обязательного применения принципа историзма, т.е. внимания к историческому и академическому контексту, в котором работал ученый прошлого, и обращения к тем вопросам, на которые искал и давал ответы сам этот ученый, а не тем, которые волнуют нас сегодня (*Stocking 1987: 285*); в целом смысл этого подхода заключается в том, чтобы постараться понять прошлое ради самого прошлого (*Stocking 1965: 211*). Таким образом, историко-биографический экскурс демонстрирует, какие внешние факторы влияли на исследования Бельца и как происходило это влияние, а анализ его антропологических и этнографических работ дает возможность выделить важнейшие наблюдения и выводы, а также осветить его взгляды на теорию науки, которые, с одной стороны, самобытны, но с другой – плотно вписаны в современный им академический контекст.

В свою очередь, применение “презентистской” (определение Стокинга [*Stocking 1965, 1987*]) логики помогает проследить, как проходила рецепция идей Бельца в Европе. Его научное наследие в области этнологии было недооценено современниками, а в последующие годы начало предаваться забвению. Кроме того, его труды не всегда удаивались даже упоминания в работах японоведов, а физические антропологи зачастую ограничивались ссылкой на его теорию о европеоидности айнов, хотя ряд его наблюдений нашел подтверждения в позднейших исследованиях. Тем не менее творчество Бельца и сегодня может представлять интерес для этнолога и япониста.

Жизненный путь и условия работы Бельца¹. Бельц рано решил связать свою жизнь с медициной и наукой. Получив медицинское образование в Лейпцигском университете и защитив в 1872 г. диссертацию, Бельц остался в университете и скоро стал первым ассистентом и предполагаемым преемником К. Вундерлиха, терапевта и психиатра, продвигавшего новое в то время направление “внутренней медицины” (терапии). В 1875 г. Бельц познакомился с одним из пациентов университетской клиники, Сагара Гэнтэй, который оказался не просто первым японским студентом в Лейпциге: он был братом японского государственного деятеля Сагара Тиан, благодаря которому реформа 1869 г., официально вводившая в Японии западную медицину, была проведена по образцу немецкой школы медицины. Видимо, именно беседы с молодым японцем породили у Бельца интерес к далекой и экзотической стране, а его связи поспособствовали тому, что в том же году Бельц получил приглашение от японского посла в Берлине Аоки Сюдзо занять должность в Токийской медицинской школе (*Germann 2014: 129–131*), с которой в 1876 г. Бельц подписал контракт сроком на два года на преподавание психологии и внутренней медицины. Медицинский факультет с одобрением отнесся к планам Бельца и пошел ему навстречу: процесс его хабилитации был ускорен, и уже в марте 1876 г. он защитился, по-

лучил степень приват-доцента и двухгодичный отпуск для работы в клинике в Токио (*Ibid.*: 151).

Медицинская школа Токио (позже преобразованная в Медицинский факультет Университета Токио), куда отправился Бельц, была открыта в 1871 г., когда в Японию прибыли первые приглашенные из Германии врачи: хирург и военный медик Л. Мюллер и выбранный им в качестве ассистента Т.Э. Хоффманн, служивший ранее на флоте, – и изначально была полностью отдана в их распоряжение. В 1874 г. их сменили военный врач Э. Шульце и терапевт и гинеколог А. Верних. Так, начиная с 70-х годов XIX в. в Японию стали регулярно приезжать медики из Германии, которые зачастую начинали интересоваться антропологическим составом населения, этнической историей и/или этнографией Японии. Многим из них мы обязаны источниками по физической антропологии и этнографии Японии (в числе известных авторов, например, Ф. Дёниц и Г. Шойбе). Бельц, однако, выделяется из этого ряда ученых тем, что проработал в Японии до 1905 г., до самого выхода на пенсию, и все это время вел исследовательскую деятельность, в том числе и в области этнологии.

Вряд ли в 1876 г. Бельц предполагал, что его пребывание в Японии настолько затянется, ведь в Лейпцигском университете он взял отпуск, а, значит, явно планировал вернуться. Однако уже в 1877 г. он не только согласился на досрочное продление контракта, но и попросил четырехлетний контракт, обосновав это тем, что в условиях краткосрочного договора не остается времени должным образом проводить научную работу (при этом отпуск в Лейпциге ему тоже продлили).

Надо отметить, что не только научные интересы удержали Бельца в Японии на десятилетия: с 1884 г. он остался одним из двух немцев-заведующих кафедрами (вторым был хирург Ю.К. Скриба, большинство же его соотечественников уехало, поскольку на все руководящие посты стали назначать только японцев), а с 1886 г. стал личным врачом кронпринца, будущего императора Ёсихито (с 1890 г. – императорским лейб-медиком), продолжая работать в университете. Эта должность обеспечивала ему относительно прочное положение, не зависевшее от изменений внешнеполитических условий, жертвами которых порой становились работавшие в Японии иностранцы. Подобной карьеры в Германии Бельц сделать уже не смог бы, в чем он убедился, посетив родину во время своего академического отпуска в 1884–1885 гг.: его вернувшиеся из Японии коллеги с трудом вливались в университетскую жизнь страны. Одновременно у Бельца появилось желание стать ученым, а не практиком – антропологом и этнологом, пусть и без денег и положения. Это означало, что ему необходимо было проработать в Японии до достижения финансовой независимости, ведь труд европейских специалистов там щедро оплачивался. Таким образом, карьерный успех и сопутствующие высокое социальное положение и финансовое благополучие явно сыграли свою роль. Однако он никогда не допускал мысли остаться в Японии навсегда, и в свои визиты на родину (в 1892–1893 и 1900–1901 гг.) частично перевозил собираемую им коллекцию японских и айнских этнографических предметов и произведений искусства.

В 1902–1903 гг. Бельц совершил путешествие по Восточной Азии в научных целях: задачей экспедиции было проведение антропометрического исследования населения Кореи.

Окончательный отъезд из Японии в Германию состоялся летом 1905 г. До самой смерти в 1913 г. Бельц стремился как можно больше времени и сил посвящать науке: готовил доклады для различных научных обществ и конференций, работал с этнографическими музеями, передавая им для экспозиции части своей японской коллекции, путешествовал.

С одной стороны, условия для этнологических изысканий, которые были у

Бельца, можно назвать идеальными: он много лет прожил и проработал с японцами, дважды был женат на японках (от второго брака у него было двое детей). Таким образом, ученый имел возможность не только проводить физические исследования в университетской клинике, но и наблюдать за разными сторонами японской жизни, тем более что под конец пребывания в Японии круг его общения практически полностью состоял из японцев. Но, с другой стороны, работа в удалении от Европы не позволяла ему полноценно участвовать в научном дискурсе. Бельц стремился держаться на острие науки: в 1876 г. он вступил в Немецкое восточноазиатское естественнонаучное и этнографическое общество (далее – Восточноазиатское общество), образованное за три года до этого немецкими учеными, дипломатами и торговцами в Токио, и стал его библиотекарем, получив таким образом доступ к новейшим трудам других научных обществ и к процессу публикации работ разных авторов; по пути в Германию в 1884 г. он проехал через США, где ознакомился с новейшими веяниями в медицине, посещая госпитали, университеты и медучилища. Приезжая в Германию, он старался налаживать контакты в университетах и принимал участие в конгрессах и конференциях. Однако дистанция все равно сказывалась – как на работе самого Бельца, так и на восприятии его наследия в европейской науке.

Вклад Бельца в антропологическое и этнологическое исследование Японии.

Вторая половина XIX в. в европейской науке – время бурного развития физической антропологии, в рамках которой учеными предпринимались многочисленные попытки описать и классифицировать разнообразие человеческого рода методами естественных наук. Первые подходы к этой проблеме в отношении японцев уже предпринимались, однако они не отличались ни последовательностью, ни богатством исходных данных. Таким образом, первая антропологическая проблема, которая естественным образом привлекла внимание Бельца, была связана с описанием и объяснением антропологического состава населения Японии.

В 1883 и 1885 гг. в “Известиях Восточноазиатского общества” было опубликовано обширное исследование в двух частях под названием “Физические характеристики японцев” (*Baelz* 1883, 1885). Оно открывается обзором литературы, в которой встречались описания физических характеристик японцев начиная с литературы путешественников (например, книги британской писательницы Изабеллы Бёрд) и заканчивая строго научными публикациями, в том числе и написанными его коллегами, врачами А. Вернихом и О.Г. Монике. Подчеркивая до абсурда противоречивые суждения о физическом строении японцев, Бельц констатирует, что, в сущности, европейской науке о нем ничего не известно, и представляет результаты собственного антропометрического исследования, которое было основано на измерениях физических показателей более чем 2500 человек. Около 1200 измерений было проведено самим Бельцем, остальные же данные ему предоставили коллеги-врачи – их результаты в числовом выражении представлены во второй части работы (*Baelz* 1885).

Несомненно, Бельц был знаком с антропометрическими схемами ведущих ученых в этой области, таких как П. Брока и Р. Вирхов, и, основываясь на них, создал собственную схему измерений, насчитывающую 79 различных показателей. Надо отметить, что, несмотря на детальность и основательность исследования Бельца, в дальнейшем его данные не привлекались другими учеными. Японский антрополог Судзуки Хисаси объясняет это тем, что в 1882 г. во Франкфурте-на-Майне состоялся XIII Всеобщий конгресс Немецкого антропологического общества, на котором были унифицированы методы антропометрических исследований (опубликованы эти стандарты были в 1883 г.). Так, Р. Вирхов, Ю. Кольман и Й. Ранке представили новую краниометрическую схему, и, хотя многие ее позиции совпадали со схемой П. Брока, номенклатура

подверглась значительным изменениям (*Singh, Bhasin* 1968: 2). Таким образом, материал Бельца, собранный по другой методике, сильно отличавшейся от принятой в 1882 г., было невозможно напрямую сопоставлять с результатами более поздних исследований (*Судзуки* 1974: 5–6).

В первой части этого исследования (*Baelz* 1883) Бельц впервые изложил свое видение классификации населения Японии по антропологическим типам. Он говорит о трех “этнографических элементах” – айновом, монгольском² и малайском, – отмечая, что если айнов исследователи единогласно выделяют в отдельную группу, то по поводу наличия и соотношения монгольского и малайского элемента в населении Японии ведутся споры: от признания японцев почти чистыми монголами (Ф. Дёниц) до утверждений, что японцы – результат метисации малайцев и айнов, без монгольской примеси вообще (А. Верних).

Бельц был убежден в наличии обоих элементов. Он подчеркивает бросающиеся в глаза различия между двумя антропологическими типами, которые легко выделить: долихоцефальным (длинное лицо, тонкий, выступающий нос, маленький рот и проч.) и брахицефальным (широкое лицо, выдающиеся скулы, плоский нос и большой рот). При этом он отмечает, что первый преобладает среди японской знати, а второй чаще встречается “в народе”. Первый тип, как пишет Бельц, не соответствует европейским представлениям о монгольском, однако должен рассматриваться как таковой, поскольку совпадает с обликом, присущим представлениям высших классов в Китае; кроме того, он никогда не встречается у малайцев. Второй же тип, распространенный в основном среди простолюдинов, но также встречающийся и “в очень знатных семьях”, напоминает малайский; по крайней мере, он явно имеет отдельное происхождение (*Ibid.*: 337–338).

Несмотря на то, что второй тип преобладает количественно, Бельц не отказывается от идеи монголоидности японцев, подчеркивая, что не видит оснований для строгого противопоставления монгольского и малайского типов: население Китая, пишет он, также весьма неоднородно, а в Юго-Восточной Азии невозможно провести “этнографическую границу” между монгольским и малайским населением (*Ibid.*: 339). Выделяя эту мысль, он пишет о “монголоидном племени, схожем с высшими классами Китая и Кореи”, и “монголоидном племени, отчетливо похожем на малайцев” (*Ibid.*: 346). Подобную классификацию Бельц предлагает, несколько изменив терминологию, и в позднейших публикациях.

На рубеже веков его академические интересы все больше смещались в сферу этнологии; он расширял географию постановки вопросов на всю Восточную Азию и одновременно погружался в изучение древнейшей и древней истории Японии (*Germann* 2014: 309). В докладе “Жители Восточной Азии”, представленном в декабре 1900 г. в Вюттемберге и вышедшем позднее отдельной публикацией (*Baelz* 1901b), Бельц приводит свои соображения по поводу общей расовой классификации. Он работает со следующими понятиями: кавказская (или средиземноморская, или белая) раса, монгольская (или центральная- и восточноазиатская) раса и черная раса (*Ibid.*: 9). Здесь, как и в статье “О человеческих расах Восточной Азии, с особым вниманием к Японии” (*Baelz* 1901a), он уже с большей уверенностью, чем раньше, и со ссылкой на авторитет А.Р. Уоллеса, британского натуралиста и антрополога, исследователя Малайского архипелага, утверждает, что невозможно обнаружить принципиальные различия между малайцами и монголами: малайцы и жители Индокитая входят в монгольскую расу в широком смысле. Таким образом, в населении всех трех стран Восточной Азии (Китай, Кореи и Японии) обнаруживаются одни и те же элементы, но в разных пропорциях: собственно монголы (т.е. монголоиды) составляют большинство населения в центральном и южном Китае; чем южнее, тем сильнее проявляются малайские черты (малайско-монгольский тип); на севере Китая и в центральной и северной

Корею распространен маньчжуро-корейский тип, обладающий более близкими к европеоидным чертами (*Baelz* 1901a: 172; 1901b: 20). В статье 1907 г. Бельц, ссылаясь на собственную работу 1885 г., снова кратко воспроизводит свою классификацию: “Я... выделил в Японии три существенных элемента: во-первых, северо-монгольский или собственно монгольский, во-вторых, южномонгольский или малайский тип, в-третьих,... айнский тип” (*Baelz* 1907: 281).

Складывается впечатление, что (пусть сам Бельц никак это не отмечает) его представление о том, что же является “собственно монгольским” типом, несколько менялись в течение времени. Несмотря на то, что он нигде в своих работах 1901 г. не дает четкого определения термину “собственно монголы”, создается ощущение, что он не склонен проводить различие между этим и монголо-малайским типом. Так, в “Человеческих расах Восточной Азии...” в параграфе, озаглавленном “Монголо-малайцы” и посвященном описанию признаков этого антропологического типа, употребляется исключительно слово “монголы”. Более того, в параграфе о маньчжуро-корейском типе, сочетающем “черты тюркских народов, являющиеся более или менее кавказскими (европеоидными. – Н.Л.), с отдельными особенностями монголов”, есть пассаж о монгольском пятне³, которое обнаруживается у всех новорожденных этого типа, “что доказывает, что они действительно каким-то образом генетически родственны монголам” (*Baelz* 1901: 183–184). Таким образом, в 1901 г. Бельцу казалось, что утверждение о принадлежности этого типа к монголоидной расе может потребовать дополнительных доказательств. Сложно предположить, что, кроме маньчжуро-корейского, мог иметь в виду Бельц под “северомонгольским типом” в “Древней и древнейшей истории Японии” в 1907 г., однако тут он уже становится “собственно монгольским”, в противопоставление “южномонгольскому” или “малайскому”. Вероятно, в 1901 г. ученый исходил из того, что к монголо-малайскому типу относилось подавляющее большинство населения и в Японии, и в Китае, однако позже решил вернуться к своей прежней точке зрения, которую высказал еще в 1883 г., о том, что фенотип, присущий китайской (и японской) аристократии, должен считаться монгольским. Возможно, к этому его подтолкнула также и поездка в Корею 1903 г., в ходе которой Бельц проводил антропометрические исследования, поскольку на полуострове преобладал в основном “северомонгольский тип”.

В работах 1907 и 1911 гг. Бельц полнее раскрывает свое видение вопроса о первом населении Японских островов. Хотя в “Праистории Японии” он признается, что готов с меньшей уверенностью, чем Коганэи Ёсикиё и Д. Батчелор, утверждать, что найденные археологами неолитические орудия (эпоха Дзёмон) были изготовлены айнами, аргументы Цубои Сёгоро в пользу теории о том, что первыми насельниками Японии были родственные эскимосам люди, тоже не казались ему безупречными (*Baelz* 1907: 286–287). И в следующей работе Бельц пишет: “Изначально вся страна была в руках айнов” (*Baelz* 1911: 190). Он отмечает сходство некоторых традиций айнов и рюкюсцев (например, женские татуировки), а также сообщает об обнаружении на юге Японии и Рюкю антропологических характеристик, свойственных айнам: развитость волосяного покрова и “кавказоидные черты”. Мнение о физическом типе рюкюсцев основано на антропологическом исследовании рекрутов с южных островов в 1899 г., которое он провел с помощью своих бывших учеников, к тому времени работавших военными врачами. Таким образом, он предполагает, что изначально айнское население было потеснено монголоидными пришельцами с материка, причем в основном айны отходили на север, но на юге остались их потомки, которые смешивались с завоевателями. К айнскому же населению он относил и племена кумасо и хаято – народы, населявшие в древности центр и юг о. Кюсю и ассимилирован-

ные впоследствии японцами. Физическое сходство айнов с австралийцами Бельц объяснял тем, что “очевидно, айны и австралийцы, так же как и большая часть кавказской расы, произошли от некой неандерталоидной формы” (Ibid.: 189–190).

Представления о расовом составе населения Японии неразрывно связаны с теориями о путях заселения островов. Главные положения собственной теории Бельц разработал уже в 1883 г. Одним из главных его тезисов было утверждение, что единственным логичным маршрутом миграции был путь через Корейский полуостров – в противовес идеям А. Верника о возможном переселении малайцев с юга, вдоль гряды островов. Эта теория казалась Бельцу наиболее реалистичной не только в силу соображений, связанных с географическими факторами (близкое расстояние, аналогичный климат), но и потому, что она соответствовала его представлениям о схожести расового состава во всех странах Восточной Азии. Отмечая фенотипическое сходство населения Кореи и островов Рюкю, он делал вывод, что все островитяне прибыли с материка через Корею, исключив таким образом вариант, в котором Рюкюские острова могли служить мостом, по которому малайское население попало в Японию. Таким образом, рассматривая айнов как коренных жителей, Бельц пишет о двух волнах миграции с материка: к первой относились обладатели “благородного” облика, присущего китайской знати, а ко второй – “воинственное, похожее на малайцев племя” (*Baelz* 1883: 340–341).

Кроме того, пытаясь объяснить интригующие европейцев “семитские черты”, проявляющиеся иногда в облике японцев, Бельц высказывал свои предположения об их прародине. Исходя из утверждения о принадлежности японского языка к урало-алтайской семье, он писал, что урало-алтайские и семитские племена могли когда-то проживать в непосредственной близости друг от друга и от аккадского “культурного центра” в Месопотамии; это объясняло бы наличие схожих фенотипических черт (Ibid.: 345).

Примерно тех же воззрений Бельц продолжал придерживаться и далее, лишь отчасти расширив и конкретизировав их. Если изначально ученый очень осторожно подходил к вопросу о расовой принадлежности айнов, не решаясь утверждать, “что айны определенно каким-то образом родственны европейцам”, и выражая уверенность лишь в том, что они не являются “монголами” (Ibid.: 335–336), то со временем он стал одним из главных апологетов теории европеоидности айнов. Исходя из этого, в 1901 г. Бельц выразил мнение о том, что когда-то весь Северо-Восток Азии был заселен расой, родственной европейской; позже монгольские и тюркские народы, наступавшие на север из Тибета и окрестных областей и на юг из региона р. Сунгари, оттеснили это население, расколов его массив на две части. Восточная часть была оттеснена к морю и на Японские острова, а западная ушла в сторону Европы во время Великого переселения народов – к ней Бельц относил гуннов. Таким образом, первая волна заселения островов представляла собой миграцию остатков этой “родственной кавказской” расы на Восток под давлением монголоидных народов; точный их путь (морем на Сахалин, а затем на юг, или через Корею – сразу в Японию) при этом определить не представлялось возможным. Второй волной в Японию прибыли люди маньчжуро-корейского типа. Чтобы ответить на вопрос, как они оказались на юго-западе Хонсю, где преобладал этот тип, Бельц обратился к изучению морских течений и обнаружил, что существует теплое течение (Восточно-Корейское в современной номенклатуре), идущее вдоль Корейского полуострова, а затем разворачивающееся и выходящее как раз на юго-западную оконечность Хонсю. В отношении появления в Японии третьего элемента, “малайо-монголов”, Бельц изменил свою точку зрения: они прибыли в Японию не с материка, как он полагал ранее, а с помощью теплого течения Куроисио, зарождающегося неподалеку от Филиппинских островов и идущего на север вдоль о. Формоза,

островов Рюкю и Японских. В качестве подтверждения этой теории Бельц отмечает, что наиболее сильная ветвь этого течения омывает восточное побережье Кюсю⁴, в том числе провинцию Хю:га – область, где, в соответствии с “Кодзиками”, сошел на землю первый японский император (*Baelz* 1901a: 173–174). Правда, в 1907 г. он упоминает обе теории (и о миграции через Корею, и о морском пути через острова) как альтернативные (*Baelz* 1907: 282–283).

Несмотря на то, что акцент в рассмотренных публикациях сделан на расовых характеристиках и расовой истории японцев, примечательно, что Бельц регулярно прибегает и к данным этнографии (зачастую самостоятельно собранным), лингвистики и истории, устанавливая связи между своими антропологическими наблюдениями и культурными явлениями и их историей. Так, во второй части исследования о “Физических характеристиках японцев” (*Baelz* 1885) Бельц не только анализирует и графически представляет все собранные антропометрические результаты, но и сопровождает свои описания этнографическими данными. Рассуждения о кожном покрове дополняются развернутым сообщением о практике татуирования (кто делает татуировки, куда они наносятся, какие узоры и цвета встречаются, какую технику используют татуировщики) и истории этого явления; Бельц приходит к выводу, что японцы, в отличие от других народов, имеющих подобную практику, относятся к татуировкам как к одежде или украшению. Например, люди, занимающиеся тяжелым физическим трудом в городах (например, рабочие, носильщики и т.д.), наносят их на свое тело вместо одежды, используя при этом в татуировках те же цвета и узоры, что и в костюме. При этом ученый отмечает, что подобное восприятие присуще только рабочему слою, никто из знакомых ему “образованных японцев” его не разделяет – люди из высших слоев общества скорее удивляются подобному взгляду на татуирование, но сами не предоставляют этому обычаю удовлетворительного объяснения. Самой распространенной трактовкой была теория о том, что татуировки были привнесены в Японию из Китая, где они якобы использовались в качестве наказания (*Baelz* 1885: 41–45). Также раздел о коже содержит параграф об эстетических предпочтениях японцев (красивой считается светлая кожа, и в этом они завидуют европейцам, а вот голубые глаза и светлые волосы им не нравятся) и практики ухода за кожей (регулярные купания, особенности национальной одежды, не прилегающей к телу) (*Ibid.*: 46–48). Описание волосяного покрова также содержит этнографический очерк о прическах взрослых и детей, процессе создания женской прически и рассуждения о ее возможном влиянии на здоровье (*Ibid.*: 51–54). Говоря о строении тела в целом, Бельц отмечает, что у японской знати в среднем слабое телосложение, и связывает это с долгим мирным периодом Эдо, когда воинское сословие не могло выполнять свои прямые функции; при этом он отмечает, что “основную массу народа... можно назвать крепкими” (*Ibid.*: 56). В этом разделе также есть параграф об эстетическом восприятии тела, походки и манеры себя держать с рассуждениями о его относительности и изменчивости. Таким образом, статья 1885 г., на первый взгляд посвященная антропометрии и расоведению, содержит большое количество этнографических данных и этнологических рассуждений. Стоит отметить, что, когда Бельц обнаруживал связь между биологическим и культурным, он имел в виду не влияние биологического на культуру, а, напротив, отмечал некие физиологические явления, которые могли быть следствием влияния среды, в том числе и культурных традиций.

Нельзя не отметить две работы Бельца, посвященные “духу” японцев, которые можно назвать чисто этнологическими. В 1903 г. вышла статья “О психологии японцев” (*Baelz* 1903), которая, судя по полемическому тону, была порождена возмущением Бельца публикацией голландского антрополога Г. тен Кате, в которой тот нелестно высказался о духовных качествах японского народа. Ключевым понятием этой статьи является “народная душа” (*Volkseele*), которое Бельц заим-

ствовал, вероятно, у Адольфа Бастиана (*Baelz* 1901a: 167–168) и которое говорит о влиянии немецкой философско-антропологической традиции, восходящей к И.Г. Гердеру и другим немецким мыслителям эпохи Просвещения. Пылкие рассуждения Бельца о присущих и не присущих японскому народу чертах характера также оказываются вполне в духе времени. Но лейтмотивом статьи становится живописание культурного слома, который испытывала Япония в пореформенный период, и поколенческому ценностному и мировоззренческому разрыву, к которому привел этот слом. Тут проявляется несколько противоречивое понимание “народной души”. С одной стороны, “народная душа” представляет собой некую устойчивую, целостную сущность, которая имеет характерные черты, отражающиеся в представителях народа:

...нельзя рассматривать современного японца как истинного представителя японской фольксгееле (курсив мой. – Н.Л.);

Тот, кто хочет изучить основу японской психологии, должен сосредоточиться на людях старших поколений или отдаленной глубинки... а также, как и любой исследователь народной души, изучать язык, историю, развитие социальных и политических взглядов, а в первую очередь – верования и суеверия, мифы, легенды и народные сказания и пословицы. Поскольку именно в этой области народная душа обычно отражается четче, чем где-либо (*Baelz* 1903: 314–315).

При этом Бельц отмечает, что собрания фольклора недостаточно для суждений о “народной душе” – необходимо выяснить, как традиционные сказания влияют на живущих ныне людей, что представляет собой трудность, тем более что японцы не любят раскрываться перед чужаками. Примечательно, что дальше Бельц дает весьма подробные советы по полевой этнографической работе в Японии, которые сами представляют собой этнографические зарисовки.

С другой стороны, Бельц пишет о пластичности “народной души” и ее зависимости от внешних влияний:

Японская народная душа представляла собой раньше твердую, замкнутую сущность вследствие полной изоляции от внешнего мира и строгой социальной и морально-политической системы, регулировавшей всю жизнь [японца] в мельчайших деталях...;

Сегодня через весь японский мир проходит глубокий раскол, который разделяет старшее, угасающее поколение от молодого, рвущегося вперед;

Как в конце концов оформится японская народная душа под новыми переменчивыми влияниями, никто не может судить. Мы наблюдаем эту душу в процессе преобразования... (Ibid.: 314–315).

Описывая “раскол японского мира”, Бельц демонстрирует смену ценностных установок, происходящую в японском обществе, анализирует истоки этих установок и сопровождает свои рассуждения этнографическими примерами.

В 1904 г. увидела свет статья “О воинственном духе и презрении японцев к смерти” (*Baelz* 1904). Упомянутые в заголовке качества Бельц ранее называл особенностями, отличающими японцев от других представителей монголоидной расы, важными чертами японской “народной души” (*Baelz* 1903: 318). Статья представляет собой эссе об отношении к смерти и жизни, понятиях чести и долга, бытующих в японской культуре, насыщена историческим и этнографическим материалом, а также содержит анализ буддийской философии. Значительная часть личных наблюдений, которые приводит Бельц, относится к идущей Русско-японской войне.

Анализ трудов Бельца показывает, что он старался следовать бастиановской программе этнологии. Он неоднократно утверждал, что исследовать расы человека лишь по скелету недостаточно, необходимо учитывать все признаки, прояв-

ляющиеся у живых людей. При этом изучение тела должно проходить строго с учетом среды обитания и стиля жизни человека, поскольку условия жизни, писал он, отражаются на внешнем облике людей всего за несколько поколений. Если возможно, исследователь должен учитывать и физическую, и социальную, и культурную деятельность человека, чтобы сделать шаг “от соматики (Somatik. – *Н.Л.*) в область этники (Ethnik. – *Н.Л.*), и только объединение их обеих составляет истинную антропологию (Anthropik. – *Н.Л.*). Высочайшей целью этой науки должна быть сравнительная антропика и психология; однако это прекрасный идеал, от которого мы еще далеко отстоим, хотя путь к нему ясно указан в работах Бастиана о народной душе и народных идеях” (*Baelz* 1901a: 167–168). Так, во многих его работах видны попытки этого перехода “от соматики к этнике” и выражается согласие с идеями Бастиана о роли среды в формировании расовых и культурных различий и, следовательно, о необходимости компаративистских исследований.

Восприятие идей Бельца в этнологии. Самая яркая и запоминающаяся из идей Бельца – впоследствии полностью опровергнутая теория о европеоидности айнов. Именно эта гипотеза ассоциировалась с его именем как у современников, так и у более поздних исследователей. Так, советский антрополог М.Г. Левин отмечал, что гипотеза Бельца о происхождении айнов от древнего европеоидного населения Восточной Азии, которое составило основу и современных европейских рас, получила развитие у Ж. Монтандона и Э. фон Эйкштедта (*Левин* 1958: 288). Действительно, немецкий расовед Э. фон Эйкштедт ссылается на него в первую очередь в этой связи, соглашаясь и с тем, что когда-то весь север Сибири был заселен “европидными элементами” (*von Eickstedt* 1944: 483); но, кроме того, он выстраивает свои рассуждения об антропологическом составе населения Японии, отталкиваясь от теории Бельца о его трехсоставности, которую, впрочем, в итоге отвергает (*Ibid.*: 492–494), и заимствует идею о возможной роли течения Куроисио в процессе заселения островов (*Ibid.*: 490).

Несмотря на то, что в отношении европеоидности айнов Бельц был очевидно неправ, проведенные под его руководством физические измерения японцев, айнов и рюкюсцев дали результаты, приведшие его к корректным выводам. Так, работа В.Е. Дерябина и Д.С. Давыдовой, основанная на антропометрических данных, собранных в 1946 г. под руководством М.Г. Левина, также говорит о сходстве айнов с населением Рюкю. В этом исследовании тоже выделяются региональные варианты, схожие с корейским населением, и антропологические типы, сближающиеся с населением Вьетнама и Южного Китая. Таким образом, результаты антропологических изысканий Бельца в конце XIX в., позволившие ему говорить о двух “расовых элементах” – маньчжуро-корейском и малайо(южно)-монгольском в составе японцев, – а также о родстве айнов и рюкюсцев, в целом подтвердились на аналогичных материалах советских ученых XX в. и при анализе этих материалов современными методами в начале XXI в. (*Дерябин, Давыдова* 2010: 120–121). Кроме того, краниологические исследования сближают в некотором роде айнов и рюкюсцев: обнаруживается явная преемственность между неолитическим (культура Дзёмон) населением Японии и айнами, а также сходство рюкюсцев по отдельным параметрам то ли с дзёмонцами, то ли с айнами – интерпретация этого сходства зависит от исследовательского подхода (*Козинцев* 2017: 87, 97). Современные объяснения подобных наблюдений отличаются от трактовок Бельца, однако совпадения в промежуточных результатах говорят о состоятельности его методологии.

Возвращаясь к проблеме рецепции идей Бельца, необходимо отметить, что отечественным исследователям его работы были знакомы. Так, его неоднократно упоминал М.Г. Левин (*Левин* 1958: 288; 1971: 195–196). С.А. Арутюнов также пользовался его данными, говоря об айнской принадлежности керамики эпохи

Дзёмон (Арутюнов 1960: 60) и о том, что сходство татуировок рюкюских и айнских женщин нельзя считать случайным (Арутюнов 1957: 13). А.Б. Спесивовский писал, что Э. Бельц и Э. фон Эйкштедт пошли “дальше всех в своих умозрительных заключениях” о родстве айнов с европейцами (Спесивовский 2017: 11), а процитированный выше А.Г. Козинцев упоминал Бельца и в связи с идеей о родстве айнов с рюкюсцами (Козинцев 2017: 97). Можно, пожалуй, утверждать, что во второй половине XX в. Бельц был более интересен советским японистам, чем собственно немецкоязычным; немецкие исследования Японии в этот период уходят больше в область гуманитарных и социальных дисциплин.

Из японских авторов Бельц оказал влияние как лично, так и своими работами на Коганэи Ёсикиё, одного из виднейших исследователей этнической истории и расового состава японцев начала XX в. Судзуки отмечает, что Коганэи в целом принял теорию Бельца о расовом составе населения Японии, хотя и несколько изменил терминологию. Если оставить за скобками разницу в методах исследования, пишет Судзуки, объяснение смешанного типа японцев у Коганэи строилось так же, как и у Бельца; кроме того, его концепция оказала большое влияние на последующие научные изыскания, проводимые такими учеными, как, например, Киёно Кэндзи (Судзуки 1974: 6–7), – антрополог и этнолог, автор теории метисации в споре об этногенезе японцев (Suzuki 1981: 11).

Сегодня некоторые пассажи Бельца могут показаться в этическом смысле сомнительными. В частности, он даже в научных выступлениях и публикациях прибегал порой к приемам, которые сегодня мы назвали бы риторическими или даже популистскими: чего только стоит утверждение, что пожилой Лев Толстой “на своей последней, широко разошедшейся фотографии может считаться айнским типом” (Baelz 1901b: 19). Бельц вообще подчеркивал схожесть айнов именно с русскими, которые в его схеме также подверглись в прошлом метисации с монголоидами. Правда, ко времени этой публикации идея о том, что айны похожи на русских (особенно русских крестьян), бытовала в европейской науке уже как минимум десятилетие: например, ее высказывал еще в начале 1890-х годов британский исследователь Д. МакРитчи (Трынкина 2021: 160, 168).

Также в одной из статей Бельц подкрепил анекдотом с Чикагской выставки свои рассуждения о том, что если неолитическим населением Японии были все-таки древние эскимосы, как утверждал Цубои, то тогда они несомненно находятся в родстве с современными японцами: на выставке он, осматривая “эскимосскую деревню”, встретил японцев, с ужасом убежавших прочь, осознав свое сходство с “живыми экспонатами”, которые еще и радостно кричали им что-то вслед (Baelz 1907: 287).

Еще более сомнительным кажется утверждение о том, что один физический тип японцев (маньчжуро-монгольский) соотносится с правящим сословием, а другой (южномонгольский) – с простонародьем. Приводя в качестве доказательства в частности этот пассаж, корейская исследовательница Ким Хой Юн практически обвиняет его в расизме и высказывает подозрения, что своими “расовыми” соображениями о корейцах Бельц мог подкреплять оккупационные претензии японского правительства в отношении Кореи – в том числе через свою дружбу с премьер-министром Ито Хиробуми (Kim Hoi-Eun 2013: 180–181). Однако стоит заметить, что в публикациях Бельц никогда не основывал свои выводы исключительно на анекдотах, а подводил под них аргументы, соответствующие научному уровню и стилю своего времени. Что же касается преобладания определенного физического типа в каком-то сословии, то оно им объяснялось очередностью миграций населения того и другого типа на Японские острова, а не биологическим превосходством одного из них; кроме того, всегда оговаривалось, что из этой закономерности есть исключения – это преобладание никогда не подавалось как

абсолютное. Наиболее близким расизму его научным высказыванием является, пожалуй, сравнение “сацумцы – спартанцы Японии”: развивая мысль о европеоидных следах на юге Японии, он выделяет провинцию Сацума как местность, в которой часто встречаются соответствующие черты (и где ранее проживали хаято, которых он относил к той же группе). Далее он описывает роль сацумской знати в свержении сёгуната в 1866 г. и указывает на преобладание выходцев из Сацума в командном составе японских армии и флота и, подводя итоги, пишет, что “японская провинция, в которой обнаруживается большинство кавказоидных типов, всегда занимала особое положение”, однако тут же оговаривается: “...не я не хочу сказать, что это связано с особой кровью, я только констатирую факт” (*Baelz* 1911: 190). Учитывая, что поиск взаимосвязей между физическими (в том числе расовыми) и интеллектуальными, психическими и даже моральными характеристиками был вполне в духе времени в целом и бастияновской традиции в частности, неудивительно, что подобные аналогии приходили Бельцу на ум; однако примечательно, что, во-первых, сам он отрешивался от далекоидущих выводов и, во-вторых, зачастую пытался объяснять физиологические явления особенностями культуры, а не наоборот.

Заслуживает упоминания отдельная значимая часть научного наследия Бельца – его обширные этнографические и художественные коллекции. В 1892 г. ученый удостоился звания члена совета королевства Вюртемберг за передачу в штутгартский Музей промышленности и прикладного искусства коллекции в 3300 предметов. За этим первым пожертвованием последовали и другие (передача 4000 живописных и графических работ японских художников в 1893 г.) (*Germann* 2014: 291). Сегодня основная часть собраний Бельца хранится в Музее имени Линдена в Штутгарте, где составляет большую часть японской коллекции (почти 6000 предметов) (*Brandt* 2005: 694). Кроме того, в Этнологическом музее в Берлине хранятся привезенные Бельцем айнские предметы и дзёмонская керамика из материалов раскопок в Токио в 1888 г. (*Ibid.*: 578). Штутгартские коллекции были не раз описаны и изданы в виде каталогов, берлинские еще до конца не изучены. Современное положение собраний описано в коллективной монографии, посвященной японским коллекциям в Европе (*Kreiner* 2005), а о собирательской и меценатской деятельности Бельца писала С. Германн (*Germann* 2014: 291–295, 322, 326–328, 340, 349, 389–390).

* * *

Принадлежность исследовательского подхода Бельца к немецкой этнологической традиции второй половины XIX в. очевидна: профессия врача не только обуславливала особый интерес ученого к физической антропологии, но и давала ему тот же инструментарий и оптику, с которых начинали и крупнейшие звезды немецкой этнологии, А. Бастиян и Р. Вирхов, также медики по образованию; обилие немецких специалистов, особенно в первые годы жизни Бельца в Японии, позволило им создать собственную среду, поддерживающую немецкие академические традиции; личный интерес к науке и желание оставить в ней свой след побуждали к непрерывной исследовательской деятельности и поддерживали стремление быть в курсе последних веяний в европейской и американской науке. Тем не менее объективные факторы отрывали Бельца от этой традиции: осознание, что вернуться в университетскую среду Германии после многолетней работы в Японии практически невозможно, заставило его оставаться на Востоке до конца собственной карьеры, а географическая дистанция привела к тому, что работы Бельца, изданные в Японии, оставались неизвестны на Западе или доходили туда слишком поздно. Бельц в 1901 г. с горечью пишет: “Г-н Боас недавно

выдвинул требование, что при изучении человеческих рас следует отныне делать графические зарисовки головных объемов живых людей, – и комментирует: – он, вероятно, не знал, что я делал их уже 20 лет назад и публиковал, и с тех пор непрерывно продолжал этим заниматься” (*Baelz* 1901: 170).

Вероятно, верно и обратное: держаться на острие науки, не будучи активно включенным в западную академическую среду, было нелегко; какие-то вещи, по поводу которых в Европе складывался хотя бы относительный консенсус, ему приходилось переизобретать самостоятельно. Так, в условиях относительной изоляции Бельц выработал собственную антропометрическую методику, которой следовал в своих многочисленных исследованиях и на основании которой делал серьезные выводы.

Оценивать результаты его исследовательской деятельности с точки зрения влияния на европейскую этнологию можно двояко: с одной стороны, та методология физикоантропологических исследований, которой он так гордился, на Западе осталась малоизвестной и невостребованной, а бастиановская научная программа, которой он следовал, в немецкой этнологии в начале XX в. уступила место диффузионистской. Но, с другой стороны, некоторые его выводы пользовались значительным авторитетом среди современников и младших коллег, а его коллекции до сих пор занимают почетное место в музеях.

Благодарности

Исследование было проведено при поддержке Стипендиального фонда Австрийской Республики (*Stipendienstiftung der Republik Österreich für Undergraduates, Graduates und Postgraduates*) и Австрийского агентства международного сотрудничества в сфере образования и науки (*Österreichischer Austauschdienst-GmbH*).

Примечания

¹ Факты биографии Бельца изложены по: *Germann* 2014.

² При этом Бельц уточняет: “Термин монголы мы используем в общем смысле, в котором он охватывает всю желтую расу, а не лишь монголов в узком смысле... <...> Первое, более широкое толкование этого понятия, принято в антропологии, последнее, более узкое, – в сравнительном языкознании” (*Baelz* 1883: 337).

³ Так наз. монгольское пятно – пигментное образование, часто наблюдаемое у младенцев и детей монголоидной расы, которое Бельц описал в 1883 г. (*Baelz* 1885: 40). Он обнаружил его у японцев и не нашел у айнов, сделав из этого вывод, что монгольское пятно – четкий маркер монголоидности, каковым оно и считалось в науке некоторое время. На сегодняшний день известно, что оно может наблюдаться не только у представителей монголоидной расы, однако именно описание Бельца привлекло внимание антропологов к этому явлению.

⁴ В тексте Бельца – “западное побережье”, однако это очевидная ошибка, скорее даже описка. Во-первых, более мощный рукав течения Курисио идет именно вдоль восточного побережья Японии, а во-вторых, чего точно не мог не знать Бельц, провинция Хю:га также была расположена на востоке о. Кюсю.

Источники и материалы

Baelz 1883 – *Baelz E.v.* Die körperliche Eigenschaften der Japaner. 1. Teil // *Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur und Völkerkunde Ostasiens*. 1883. Bd. 3 (1880–1884). Н. 28 (1883). P. 330–359.

- Baelz* 1885 – *Baelz E.v.* Die körperliche Eigenschaften der Japaner. 2. Teil // Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur und Völkerkunde Ostasiens. 1885. Bd. 4 (1884–1888). H. 32 (1885). P. 35–103.
- Baelz* 1901a – *Baelz E.v.* Maenschen-Rassen Ostasiens mit specieller Rücksicht auf Japan // Zeitschrift für Ethnologie. 1901. P. 166–190.
- Baelz* 1901b – *Baelz E.v.* Die Ostasiaten. Stuttgart: Verlag von Konrad Wittwer, 1901.
- Baelz* 1903 – *Baelz E.v.* Zur Psychologie der Japaner // Globus. 1903. Bd. LXXXIV (20). P. 313–319.
- Baelz* 1904 – *Baelz E.v.* Über den kriegerischen Geist und die Todesverachtung der Japaner. Yokohama: Verlag der Deutschen Japan-Post, 1904.
- Baelz* 1907 – *Baelz E.v.* Zur Vor- und Urgeschichte Japans // Zeitschrift für Ethnologie. 1907. H. 3. P. 281–310.
- Baelz* 1911 – *Baelz E.v.* Die Riu-Kiu-Insulaner, die Aino und andere kaukasieränliche Reste in Ostasien // Korrespondenz-Blatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. 1911. Jg. 42. № 8–12. P. 187–191.
- von *Eickstedt* 1944 – von *Eickstedt E.F.* Rassendynamik von Ostasien. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1944.

Научная литература

- Арутюнов С.А.* Об айнских компонентах в формировании японской народности и ее культуры // Советская этнография. 1957. № 2. С. 3–14.
- Арутюнов С.А.* К оценке роли миграций в древней истории Японии // Советская этнография. 1960. № 1. С. 60–71.
- Дерябин В.Е., Давыдова Д.С.* Антропологические варианты в составе японцев // Этнографическое обозрение. 2010. № 1. С. 116–131.
- Козинцев А.Г.* Айны, японцы, их предки и соседи: результаты краниоскопических исследований в Японии // Айнская проблема (вопросы этногенеза и этнической истории айнов) / Отв. ред. А.Б. Спешаковский. СПб.; Владивосток: Рубеж, 2017. С. 87–110.
- Левин М.Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1958.
- Левин М.Г.* Этническая антропология Японии. М.: Наука, 1971.
- Спешаковский А.Б.* “Айнская проблема” и айны в этнической истории дальневосточного региона (на основании новейших данных) // Айнская проблема (вопросы этногенеза и этнической истории айнов) / Отв. ред. А.Б. Спешаковский. СПб.; Владивосток: Рубеж, 2017. С. 10–48.
- Судзуки Х.* Профессор Коганэи Ёсикиё и доктор Эрвин фон Бельц (Коганэи Ёсикиё сэнсэи то Эрвин фон Бельц хакасэ) // Journal of the Anthropological Society of Nippon. 1974. Vol. 82 (1). P. 1–9. (на яп. яз.)
- Трынкина Д.А.* Викторианская эвгемеристическая концепция о фейри в британской и американской викке // Шаги/Steps. 2021. Т. 7 (2). С. 156–174. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-156-174>
- Brandt K.J.* Department of Eastern Art of the Linden-Museum in Stuttgart // Japanese Collections in European Museums. Vol. II / Ed. J. Kreiner. Bonn: Bier'sche Verlaganstalt, 2005. P. 693–697.
- Germann S.* Erwin von Baelz (1849–1913). Von Bietigheim nach Tokyo. Eine Biographie. Ubstadt-Weiher: Verlag Regionalkultur, 2014.
- Kim Hoi-Eun.* Measuring Asian-ness: Erwin Baelz's Anthropological Expeditions in Fin-de-Siecle Korea // Imagining Germany, Imagining Asia: Essays in Asian-German Studies / Eds. V. Fuechtner, M. Rhiel. Rochester: Camden House, 2013. P. 173–185.

- Kreiner J.* (ed.) *Japanese Collections in European Museums*. 2 vols. Bonn: Bier'sche Verlaganstalt, 2005.
- Singh I.P., Bhasin M.K.* *Anthropometry*. Delhi: Bharti Bhawan, 1968.
- Stocking G.W.* On the Limits of "Presentism" and "Historicism" in the Historiography of the Behavioral Sciences // *Journal of History of Behavioral Sciences*. 1965. Vol. 1 (3). P. 211–218.
- Stocking G.W.* *Victorian Anthropology*. N.Y.: Collier Macmillan, 1987.
- Suzuki H. Racial History of the Japanese // *Rassengeschichte der Menschheit*. Vol. 8 / Hrg. I. Schwidetzky. München: R. Oldenburgverlag, 1981. P. 7–78.

Research Article

Liubimova, N.S. German Ethnological Tradition in Studies of Japan: Erwin von Baelz as Anthropologist and Ethnologist [Nemetskaia etnologicheskaia traditsiia v izuchenii Yaponii: Ervin fon Bel'ts kak antropolog i etnolog]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 128–143. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040078> EDN: HXUCTI ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Nataliia Liubimova | <https://orcid.org/0000-0002-1364-0280> | lyubimova@iea.ras.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

Erwin Baelz, history of science, German ethnology, Japanese studies, origins of the Japanese

Abstract

This article offers a closer look at Erwin von Baelz's academic work in the field of anthropology and ethnology. A biographical sketch demonstrates factors that influenced his research and its reception in the academic world. The analysis of anthropological and ethnological works of Baelz outlines his most important findings and conclusions as well as his theoretical views. Baelz's works were very mainstream for their time in terms of the subject of study, methodology, and theoretical background. However, it is also a case of isolation, since the geographical distance between Japan and Europe prevented him from fully participating in European academic discourse. The effects of such isolation present themselves in the reception of his work: he was mostly mentioned by the scholars who shared his opinion on the European origins of the Ainu as his academic standing was enough to legitimize this theory as proven, while other ideas and observations of his remained mostly unnoticed.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [grant ID: 075-15-2022-328]

References

- Arutyunov, S.A. 1957. Ob ainskikh komponentakh v formirovanii yaponskoi narodnosti i ee kul'tury [On Ainu Components in Formation of the Japanese and Their Culture]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 3–14.
- Arutyunov, S.A. 1960. K otsenke roli migratsii v drevnei istorii Yaponii [The Role of Migrations in Ancient History of Japan]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 60–71.

- Brandt, K.J. 2005. Department of Eastern Art of the Linden-Museum in Stuttgart. In *Japanese Collections in European Museums*, edited by J. Kreiner, II: 693–697. Bonn: Bier'sche Verlaganstalt.
- Deriabin, V.E., and D.S. Davydova. 2010. Antropologicheskie varianty v sostave yapontsev [Anthropological Variants of the Japanese]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 116–131.
- Germann, S. 2014. Erwin von Baelz (1849–1913). *Von Bietigheim nach Tokyo. Eine Biographie* [Erwin von Baelz (1849–1913): From Bietigheim to Tokyo, the Biography]. Ubstadt-Weiher: Verlag Regionalkultur.
- Kim Hoi-Eun. 2013. Measuring Asian-ness: Erwin Baelz's Anthropological Expeditions in Fin-de-Siecle Korea. In *Imagining Germany, Imagining Asia: Essays in Asian-German Studies*, edited by V. Fuechtner and M. Rhiel, 173–185. Rochester: Camden House.
- Kozintsev, A.G. 2017. Ainy, yapontsy, ikh predki i sosedi: rezul'taty kranioskopicheskikh issledovaniy v Yaponii [Ainu and Japanese, Their Ancestors and Neighbours: The Results of Cranioscopic Investigations in Japan]. In *Ainskaia problema (voprosy etnogeneza i etnicheskoi istorii ainov)* [The Ainu Problem (Issues of Ethnogenesis and Ethnic History of the Ainu)], edited by A.B. Spevakovskii, 87–110. St. Petersburg; Vladivostok: Rubezh.
- Kreiner, J., ed. 2005. *Japanese Collections in European Museums*. 2 vols. Bonn: Bier'sche Verlaganstalt.
- Levin, M.G. 1971. *Etnicheskaiia antropologiia Yaponii* [Ethnic Anthropology of Japan]. Moscow: Nauka.
- Levin, M.G. 1958. *Etnicheskaiia antropologiia i problemy etnogeneza narodov Dal'nego Vostoka* [Ethnic Anthropology and the Problems of Ethnogenesis of the Peoples of the Far East]. Moscow: Nauka.
- Singh, I.P., and M.K. Bhasin. 1968. *Anthropometry*. Delhi: Bharti Bhawan.
- Spevakovskii, A.B. 2017. "Ainskaia problema" i ainy v etnicheskoi istorii dal'nevostochnogo regiona (na osnovanii noveishikh dannyykh) [The Ainu Problem and the Ainu in Ethnic History of the Far East Region (Based on the Newest Data)]. In *Ainskaia problema (voprosy etnogeneza i etnicheskoi istorii ainov)* [The Ainu Problem (Issues of Ethnogenesis and Ethnic History of the Ainu)], edited by A.B. Spevakovskii, 10–48. St. Petersburg; Vladivostok: Rubezh.
- Stocking, G.W. 1965. On the Limits of "Presentism" and "Historicism" in the Historiography of the Behavioral Sciences. *Journal of History of Behavioral Sciences* 1 (3): 211–218.
- Stocking, G.W. 1987. *Victorian Anthropology*. New York: Collier Macmillan.
- Suzuki, H. 1974. Koganei Yoshikiyo sensei to Erwin von Baelz hakase [Koganei Yoshikiyo (1858–1944) and Erwin von Baelz (1858–1913)]. *Journal of the Anthropological Society of Nippon* 82 (1): 1–9. (In Jap.)
- Suzuki, H. 1981. Racial History of the Japanese. In *Rassengeschichte der Menschheit* [Racial History of Mankind], edited by I. Schwidetzky, 8: 7–78. München: R. Oldenburgverlag.
- Trynkina, D.A. 2021. Viktorianskaia evgemeristicheskaiia kontseptsiiia o feiri v britanskoi i amerikanskoi vikke [Victorian "Fairy Euhemerism" in British and American Wicca]. *Shagi/Steps* 7 (2): 156–174. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-156-174>

У истоков лингвистической антропологии: Франц Боас

И.В. Кузнецов

Игорь Валерьевич Кузнецов | <https://orcid.org/0000-0002-6947-244X> | igorkuznet@gmail.com | к. и. н., старший научный сотрудник отдела кавказских языков | Институт языкознания РАН (Большой Кисловский пер. 1 стр. 1, Москва, 125009, Россия)

Ключевые слова

Боас, лингвистическая антропология, полевая работа, америндские языки, апперцепция, лингвистическая относительность

Аннотация

С точки зрения истории антропологии работа Франца Боаса “О чередующихся звуках” (1889) носит этапный характер в развитии его научного творчества. Она была написана еще в годы активного поиска автором стабильной академической позиции и посвящена частной проблеме – экспериментальным исследованиям эффекта так наз. звуковой слепоты. Вместе с тем работа вобрала в себя как текущие достижения Боаса в физике, психологии и этнологии, опыт лабораторной работы ученого в Кильском университете, так и первые результаты его полевых исследований среди эскимосов и индейцев Тихоокеанского Северо-Запада. Характерно, что в ней уже предпринимались попытки через критику метода опровергнуть широко распространенное в те годы предубеждение об эволюционной недоразвитости языков неевропейского человека. Автор, по сути, предвосхитил грядущую борьбу (свою и своих последователей) с расизмом в физической антропологии и даже современное релятивистское понимание культуры. В дальнейшем результаты наблюдений над восприятием языка будут перенесены Боасом на широкое поле культуры, а апперцепция уподоблена аккультурация – прививание каждому отдельному члену общества культурных норм и ценностей.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 20-18-00159]

Число попыток перевести сочинения Франца Боаса (1858–1942) на русский язык явно несоразмерно мощному полифоническому влиянию этого ученого, которого сегодня признают если не отцом-основателем, то уж точно одним из основоположников четырех ветвей современной антропологии – культурной (социальной), биологической (физической), археологической и лингвистической. Из его работ, посвященных лингвистической антропологии, только перевод короткого фрагмента из Введения к “Руководству по языкам американских индейцев” (“Handbook of American Indian Languages”) вошел в

Статья поступила 07.11.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 07.04.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Кузнецов И.В. У истоков лингвистической антропологии: Франц Боас // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 144–161. <https://doi.org/10.31857/S086954152204008X> EDN: HXVNCB

Kuznetsov, I.V. 2022. U istokov lingvisticheskoi antropologii: Frants Boas [At the Origins of Linguistic Anthropology: Franz Boas]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 144–161. <https://doi.org/10.31857/S086954152204008X> EDN: HXVNCB

собрание В.А. Звегинцева (*Звегинцев* 1964–1965. Ч. 2: 170–180). Представленный здесь русский перевод статьи “О чередующихся звуках” (“On Alternating Sounds”) (*Boas* 1889) также призван в какой-то части восполнить этот пробел. Хотя публикация принадлежит самому раннему периоду боасовского творчества, она по-прежнему сохраняет исключительную важность. “Невозможно преувеличить значение этой статьи для истории антропологической мысли”, – так характеризовал эту работу Дж. Стокинг (*Stocking* 1968: 159). Скромная по объему и непосредственным задачам, она вобрала в себя все: и текущие достижения Боаса в физике, психологии и этнологии, и его лабораторную работу в Киле, и полевые исследования, проведенные на Баффиновой Земле и в Британской Колумбии. Характерно, что в статье уже предпринимались попытки через критику метода опровергнуть широко распространенное предубеждение об эволюционной недоразвитости неевропейского человека. Автор, по сути, предвосхитил грядущую борьбу (свою и своих последователей) с расизмом в физической антропологии и даже современное релятивистское понимание культуры. “Многое в последующей работе Боаса и идущих вслед за ним учеников можно рассматривать просто как разработку выводов (*implications*), представленных в этой статье” (*Ibid.*). Результаты наблюдений над восприятием языка будут перенесены на широкое поле всей культуры, а апперцепции уподоблен процесс прививания отдельным членам общества культурных норм. Так что и учение уже более позднего Боаса об аккумулярации, в сущности, явится лишь развитием идей, изложенных им в статье 1889 г.

“Этнография, привязанная к тексту”

Рассмотрим обстоятельства, непосредственно предшествовавшие и, как мы полагаем, в значительной степени повлекшие за собой появление интересующей нас статьи. К осени 1888 г., когда Боас писал свой текст о “чередующихся звуках”, он уже успел побывать у эскимосов Баффиновой Земли (экспедицию оплачивал его отец) и дважды в Британской Колумбии – сначала за свой счет, а затем на средства Британской ассоциации содействия развитию науки (далее – BAAS); с ассоциацией он будет сотрудничать и позже. Весной 1887 г. Боас ввязался в спор с влиятельными правительственными этнологами из Вашингтона – наверное, рассчитывая получить работу, пытался обратить на себя внимание, – но переусердствовал. Речь шла о подходе куратора Национального музея естественной истории О.Т. Мэйсона к классификации музейных артефактов на основе пресловутых стадий развития. Восставая в теоретическом отношении против эволюционных схем, Боас доказывал, что внешнее сходство явлений, столь важное для всякого компаративиста в широком смысле, может объясняться действием различных причин: «Наше возражение против идеи Мэйсона состоит в том, что классификация не является объяснением. <...> Метод Мэйсона занимается в этнологии место, аналогичное бывшему “сравнительному методу” в географии. Простое сравнение форм не может привести к полезным результатам» (*Boas* 1887a: 485–486).

Не вдаваясь в ненужные здесь детали, отметим, боасовское предложение заключалось в следующем: в музеях следует демонстрировать целые комплексы, вписанные в культурные ареалы, – впоследствии это станет едва ли не общепринятой практикой. Но тогда О.Т. Мэйсона защитил директор Бюро американской этнологии при Смитсоновском институте (далее – БАЭ), майор Дж.У. Пауэлл, который, передергивая идеи Боаса, утверждал, что расставлять в залах коллекции по всем племенам просто невозможно технически. На что Боас, вовсе не призывавший к такому радикальному решению, отреагировал

следующим образом: он написал, что “продвинутые” учреждения, такие как берлинский Королевский музей народоведения А. Бастиана, стремятся показать “индивидуальный феномен”, тогда как принцип Пауэрлла–Мэйсона “не основывается на феномене, но находится в голове у исследователя” (Boas 1887b: 614). Двери этого и других подразделений Смитсоновского института – крупнейшего центра по изучению коренных американцев, не то чтобы наглухо закрылись для немецкого эмигранта, но надолго захлопнулись перед ним.

С февраля 1887 г. Боас занимал кресло помощника редактора по географии в нью-йоркском журнале *Science*, на страницах которого и разворачивалась перепалка с вашингтонцами. Теперь же он оставил и это место, надеясь попасть в престижный исследовательский вуз, готовящийся к открытию. С президентом Университета Кларка (Вустер, шт. Массачусетс), самым известным в США психологом, почитателем творчества Фрейда и Юнга, Г. Стэнли Холлом Боас был знаком меньше года. Они встретились в августе по дороге в Кливленд, где должно было состояться заседание Национального собрания Американской ассоциации содействия развитию науки – аналога ВААС (Cole 1999: 119). Но даже после получения приглашения в “Кларк”, судьба Боаса еще долго была не определена: в течение целого года (Rohner 1969: 111–112) решался вопрос, куда он будет принят – доцентом на кафедре антропологии или все же на кафедре географии.

Весь этот год Боас продолжал переписываться с Г. Стэнли Холлом, просил у него совета, как перебраться мостик от антропологии к психологии (Cole 1999: 119), и, возможно, чтобы еще больше ему понравиться, проштудировал доклад С. Вильц – холловской ученицы, а в будущем известной детской писательницы, чьи книги переиздают и сегодня. В первых же строках С. Вильц сообщала, что получила тему “звуковой слепоты” (*sound blindness*) непосредственно из рук своего наставника. Оказывается, именно Г. Стэнли Холл передал ей соответствующую вырезку все из того же *Science*, черкнув на полях: “Не могли бы Вы исследовать сей предмет?” (Wiltse 1888: 702). С. Вильц провела несколько экспериментов в сотрудничестве с бостонскими школьными учителями и ото(ларинго)логом К. Блэйком, надиктовывая незнакомые слова почти 300 ученикам и пытаясь обнаружить закономерность в том, каким образом они искажают их при фиксации.

Боас пошел дальше. В своей статье он присовокупил к результатам предшественницы собственные выводы, касающиеся процесса апперцепции. Такому подходу способствовали широкие познания Боаса в самых разных областях. Начав свое образование с математических штудий в Гейдельберге и Бонне (1877–1878), в 1879 г. он перевелся в Кильский университет. Здесь молодой ученый занимался проверкой действия закона Гаусса в приложении к распределению величины ошибок наблюдений, изучал оптические свойства воды. В 1881 г. он получил диплом как физик. Отправляясь в экспедицию на Баффинову Землю (1883–1884), Боас планировал в том числе исследовать представления о цвете воды, сохранившиеся в “первозданной” культуре эскимосов.

В рассуждениях С. Вильц его смутила однобокость подхода к “цветовой слепоте”. Ведь гораздо логичнее было бы уподобить это явление не нарушениям “сущностных особенностей” определенных “фонетических элементов”, а неспособности различать тональность звуков. Хотя эта неспособность не была еще засвидетельствована, Боасу тогда казалось, что в реальности она могла стать вероятной причиной искажений, если иметь в виду обычные для европейца трудности в овладении тоновыми языками (напр., навахо, мяо-яо или китайским). Свой вариант объяснения Боас предложил, связав воедино звук, цвет, форму и запах. Интересно, что вначале он обратился к “цветовой” терминологии, попытавшись найти связь между звуком и цветом: индивид, говорящий на языке, в котором отсутствует название определенного цвета, например зеленого,

испытывает затруднение, если его попросить распознать этот цвет в окружающей реальности (*Boas* 1889: 50). Не это ли отправная точка дискурса лингвистической относительности – гипотезы, введенной в научный оборот лингвистическими антропологами следующего поколения? Ряд авторов утверждает, что так наз. гипотеза Сэпира–Уорфа впервые была сформулирована Боасом, пусть и в менее четкой форме (*Hoijer* 1954: 92–93; *Kluckhohn, Prufer* 1959: 13).

Вернемся, однако, к психологической интерпретации “звуковой слепоты”, изложенной в статье “О чередующихся звуках”. В годы учебы Боаса в Германии существенное влияние на него оказал Г.Т. Фехнер (и, возможно, Г. Гельмгольц) (*Kluckhohn, Prufer* 1959: 11). В те годы психологию пытались отнести к естественным наукам. Идея вытеснения представлений в область бессознательного и преобразования ощущений сознанием, что, собственно, и составляет суть апперцепции, была высказана еще в XVIII в. немецким философом и психологом И.Ф. Гербартом, одним из основателей научной педагогики. В 1850-е годы эта идея была развита сравнительной психологией – новым направлением, которое разрабатывал последователь И.Ф. Гербарта, профессор лингвистики Берлинского университета Х. Штейнталь. Х. Штейнталь был убежден, что “индивидуальная психология требует существенного дополнения в виде психологии народов” (*Звегинцев* 1964–1965. Ч. 1: 133). С 1859 г. вместе со своим родственником М. Лацарусом Х. Штейнталь издавал журнал “Вопросы этнической психологии и языкознания” (*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*).

Насколько можно судить, в период студенчества – в те времена, когда он еще не увлекался лингвистикой – из профессиональных языковедов Боас встречался только со Х. Штейнталем; правда, их последующие контакты ограничились единственным (увы, не доступным для меня) письмом к нему Х. Штейнтала от 15.11.1888 (*APS*). Примечательно, что сам Боас позднее, в письме Р. Лоуи от 30.12.1937 (*Lowie* 1943: 184), будет подчеркивать преемственность своих взглядов и взглядов Х. Штейнтала, а в короткой статье, опубликованной в сборнике XVII Международного конгресса американистов в Мехико (*Boas* 1912: 227), признаёт, что образцом для изучения языков американских индейцев ему послужили штейнталевские описания ацтекского (науатля) и эскимосского языков.

Тем не менее, как отметил Д. Коул, стремление объяснять все влиянием апперцепции Боас вынес не столько из трудов И.Ф. Гербарта и Х. Штейнтала, сколько из кильского семинара неокантианца Б. Эрдманна – ученика Х. Штейнтала (*Cole* 1999: 273). Сходным образом, как нечто появившееся из воздуха, которым дышало тогда все немецкое академическое сообщество, объясняется появление в трудах Боаса реминисценций идей В. фон Гумбольдта, например: “Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее” (*Гумбольдт* 1985: 349). Не похоже, чтобы наш герой вообще когда-либо читал гумбольдтовский “План сравнительной антропологии”, несмотря на все эти совпадения. А если и читал, то только после 1903 г., когда “План...” был впервые опубликован. Боас всего однажды упомянет его автора – в уже обозначенной выше мексиканской заметке. Но, вне всякого сомнения, мировоззрение В. фон Гумбольдта повлияло на “психологию народов” Штейнтала–Лацаруса, намеревавшихся осуществить проект сравнительного изучения национальных характеров (*Bunzl* 1996: 24).

Это, так сказать, общее место в анализе предпосылок боасовской лингвистической антропологии. Исследователи спорят лишь о нюансах. Так, М. Мэкерт пробует доказать, что возникшее у Боаса внутреннее напряжение в отношении имени Х. Штейнтала объясняется последующим стремлением антрополога стратегически дистанцироваться от иерархического (европоцентристского) мышления. Кроме того, М. Мэкерт отмечает, что можно проследить интертекстуаль-

но переход Боаса от гербартовой психологии к ассоциативной под влиянием А. Бастиана, Т. Вайца и прочих (Mackert 1993, 1994). Как бы там ни было, взгляды Боаса на язык, в сущности феноменологические, имеют отчетливо немецкие корни. Не так давно М. Силверстин остроумно заметил, что даже атмосфера детства, несмотря на явные неурядицы юного Франца в латыни и древнегреческом, могла стать одним из источников будущей боасовской лингвистической антропологии, в частности пресловутого “аналитического” подхода. (Этот подход позже проявится в работе по подготовке фундаментального труда “Руководство по языкам американских индейцев” и особенно в ходе семинара по индейским языкам в Колумбийском университете.) Кроме того, в городской гимназии Миндена, где учился юный Франц, благодаря полувековому директорству З. Имануэля (1792–1847) царили принципы индуктивного образования в духе Песталоцци. В минденский период может уходить корнями и характерная боасовская текстология, “этнография, привязанная к тексту”, – способ репрезентации изучаемых культур посредством текстов на туземных языках с междустрочным переводом (Silverstein 2015: 108, 117).

Сотрудничество с Х.И. Ринком

Основной посыл статьи “О чередующихся звуках” вовсе не ограничивается разбором восприятия детьми неизвестной им лексики. И идея, к анализу которой мы подступаем, обязана своим появлением уже не немецким психологам, а в первую очередь геологу и географу Х.И. Ринку. Боас активно сотрудничал с ним весь свой “эскимосский” период. Во время подготовки к арктической экспедиции в письме (от 26.11.1882) своему дяде А. Якоби он писал, что прилагает “огромные усилия, чтобы заинтересовать своим проектом соответствующие круги” (Müller-Wille 1998: 34). Некто из Копенгагена – очевидно, это и был Х.И. Ринк – был причислен Боасом к компании “влиятельных личностей”, “авторитетов в этой области” (к ним он относил Р. Вирхова, А. Бастиана, М. Линдемана), на которых начинающий исследователь возлагал особые надежды. После возвращения с Баффиновой Земли Боас получил от Х.И. Ринка и первое послание. А летом 1885 г., переехав по настоянию родителей из Нью-Йорка в Европу и получив в музее у А. Бастиана должность ассистента (*Hilfsarbeiter*), он выступил с лекциями в Берлине, Франкфурте и Халле. Кроме того, он посетил Копенгаген, где встретился с Х.И. Ринком, чтобы плотно поработать над записанными в поле эскимосскими сказками (Cole 1999: 87).

Общение с Х.И. Ринком растянулось на полгода. Боас сообщал жене Мари в письме от 12 июня 1885 г., что “с ужасом” начал замечать, как медленно они продвигаются: “На самом деле старый Ринк мне кажется довольно скучным. Его могут увлечь некоторые вещи, совсем как молодого, но в целом он совершенно индифферентен”. Можно предположить, что датчанин, всего-то 65 лет от роду, тоже не испытывал особого восторга от скрупулезной редакционной работы и переводческой рутинности. В конце концов, Боас написал жене: «Бедный дьявол сказал мне сегодня: “Поторопитесь и напечатайте свои сказки, хотелось бы дожить, чтобы их увидеть”» (Zumwalt 2019: 149). Эта часть фольклорных текстов была опубликована в 1885 г. на немецком языке (Boas 1885a). Параллельно дописывалась монография по результатам полевой работы у эскимосов, вышедшая к концу 1885 г. (Boas 1885b) и заменившая его автору процедуру формальной хабилитации, без чего невозможно было получить работу на родине – Боас претендовал на место доцента географии в Берлинском университете.

Судя по всему, во время пребывания на Баффиновой Земле с июня 1883 г. по сентябрь 1884 г. Боас общался с местным населением в основном по-ан-

глийски, т.е. на языке, которым сам еще не владел в полной мере, – его дневник пестрит такими характерными ошибками, как *Pigeon English* (а не *pidgin English*), *Schlipper* (а не *slipper*), *Turns* (а не *terns* – “крячки”) и т.д. Что касается слов эскимосского языка (инуктитута), то они замелькали в его записях только начиная с мая 1884 г. Более того, четыре последующих месяца, вплоть до конца августа, исследователю вообще не довелось пообщаться ни с кем, кто говорил бы по-английски (*Müller-Wille* 1998: 272, 304).

Орфография, которую Боас применял для фиксации инуктитута, основана на фонетическом принципе. Затем, засомневавшись в ее точности, исследователь с помощью Х.Й. Ринка еще раз выправил все записи, подгоняя их под систему транслитерации, ранее предложенную гренландским миссионером С.П. Клейншмидтом: *angedkok* превратилось в *a'ngekoq* (“шаман”), *iglu* – в *igdlu* (“иглу” – жилище), *iküschuk* – в *iki'rtsuq* (“морской ветер”) и др. (*Ibid.*: 273–276); это отметил сам антрополог в упоминавшейся монографии (*Boas* 1885b: 90). Он напишет о своем “неправильном восприятии” звуков инуктитута и в работе, которую мы здесь комментируем (*Boas* 1889: 52). Важно, что в ней автор не просто признается в просчетах, а – помещая себя внутрь рамок исследования вполне в стиле современной автоэтнографии – пытается проанализировать роль собственных чувств, как уже делал во время опытов с лучом света, пропускаемым через воду в Кильской гавани. Для объяснения ситуации ему понадобилась наблюдательность Х.Й. Ринка, который хвалился тем, что умел безошибочно распознавать национальную принадлежность эскимосоведов по их трудам: их материалы якобы сохраняли “свидетельство фонетики их собственных языков”, несмотря на то что для записи применялись “диакритические знаки или особые алфавиты” (*Ibid.*: 51). Наиболее же “подходящим” для идеи Боаса в рассуждениях авторитетного датского исследователя оказывалось стихийное признание апперцепции – влияния “фонетической системы природного языка” (*Ibid.*). Выходило, что не только новички, такие как Боас, но и опытные ученые не застрахованы от ее воздействия, и даже банальные ошибки исследователей могут представлять ценность как объект научного изучения.

В поле

После окончания арктической эпопеи Боас не прекращал записывать языки коренных американцев. В работе, которую мы комментируем, отражены самые ранние результаты его полевых исследований среди индейских народов Северо-западного побережья Северной Америки. В 1885–1886 гг. братья А. и Ф. Якобсены привезли в Германию нескольких белла кула (нухалк) для участия в “Выставке народностей” (*Völkerschau*) К. Гагенбека – прославленного основателя Гамбургского зоопарка. Живые экспонаты (им предшествовали патагонцы, гренландские эскимосы и саамы) на протяжении 13 месяцев разъезжали по всей стране. В Берлине, где тогда находился Боас, было устроено представление специально для “Общества антропологии, этнологии и доистории”, его предваряли лекции Р. Вирхова, А. Бастиана и А. Краузе (*Cole* 1982: 117). Гимназический учитель, путешественник А. Краузе – только что вышла его книга о тлинкитах – пригласил Боаса исследовать привезенных индейцев, и в январе 1886 г. в Кролль-опере антрополог встретился с ними. Собирая материал в течение “двух напряженных недель”, как написал Боас в письме (от 05.02.1886) своей жене Мари (*Boas Yampolsky* 1958: 312), он подготовил к началу февраля небольшие заметки о белла кула (*Boas* 1886a, 1886b). В “On Alternating Sounds”, в том самом месте, где говорится о характерном для “многих языков” отсутствии слова, обозначающего зеленый цвет, читаем: “[В]о многих языках отсутствует

термин для зеленого. Если мы покажем индивиду, говорящему на таком языке, серию зеленых гарусов, часть их он назовет желтыми, другую часть синими, [а] границы обеих частей будут вызывать сомнения” (Boas 1889: 50). Похоже, что эти строки Боас взял у себя же. Источник легко отыскивается при сравнении этого пассажа с приведенным во второй из упомянутых заметок о языке белла кула: “Цвета, обозначающиеся отдельными словами, – это красный, желтый и синий. Граница между двумя последними неопределенна, так что зеленый считается то желтым, то синим” (Boas 1886b: 206).

Становится ясно, о каком именно языке идет речь. Очевидно, Боас начал задумываться о лингвистической относительности уже в ту пору, когда в берлинской опере опрашивал исполнителей незнакомых ему церемоний. Такой интерес вполне органично вытекал из его ранних взглядов на язык, сформированных идеями “психологии народов”.

В статье о чередовании звуков автор ссылается и на собственные знания языков квакиутль (кваквакъавакв), цимшиан, хайда и тлинкит, почерпнутые им на протяжении первых двух полевых сезонов на тихоокеанском побережье. Зимой 1886–1887 гг., достигнув о-ва Ванкувер, он совершил ознакомительное турне из г. Виктории на север к деревням кваквакъавакв Навити и Алерт-Бэй, а затем сместился южнее к элишским поселениям Ковичан, Нанаймо, Комокс. В деревне Комокс он попал на потлач, куда прибыли бывшие враги комокс, систематически уводившие людей в рабство, – их северные соседи леквилток (<*Le'quittig*>). Исследователь приступил к сбору словарного материала и определил, что язык этого “племени” тот же, что и у населения Алерт-Бэй, состоявшего в основном из нимпкиш, – это Боас отметил в своих *letter-diary* от 12, 23, 26, 28 и 30 ноября 1886 г. и пр. (Rohner 1969: 58, 65–66, 68–69). Однако сейчас оба идиомы считают различными если и не языками, то диалектами, а идиом леквилток выделяют особо, политкорректно обозначая его как ликвала (*Liq'ala*), в отличие от кваквала всех остальных “племен”. В Алерт-Бэй Боас сошелся с родственниками Джорджа Ханта (встреча с ним самим произошла позднее, в 1888 г.), своего информанта № 1 из “говорящих на кваквала” (кваквакъавакв).

Еще в Виктории при посредничестве местного ксендза Боас разыскал су-пругу-тлинкитку одного белого, знавшую помимо родного тлинкитского также хайда, и начал изучение этих языков. Кроме того, он стал работать с цимшиан, консультируясь с Маттиасом, или Мэттью, новообращенным христианином, о чем в статье “О чередующихся звуках” тоже имеется информация. Еще одной информанткой-цимшиан служила Боасу какая-то женщина из Лаквалаамс (Порт-Симпсона), как и Мэттью, осевшая в Виктории. Там же, в столице Британской Колумбии, он неожиданно столкнулся с только что возвратившимися из Германии белла кула Алкином и Итлакуани и легко восстановил с ними приятельские отношения. Но наладить коммуникацию с другими представителями городской диаспоры белла кула оказалось не так просто: “К сожалению, за эти месяцы я почти все забыл”, – писал в своих *letter-diary* исследователь (записи от 18–19, 21–22, 24–27, 29–30 сентября, 1–2 ноября 1886 г. и пр.) (Rohner 1969: 20–30, 45, 48–51, 67). Это были первые попытки научного описания языков, доселе никем не изученных.

Менее чем через полгода последовала вторая экспедиция на Северо-западное побережье, в ходе которой исследователь посетил те же населенные пункты, что и в первую свою поездку, возможно, за исключением Навити. Всего же обе экспедиции Боаса в общей сложности заняли два года и пять месяцев (Rohner 1969: 153) – не слишком долго по меркам современной полевой этнографии. Но небольшую продолжительность работы в поле компенсировали длительные периоды переписки с одними информантами и встречи в Нью-Йор-

ке с другими. Такого рода этнография была названа Дж. Берман “эпистолярной” (Berman 1996: 235). М. Харкин, работавший в Белла Белла через 60 лет после последнего приезда туда Боаса (1923), слышал, и не от одного жителя деревеньки, что великий предшественник потратил большую часть проведенного здесь месяца (с 16 ноября по 16 декабря), добираясь по два часа кряду до почтамта, который располагался на пригорке, несколькими милями дальше (Harkin 2001: 95)! Возможно, это и преувеличение, потому что сам Боас в письмах жене, наоборот, писал, что занимается исключительно делом, жалуясь даже на чрезмерно плотный график:

У меня на самом деле нет ни минуты, разве что для еды (20 ноября);
Я очень много работаю, с 8 утра и примерно до 11 ночи (23 ноября);
От всей этой писанины у меня болит рука. Я работаю с 8.30 утра до 11.30 ночи, в моей руке – постоянно карандаш” (11 декабря),

а в письме к сестре Тони он написал:

[Дж. Хант] находил мне жертв, которых я затем досконально выкачивал. А когда больше нечего было делать, то работал с ним (18 декабря) (Rohner 1969: 282, 286–287).

Заключительная деталь, однако, заставляет задуматься: находясь среди белла белла (хейлтсук), вечерами Боас с Хантом корпели над материалами, записанными не у них, а у кваккакьявакв... Это подтверждает и сам антрополог, который вскоре после того, как ступил на берег, по обыкновению уведомил жену в письме от 20 ноября 1923 г. о своих ближайших рабочих планах: “Перво-наперво я перепроверяю с Джорджем Хантом свой квакиутль”. Уходили дни, а вынесенные из прошлых поездок старые впечатления (апперцепция!) не отпускали, о чем Боас пишет Мари 23 ноября 1923 г.: “Многое из того, что мне было совершенно не ясно в Форт-Руперте, прояснилось здесь” (Rohner 1969: 282). Добавим, что и раньше, у нухалк (1897), Боас и Хант также занимались преимущественно правкой текстов на кваквала, собранных Джорджем. А в оставшееся время Хант (не сам исследователь) “добирал” местную этнографию, о чем свидетельствуют письма Боаса к жене (от 21.07.1897, 27.07.1897, 02.08.1897) (Ibid.: 215–216, 218).

Страсть Боаса к собиранию текстов вовсе не способствовала включенности в изучаемую культуру. Да и в этом он не отличался последовательностью. Так, в первую свою экспедицию начинающий еще полевик прекратил беседу с сонгиш в 6 часов вечера, потому что наступило время обедать, – о чем сделана соответствующая отметка в его *letter-diary* (Ibid.: 23). Конечно, потом он прилагал усилия, чтобы выглядеть “своим”, ходил в Форт-Руперте босиком, обернутый в одеяло и с повязкой на голове (Rohner 1966: 190), как на стилизованных под старину фотографиях Э. Кёртиса. Правда, к тому времени кваккакьявакв уже лет десять как перешли на европейскую одежду – ситуация, весьма напоминавшая ту, в которой оказался славянофил А.С. Хомяков, когда его, одевавшегося в шелковые косоворотки, мужики в кабаках принимали за персиянина. Но теперь в Белла Белла антропологу пришлось отказаться и от такой наивной попытки. В письме жене от 20 ноября 1923 г. он писал: “Не могу носить здесь мою хаки (походную форму. – И.К.), потому что люди слишком элегантны, но так или иначе ношу рубашки”. А описывая условия проживания (их с Хантом разместили в сельском госпитале), отмечал, что его все устраивает кроме одного: “Есть только одна маленькая умывальня, которая соединена с операционной. Первое, что я сделаю, когда вернусь в Ванкувер, так это приму чудесную большую ванну” (Rohner 1969: 282).

В довершение всего, порядок, заведенный в американских научных кругах той эпохи, требовал, чтобы индейским помощникам платили деньги. Это приводило к быстрому пополнению рынка труда с вытекающими отсюда последствиями, включая классовую эксплуатацию и пагубную зависимость от работодателя. Так, когда Хант прислал 16-страничное описание церемонии квакквакьявакв, имевшей место в 1894 г., Боас в ответ отправил ему чек на \$25 (*Cannizzo* 1983: 49). Несмотря на то что сумма кажется нам ничтожной, Хант остался доволен. (Еще и тремя десятилетиями позже на \$25 можно было устроить небольшой потlach или купить 50 сушеных палтусов либо 50 банок сельдяной икры.) Как раз такую сумму составлял в то время дневной доход сельского магазинчика. Чтобы заработать такие деньги, местным требовалось приложить гораздо большие усилия, ибо рыбоконсервная фабрика платила рыбакам-квакквакьявакв за одну выловленную нерку до 50 центов, а их женам – по 5 центов за фасовку 34 банок (ACLS: 60–61, 64–65)! Это объясняет, почему так держался за работу на Боаса отличавшийся взрывным и непокорным характером Хант. В Белла Белла он придет, “будучи весьма подавлен”, придет, даже несмотря на трагические семейные обстоятельства: только что умерла одна из его дочерей, у старшего сына обнаружили рак спинного мозга, а у старшей сестры случился инсульт – об этом писал в письме к жене Боас 17 ноября 1923 г. (*Rohner* 1969: 279).

Доверенным лицам из числа коренного населения выдавали суммы не только в качестве оплаты за информацию или выполнение какой-то работы для ученых, но и на проведение собственных полевых исследований (в том числе фиксацию текстов), а также на закупку коллекций (приобретались самые разные предметы – маски, тотемные столбы и проч.). Так, Джеймс Тейт организовал для Боаса месячную поездку в Белла Кула (1897), общую стоимость которой определил в \$185–200. Сумма включала издержки на остановки в пути, запаздывания по погодным условиям, а также работу какого-то своего индейского ассистента (\$30–35 в месяц) (*Freed* 2012: 240). Согласно другому документу, в течение одного только 1900 г. от все того же Ханта были приняты квитанции за пересылку чего-то на сумму \$119,95. В статье “Расходы” под его фамилией значилось \$544,55, что сопоставимо с суммой, освоенной Тейтом (\$600,11), и значительно больше той, которую полагалось возместить антропологу Дж. Суантону (\$121,91), посланному на Аляску в рамках того же полевого проекта (Джесуповская экспедиция). В этом же году Ханту было выплачено \$307,90, правда Суантону – \$739,93 (AMNH AA).

“Один из самых талантливых лингвистов”

Несовершенный характер полевой работы Боаса заставляет нас поднять вопрос о том, в каких случаях ошибки в восприятии непривычной фонетики в языках коренных американцев объясняются универсальными закономерностями (вывод, на который должен настроить прочтение статьи “О чередующихся звуках”), а в каких – неадекватностью исследовательской методики автора? Не являются ли все эти рассуждения об апперцепции рационализацией боасовской неуверенности в собственном профессионализме? Доверимся мнению экспертов. А они лингвистические достижения Боаса обычно оценивают очень высоко. Подчеркивают, что инициатор и вдохновитель “Руководства по языкам американских индейцев” единолично подготовил для проекта обстоятельные описания сразу трех языков: цимшиан (собственно цимшиан и ниска), квакиутль и чинук (*Boas* 1911: 283–422, 423–558, 559–678). По меньшей мере в первых двух случаях у исследователя не было ориентиров, и грамматики пришлось разрабатывать с нуля, исключительно на собранных им полевых материалах.

Молва о феноменальных способностях Боаса к сложнейшим языкам разойдет-ся кругами, и в СССР будут писать, что он изучил и знал в общей сложности 17 “индейских наречий” (*Аверкиева* 1946: 109).

К выводу о том, что Боас “был одним из самых талантливых лингвистов первой половины XX века”, приходит и наша современница, американский антрополог Дж. Берман. По ее мнению, Боас как ученый прогрессировал на протяжении всего творчества, в подтверждение этого она отмечает, что составленная исследователем грамматика кваквала, вышедшая уже после его смерти, как и существующий только в рукописи словарь кваквала, отражают куда более тонкое фонологическое и морфологическое понимание этого языка, чем любая другая прижизненная публикация ученого (*Berman* 2001: 186). Имидж Боаса как прекрасного знатока “квакиутль” долгое время подкрепляли и всякого рода анекдоты. Р. Ронер передает один из них: однажды в Форт-Руперте Боас, прогуливаясь по пляжу услышал, как мужчины, говорившие по-своему, обсмеяли его внешность – он подошел к ним и поздоровался на кваквала, тем самым сильно смутив их (*Rohner* 1966: 220).

Тем не менее по поводу истинной роли туземного языка как инструмента в эмпирических исследованиях Боаса дважды вспыхивала дискуссия. В первый раз это случилось еще в 1930-е годы, когда М. Мид, оказавшись на Самоа и Бали (вне вотчины американистов), ощутила разницу в подходах американских и британских социальных антропологов. На Американском континенте уже не оставалось уголков, где еще сохранялись бы аутентичные доколумбовы культуры. Совсем иное дело, например, Тробрианские о-ва. Поэтому и “папа Франц”, и его ученики, в отличие от Б. Малиновского, довольствовались спасением того, что уносило время, – языков, воплощенных в текстах, а для этого вполне достаточно было работы с англоязычными переводчиками. Еще “пятнадцать лет назад (т.е. до британского влияния), – делала вывод Мид, – не было причин, по которым этнолог должен был предпринимать какие-либо попытки научиться пользоваться туземным языком” (*Mead* 1939: 190–192).

Подобные открытия умаяли значение достижений Боаса, за которого, как и за стиль работы своего поколения (“этнографов на лошадях и бричках”), вступился Р. Лоуи. Он, как и Мид, считал, что в любом случае речь должна идти об “использовании” учеными индейских языков, а не о “говорении” на них. Тем не менее в американской традиции до 1922 г. (год выхода книги Б. Малиновского “Аргонавты западной части Тихого океана”), несомненно, имело место как “использование”, так и “говорение”: язык фокс был родным для У. Джоунса, Дж.О. Дорси знал омаха, Ф. Кушинг – зуны и т.д. Но, надо признать, что и при снижении тональности взаимных упреков сторонников большей “виртуозности” в обращении с языковым материалом и тех, кто предпочитал оставить все, как есть, “лингвистический подход” так и не стал общепринятым стандартом для представителей так наз. школы Боаса (*Lowie* 1940: 81–82). Справедливости ради напомним, что явное недопонимание ценности “лингвистического подхода”, как и безразличие в целом к проблеме сохранения вымирающих языков коренных народов, исходило от другой ключевой фигуры британской антропологии тех лет – А.Р. Рэдклиффа-Брауна (*Darnell* 2001: 21–22).

Во второй раз на слабые стороны в лингвистической работе основателя американской антропологии обратили внимание после того, как в 1960-е годы была опубликована переписка, которую Боас поддерживал с семьей и коллегами, находясь на Тихоокеанском Северо-Западе. Так, в одном его послании (от 03.11.1930) из Форт-Руперта, адресованном Рут Бенедикт, находим: “Я говорю [на квакиутль] с трудом и понимаю только после того, как напишу это; лишь отчасти слежу за разговором” (*Rohner* 1969: 290). И это при том, что ученый

уже 44 года работал с квакквававак! Бывшая с Боасом зимой 1930–1931 гг. Ю.П. Аверкиева косвенно подтверждала, что его языковая компетентность как американиста могла быть не такой уж высокой (Аверкиева 1946: 109): “[К]аждый этнолог должен знать язык изучаемого им племени. Правда, Боас считал это не всегда доступным идеалом и некоторым приближением к нему допускал знание хотя бы нескольких обиходных фраз”.

Ф. Друкер резюмировал: Боас разговаривал с информантами, как правило, все-таки по-английски, прибегая к помощи местных, таких как полукровка Хант, знавший кваквала. Если же переводчиков не оказывалось, то выручал торговый жаргон чинук – лингва франка в этой части побережья (Drucker 1970: 705–706). Эпицентром его распространения являлся, по-видимому, залив Пьюджет-саунд, откуда жаргон прошествовал в ногу с колониальным рынком на юг до самой Калифорнии, а также на север, будучи подхвачен тлинкитами-чилкат. Если в 1890-е годы мало кто из нухалк в северной части Британской Колумбии знал упомянутый чинукский пиджин, то к 1923 г. картина полностью поменялась и по меньшей мере в Белла Белла им владели уже многие. Боас оказался свидетелем этого процесса, и его письма содержат множество указаний на то, что и он применял в своей полевой работе “неполный язык”, в котором “значение предложения нужно угадывать” и “никто никогда не знает, что является субъектом, а что объектом” (Rohner 1969: 28).

“Такого феномена как... чередующиеся звуки нет”

Итак, пять страниц текста, казалось бы, на тему слишком узкую очутились на столе у редакторов журнала *American Anthropologist*, выпускаемого Американской антропологической ассоциацией (далее – ААА), были прочитаны ими и опубликованы буквально сразу же. В финальных строках молодой автор заключал, что “такого феномена, как синтетические или чередующиеся звуки нет, и что они появляются [в записях исследователей] ни в коем случае не как знак примитивности речи, в которой они, как говорят, обнаружены” (Boas 1889: 52). В терминах гумбольдтианства (ср.: “в членораздельном звуке проявляется себя мыслящая сущность, а в нечленораздельном – чувствующая”; Звегинцев 1964–1965. Ч. 1: 96) это означало, что мышление носителей инуктитут, цимшиан и тлинкитского языков такое же разумное, как и у датчан или немцев, а поведение такое же целерациональное. Сегодня радикализм вывода Боаса относительно чередования звуков надо признать наивным: явление, в том смысле, в котором его понимал антрополог, безусловно, знакомо лингвистике. Но благодаря исследовательской работе, последовательно проведенной Боасом и его учениками, вопрос о примитивной нечленораздельной речи американских аборигенов, будто бы не способной адекватно выразить мысль, больше не значится в повестке дня современной науки.

Боас почему-то не назвал тех коллег, на ком лежит вина за глубоко ошибочную (и расистскую) интерпретацию индейских языков. Дж. Стокинг и Д. Коул предполагали, что статья была направлена против разделявших указанные предрассудки М. Мюллера и Г. фон Габеленца, которые, собственно, и выдвинули теорию “синтетических” звуков (якобы пережитка первобытного состояния) с неустойчивой, расплывчатой артикуляцией. Следуя широко распространенному заблуждению П. Дюпонсо, в Европе лингвисты от В. Гумбольдта до Х. Штейнталя объявили *a priori* все индейские языки, в отличие от европейских, инкорпорирующими, полисинтетическими и “голофрастическими”. В этой же компании был профессор Пенсильванского университета Д. Бринтон, проводивший аналогию между речью коренного американца и человека каменного века, отказывая обоим в способности различать грамматиче-

ские категории (*Stocking* 1968: 158–159; *Cole* 1999: 130–131). В данном случае именно Д. Бринтон, более чем кто-либо другой, мог быть объектом критики. В тот момент Боас ни в чем не зависел от европейских профессоров, и ему незачем было замалчивать их имена. Другое дело Д. Бринтон. В 1888 г. он выступил с докладом “Язык палеолитического человека” перед Американским философским обществом – это событие вполне могло оказаться непосредственной причиной боасовского ответа.

Предыстория такова: дарвинист Э. Геккель выдвинул постулат, гласящий, что доисторические предки людей, должно быть, не разговаривали вовсе, будучи в полном смысле *Homo alalus* (“человек безмолвный”). И Д. Бринтон занялся его опровержением. Язык все-таки был – доказывал антрополог из Филадельфии, – но весьма неразвитый, состоящий из “чередующихся согласных” (*alternating consonants*) и “взаимозаменяемых гласных” (*permutable vowels*). В стремлении показать, каким образом такая речь могла выглядеть, Д. Бринтон опирался на разнообразие курьезы, подмеченные лично им или миссионерами в многочисленных индейских языках: кри, гуарани, чапанек, арауканском, наuatль, омауа, хидатса и т.д. Так, Анри Фаро, первый апостольский викарий Атабаски-Маккензи в Западной Канаде, уверял, что в диалектах <тиннэ> (северных атапасков) значением обладают “пять примитивных гласных”: *a* выражает вопрос, *e* – существование, *i* – силу или энергию, *o* – сомнение, *u* – отсутствие. Д. Бринтону этот пример нужен был для того, чтобы показать, что в индейских языках, как и в первобытных, якобы не установилась еще привычная связь “звук–смысл”:

[Во первых,] [в]о всех европейских языках сами по себе простые буквы алфавита не наделены смыслом и не сообщают идеи; [во-вторых,] их значение фиксируется в слове; и, в-третьих, будучи составлены в слово, они достаточны, чтобы выразить его звучание и смысл любому, кто знаком с их значениями.

Судя по определенным американским примерам, все эти три кажущиеся фундаментальными характеристики фонетических элементов отсутствовали в примитивной речи и обрели устойчивость только в длительном процессе развития (*Brinton* 1890: 393–394).

В другом эссе Д. Бринтон подчеркивал преемственность своих взглядов и догадок П. Дюпонсо и иже с ним и недоумевал, почему во “Введении в изучение индейских языков” Дж.У. Пауэлл не упомянул об этих “наиболее выдающихся доктринах”. «Это все равно, как если бы в пьесе “Гамлет” отсутствовала бы партия Гамлета» (*Ibid.*: 358)!

Мы уже писали об особых отношениях Ф. Боаса и Д. Бринтона, единственного из крупных антропологов, кто протянул руку молодому немецкому ученому, приехавшему за американской мечтой. Именно благодаря его записке Боас получил свою первую работу в эмиграции – в журнале *Science*. Позднее, уже после смерти “американиста № 1”, Боас ответит ему достойное место в своем “мифе-истории” антропологии, опять-таки единственному ученому из США, чем сильно обидит патристически настроенного Л. Уайта (*Кузнецов* 2018: 122–123, 218–219). Мог ли Боас при всем неприятии эволюционизма Д. Бринтона проявить к своему благодателю черную неблагодарность, публично опровергнув его идеи? Скорее всего, нет, и это объясняет, почему в тексте не названы какие-либо другие имена, кроме Х.И. Ринка, Г. Стэнли Холла и экспериментаторов из Бостона.

М. Силверстин предположил, что на самом деле мишенью для автора статьи послужил Дж.У. Пауэлл (*Silverstein* 2015: 102). Но это уж совсем маловероятно. Взгляды майора не были столь одиозны, по крайней мере, не выглядели таковыми на фоне “теоретиков” исключительной первобытности индейских языков. Но главное, что пауэлловский ближайший сторонник О.Т. Мэйсон, один из ос-

нователей ААА и редакторов нового журнала, приветствуя публикацию Боаса, в своем письме к нему 17 ноября 1888 г. написал: "...статья[я], которую мы только и хотели" (!) (Cole 1999: 130).

Коснемся и еще одного вопроса: до какой степени оригинальны положения, изложенные в боасовской работе? Дж. Стокинг и Д. Коул обратили внимание на большое сходство аргументации Боаса и Г. Хэйла, под непосредственным руководством которого начиная с мая 1888 г. исследователь работал в экспедиции ВААС. Как и наш герой, "Нестор американских этнологов" (*Chamberlain* 1897: 60) мягко протестовал против "ариоцентричного заблуждения" (*aryocentric fallacy*) и еще летом 1872 г. (у Дж. Стокинга ошибочно 1882 г.) провел собственный эксперимент: запись речи Джорджа Джонсона – вождя ирокезов-мохок. Выяснилось, что в большом числе случаев Г. Хэйлу слышалось *г* или *о* там, где его приятель профессор А. Мелвилл Белл фиксировал *l* или *u* соответственно. Присовокупив к данным, полученным в ходе эксперимента, данные из миссионерских источников, Г. Хэйл пришел к выводу, что явление "сомнительной или промежуточной артикуляции" возникает не из-за особенностей дикции говорящего, а благодаря "уху слушателя" (*Hale* 1885: 233–243).

Впрочем, Г. Хэйл опубликовал свой отчет не сразу. Наиболее вероятно, что Боас вообще его пропустил и что он ничего не слышал также и о самом эксперименте. Кроме того, нет никаких указаний на то, что они когда-либо обсуждали в переписке тему, в разное время интересовавшую обоих. Поскольку у Г. Хэйла в объяснении феномена нет отчетливого психологизма, Дж. Стокинг исключил и обратное, боасовское, воздействие. Но этот "аргумент" великого историка антропологии был лишним! Прежде всего, такое влияние было попросту невозможно из-за временной разницы – более десяти лет разделяли эксперименты Г. Хэйла и Ф. Боаса, а кроме того, в 1872 г. последнему было лишь 14 лет. Очевидно, доверившись Дж. Стокингу, Д. Коул со своей стороны пытался оправдать неосведомленность Боаса тем, что в это время тот находился на Баффиновой Земле, – но и это было лишним (*Stocking* 1992: 66, note 2; *Cole* 1999: 131, 308–309, note 35).

Часто к сходным идеям разные люди приходят независимо друг от друга, особенно если для этого уже подготовлена благодатная почва. Похоже, что так было и в ситуации с боасовской "звуковой слепотой". "Пунктирная" связь идей Г. Хэйла и Ф. Боаса позволила понять одну важную вещь: работа, выполненная на границе психологии, антропологии и лингвистики, останется по большей части незамеченной. Куда сильнее эффект ранней публикации Боаса скажется на развитии направления, которое впоследствии назовут "исторической школой", и на выработке антропологической концепции культуры в целом.

Тем не менее после выхода статьи молодой ученый-эмигрант получит-таки работу в Университете Кларка и переедет в Вустер. Парадоксальным образом недостаток профессиональной подготовки, подкрепленный самообразованием ("his very autodidacticism"), освободит его от предрассудков тогдашней лингвистики – статья "О чередующихся звуках" будет содержать зародыши большей части идей из вводного раздела монументального справочника по индейским языкам (*Stocking* 1974: 58–59). После 1896 г. изменятся в лучшую сторону его отношения и с БАЭ. Сильно сдавший к тому времени Дж. У. Пауэлл утратит свои доминирующие позиции, и фактически все будет решать симпатизировавший Боасу У. Дж. Мак-Ги. Именно к Мак-Ги весной 1901 г., работая уже на Американский музей естественной истории, Боас обратится с предложением создать "Руководство по языкам американских индейцев". Предложение будет поддержано, а Боас получит еще и место почетного филолога БАЭ (*Stocking* 1992: 67–68).

Источники и материалы

- AMNH AA – American Museum of Natural History, Anthropological Archives. Box 3. File 9.
- ACLS – American Council of Learned Societies. Committee on Native American Languages. Collection (APS): Julia Averkieva's Field Notes.
- APS – American Philosophical Society (Archive). Boas Papers.
- BAE – Bureau of American Ethnology (Archive). Boas Papers.

Научная литература

- Аверкиева Ю.П.* Франц Боас (1858–1942) // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1946. Т. 1. С. 101–111.
- Гумбольдт фон В.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
- Звегинцев В.А.* (сост.) История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1–2. М.: Просвещение, 1964–1965.
- Кузнецов И.В. “Счет зим”. Вымирание коренных американцев и “антропология спасения”: В 3 т. Т. 2. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018.
- Berman J.* “The Culture as It Appears to the Indian Himself”: Boas, George Hunt, and the Methods of Ethnography // *Volksgeist as Method and Ethic: Essay on Boasian Ethnography and the German Anthropological Tradition* / Ed. G. Stocking. Madison: University of Wisconsin Press, 1996. P. 215–256.
- Berman J.* Unpublished Materials of Franz Boas and George Hunt: A Record of 45 Years of Collaboration // *Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902* / Eds. I. Krupnik, W.W. Fitzhugh. Washington: National Museum of Natural History, 2001. P. 181–216.
- Boas F.* Die Sagen der Baffin-Land-Eskimos // *Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*. 1885a. Bd. 17. S. 161–166.
- Boas F.* Baffin-Land: Geographische Ergebnisse einer in den Jahren 1883 und 1884; ausgeführten Forschungsreise. Gotha: J. Perthes, 1885b.
- Boas F.* The Language of the Bilhoola in British Columbia // *Science*. 1886a. Vol. 7. P. 218.
- Boas F.* Sprache der Bella-Coola-Indianer // *Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*. 1886b. Bd. 18. S. 202–206.
- Boas F.* The Occurrence of Similar Inventions in Areas Widely Apart // *Science*. 1887a. Vol. 9. P. 485–486.
- Boas F.* Museums of Ethnology and Their Classification // *Science*. 1887b. Vol. 9. P. 612–614.
- Boas F.* On Alternating Sounds // *American Anthropologist*. 1889. Vol. 2. P. 47–53.
- Boas F.* (ed.) *Handbook of American Indian Languages*. Pt. I. Washington: Government Printing Office, 1911.
- Boas F.* Publicaciones nuevas sobre la lingüística Americana // *Reseña de la Segunda session del XVII Congreso Internacional de Americanistas, La Ciudad de México 1910*. Mexico City, 1912. P. 225–232.
- Boas Yampolsky H.* Excerpts from the Letter Diary of Franz Boas on His First Field Trip to the Northwest Coast // *International Journal of American Linguistics*. 1958. Vol. 24. No. 4. P. 312–320.
- Brinton D.* *Essays of an Americanist*. Philadelphia: Porter and Coates, 1890.
- Bunzl M.* Franz Boas and the Humboldtian Tradition: From Volksgeist and Nationalcharakter to an Anthropological Concept of Culture // *Volksgeist as Method and Ethic: Essays on Boasian Ethnography and the German Anthropological Tradition* / Ed. G.W. Stocking, Jr. Madison: University of Wisconsin Press, 1996. P. 17–78.
- Cannizzo J.* George Hunt and the Invention of Kwakiutl Culture // *Canadian Review of Sociology and Anthropology*. 1983. Vol. 20. No. 1. P. 44–58.

- Chamberlain A.* In Memoriam: Horatio Hale // *Journal of American Folklore*. 1897. Vol. 10. No. 36. P. 60–66.
- Cole D.* Franz Boas and the Bella Coola in Berlin // *Northwest Anthropological Research Notes*. 1982. Vol. 16. No. 2. P. 115–124.
- Cole D.* Franz Boas: The Early Years, 1858–1906. Seattle: University of Washington Press, 1999.
- Darnell R.* Invisible Genealogies: A History of Americanist Anthropology. Lincoln: University of Nebraska Press, 2001.
- Drucker P.* Boas in the Field. A Review of: The Ethnography of Franz Boas: Letters and Diaries of Franz Boas Written on the Northwest Coast from 1886 to 1931 / Ed. R. Rohner. Chicago, 1969 // *Science*. 1970. Vol. 168. No. 3932. P. 704–706.
- Freed S.* Anthropology Unmasked: Museums, Science, and Politics in New York City. Vol. 1, The Putnam-Boas Era. Wilmington: Orange Frazer Press, 2012.
- Hale H.* On Some Doubtful or Intermediate Articulations: An Experiment in Phonetics // *Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1885. Vol. 14. No. 3. P. 233–243.
- Harkin M.* (Dis)Pleasures of the Text: Boasian Ethnology on the Central Northwest Coast // *Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902* / Eds. I. Krupnik, W.W. Fitzhugh. Washington: National Museum of Natural History, 2001. P. 93–106.
- Hoijer H.* The Sapir-Whorf Hypothesis // *Language and Culture* / Ed. H. Hoijer. Chicago: University of Chicago Press, 1954. P. 92–105.
- Kluckhohn C., Prufer O.* Influences during the Formative Years // *The Anthropology of Franz Boas: Essays on the Centennial of His Birth* / Ed. W. Goldschmidt. Menasha: American Anthropological Association, 1959. P. 4–28.
- Lowie R.* Native Languages as Ethnographic Tools // *American Anthropologist, New Series*. 1940. Vol. 42. No. 1. P. 81–89.
- Lowie R.* Franz Boas, *Anthropologist* // *Scientific Monthly*. 1943. Vol. 56. No. 2. P. 182–184.
- Mackert M.* The Roots of Franz Boas' View of Linguistic Categories as a Window to the Human Mind // *Historiographia Linguistica*. 1993. Vol. 20. No. 2–3. P. 331–351.
- Mackert M.* Franz Boas' Theory of Phonetics // *Historiographia Linguistica*. 1994. Vol. 21. No. 3. P. 351–384.
- Mead M.* Native Languages as Field-Work Tools // *American Anthropologist, New Series*. 1939. Vol. 41. No. 2. P. 189–205.
- Müller-Wille L., ed.* Franz Boas among the Inuit of Baffin Island, 1883–1884: Journals and Letters. Toronto: University of Toronto Press, 1998.
- Rohner R.* Franz Boas: Ethnographer on the Northwest Coast // *Pioneers of American Anthropology* / Ed. J. Helm. Seattle: University of Washington Press, 1966. P. 151–222.
- Rohner R.* (ed.) *The Ethnography of Franz Boas: Letters and Diaries of Franz Boas Written on the Northwest Coast From 1886 to 1931*. Chicago: The University of Chicago Press, 1969.
- Silverstein M.* From Baffin Island to Boasian Induction: How Anthropology and Linguistics Got into Their Interlinear Groove // *The Franz Boas Papers*. Vol. 1, Franz Boas as Public Intellectual: Theory, Ethnography, Activism / Ed. R. Darnell. Lincoln: University of Nebraska Press, 2015. P. 83–127.
- Stocking G.* Race, Culture, and Evolution: Essays in the History of Anthropology. N.Y.: Free Press, 1968.
- Stocking G., ed.* *The Shaping of American Anthropology, 1883–1911*. N.Y.: Basic Books, 1974.
- Stocking G.* *The Ethnographer's Magic and Other Essays in the History of Anthropology*. Madison: University of Wisconsin Press, 1992.

Wiltse S.E. Introduction: II. – Experimental // *American Journal of Psychology*. 1888. Vol. 1. No. 4. P. 702–705.

Zumwalt R. *Franz Boas: The Emergence of the Anthropologist*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2019.

Research Article

Kuznetsov, I.V. At the Origins of Linguistic Anthropology: Franz Boas [U istokov lingvisticheskoi antropologii: Frants Boas]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 144–161. <https://doi.org/10.31857/S086954152204008X> EDN: HXVNCB ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Igor Kuznetsov | <https://orcid.org/0000-0002-6947-244X> | igorkuznet@gmail.com | Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, 125009, Moscow, Russia)

Keywords

Boas, linguistic anthropology, fieldwork, Amerindian languages, apperception, linguistic relativity

Abstract

From the point of view of the history of anthropology, Boas's work "On Alternating Sounds" (1889) likes a milestone. It was written during the years of an active search for a stable academic position by its author and on a particular problem – experimental studies of the effect of so-called "sound blindness". At the same time, it absorbed both the current achievements of Boas in physics, psychology, and ethnology, as well as his laboratory work at the University of Kiel, and the first results of his fieldwork research among the Eskimos and Indians of the Pacific Northwest. It is characteristic that it already contained a message against the then widespread prejudice about the evolutionary underdevelopment of the languages of a non-European human and that the author refuted these prejudices by criticizing the method, thereby anticipating his and his followers' forthcoming struggle against racism in physical anthropology and even modern relativistic understanding of culture. In the future, the results of observations of the perception of language will be transferred by Boas to a wide field of culture, and the process of acculturation is likened to the action of apperception – the instilling of cultural norms and values to each member of society.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants: Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 20-18-00159]

References

- Averkiewa, Y.P. 1946. Franz Boas (1858–1942). *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii AN SSSR* 1: 101–111.
- Berman, J. 1996. "The Culture as It Appears to the Indian Himself": Boas, George Hunt, and the Methods of Ethnography. In *Volksgeist as Method and Ethic: Essay on Boasian Ethnography and the German Anthropological Tradition*, edited by G. Stocking, 215–256. Madison: The University of Wisconsin Press.
- Berman, J. 2001. Unpublished Materials of Franz Boas and George Hunt: A Record of 45 Years of Collaboration. In *Gateways. Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902*, edited by I. Krupnik and W.W. Fitzhugh, 181–216. Washington: National Museum of Natural History.

- Boas, F. 1885. Die Sagen der Baffin-Land-Eskimos [The Tales of the Baffin Land Eskimos]. *Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte* 17: 161–166.
- Boas, F. 1885. *Baffin-Land: Geographische Ergebnisse einer in den Jahren 1883 und 1884; ausgeführten Forschungsreise* [Baffin Land: Geographical Findings in 1883 and 1884; Conducted Research Trip]. Gotha: J. Perthes.
- Boas, F. 1886. The Language of the Bilhoola in British Columbia. *Science* 7: 218.
- Boas, F. 1886. Sprache der Bella-Coola-Indianer [Language of the Bella Coola Indians]. *Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte* 18: 202–206.
- Boas, F. 1887. The Occurrence of Similar Inventions in Areas Widely Apart. *Science* 9: 485–486.
- Boas, F. 1887. Museums of Ethnology and Their Classification. *Science* 9: 612–614.
- Boas, F. 1889. On Alternating Sounds. *American Anthropologist* 2: 47–53.
- Boas, F., ed. 1911. *Handbook of American Indian Languages*, I. Washington: Government Printing Office.
- Boas, F. 1912. Publicaciones nuevas sobre la lingüística Americana [New Publications on American Linguistics]. In *Reseña de la Segunda session del XVII Congreso Internacional de Americanistas, La Ciudad de México 1910* [Review of the Second Session of the XVII International Congress of Americanists, Mexico City 1910], 225–232. Mexico City.
- Boas Yampolsky, H. 1958. Excerpts from the Letter Diary of Franz Boas on His First Field Trip to the Northwest Coast. *International Journal of American Linguistics* 24 (4): 312–320.
- Brinton, D. 1890. *Essays of an Americanist*. Philadelphia: Porter and Coates.
- Bunzl, M. 1996. Franz Boas and the Humboldtian Tradition: From *Volksgeist* and *Nationalcharakter* to an Anthropological Concept of Culture. In *Volksgeist as Method and Ethic: Essays on Boasian Ethnography and the German Anthropological Tradition*, edited by G. Stocking, 17–78. Madison: University of Wisconsin Press.
- Cannizzo, J. 1983. George Hunt and the Invention of Kwakiutl Culture. *Canadian Review of Sociology and Anthropology* 20 (1): 44–58.
- Chamberlain, A. 1897. In Memoriam: Horatio Hale. *Journal of American Folklore* 10 (36): 60–66.
- Cole, D. 1982. Franz Boas and the Bella Coola in Berlin. *Northwest Anthropological Research Notes* 16 (2): 115–124.
- Cole, D. 1999. *Franz Boas: The Early Years, 1858–1906*. Seattle: University of Washington Press.
- Darnell, R. 2001. *Invisible Genealogies: A History of Americanist Anthropology*. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Drucker, P. 1970. Boas in the Field: A Review of *The Ethnography of Franz Boas: Letters and Diaries of Franz Boas Written on the Northwest Coast from 1886 to 1931*, edited by R. Rohner. *Science* 168 (3932): 704–706.
- Freed, S. 2012. *Anthropology Unmasked: Museums, Science, and Politics in New York City*. Vol. 1, *The Putnam-Boas Era*. Wilmington: Orange Frazer Press.
- Hale, H. 1885. On Some Doubtful or Intermediate Articulations: An Experiment in Phonetics. *Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland* 14 (3): 233–243.
- Harkin, M. 2001. (Dis)Pleasures of the Text: Boasian Ethnology on the Central Northwest Coast. In *Gateways. Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902*, edited by I. Krupnik and W.W. Fitzhugh, 93–106. Washington: National Museum of Natural History.

- Hoijer, H. 1954. The Sapir-Whorf Hypothesis. In *Language and Culture*, edited by H. Hoijer, 92–105. Chicago: University of Chicago Press.
- Humboldt von, V. 1985. *Yazyk i filosofiiia kul'tury* [Language and Philosophy of Culture]. Moscow: Progress.
- Kluckhohn, C., and O. Pruffer. 1959. Influences during the Formative Years. In *The Anthropology of Franz Boas: Essays on the Centennial of His Birth*, edited by W. Goldschmidt, 4–28. Menasha: American Anthropological Association, 1959.
- Kuznetsov, I.V. 2018. “Schet zim”. *Vymiranie korennykh amerikantsev i “antropologiiia spaseniiia”* [“Winter Count”: Vanishing Native Americans and “Salvage Anthropology”]. 3 vols. Vol. 2. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet.
- Lowie, R. 1940. Native Languages as Ethnographic Tools. *American Anthropologist, New Series* 42 (1): 81–89.
- Lowie, R. 1943. Franz Boas, Anthropologist. *Scientific Monthly* 56 (2): 182–184.
- Mackert, M. 1993. The Roots of Franz Boas’ View of Linguistic Categories as a Window to the Human Mind. *Historiographia Linguistica* 20 (2–3): 331–351.
- Mackert, M. 1994. Franz Boas’ Theory of Phonetics. *Historiographia Linguistica* 21 (3): 351–384.
- Mead, M. 1939. Native Languages as Field-Work Tools. *American Anthropologist, New Series* 41 (2): 189–205.
- Müller-Wille, L., ed. 1998. *Franz Boas among the Inuit of Baffin Island, 1883–1884: Journals and Letters*. Toronto: University of Toronto Press.
- Rohner, R. 1966. Franz Boas: Ethnographer on the Northwest Coast. In *Pioneers of American Anthropology*, edited by J. Helm, 151–222. Seattle: University of Washington Press.
- Rohner, R., ed. 1969. *The Ethnography of Franz Boas: Letters and Diaries of Franz Boas Written on the Northwest Coast from 1886 to 1931*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Silverstein, M. 2015. From Baffin Island to Boasian Induction: How Anthropology and Linguistics Got into Their Interlinear Groove. In *The Franz Boas Papers. Vol. 1, Franz Boas as Public Intellectual: Theory, Ethnography, Activism*, edited by R. Darnell, 83–127. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Stocking, G. 1968. *Race, Culture, and Evolution: Essays in the History of Anthropology*. New York: Free Press.
- Stocking, G., ed. 1974. *The Shaping of American Anthropology, 1883–1911*. New York: Basic Books.
- Stocking, G. 1992. *The Ethnographer’s Magic and Other Essays in the History of Anthropology*. Madison: University of Wisconsin Press.
- Wiltse, S.E. 1888. Introduction: II. – Experimental. *American Journal of Psychology* 1 (4): 702–705.
- Zumwalt, R. 2019. *Franz Boas: The Emergence of the Anthropologist*. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Zvegintsev, V.A., ed. 1964–1965. *Istoriia yazykoznaniiia XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniiakh* [The History of Linguistics the 19–20th Centuries in Essays and Extracts]. Pt. 1–2. Moscow: Prosveshchenie.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О ЧЕРЕДУЮЩИХСЯ ЗВУКАХ

Ф. Боас

(пер. с англ. И.В. Кузнецова)

Недавно мое внимание привлек интересный феномен, который каким-то ошибочным образом обозначили “звуковой слепотой”. Выяснилось, что значительное число индивидов не замечали различия в тональности и тембре звуков, которые легко распознаются на слух большинством. Схожесть этого феномена с цветовой слепотой привела к принятию названия “звуковая слепота”. Конечно же, точной аналогией цветовой слепоты мог быть случай неспособности различать тональность звуков, но такого, насколько автор отдает себе отчет, никогда не наблюдалось. Характерная черта звуковой слепоты – невозможность воспринять существенные особенности определенных звуков.

Исследование этого предмета проводилось исключительно в отношении фонологии языков, изыскания строились на способности индивидов распознавать определенные согласные и гласные. Хорошо известно, что впервые услышав слово, происхождение которого нам неизвестно, мы можем его не понять. Этот факт может обуславливаться двумя причинами: слово оказывается таким длинным, что за одно прослушивание мы не способны распознать его фонетические составляющие и их последовательность или же нам не удается воспринять особый характер каждого фонетического элемента.

Здесь предполагается рассмотрение только второго случая. Эксперименты по этому предмету (“звуковая слепота”) в основном осуществлялись на детях, поскольку сравнительно легко найти непонятные им слова. Такие слова диктуются, дети пробуют отобразить их на письме, затем неправильно записанные слова изучаются. Недавно мисс Сара Э. Вильц, работающая у проф. Г. Стэнли Холла, выполнила очень интересное исследование этого феномена, полученные результаты были опубликованы в *American Journal of Psychology* (1888. Vol. 1. P. 702). Она достаточно быстро обнаружила, что длинные слова, такие как *ultramarine*, *altruistic*, *frustrate*, *ultimatum* и др., дали неудовлетворительные результаты, так как детям не удавалось распознать последовательность составляющих их звуков. Очень интересные результаты были получены при экспериментировании с серией односложных слов, предложенной д-ром Клэрэнсом Дж. Блэйком. К примеру, в слове *fan* звук *f* был понят один раз как *kl*, один раз

Оригинал публикации: Boas F. On Alternating Sounds // *American Anthropologist*. 1889. Vol. II. P. 47–53. <https://doi.org/10.1525/aa.1889.2.1.02a00040> (статья публикуется на условиях воспроизведения материалов Американской антропологической ассоциации, впервые опубликованных до 1923 г. и перешедших в статус общественного достояния)

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Боас Ф. О чередующихся звуках // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 162–166.

Boas, F. (1889) 2022. O chereduiushchikhsvia zvukakh [On Alternating Sounds]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 162–166.

как *s*, три раза как глухой *th* и пять раз как звонкий *th*; a fan (“veep”. – *И.К.*) заменили на следующие слова: [c]lams (1 раз), gam (1), fang (1), fell (2), fair (4), thank (3), than (5 раз). Как видим, вместо диктуемых слов подставлялись не бессмысленные сочетания звуков – такие случаи, как показывает взгляд на список мисс Вильц, очень редки.

Результаты этих экспериментов весьма удовлетворительны, несмотря на нефонетический характер английской орфографии. Они показывают, что звуки воспринимаются слушателем не в [том] качестве, в каком их произносил говорящий.

Позвольте нам перепроверить, как происходит это непонимание звуков. Мы учимся произносить звуки нашего языка через долгое употребление и достигаем невероятных способностей в приведении наших органов, производящих звуки, в положение, при котором эти звуки производятся. Мы также учимся через постоянную и продолжительную практику произносить определенные сочетания звуков. Характер таких звуков зависит исключительно от положения органов, их производящих, и силы, с которой воздух выпускается изо рта или носа. Но хоть мы и учимся, практикуясь в создании определенных положений для наших органов, нетрудно понять, что эти положения не будут одними и теми же каждый раз, когда мы пытаемся произвести определенный звук, – они слегка меняются. Предшествующие и последующие звуки и многие другие обстоятельства будут оказывать определенное влияние на звук, который мы намеряемся произвести.

Колетание воздуха, соответствующее этому звуку, приводит в движение мембрану барабанной перепонки слушателя, воспринимающего звук. Но как он распознает его? Только с помощью похожих звуков, которые он слышал ранее. Мы видели, что колебания, приводящие к перцепции, слегка варьируют вокруг определенной средней величины; кроме того, мы должны заключить, что понятие звука до сих пор еще не устоялось.

Возможно необходимо объяснить это более полно. Если у нас имеются два похожих ощущения, отделенных значительным интервалом, вероятность того, что мы сочтем их идентичными, хотя они фактически различны, будет больше, чем в случае с двумя подобными ощущениями, разделенными меньшим интервалом, которыми [уделено] меньше внимания. К примеру, если мне показали голубовато-белое первым и желтовато-белое немного позже, есть вероятность, что, я заявлю, что это один и тот же цвет. [Или,] прибегая к техническим терминам, различие между двумя раздражителями будет настолько малым, что оно не превзойдет порог различаемости. Этот феномен необходимо четко отличать от порога различаемости двух ощущений, которые сопряжены друг с другом в пространстве или времени. В последнем случае неспособность воспринять различие определяется в большей степени физиологическими причинами; она связана с отсутствием (опыта) восприятия (подобного) феномена или процесса. Если, к примеру, два пространства, качественно различающиеся, сопряжены друг с другом, мы можем оказаться неспособными заметить разделяющую их линию; если интенсивность света внезапно возросла, нам может не удастся обнаружить это изменение. В первом случае, однако, когда оба ощущения разделены интервалом, неспособность различить их в основном обязана психическим причинам.

Неумение различать ощущения, пусть даже сопряженные друг с другом в пространстве или во времени, доказывает, однако, что то, что мы называем одним и тем же ощущением, связано с воздействием определенной серии слегка различающихся раздражителей. Эксперименты показывают, что разброс в этой серии был тем больше, чем меньше уделялось внимания различению ощущений.

Прежде, по случаю, автор осуществил серию экспериментов, чтобы установить влияние интервала между двумя ощущениями на разброс в серии раз-

дражителей, вызывавших одно и то же ощущение, или (как в общем-то выяснилось) на порог различаемости – обнаружилось, что внутри определенных границ амплитуда стремительно увеличивалась. Иными словами, чем больше интервал, тем вероятнее, что первый раздражитель [будет] влиять на восприятие следующего, похожего [на него], или, другими словами, тем больше вероятность, что второй раздражитель, значительно отличающийся от первого, [будет] воспринят ошибочно.

Та же серия экспериментов показала неожиданно большое влияние практики. Демонстрировались пары параллельных горизонтальных линий – верхняя длиной 35 мм, нижняя 34–39 мм, – [и] предлагалось высказать суждение о том, какая из линий длиннее. Очень скоро стало очевидным, что сочетание 35 и 37 мм стало своего рода стандартом, с коим сравнивались все остальные. Была осуществлена следующая серия похожих экспериментов с парами линий длиной около 25 мм, и затем я стал проверять эти подсчеты, сравнивая с абсолютной длиной линий, меняющихся от 15 до 40 мм, выраженной в целых миллиметрах. Затем я заметил, что о линиях длиной приблизительно 25 и 35 мм в общем судили верно (т.е., что они равны 25 и 35 мм), в то время как в случае с другими линиями предпочтение не отдавалось определенным числам. Отклонения были в сторону двух величин, с которыми я экспериментировал прежде.

Кажется, что это расходится с установленным фактом, что порог различаемости с практикой уменьшается. Однако это только кажущееся расхождение. Мы должны помнить, что наше суждение – суть классификация восприятий по группам, различающимся друг от друга на 1 мм. Наибольшая частота суждений приходится на “25 мм” и “35 мм”, и связано это с тем, что я распознавал эти две линии чаще, чем другие, и с тем, что большая похожесть линии длиной 24 мм на линию длиной 25 мм побуждает меня классифицировать ее под этим обозначением (“25 мм”), которое мне лучше знакомо через практику. Если же различие между двумя линиями в действительности превышает порог различаемости, результат, конечно, может быть каким-то другим. Этот феномен можно объяснить с позиций психологии: новое ощущение осознается посредством похожих ощущений, которые формируют часть нашего знания.

Поскольку это наиболее важная часть наших рассуждений, мы проиллюстрируем ее несколькими примерами. Хорошо известно, что во многих языках отсутствует термин для обозначения зеленого цвета. Если мы покажем индивиду, говорящему на таком языке, серию зеленых гарусов, часть их он назовет желтыми, другую часть синими, [а] границы обеих частей будут вызывать сомнения – сегодня он станет классифицировать их как желтые, завтра как синие. Он распознает зеленый посредством желтого или синего. Тем же способом мы распознаем запахи и классифицируем новые запахи через те, на которые они похожи.

Понятно, что я не утверждаю, что такие ощущения не распознаваемы в [силу] их индивидуальности, я говорю лишь, что они классифицируются согласно их схожести, в соответствии с [уже] известными ощущениями. Трудность/неспособность различить два ощущения, однако, как я указывал выше, происходит лишь [из-за] большой или полной их похожести, зависящей от похожести физических раздражителей и степени внимания. В примере, который обсуждался выше (в оригинале – на с. 3), мы нашли третий фактор – величина интервала между двумя ощущениями. В настоящем случае это отчетливый результат перцепции. Чем яснее результат перцепции одного ощущения, тем менее вероятно, что другое ощущение будет ошибочным, [а] чем менее он ясен, тем более вероятно, что такая ошибка возможна.

Применим эту теорию к феномену ошибок при слушании. Говорящий произносит слово *fan*. [Звук] *f* приближен к среднему *f*. Слушатель воспринимает ком-

плекс звуков. У него может быть две причины для ошибок при слушании слова. Во-первых, фонетические элементы, которые он слышит, похожи на другие фонетические элементы. Случайные обстоятельства могут сделать ощущение чем-то отличным от среднего, смещенным в сторону другого фонетического элемента, и может так случиться, что вместо того, чтобы [оказаться] классифицированным под собственным обозначением, оно [окажется] классифицированным [под] смежным. Классификация осуществляется в соответствии со звуками, о которых известно, что они существуют в нашем языке. Так мы находим, что *f* из *fan* часто классифицируют как что-то похожее на *th*. Во-вторых, слушатель не знает значения произнесенного комплекса звуков, поскольку отсутствует контекст, но знает, что звуки предназначены для того, чтобы представлять определенное слово. Следовательно, когда он слышит комплекс звуков, то он сразу же им классифицируется, как одно из похожих слов, а это невольное сравнение [уже] само может влиять на восприятие составляющих [слово] звуков.

Материал более богатый, чем тот, что был получен в школах, можно почерпнуть из полевых записей филологов, которые записывали впервые услышанный язык, о структуре которого они ничего не знали. В этом случае люди, тщательно обученные науке фонологии, записывая [для] себя, пытаются передать сочетания звуков без какого-либо значения. Нельзя отказываться от изучения их ошибок в написании, которые поучительны. Первый феномен, поразивший нас, заключается в том, что можно легко распознать национальную принадлежность даже хорошо обученных наблюдателей. Очень четко продемонстрировал это Х. Ринк в отношении эскимосского словаря, он привел такое обилие доказательств, что я вполне могу воздержаться от примеров. Обнаружено, что словари собирателей, даже если собиратели применяли диакритические знаки или особые алфавиты, содержат свидетельства фонетики их собственных языков. Это можно объяснить лишь [тем] фактом, что каждый осознает неизвестные звуки через звуки своего собственного языка.

Еще поучительнее ошибки в написании у одного и того же собирателя, когда он несколько раз пробует записать одно и то же слово. Приведу здесь несколько примеров, почерпнутых из моих собственных собраний эскимосских текстов и слов и из языков Британской Колумбии. Слова записаны алфавитом Бюро этнологии:

	Эскимосский	
Operríving	Upernívik	Uperdnívik
Kikertákdjua	Kekertákdjuak	Kekertáktuak
Nertsédluk	Neqtsédluk	
Kaímút	Kaívun	
Saúmia	Caúmia	

В первом из этих примеров отмечаются взаимные замены *o* и *u*, *n* и *dn*, *k* и *ng*; во втором – пропуск конечного *k*; в третьем – взаимные замены *r* и *q*; в четвертом – *m* и *v*; в последнем – *s* и *c*. После того как я изучил язык более тщательно, я заметил, что *n* часто произносится “в нос”. При записывании это дает повод для чередования *n* и *dn*. [Звук] *v* не губно-зубной, а сильный звонкий губной, очень похожий и на *v*, и на *m*, поочередно был воспринят как эти звуки. В конце концов я обнаружил, что [и] между *s* и *c* есть звук, который, однако, не зная, я в первый раз воспринимал через эти звуки. В 1886 году, собирая кое-какой материал по цимшиан, я записал [слово] *pác* – “страх”. Позднее то же слово я записал [как] *bas*. Пршлым летом, изучая этот язык более углубленно, я заметил, что классифицировал

звонко-глухой вначале как *b*, позже как *p*. Звук *a* я счел за средний между *a* и *ä*; *c* – похожим на соответствующий эскимосский звук между *s* и *c*.

Думаю, что из этого свидетельства ясно, что все такие ошибки в написании связаны с неправильным восприятием, которое [в свою очередь] обязано фонетической системе родного языка. По этой причине я утверждаю, что такого феномена, как синтетические или чередующиеся звуки, нет и что они появляются [в записях исследователей] ни в коем случае не как знак примитивности речи, в которой они, как говорят, обнаружены; в действительности чередующиеся звуки суть чередующиеся восприятия одного и того же звука. Тщательное изучение всех предполагаемых чередующихся или комплексных звуков покажет, что их сущность может быть объяснена чередующимися восприятиями. Отнюдь не обязательно, чтобы звуки всегда воспринимались средствами родного языка кого-либо, по крайней мере не тогда, когда речь идет не об обученных наблюдателях. В таких случаях первые исследования языка могут сформировать сильное предубеждение против последующих исследований, или изучение одного языка может обусловить предубеждение против изучения фонологии языка, чем необходимо будет заняться позже. Каждое из этих предубеждений склонно побуждать собирателя классифицировать не встречающийся в фонетической системе, которую он держит в уме, промежуточный звук, как те различные, чередующиеся звуки, на которые он похож.

Эта теория может быть легко проверена; если она справедлива, то должна часто встречаться ситуация, когда разные звуки, на которые похож один известный звук, рассматриваются как один и тот же звук, хотя в действительности они различаются. Я наблюдал это в языках хайда и квакиутль, также как и в эскимосском. В первом встречается очень слабый хиатус, который только с величайшими трудностями был открыт, когда я около 20 раз прослушал слова для “мы” и “вы”, не будучи в состоянии найти различие: в одном [случае] – *d'aléngua*, в другом – *daléngua*. В квакиутль я часто находил сочетание *gu*, но, в конце концов, открыл, что в действительности там два отдельных звука, которые и передаю как *ky'* и *gy'*. В эскимосском я обнаружил *gdl* датских авторов, с трудом отличаемое от обычного *l*.

Еще одной решающей проверкой может стать попытка определить, слышат ли индивиды, говорящие на одном из языков с “чередующимися звуками”, звуки нашего языка как чередующиеся. Такой пример уже есть. Прошлым летом я попросил тлинкита произнести английское *l*. [И] обнаружил, что он произносил, чередуя, взрывной *l* северо-западного побережья и *y*. Тем же способом он произносил немецкий гуттуральный *r*, чередуя его с *r*, *w* и *g*, и здесь я могу добавить, что шотландец, которого я попросил произнести немецкое слово *süd*, произнес его, чередуя *yüd* и *sī'üd*. Полагаю, что эта проверка – окончательная; и мне представляется, что феномены “звуковой слепоты” и “чередующихся звуков” могут объясняться тем, что они порождены “чередующимся восприятием”.

Supplement / Reprinted Matter

Boas, F. On Alternating Sounds [O chereduiushchikhsia zvukakh]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 162–166. ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

This article originally appeared as: Boas, F. On Alternating Sounds // *American Anthropologist*. 1889. Vol. II. P. 47–53. <https://doi.org/10.1525/aa.1889.2.1.02a00040> (the material is published in accordance with the licensing terms for reusing the public domain content of the American Anthropological Association that originally appeared before 1923)

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

КОНСТРУИРОВАНИЕ ТАТАРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ВОСПРОИЗВОДСТВО ЭТНИЧНОСТИ У АСТРАХАНСКИХ ТУРКМЕН

О.И. Брусина

Ольга Ильинична Брусина | <http://orcid.org/0000-0003-0134-975X> | brusina@inbox.ru | к. и. н., старший научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

туркмены, Астраханская область, конструирование, этническая идентичность, татаризация

Аннотация

На примере астраханских туркмен рассмотрена проблема эффективности конструирования государством этнической идентичности малой группы. Каковы были результаты “татаризации” туркмен, как менялись их самоидентификация и этнические границы? Еще в XVIII–XIX вв. считалось, что туркмены едва ли не растворились среди татар и ногайцев, восприняли их язык и элементы культуры. В 1930-х годах туркмены принудительно записывались татарами, на татарском языке как родном шло обучение в школах. Вопреки государственному конструированию астраханские туркмены в основном сохранили свою идентичность; они развивались как общность благодаря относительной автономности и связям с соседней Туркменией. В постсоветский период астраханские туркмены оказались в выгодном положении приграничной группы, что помогло развернуть вектор конструирования в обратную сторону и направить усилия России и Туркменистана на поддержку этнической самобытности этой группы.

В современной научной литературе доминирует подход, согласно которому нации возникли как социальный конструкт или политический проект в Новое время (конец XVIII – начало XIX в.) в связи с дроблением империй, индустриализацией и демократизацией, становлением средств массовой информации, образованием колоний, благодаря осознанной деятельности политической элиты, интеллигенции и общественных лидеров (см., напр.: *Андерсон* 2016; *Геллнер* 1991; *Хобсбаум* 1998; *Тишков* 2003; *Брубейкер* 2012). Многие авторы разводят понятия “нация” и “этничность”, поскольку “национализм относится к области политической теории, а принцип этнической принадлежности – к социологии и социальной антропологии” (*Хобсбаум* 2002: 335). Одни исследователи

Статья поступила 16.08.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 09.12.2021
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Брусина О.И. Конструирование татарской идентичности и воспроизводство этничности у астраханских туркмен // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 4. С. 167–191. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040091> EDN: HXVNOС

Brusina, O.I. 2022. Konstruirovanie tatarskoi identichnosti i vosproizvodstvo etnichnosti u astrakhanskikh turkmen [The Construction of the Tatar Identity and Ethnic Survival of the Astrakhan Turkmen]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 167–191. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040091> EDN: HXVNOС

употребляют словосочетания “этническая группа”, “национальные меньшинства” и аналогичные им как термины с очевидным смыслом (напр.: *Андерсон* 2002: 251; *Геллнер* 2002: 169; *Хобсбаум* 2002: 335), подразумевая размытость и изменчивость границ таких общностей (см.: *Барт* 2006), а другие не делают принципиальных различий между “этничностью” и “нациями” (*Тишков* 2003: 170–171, 499; *Брубейкер* 2012). Ряд ученых придерживается иного мнения, полагая, что современные нации сформировались на основе менявшихся, но существовавших веками этнических общностей (*Смит* 2002: 259), в том числе “недоминантных”, которые увидели шансы превратиться в полноценную нацию (*Хрох* 2002: 124).

В качестве реализованного конструирования этнической идентичности приводится пример нациестроительства в СССР (*Тишков* 2003: 195; *Брубейкер* 2012: 109–112; *Хобсбаум* 1998: 264). Этот исторический процесс подробно проанализирован в книге Т. Мартина (*Мартин* 2011). Р. Брубейкер, признавая “важность советской институциональной многонациональной системы” как инструмента построения национальных идентичностей, ставит вопрос о “риске принятия системы идентификации или категоризации за ее предполагаемый результат, идентичность” (*Брубейкер* 2012: 109–112). “Групповость” рассматривается им “как возникающие свойства конкретной структурной или конъюнктурной ситуации” (Там же: 113).

Обратим внимание на другой аспект последствий советского нациестроительства как “кодификации этнических и национальных категорий” (Там же: 111). В результате принудительной классификации ответы на вопросы переписи о национальной принадлежности перекодировались и сводились к заранее заданному списку (*Тишков* 2003: 195). При этом малые народности, этничности, этнические группы, название которых не попало по разным причинам в список национальностей, приписывались к другим более крупным народам и по факту признавались несуществующими, “слишком маленькими и потому подлежащими ассимиляции или этнической консолидации” (*Мартин* 2011: 629–630), т.е. были “деконструированы”, что, по идее, обрекало их на исчезновение.

Конструирования в форме категоризации народов и народностей происходили и в царской России. Причем одна и та же народность в различных документах могла обозначаться по-разному, а критерием мог выступать, скажем, “родной язык”, как было в первой всеобщей переписи населения 1897 г. О значении официальной документации и переписей в деле конструирования этнической номенклатуры писали, например, Б. Андерсон (*Андерсон* 2016), В.А. Тишков (*Тишков* 2003), Р. Брубейкер (*Брубейкер* 2012) и другие.

В статье предпринимается попытка разобраться, насколько эффективным и долгосрочным оказалось такое конструирование/“деконструирование”, каковы были его результаты и реакция населения на насаждение этнических категорий. Эти проблемы рассмотрены на примере астраханских туркмен. При советской власти многие из них принудительно были записаны татарами, на татарском языке как родном шло преподавание в школах. Никакой административной поддержки этой этнической группе не оказывалось, поскольку в официальной номенклатуре она не фигурировала. По факту шло “конструирование” татарской идентичности и “деконструирование” туркменской. В рамках конструктивистских идей такая малая группа должна была со временем утратить или изменить свою идентичность, растворившись в другой “нации”. Что же произошло с астраханскими туркменами в действительности, подтверждается ли такая гипотеза?

Ответам на этот вопрос посвящена настоящая статья, в основе которой лежат полевые материалы, собранные автором и д. и. н. Ш.Х. Кадыровым в 2015 г. в селах Атал, Фунтово 1 и Фунтово 2 Приволжского р-на Астраханской обл. и

в самой Астрахани – проведено более 25 бесед с местными жителями. Наши собеседниками были люди разных национальностей, профессий и увлечений. Среди них активисты туркменских общественных организаций и деятели культуры (Г.Г. Айтеков, З.Г. Туликова, Ш.У. Таганьязов), учителя, представители власти, имамы. Кроме того, был проведен пилотажный анкетный опрос по случайной выборке. Вопросы касались, в частности, этноязыковой ситуации, состава семей, связей с Туркменистаном.

“Трухменские Татары” – астраханские туркмены в XVII–XIX вв.

Научные сведения об астраханских туркменах крайне скудны. В 1769–1770 гг. в Астрахани побывал С.Г. Гмелин, среди прочих он кратко описал и “Трухменских Татар” (Гмелин 1777). Достаточно подробные сведения, полученные от самих астраханских туркмен, приводит П.И. Небольсин (Небольсин 1852), включая родоплеменной состав, расселение, характеристику хозяйства и материальной культуры. В работе Н.И. Веселовского (Веселовский 1884) изложена история получения ими российского подданства в 1778 г.

Астрахань была истари известна туркменским торговцам (Небольсин 1852: 135–136). С середины XVII в. отдельные туркменские роды, кочевавшие на п-ве Мангышлак, стали переселяться в Астраханскую губернию и далее на запад в связи с военно-политическим давлением Хивы и в поисках хорошей земли, а некоторые группы – будучи “покоренными” идущими с востока калмыками. Описано несколько волн перекочевков. Так, в 1671 г. от калмыцких улусов “ушли с енотаевскими (ногайскими) мурзами” абдалы (род, улус) к Астрахани кочевать за Цареву протоку (Курбанов 1995: 23–24). Большинство прибывавших на волжские луга туркмен двигались дальше в ставропольские степи, однако малая часть оставалась здесь (Небольсин 1852: 136–137). В начале XIX в. на Волгу продвинулась новая волна переселенцев, за которыми закрепилось название “Мангышлакские туркмены” (Там же 1852: 127). В 1802 г. туркмены-абдалы, уже “имея в России кровных сородичей”, направляли прошения и получили согласие на получение российского подданства и дозволение поселиться в Астраханской губернии. В 1813 г. около 600 человек (220 хозяйств) прибыли в Астрахань с Мангышлака (Веселовский 1884: 301–302; Небольсин 1852: 138–140). Прощения о принятии в подданство поступали и в 1830–1840-х годах, однако “наше правительство убедилось, что подданство туркмен не доставляет нам никаких выгод, <...> переменило политику” (Веселовский 1884: 302–303).

К 1851 г., по данным П.И. Небольсина, в Астраханской губернии насчитывалось 1699 туркмен – 325 семейств, большинство занимается скотоводством, а 85 семейств, не имеют скота и “пускаются в мазуры, в носильщики, в крючники, весельщики и занимаются в городах иными черными работами” (Небольсин 1852: 141). У туркмен не было своей земли, податей в казну они не платили, им приходилось кочевать на чужих землях и платить “за потраву” с каждой головы своего скота (Там же: 140).

Туркмены относились к племенам Човдурского союза, распавшегося к XVII в. (Курбанов 1995: 32).

“Мангышлакские туркмены” – абдалы, игдыры, бозаджи, а также примкнувшие к абдалам *бурунджик* занимались скотоводством преимущественно на землях кундровских татар (кундровцы, подгруппа ногайцев. – О.Б.). Около трети <...> жили в самой Астрахани или около нее. 99 кибиток човдуrow располагались севернее (близ с. Калмыцкий базар и Солянки – селения юртовских татар [юртовские ногайцы. – О.Б.]), западнее Астрахани <...> и по урочищам у Волги (Небольсин 1852: 129–132).

Все човдуры относились к “старым переселенцам” и подчеркивали свое отличие от “мангышлакских туркмен” (*Курбанов* 1995: 56).

В описаниях XVIII в. астраханских туркмен обычно называли “туркменскими татарами”. С.Г. Гмелин пишет: “Саскольский стан, где Трухменские Татары, как подданные Калмыцкие, свое жительство имеют <...> Трухменцы живут по-калмыцки, держатся магометанского закона, говорят особливим татарским языком, однако оный астраханские татары разумеют...” (*Гмелин* 1777: 21–22). Н.И. Веселовский приводит прошение самих мангышлакских туркмен, которое начинается словами: “Мы, нижеподписавшиеся Трухменские Татары”. Оно “подписано татарским письмом” и датировано 1778 г. Н.И. Веселовский замечает, что прошение «очевидно, составлено русским чиновником, так как в нем попадаются выражения, туркменам вовсе несвойственные – вроде “трухменские татары”» (*Веселовский* 1884: 304–306). И.Г. Георги в 1799 г. сообщал о северных туркменах: “...трухменцы, туркомены – без малейшей примеси настоящий татарский народ, обитающий издавна по восточным и западным берегам Каспийского моря и говорящий татарским языком по турецкому наречию” (*Георги* 1799; цит. по: *Сызранов* 2012: 11).

Казалось бы, наименование “трухменские татары” – не более чем оборот речи, характерный для того времени. “Татарами” называли и другие тюркские народы региона. Так, группу ногайцев, появившихся в Астраханском крае в середине XVI в. после присоединения Нижнего Поволжья к Московскому государству, именовали “юртовскими татарами”, а группу ногайцев, оказавшуюся здесь в конце XVIII в., – “кундровскими татарами” (*Викторин, Идрисов* 2011). Однако дальнейшее развитие и туркмен, и ногайцев можно определить выражением “как корабль назовешь, так он и поплывет” – “магия имени” “конструировала” отношение чиновников, а кроме того, влияла на интерпретации исследователей. Замечу, что ставропольских туркмен никогда не называли татарами. В конце царствования Петра I они были “поручены” калмыцким ханам, в 1806 г. туркменские кочевья были отделены от калмыцких, а в 1825 г. образовано Трухменское приставство, что позволило туркменам обособленно жить вплоть до 1917 г. Они несли повинности, в частности кордонную службу, участвовали в военных походах. Во второй половине XIX в. их численность достигала 20 тыс. человек (*Курбанов* 1995: 25, 50–51; *Брусина* 2019: 31–62).

Астраханских туркмен было немногим более 2 тыс. человек, они не платили налогов в казну и не несли какие-либо повинности: “к несению воинской повинности не привлекались” (*Демидов* 1987: 104), оставаясь, видимо, практически незаметными для государства. Они не только обозначались как “татары”, но и жили на землях других групп “татар” под их патронажем. В прошении туркмен (конец XVIII в.) говорится: “Предки наши выехали из Мангышлака в российское подданство... по открытии Кавказского наместничества, подвластных астраханскому обществу астраханских татар” (*Викторин и др.* 2000: 218).

Уже в середине XIX в. П.И. Небольсин отмечал достаточно быстрые темпы ассимиляции астраханских туркмен “татарами”. Он описал родоплеменную структуру туркмен, их социальные институты, нормы обычного права, относительную свободу женщин, своеобразную одежду, лишь “в последнее время” подвергшуюся некоторому влиянию астраханских татарок. При этом он “на глаз” определил последствия браков туркмен с казахами – “От смешения с киргизами туркмены стали скуластыми” (*Небольсин* 1852: 142) – и дал слабо согласующееся с его же описанием заключение: “В течение тридцатилетнего своего пребывания в России “Мангышлакские туркмены” до такой степени сблизились с кундровскими татарами, что теперь очень трудно найти различие между ними во всем, что касается образа жизни, занятий, нравов и обычаев” (Там же: 142).

Впрочем, сообщение Н.И. Веселовского свидетельствует о том, что второе и третье поколения переселенцев отнюдь не утратили представления о своей родине на Мангышлаке, хотя астраханская земля стала для них новым отечеством.

Впоследствии туркмены забыли, что терпели на родине и задумали вернуться на Мангышлак. Наше правительство снисходительно к этому отнеслось и предложило отправить на полуостров разведчиков для осмотра мест и уговора с соплеменниками. Ходоки вернулись с благоприятными вестями, потому что в 1855 году 32 туркменских семейства выселилось из Астраханской губернии на родину. Однако уже в следующем году стали проситься дозволений вернуться в Астрахань. Генерал-губернатор Оренбургской области Перовский разрешил вернуться в целях отрезвляющих на тех, кто остался в Астраханской губернии (*Веселовский* 1884: 302).

“Отатаривание” туркмен по научной литературе

После статьи Н.И. Веселовского “Первое подданство туркмен в России”, вышедшей в 1884 г., сведений об астраханских туркменах в научной литературе практически не встречалось около 100 лет. Они оставались “невидимыми” для властей и исследователей. Лишь в 1987 г. вышла публикация этнографа С.М. Демидова, побывавшего в низовьях Волги в 1959 г.; в ней кратко охарактеризованы история и расселение астраханских туркмен и более подробно описаны их религиозные верования и обряды (*Демидов* 1987).

В 1970-е годы туркмен в ряду других тюркоязычных народов Южного Поволжья обследовал Л.Ш. Арсланов (*Арсланов* 1980). А.В. Курбанов посвятил книгу ставропольским туркменам, но привел архивные данные и об их астраханских соотечественниках (*Курбанов* 1995). В масштабной коллективной монографии “История Астраханского края” (*Викторин и др.* 2000) даны в том числе сведения и архивные материалы и о туркменах. В современный период туркмены на Нижней Волге, как и другие народы региона, исследовались астраханскими этнографами и лингвистами (*Сызранов* 2011, 2015; *Усманова и др.* 2015; *Оку, Викторин* 2017). В 2012 г. вышла книга “Астраханские туркмены: история и современность”, посвященная истории, культуре и фольклору этой этнической группы. В книге научный подход переплетается с изложением народных представлений о своей истории, среди авторов как профессиональные ученые, так и местные краеведы, ряд глав написан совместно теми и другими (*Сызранов* 2012).

В 2000 г. вышло монографическое исследование “История Астраханского края”. В различных официальных документах, которые приведены в разделах о советском и постсоветском периодах и связаны с этническими меньшинствами и национальным строительством, туркмены практически не упоминаются. Так, отмечается, что до 1917 г. в Астраханской губернии было

всего шесть татарских национальных школ, содержавшихся земствами, и 30 религиозных школ при мечетях. Казахское и калмыцкое население вообще было лишено возможности получать начальное образование. Но уже в 1926 г. из 170 начальных и средних школ губернии 95 являлись национальными, 80% детей татарской национальности получали начальное и частично среднее образование в национальной школе (*Викторин и др.* 2000: 725).

Другие меньшинства в данном контексте не упомянуты, туркмены оставались незамеченными и во многих других случаях (Там же: 715–727). В 1930-х годах, когда активно готовились национальные кадры в области образования, речь шла о преподавателях только татарского языка (Там же: 730). Посетивший в 1959 г. Астраханский историко-краеведческий музей С.М. Демидов обнару-

жил, что туркмены не представлены в экспозиции, посвященной народам, издавна проживавшим на территории области (Демидов 1987: 83–84).

Только в постсоветский период астраханские туркмены вышли на официальный уровень. В 1988 г. в Астраханской области было создано общество ногайской культуры “Бирлик” (Викторин и др. 2000: 927). В 1992 г. как его секция оформилось “Туркменское национально-культурное объединение Ватан”, которое лишь в 1994 г. стало самостоятельной организацией (Сызранов 2015: 71). Показательно, что татарское общество “Дуслык”, созданное в 1989 г., претендовало на “курирование” нескольких народов, транслируя историческую память: именно к татарам веками относили большинство тюркоязычных народов Астраханской области. Это было прописано в уставе: “Общество... объединяет в своих рядах лиц следующих национальностей тюркской языковой группы: татар, ногайцев, болгар, карагачей, туркмен” (Викторин и др. 2000: 929).

Исследователи, изучавшие астраханских туркмен со второй половины XX в. до 2000-х годов, фиксировали примерно тот же уровень ассимиляции, что и П.И. Небольсин более века назад. С.М. Демидов пишет, что туркмены проживают разбросанно в нескольких селениях и почти везде составляют меньшинство, полностью ими заселено лишь с. Фунтово (единственное село, где он побывал). В с. Атал туркмены живут бок о бок с татарами, в пос. Яксово (где их несколько семей) – с ногайцами (Демидов 1987: 83–84). Утверждение информантов, что в с. Фунтово проживают лишь “чистые” туркмены, предки которых не вступали в браки с представителями других национальностей, вызывает у автора сомнение, поскольку “метизация отчасти коснулась и жителей этого селения, среди которых встречается немало лиц татарского (ногайского) типа” (Там же: 86). Замечу, что С.М. Демидов не проводил измерений, он определял антропологический тип “на глаз”. Кроме того, по его словам, “элементы татарской (ногайской) культуры, наряду с русской культурой, проникли во все области материальной и духовной жизни здешних туркмен” (Там же). Данный процесс усилился в последние годы. Старшее поколение еще сохраняет некоторые туркменские особенности быта и туркменский язык, хотя и испытывавший влияние соседей, в языке же молодежи преобладают татаро-ногайские элементы, а некоторые туркмены указали татарский в качестве родного при переписи 1959 г. (Там же: 84–87). Этнолингвист Л.Ш. Арсланов, побывавший в туркменских селах в 1978 г., пишет:

Элементы языка юртовских татар представлены больше всего в селе Фунтово 1 и Фунтово 2, что объясняется близостью и интенсивностью прежних контактов с карагашами, наличием сравнительно большого количества смешанных браков <...> Таким образом, туркменские говоры <...> испытали значительное влияние языка юртовских татар, частично городских казанских татар и мишарей, приобрели ряд черт языков кыпчатского типа (Арсланов 1980: 81–82, 84).

Астраханский исследователь А.В. Сызранов обратил внимание, что “в брачных связях туркмены активно взаимодействуют с соседними народами, в первую очередь с ногайцами и татарами. Это привело к широкому распространению татарского языка, не говоря уже о повсеместном владении русским” (Сызранов 2015: 69). Упомянутые выше авторы ссылаются на П.И. Небольсина и как бы вторят друг другу, оценивая частоту смешанных браков и степень влияния татар и ногайцев на язык и бытовую культуру, хотя статистика браков не рассчитывалась, методология выявления культурных заимствований и сравнительный материал не представлены, а специальное лингвистическое исследование провел только Л.Ш. Арсланов. Представляется, что ученые могли неосознанно воспроизводить сложившийся стереотип, сообщая об ассимиляционных процессах у астраханских туркмен.

Статистические данные об астраханских туркменах

Данные переписей населения Астраханской области (до 1928 г. – Астраханская губерния, с 1928 г. – Нижне-Волжский район, с 1939 г. – Сталинградская область) не подтверждают оценок исследователей о постепенном растворении туркмен в татаро-ногайском окружении. Цифры показывают, что на протяжении полутора веков среди астраханских народов неизменно присутствовали туркмены. Из Табл. 1 видно, что они сохраняют родной язык и идентичность; их численность колебалась от десятилетия к десятилетию, но в целом наблюдалась тенденция к росту, исключая предвоенный и послевоенный периоды.

Таблица 1

Численность и родной язык туркмен в Астраханской области по данным переписей населения (человек)**

Год	1849*	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Туркмены всего	2333		1401	1412	1125	1389	1626	2288	2154	2286
В т.ч. с родным туркм. яз.			1221					2100***		2033
С родным русск. яз.			0					103***		
С другим родным языком			180					85***		
Грамотные всего			366							
В т.ч. на языке своей народности			257							
Всего назвавших туркм. яз. (наречие) родным либо им владеющих		976								2234

* Данные по 1849 г. из: *Небольсин* 1852.

** ЭА ИЭА РАН; ВПН 1926: 462–466; ВПН 2010.

*** По данным из: *Курбанов* 1995: 84.

Во второй половине XIX в. образовались туркменские селения Фунтово, Атал и туркмено-ногайский пос. Учтамак – его жители в советское время переселились в г. Астрахань. В.М. Викторин убедительно связывает появление сел у полукочевых туркмен с указом 1862 г. о наделении землей для ведения хозяйства (*Сызранов* 2012: 13–14). С.М. Демидов также относит появление первого туркменского оседлого с. Фунтово к 1861 г. (*Демидов* 1987: 85). То есть, получив землю, большая часть астраханских туркмен перестала арендовать пастбища у карагашей, кундровских и юртовских “татар” (ногайцев) и стала жить обособленно в стационарных селах.

Табл. 2 дает представление о расселении туркмен в Астраханской области в XXI в. Они сконцентрированы в селах Атал, Фунтово 1 и Фунтово 2 Приволжского р-на. Около 12% туркмен живут в Астрахани, куда вошел бывший туркменский пос. Вахитово, незначительная часть туркмен распределена по другим населенным пунктам.

Таблица 2

**Численность туркмен в городах и районах Астраханской области
по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.***

Город, район	Человек
г. Астрахань	249
г. Ахтубинск	13
г. Знаменск	8
Ахтубинский р-н	9
Володарский р-н	16
Еногаевский р-н	2
Икрянинский р-н	13
Камызякский р-н	42
Красноярский р-н	38
Лиманский р-н	1
Наримановский р-н	34
Приволжский р-н	1722
Харабалинский р-н	1
Черноярский р-н	6
Всего	2154

* Составлено по: ЭА ИЭА РАН.

Таблица 3

**Численность и национальный состав населения сел Атал,
Фунтово 1 и Фунтово 2 Приволжского (в 1980 г. Наримановского) р-на
Астраханской обл. (человек)***

Село	Атал		Фунтово 1		Фунтово 2	
	1980	2010	1980	2010	1980	2010
Всего населения	532	643	617	1061	346	430
В том числе:						
– туркмены		493		798		273
– татары		85		120		39
– русские		16		91		42
– аварцы		1				20
– табасаранцы				1		10
– казахи		40		30		21
Всего хозяйств	143		140		80	

* Данные из: Курбанов 1995: 69–70; ЭА ИЭА РАН (Всероссийская перепись населения 2010 г.).

Табл. 3 показывает, что в трех селах Приволжского р-на преобладают туркмены (Атал – 77%, Фунтово 1 – 75%, Фунтово 2 – 63,5%), а татары составляют соответственно 13, 11 и 9% населения. Причем число жителей в этих селах заметно выросло с 1980 по 2010 гг., как и число самих туркмен.

По данным статистики, а также сведениям из научной литературы и наших полевых материалов, можно проследить динамику численности не только астраханских туркмен в целом, но и отдельных племен и родов, а также их расселение.

Таблица 4

Численность и распределение племенных подразделений туркмен по населенным пунктам Астраханской области с 1849 по 2015 гг. (человек)*

Племя, где живут	Годы	1849	1959	1980	2002	2010	2015
Абдалов, всего		1065	700	963			
– в т.ч. в Фунтово 1 и Фунтово 2			700	963 (220 хоз-в)		1071	Все
– в т.ч. в Астрахани		416** (80 семей)					
Бурунджик, всего		Незначит. кол-во примкнуло к абдалам	40*** (10 семей)				В оставе абдалов
– в т.ч. в Фунтово 1 и Фунтово 2							Все
– в т.ч. в Атале			40*** (10 семей)				
Игдыров, всего		495	160–200*** (40–48 семей)	532			
– в т.ч. в Атале			160–200*** (40–48 семей)	532 (143 хоз-ва)		493	Все
– в т.ч. в Астрахани		26** (5 семей)					
Бозаджи, всего		140	8–12*** (2–3 семьи)				В сост. абдалов
– в т.ч. в Фунтово 1 и Фунтово 2							Все
– в т.ч. в Атале			8–12*** (2–3 семьи)				
– в т.ч. в Астрахани		26 (5 семей)**					
Човдуров, всего		633					
– в т.ч. в Наримановском р-не		ок. 500					
– в т.ч. в Астрахани		130 (25 семей)**					
Всего туркмен в г. Астрахань		ок. 600	Отд. семьи абдалов. В Вахитово абдалы и игдыры		249		
Всего туркмен в других нп: – Приволжского р-на		ок. 500	Неск. семей в Яксатово		158		
– Наримановского р-на			Ж/д. ст. Линейное (абдалы, бурунджик)		34		

* Данные на 1849 г. из: *Небольсин* 1852: 129–133; на 1959 г. из: *Демидов* 1987: 84; на 1980 г. из: *Курбанов* 1995: 56, 69–70; на 2002 и 2010 гг. – из: ЭА ИЭА РАН; на 2015 г.: ПМА 1, 2.

** Данные приведены из расчета: 122 кибитки (семьи) – это 633 человека (*Небольсин* 1852: 131).

*** Данные о количестве хозяйств приведены из расчета: в одном хозяйстве в среднем 4 человека (*Демидов* 1987: 84).

Табл. 4 показывает, что в 2010 г. численность всех туркмен в Астраханской области, а также отдельно абдалов (с примкнувшими к ним родами бозаджи и бурунджик) и игдыров практически сравнялась с показателями середины XIX в., хотя вплоть до 1970-х годов наблюдалось ее значительное снижение, а с 1990-х годов – резкий рост. Аналогичная динамика численности характерна и для ставропольских туркмен (Брусина 2019: 22–23, 64–65, 72).

Что касается 633 человек из туркменского племени човдур, зафиксированных П.И. Небольсиным в 1849 г., то их следы в Астраханском крае теряются. Возможно, их потомки живут в самой Астрахани и в отдельных районах области, часть, видимо, ассимилировалась, а часть, вероятно, откочевала через станцию Линейное на запад в ставропольские степи.

Таким образом, большинство астраханских туркмен на протяжении почти двух веков идентифицировали себя именно как туркмены, сохраняя родной язык и родоплеменное деление, по крайней мере, это можно утверждать в отношении жителей трех туркменских сел и частично – самой Астрахани.

История и племенная структура астраханских туркмен в их собственных преданиях и интерпретациях

В преданиях астраханских туркмен история их появления на Нижней Волге уходит в начало XVIII в. и связывается с выдающимися туркменскими деятелями: знатным и богатым Ходжи Непесом и основоположником туркменской литературы Махтумкули Фраги. Удревнение своего пребывания в Астрахани, включение высоких имен в историческую память способствует повышению этнической самооценки и статуса в глазах туркмен, легитимирует места их поселения. Астраханский поэт и краевед Ш.Т. Таганьязов связывает приход мангышлакских туркмен с деятельностью “старшины абдальского рода Ходжи Непес молло, сподвижника Петра I”, инициатора и участника Хивинского похода 1717 г. в Среднюю Азию (Сызранов 2012: 10). “Ходжи Непес в 1730 г. привел сюда туркмен”, а Багата (будущее Фунтово 2) на бугре Калмык тепе образовалась в 1653 г. (ПМА 2: Ш.У. Таганьязов). По преданию, в 1760–1790 годы в этом селе останавливался Махтумкули Фраги. В 1793 г. он помог составить грамотный текст повторного обращения к власти и благодаря его дипломатическому таланту туркмен зарегистрировали как жителей Астраханского края. Ныне в Фунтово 2 живут Ходжанепесовы, которые ведут свой род от легендарного Ходжи Непеса (ПМА 2: Ш.У. Таганьязов, Ходжанепесовы; Сызранов 2012: 10).

Местные жители рассказывали, что в 1813 г. в эти места приехали игдыры, которые ушли от хивинского хана Мухамеда Рахима (годы правления 1806–1825). Село Атал образовалось в начале XIX в., когда туркмены стали оседать на буграх (тепе). Фунтово 1 появилось еще раньше, названо оно в честь местного полицмейстера Иосифа Фунта. В начале XX в. туркмены по-прежнему “кочевали” на расстоянии 8–10 км от своего села и охотились. На территории с. Атал была зимовка, а на летом расходились по разным ставкам: “...за речкой есть бугор, там были наши пастбища. Но праздники все вместе справляли” (ПМА 2: Ш.У. Таганьязов; ПМА 1: Айтековы).

О конструировании исторической памяти и репрезентации прошлого, исходя из текущих потребностей и задач, писали многие авторы (см., напр.: Брубейкер 2012: 290–295). Другой вопрос, насколько далеко в прошлое уходят воспоминания астраханских туркмен о реальных событиях? С.М. Демидов сообщает, что “в народе сохранилась память о том, что в <...> середине XIX в. значительная часть астраханских туркмен вновь вернулась на Мангышлак <...> в 1861 году они вернулись назад, где и осели... не прекращая, однако, занимать-

ся скотоводством” (Демидов 1987: 85). Этот эпизод имел место в действительности, о нем писал еще Н.И. Веселовский (см. приведенную выше цитату) – хотя с его статьей С.М. Демидов, судя по всему, знаком не был.

Наши информанты сообщали о давних связях ставропольских туркмен с жителями Астрахани. Так, предки Замира Юнусова до революции были купцами, имели в Астрахани большой магазин, дома и другую недвижимость. При советской власти их имущество экспроприировали, и дед Замира обосновался в ставропольском селе (ПМА 3: 3. Юнусов). Аналогичные сведения есть и у А.В. Курбанова. Он пишет, что в Астраханской губернии в конце XIX–XX в. проживали по билетам несколько сотен северокавказских туркмен. Часть из них переселилась в 1915–1917 гг. в Ставропольский край к своим сородичам (Курбанов 1995: 62).

Наши информанты говорили, что в 1918–1919 гг. были образованы Аталский и Фунтовский сельсоветы (ПМА 1, 2), что подтверждается архивными источниками (ГААО). В исторических преданиях подчеркивается независимость, благосостояние и многочисленность астраханских туркмен:

Наши туркмены были басмачами – среди них было много богатых, баев. В южном районе Астрахани есть Вахитовка, там жило 8–9 тыс. туркмен. Все купцы были туркмены, предприниматели, большинство богатых. Они имели скотину в Атале, но жили в Вахитовке. При раскулачивании в Атале остались нищие, а “кулаки”, т.е. баи, предприниматели – их выдавили из села, и они уехали в Вахитовку <...> Селились по тохамам (родам. – О.Б.). Раньше каждый туркменский род был на своем бугре, а когда пошла коллективизация – давай объединяться, собрали в кучу. А наши туркмены говорили: я сам хозяин, ведь каждый коней держал. Недовольных ссылали в Дагестан, отправляли в Туркмению (ПМА 1: Айтековы).

От поколения к поколению передавалось родоплеменное деление туркмен. Племенная принадлежность шла по мужской линии и оставалась неизменной, а родовая частично менялась: ру (род) мог угаснуть или слиться с другим, мог возникнуть новый вследствие разделения семейно-родственной группы. В прежние времена туркменские народности (племена) держались обособленно и считались эндогамными, а ру (уруги), на которые они делились, – экзогамными. Ныне абдалы и игдыры живут в разных селах одного района, хотя поддерживают тесные отношения. Пример появления новых родов у абдалов – присоединение к ним двух прежде независимых племенных подразделений бозоджи и бурунджек. Родство считалось до четвертого поколения. Брачные союзы между представителями одного рода заключать не полагалось, и сейчас это, как правило, не приветствуется (ПМА1: Айтековы, Гультухамедовы).

Таблица 5

Родовые названия у ставропольских и астраханских туркмен*

Племенное подразделение Абдал	
1849 г.	2015 г.
Бозаджи – независимый от абдалов род (племя): – кумечи; – керсенчи	Бозоджи
Бурунджик – отдельный род (племя), примкнувший к абдалам	Бурунджек (“вошедший”)
	Галбар

	Гёкдай
	Гекирбай
Дали	Дэли (“сумасшедший”)
	Каракушак
	Кызылэргенек (поселок под г. Дашогуз; племя у ногайцев)
Угры (огры)	Оругы (“вор”)
Менглиходжа	Меглихон (одноименный поселок есть под г. Дашогуз, Туркменистан)
	Уаныш
Курбан	

Племенное подразделение Игдыр

1849 г.	1980-е годы	2015 г.
Астраханские туркмены	Стравропольские туркмены	Астраханские туркмены
Яхшиходжа	Яхшиходжа (“хороший ходжа”)	Яхшиходжа
Кыргыз	Киргиз: – бочанар; – конрат; – мунал; – мундугу	
Махмуд – махмуд	Мамыт (имя собственное)	Мамыт – акмамыт (мамлюки); – гарамамыт
Подотделы рода махмуд: – тебер;	Тебер (“пинающий”, имя силача) – отдельный род	Тевер (имя силача) – отдельный род
– кулдаглы;	Голдаглы (имеющие тамгу в виде руки) – отдельный род	Голдаглы – отдельный род
– дёзмыш;	Дюзмюш (“строители”) – отдельный род	
– казайяклы	Казаяклы (“имеющий тамгу в виде гусиной лапки”) – отдельный род: – геен (“переодевшиеся”); – кызылбаш (“красного-ловые”); – орусут (“имя”, “русский”); – салырказан (родовое имя “салыр + котел”); – хыдырали; – якуб (“имя”)	
Кёк (коклер)	Гёклер (“голубые”, “упал с неба”)	Гоклер (“экономные”, “упрямые”): – гёгюнгызылы; – гёгунгёги; – хыркмерген (“40 раз-бойников”); – гёк-гочкар (“новый”, “с неба упал барашек”)

* Данные на 1849 г. из: *Небольсин* 1852: 129–133; на 1980-е годы из: *Курбанов* 1995: 36–37; на 2015 г. из: ПМА 1: Айтековы, Гульмухамедовы; ПМА 2: Ш.У. Таганьзов.

Родоплеменное деление имеет функциональное значение в современной жизни. Практически все из 29 заполнивших анкеты жителей Атала и Фунтово (кроме одной русской и одной татарки) указали свое племя, 25 абдалов и игдыров (кроме двух йомудов) написали также род, причем женщины обозначили и род мужа. У каждого *ру* были свои тамги, иногда их начертание маркирует древность рода и высокое происхождение: “У нас тамга огузская сохранилась в виде рогов” (ПМА 1: Г.С. Гульмухамедова). Тамгой клеймили скот, вообще – это знак рода, ее чертили на воротах. И сейчас на могилах ставят тамгу, причем у женщин ставят две тамги: верхнюю – по мужу, нижнюю – девичью (ПМА 1: Н.Ф. Айтекова, Рауль).

В роде есть по несколько *тохумов* (фамилий). Когда человек умирает, заходят проститься кровные родственники (члены тохума), поэтому “мы должны знать, кто родственник по крови”. “Большую роль в тохуме играют старшие, они координируют всю группу, назначают, какое мероприятие провести”. Впрочем, совет старейшин, как структура самоуправления, видимо, потерял свое значение 30–50 лет назад. “В 1970–1980-е годы старики собирались, обсуждали дела – если надо помочь кому-то, или устроить праздник”. И в наши дни в селах есть проявления общинности: “...если мулла говорит, что нужна помощь, то все сдают деньги, что-то делают сообща” (ПМА 1: Айтековы; ПМА 2: З.Г. Туликова).

В исторических преданиях астраханских туркмен переплетены легенды, в которых далекое прошлое предстает в выгодном свете, и память о событиях, имеющих реальную основу. Воспроизводятся представления о родоплеменном делении, которое до сих пор маркирует низший уровень идентичности и играет свою роль в формировании внутриаэтнических отношений.

Насильственная татаризация и туркменская идентичность

В народной памяти сохранился сюжет о том, как советская власть пришла к туркменам. Информанты говорят, их бабушки рассказывали, что “русские (имеются в виду представители местной власти. – О.Б.) нас собрали в кучу. Спрашивают нас: а кто вы [по национальности]?” (ПМА 1: Айтековы, Гульмухамедовы). Первое знакомство советских чиновников с туркменами могло произойти в 1925 г. Судя по документам, обнаруженным С.С. Плюцинским, вопрос о туркменах поднимался ВЦИК осенью 1925 г. в связи с районированием Астраханской губернии. Похоже, чиновники прежде не слышали о туркменских селах и растерялись: что же с ними делать? Высказывались невероятные предложения об экстерриториальном переподчинении Туркменской ССР сел Атала, Фунтово 1 и Фунтово 2 и даже о “выселении туркмен за пределы губернии в Туркменистан”, о создании национального туркменского района в губернии. Все они были отклонены. ВЦИК предложил губисполкому “усилить обследование туркмен, учтя национальные и бытовые условия и особенности” (*Плюцинский* 2010: 169–170).

Спустя несколько лет туркмен стали насильно записывать татарами. “Советская власть хотела создать здесь татарскую автономию, для этого надо было набрать 40% татар. Пытались поднять процент татар, ими записывали кумыков, туркмен” (ПМА 2: З.Г. Туликова). Действительно, в этих местах с 1931 по 1944 гг. был Наримановский татаро-ногайский национальный район (*Викторин, Идрисов* 2006). Национальные районы и сельсоветы создавались для “коренных” “культурно отсталых национальностей”, которые получали различные льготы и использовали этничность в качестве “социального капитала”. Культурно отсталыми были признаны и татары, но только вне Татарстана (*Мартин*

2011: 200–201, 234–235). Предположу, что решающее значение при создании Наримановского национального района имело принятое в начале 1930 г. постановление ЦК ВКП(б), запрещающее применять на таких территориях жесткие методы и быстрые темпы коллективизации (Там же: 406).

Половина села Атал была записана татарами при Сталине, а уже потом в селах стали туркменами записываться. Сейчас те, кто был записан татарами, и их потомки говорят: “Мы – туркмены”. У моих знакомых один брат записан татарин, другой – туркмен. В туркменских семьях, куда вошли в качестве жен татарки (по паспорту), в советский период дети записывались по-разному, например: два сына туркмены, а еще двое – дочь и сын – татарами (ПМА 1: Айтековы, Гультухамедовы).

Аналогичная история произошла в Астраханской области и с ногайцами, несмотря на образование Наримановского татаро-ногайского района.

Между 1926 и 1939 годами все группы астраханских ногайцев в связи со сталинской политикой интеграции малых народов в более крупные общности в переписях были причислены к татарам <...> Вплоть до 60-х годов проводилась их татаризация в культуре и языке. Позже даже появилось терминологическое определение “астраханские татары” (Викторин, Идрисов 2006).

Туркмены же не были ассимилированы в такой мере. У сельских туркмен этнические границы четко отделяют их от соседей даже на общей территории: “... общее кладбище сел Атал и Нартовское разделено на две части – для нартовских казахов и туркмен Атала” (ПМА 1: Г.Г. Айтеков). В близлежащих селах туркмены-мужчины даже в смешанных браках продолжают позиционировать свои семьи как туркменские: “...вокруг нас много соседних сел: татарских, ногайских, русских. Есть с. Татарская Башматовка, там живут 5–6 семей туркмен, они женились на татарках, но не растворились, помнят свою историю” (ПМА 1: Г.Г. Айтеков).

Более размыто самосознание у бывших туркмен с. Вахитово, вошедшего в состав Астрахани (район города так и называется – “Вахитовка”). До сих пор туркмены, живущие в городе, концентрируются именно здесь. Их “всех татарам записали”, причем

те, кто в городе жил, так и остались татарами. Они говорили: мы хорошо живем, зачем нам менять национальность? В этом районе остались только старики, которые считают себя туркменами <...>

Моя сестра вышла за татарина, живет в Вахитовке на ул. Курман-Газы. Есть здесь Туркменский переулок, где несколько туркменских семей живут. В 1997 г. у нас была свадьба, я в Вахитовку приехал: родня жены там живет, там же справляли свадьбу со стороны невесты. Там в основном живут туркмены отатаренные (ПМА 1: Айтековы, Гультухамедовы).

Данные переписей подтверждают, что, несмотря на политику татаризации, в обособленных селах Приволжского района туркмены в основном сохраняют этническое самосознание. Те же, кто обосновался в самой Астрахани, постепенно принимают татарскую идентичность, поскольку живут в многонациональной городской среде, где, как правило, индивидуалистические стратегии берут верх над сложными этническими, родственными и земляческими отношениями.

Обучение “родному” татарскому языку и сохранение туркменского диалекта

Информанты не четко представляли, на каком языке обучались их прадеды, ясно только, что русского они не знали. “Раньше все владели арабским языком,

все были образованные” (ПМА 1: Х.Х. Айтекова). “Перед революцией были безграмотными, так как русский не знали” (ПМА 2: З.Г. Туликова). Родившийся до революции дед нашего информанта, “по-туркменски читал, а по-русски был безграмотным” (ПМА 2: И.Т. Туликов). Причем респонденты утверждали: “Мы туркменский язык никогда не изучали” (ПМА 1: Туликовы, Гульмухамедовы). Скорее всего, их обучали писать арабицей по-татарски, поскольку школ для других этнических меньшинств не было (*Викторин и др.* 2000: 725), но сами туркмены могли приспосабливать арабицу к родному диалекту туркменского языка.

Когда в 1930-х годах советская власть стала записывать туркмен татарами, в села “послали учителей-татар” (ПМА 2: З.Г. Туликова), “заставляли учить татарский язык” (ПМА 1: Г.Г. Айтеков). “В 1937 г. в Фунтово школу построили. Обучались по-татарски. Урок русского языка был один в неделю. А с 1960 г. здесь стала семилетка на русском языке” (ПМА 2: Туликовы). Фунтовскую школу закрыли в 2010 г., и детей стали возить в соседний поселок (ПМА 2: А.Р. Кутлалиев).

Между собой жители сел говорили по-туркменски, писали, сочиняли стихи и песни они на родном языке, слушали народный эпос в исполнении *бахши*. “Кто на фронт уезжал, они писали письма по-туркменски латинскими буквами. Мой дядя Умармулла писал с фронта стихами” (ПМА 2: Ш.У. Таганьязов). Народная поэтесса Айшахан в начале 1960-х годов училась в начальной школе с. Атал, а потом и в интернате с. Карагили на татарском языке: “Придя в 1 класс, мы не знали татарский, т.к. говорили по-туркменски. Учительница была татарка. Русский в интернате преподавали как иностранный два раза в неделю” (ПМА 1: А.К. Худайбердиева). Восьмилетку Айшахан окончила в татарско-русском с. Яксатово, десятилетку – в татарском с. Башматовка. С юности девушка писала стихи по-туркменски “татарскими буквами” на светские сюжеты: о любви, о подвигах отца и его друзей в Великую отечественную войну. Директор клуба с. Атал говорила ей: “Давай, Айша, пиши стихи и песни, а то мы поем татарские песни” (ПМА 1: А.К. Худайбердиева). Сейчас песни на стихи Айшахан и других народных поэтов исполняют как сами жители на праздниках и семейных торжествах, так и фольклорные ансамбли (ПМА 1: Г.Г. Айтеков, Х.Х. Айтекова; ПМА 2: Туликовы, Ш.У. Таганьязов; *Сызранов* 2012: 40–44).

В 1960–1970-х годах детям в школах приходилось обучаться на нескольких незнакомых языках, что ставило их в сложнейшее положение. “Наше село Атал обособленно жило. Вокруг пионерлагеря были, но мы тех ребят не понимали” (ПМА 1: Айтековы). В семьях и в детском саду говорили по-туркменски. В начальной школе с. Атал преподавание велось по-татарски, и ученики “на ходу” осваивали этот язык, в пятый класс их переводили в русскую школу пос. Яксатово. “По 4-й класс в интернате только татарский был, а тут – немецкий и русский, а русского мы не знали” (ПМА 1: Айтековы, Гульмухамедовы). Позднее школу в Атале закрыли, детей стали возить в Яксатово, где преподавали татарский и русский языки. СМИ на туркменском никогда не существовало (ПМА 2: А.Р. Кутлалиев). В результате такого обучения жители сел Фунтово и Атал стали даже не билингвами, а многоязычными: “Мы татар, башкир, ногайцев, казахов, уйгуров, узбеков понимаем” (ПМА 1: Айтековы). А русским языком они владеют в совершенстве.

Наши информанты дали исчерпывающее объяснение тому, почему десятилетиями считалось, что их родной язык насыщен татарскими и ногайскими элементами и находится на грани исчезновения. “Раньше у нас не было своих историков, журналисты и ученые – ногайцы и татары – приезжали сюда, изучали туркмен. Мы с ними по-ногайски говорили, а с татарами – по-татарски,

эти ученые и записали, что мы потеряли родной язык, говорим по-татарски и по-ногайски. А мы же из вежливости с ними так говорили” (ПМА 2: Туликовы, Ш.У. Таганьязов).

Астраханские туркмены говорят между собой на особом диалекте туркменского языка, близком к човдурскому, похожий диалект и у ставропольских туркмен, он заметно отличается от текинского (ашхабадского), на котором основан литературный язык (*Брусина* 2019: 173–177). “Наш язык – старотуркменский, а ашхабадских туркмен не понимаем, так как у нас другой диалект” (ПМА 2: З.Г. Туликова). В 1990-х годах, когда стали налаживаться связи с Туркменистаном, здесь появились учебники туркменского литературного языка, но преподавание его так и не началось, одна из причин – своеобразие местного диалекта (ПМА 2: З.Г. Туликова). “Мы слышали текинский диалект от студентов, которые приехали учиться из Туркмении – это ашхабадский диалект, они его изучают. В 2012 г. в Астрахани были Дни туркменской культуры, мы приехавших туркмен не понимали” (ПМА 1: Айтековы, Гультухамедовы).

Слова информантов подтвердили лингвисты. В 2017 г. села Фунтово и Атал посетили тюрколог и этнограф В.М. Викторин и преподаватель туркменского языка Токийского университета иностранных языков Масахиро Оку. Они выявили два поддиалекта човдурского диалекта: “фунтовский” (“абдальский”) и “атальский” (“игдырский”):

...во внутреннем общении жителей <...> звучит собственно т у р к м е н с к и й по сути язык <...> Притом сохранился он, в своей основе, именно в старинных формах. Этим туркменским языком – диалектом, в его здешних говорах, владеют в сёлах поголовно все, начиная от маленьких детей <...> Практически все туркмены-сельчане хорошо знают соседний татаро-ногайский диалект <...> все они чётко осознают отличие данной языковой формы от родной, туркменской, – и никогда не смешивают их в потоке своей речи <...> Во взрослых возрастных группах сохранено знание собственного и специфического здесь туркменского фольклора (Оку, *Викторин* 2017).

Более 90% принявших участие в пилотажном опросе хотели бы, чтобы они сами и их дети изучали письменность родного туркменского языка. Пожилые туркмены выражали обеспокоенность, что внуки уже редко говорят друг с другом по-туркменски, они понимают язык, но предпочитают русский. Мало кто может писать на своем языке (ПМА 1: Х.Х. Айтекова). Наши информанты нашли школьного учителя-туркмена, стали брать у него уроки литературного языка (текинского диалекта) для себя, для детей (ПМА 1: Г.Г. Айтекова, Н.Ф. Айтекова). Молодежь занималась самообразованием: “...я сам по словарю учил правописание родного языка на основе литературного. 90% нашего населения не пишет по-туркменски” (ПМА 1: Рауль). Местная администрация не была озабочена этим вопросом: “Некоторые родители хотели, чтобы дети изучали туркменский язык. Но он не очень отличается от татарского. Хотя, с другой стороны, зачем изучать, мы и так знаем язык” (ПМА 2: А.Р. Кутлалиев).

Были ли межэтнические браки?

Выше говорилось, что в научной литературе прошлых лет устоялось мнение о распространенности среди туркмен браков с татарами, ногайцами и казахами, что свидетельствует об ассимиляционных процессах. Наши полевые материалы говорят об обратном:

Насчет женитьбы у нас жестко было, не дай Бог – с татарами, с казахами, с русскими сойтись. Причем был строгий порядок: старшие братья – они должны были жениться первыми. Можно было из Фунтово взять (ПМА 1: Г.С. Гультухамедова);

Еще в 1970-е годы бабушка говорила моему отцу: если ты женишься на татарке, я свадьбу не буду делать (ПМА 1: Н.Ф. Айтекова);

Раньше старались брать невесту внутри села, а сейчас по национальности (туркменской). Мы берем чаще внутри Атала, а сейчас и с фунтовскими женимся (ПМА 1: Айтековы);

Для меня национальность девушки для женитьбы имеет значение, т.к. мои дети должны знать родной язык (ПМА 1: Рауль).

Информанты подчеркивали, что молодые туркмены лучше воспитаны, чем их сверстники других национальностей, и берегут традиции. “Молодые первыми должны старшим подавать руку, пить и курить при них нельзя. А у татар по-другому <...> Сейчас осовременились. Но наши девушки правильнее воспитаны, чем другие. У нас калым платят, а на татарке – пожалуйста, так женись” (ПМА 1: Айтековы). С 1990-х годов круг возможных брачных партнеров расширился после восстановления связей между астраханскими и ставропольскими туркменами: “Фунтовские крадут ставропольских девушек на свадьбах – сюда привозят, уговаривают невест” (ПМА 2: Туликовы). В 2000-е годы с ростом социальной мобильности для молодых туркмен, которые “берут” в свою семью невесту, выбор стал еще шире:

Раньше замкнуто жили в селе – только туркмены, а молодежь сейчас подвижная. С 2000-х годов стала уменьшаться доля туркмен в основном за счет смешанных браков. Сюда привозят невест других национальностей, и наши невесты иногда уходят в другие села (ПМА 2: А.Р. Кутлалиев);

А сейчас можно жениться на ком хочешь, у меня сноха казашка. А у другой туркменки все дети на русских девушках женаты (ПМА 1: Г.С. Гульмухамедова).

Для мужчины женитьба на иноэтничной девушке считается вполне допустимой – такая семья, оставшись жить в туркменской среде, будет считаться туркменской по мужу, и дети наследуют туркменскую идентичность (ПМА 1: Г.С. Гульмухамедова). “Когда на русской женятся, ей делают никах, дают мусульманское имя, хоронят на мусульманском кладбище. Сейчас почти половина браков с другими нациями, с казаками много. У нас так – лишь бы жили хорошо” (ПМА 2: З.Г. Туликова). Почти у всех участников пилотажного опроса есть родственники других национальностей: татары, казахи и русские, но их не много. О небольшом числе смешанных браков в недавнем прошлом говорит доля туркмен в составе населения Атала, Фунтово 1 и Фунтово 2 в 2010 г.: 77, 75 и 63% соответственно. Это подтверждают и полевые материалы последних лет астраханских исследователей: в Атале “девушки обычно выходили замуж за своих односельчан или за фунтовских туркмен. До 1940–1950 годов <...> межнациональные браки не поощрялись и даже осуждались” (Усманова и др. 2015: 70).

Укрепление идентичности благодаря связям с туркменами Ставрополя и Туркменистана

В советский период астраханские туркмены жили обособленно и мало контактировали со своими соплеменниками в соседнем Ставропольском крае. Причиной стала колхозная система: “Раньше паспортов не было у колхозников, не имели право уезжать” (ПМА 1: Айтековы, Гульмухамедовы). С начала 1990-х годов контакты возобновились. После посещения Астраханской области делегацией «Организации туркмен Ставропольского края “Ватан”» завязались дружеские и деловые отношения: туркмены стали приглашать друг друга на праздники, фестивали, заниматься совместным бизнесом, ездить друг к другу

в гости, на свадьбы, присматривать невест. Особые связи установились между с. Атал и ставропольскими аулами Эдельбай и Башанта – и там и там живут игдыры, обнаружившие родство между собой в прежних поколениях. Восстановление отношений стало радостным событием, поддержавшим туркменскую идентичность у автономно развивавшихся жителей сел Атал и Фунтово.

Ощущение себя туркменами в Астраханском крае подкреплялось близостью к закаспийским туркменам. Даже простое осознание того, что рядом расположено государство, где туркмены являются титульным народом, придавало особый смысл этнической идентичности астраханских туркмен, которые чувствовали свою принадлежность к общетуркменской культуре. Связи с Туркменией существовали и при СССР, а в постсоветский период приобрели значение межгосударственного сотрудничества. Еще в 1930-х годах родственники наших информантов из Атала “поехали в Туркмению посмотреть, может там лучше жить, один потом занял высокую должность на Кара-Богаз-Голе” (ПМА 1: Айтековы). В советское время астраханских призывников нередко посылали служить в войсковые части Туркмении, туда же отправлялись на учебу в вузы, в поисках супругов – “ездили жениться, и девушки тоже выходили туда замуж” (ПМА 2: З.Г. Туликова). Из Туркмении в Астрахань направляли “стройотряды”: “Раньше в совхозе Фунтовский выращивали овощи, помню, брали сюда из Туркмении студентов для полевых работ в 1987–1989 гг. – десантом” (ПМА 2: А.Р. Кутлалиев). Между астраханскими и закаспийскими туркменами существовали брачные и родственные связи, которые способствовали дальнейшему наращиванию отношений. Туркмения рассматривалась не только как историческая родина, но и как “спасительный тыл”. Закаспийские туркмены тоже считают Астрахань “запасным аэродромом”, где можно найти новую родину и соплеменников.

У меня много родственников в Туркменистане: в Чарджоу, в Ашхабаде, Мары. Кто-то из наших еще до войны туда уехал, кто-то ушел, чтобы в войну не идти в армию. И до революции были родственники в Туркмении. Мою сестру выдали замуж туда, не по любви: старики из Туркмении и здешние сговорились. Она там четырех детей родила, сейчас все они здесь живут. Я после учебы служил в армии в Ашхабаде. Когда я говорю по-ашхабадски, меня здесь не понимают (ПМА 2: И.Т. Туликов).

В Астрахань переселялись закаспийские туркмены, в том числе вступившие в браки с местными. Поэтесса Айшахан так “встретила свою любовь”: ее будущий муж приезжал в Астрахань по делам из Ташауза. После свадьбы он получил российское гражданство и остался жить в Атале (ПМА 1: А.К. Худайбердиева). Многие информанты из Астрахани бывали в Туркменистане, чаще всего по приглашению родственников или знакомых.

Признание Туркменистана исторической родиной, а его населения – этническим ядром не отменяет наличия локального самосознания. За два века изолированного развития у астраханских туркмен сложились: особый комплекс культурных традиций, диалект, идентичность, которая поддерживалась преобладанием браков внутри группы. Аналогичные процессы шли у ставропольских туркмен, обе общности достаточно близки в культурном и ментальном смысле, те и другие осознают себя “российскими туркменами”. “Мы – российские, защищали Родину. Мы отрывали туркмен от ваххабитского влияния”; “Мы – граждане России, но на благо России создаем Совет юга России: из всех сел Ашхабад подбирает активистов” (ПМА 2: Ш.У. Таганьязов; ПМА 1: Г.Г. Айтеков).

Астраханские туркмены считают себя более “современными”, просвещенными, мобильными, в отличие от закаспийских соплеменников, чей “традиционный” образ жизни, обычаи и особенности поведения порой кажутся им странными:

Друг женился на девушке из Туркмении, но жену у него забрали, так как калым 30 млн не уплатил. Сестру из рода бурунджик сосватали 20 лет назад, говорят, вы сами решайте насчет калыма – а они за невесту 3–5 млн дают.

В Туркмении я был в гостях у друга в племени бурунджик – там женщины вместе с мужчинами не сидят, и только ради гостя нас вместе посадили (ПМА 2: Туликовы).

Информанты с усмешкой вспоминали, как в Туркменистане определяли их отличие от “настоящих” туркмен:

Наш родственник, яшули, 64 года, приезжал в Туркменистан – там его проверяли на длинноголовость, примеряя шапку (тельпек) с глубоким дном. Сказали – “у тебя голова не подходит под шапку, ты – не настоящий туркмен”.

Жена была в Ашхабаде в 1999 г. – ей говорят: “Какие же вы туркмены? У вас платья короткие, вы – казахи” (ПМА 1: Айтековы, Гультухамедовы).

У астраханских туркмен прослеживается многоуровневая этническая идентичность: принадлежность к роду, племени, астраханской и – шире – российской группе, а также к туркменскому народу в целом. Чувство сопричастности к Туркменистану проявляется в живом интересе к происходящим там событиям. Главная улица с. Фунтово 1 носит имя Туркменбаши. Некоторые астраханские туркмены любят смотреть туркменистанское спутниковое телевидение, а участники местных фольклорных коллективов с восхищением вспоминают ашхабадский “Фестиваль туркмен мира” (2010): “Собирали тех, кто знает обряды и традиции. Перед нами стояла задача продемонстрировать свои особенности. С нами заранее связались, узнали размеры одежды и сшили в Ашхабаде голубые наряды, ведь голубой цвет – это наша традиция, так как живем у Волги” (ПМА 2: Туликовы).

Государственная поддержка приграничной этнической группы

На волнах “национального возрождения” поддержка “этнической самости” российских туркмен пришла из соседнего Туркменистана. В мае 1991 г. были созданы “Гуманитарная ассоциация туркмен мира” (ГАТМ) и ее Астраханское отделение – в работе учредительного съезда в Ашхабаде участвовали и астраханские туркмены (Сызранов 2012: 20–22).

В постсоветский период астраханские туркмены оказались важным связующим звеном в межгосударственных отношениях России и Туркменистана. С 2000-х годов Астраханская область выступает форпостом в развитии сотрудничества с соседней страной и использует политический потенциал местной туркменской группы. В 2009 г. в Астрахани установили памятник Махтумкули Фраги – подарок Президента Туркменистана. В 2010 г. в Ашхабаде состоялся “Фестиваль туркмен мира”. В 2014 г. в Астрахани открылось консульство Туркменистана и состоялся IV Каспийский саммит с участием президентов России, Азербайджана, Ирана, Казахстана и Туркменистана. Астраханские туркмены – неперенные участники торжеств по поводу этих и подобных мероприятий. В 2015 г. Туркменистан посетила делегация Астраханской области, в ее составе были и приволжские туркмены (Итоги визита... 2015). В 2019 г. в с. Фунтово 1 состоялось открытие школы им. Махтумкули Фраги, построенной по инициативе Президента Туркменистана на средства туркменской стороны – двухэтажный учебный комплекс с оснащенными современным оборудованием кабинетами рассчитан на 190 учеников. В школу пригласили хорошего специалиста из Ашхабада для преподавания туркменского языка (Единственная в России... 2019). На этой волне в 2020 г. вновь открылась начальная школа в с. Атал.

Далеко не случайно в этот период возрос интерес астраханских этнографов, историков и лингвистов к туркменской группе. В 2012 г. при содействии

правительства Астраханской области и Астраханского отделения ГАТМ вышла прекрасно оформленная большеформатная книга “Астраханские туркмены: история и современность”, упоминавшаяся выше.

* * *

Конструирование государством национальной идентичности своих подданных – факт неоспоримый и многократно описанный. Цели и причины такого конструирования могут быть различны. Так, при царском правительстве это осуществлялось в форме категоризации на основании поступавшей с мест информации должностных лиц, исследователей и путешественников. По этим данным туркмены классифицировались как татары, хотя цели конструирования татарской идентичности тогда не стояло. Но классификация повлекла за собой соответствующие решения, в частности, обучение на татарском языке.

Сами же туркмены, получив землю в 1862 г., тут же отделились от карагашей и кундровцев, так же называемых татарами. С тех пор они развивались обособленно в своих селах – автономность и предопределила сохранение туркменской идентичности. Та часть туркмен, которая занималась торговлей и промыслами в городской среде Астрахани, легче переходила на татарский язык, вступала в смешанные браки и частично меняла идентичность.

В середине 1920-х годов, когда “национально-территориальная система Советского Союза должна была распространиться на все национальные территории” (Мартин 2011: 22), вопрос о туркменах, обнаруженных в приволжских селах, “спустили на тормозах”. Спустя пять лет началось политическое конструирование татарской идентичности, поскольку она стала социальным капиталом и сулила реальные выгоды татаро-ногайскому национальному району. Туркмены же от этого проиграли: их культурная и этническая идентичности не признавались и не поддерживались, а татарский язык, которого они в детстве не знали, насаждался как родной. Немалую лепту в конструирование ассимиляционных процессов у астраханских туркмен внесли ученые, впрочем, результаты исследований могли иметь значение не для самих жителей, а прежде всего для административных органов, принимающих решения о культурном развитии области.

Наши материалы позволяют говорить, что ни политическое, ни научное конструирование не привело к массовой смене этнической и языковой идентичностей и оказалось малорезультативным. Данные переписей свидетельствуют о том, что жители трех сел (Атал, Фунтово 1 и Фунтово 2) каждое десятилетие указывали, что они туркмены и что знают родной язык. Вряд ли сопротивление ассимиляции было осознанным и связанным с “конструктивистской” деятельностью активистов, поскольку в СССР такая деятельность подавлялась. Просто туркмены жили автономно в относительно однородной среде. Их контакты с окружающими народами были ограничены, а связь с Туркменией в советский период не прекращались, что способствовало сохранению туркменской идентичности. Резкий взлет численности астраханских туркмен по переписи 1989 г. нельзя объяснить активностью каких-либо организованных структур. На волне перестройки актуализировалась этничность, граждане стали более свободно выражать свою волю. Записанные татарами и вроде бы смирившиеся с этим люди все-таки решили указать, что они туркмены.

В постсоветский период приграничная группа туркмен оказалась в выгодном положении связующего звена между соседними странами, что помогло развернуть вектор конструирования в противоположную сторону и направить усилия России и Туркменистана на поддержку этнической самобытности этой общности.

История астраханских туркмен показывает, что этническое конструирование воздействует прежде всего на отношение государственной машины к какой-либо группе, а также, благодаря сложившимся стереотипам восприятия, на изучающих ее антропологов. Сама этническая группа может развиваться вопреки конструированию при условии, что ее члены расселены компактно и обособленно в относительно этнически однородных селениях и у них есть возможность апеллировать к реальному или воображаемому “этническому ядру”.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта “Население пограничных территорий России: динамика групповых идентичностей, отношение к гражданству, миграционные риски” в рамках Программы фундаментальных исследований “Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление российской идентичности” (2021–2022 гг.).

Источники и материалы

- ВПН 2010 – Таблица 6. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей. Астраханская область // Всероссийская перепись населения 2010 г. <https://astrastat.gks.ru/folder/50776> (дата обращения: 13.06.2021).
- ВПН 1926 – Таблица VI. Население по народности, родному языку и грамотности. Нижне-Волжский район // Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. III. М.: ЦСУ Союза ССР, 1928. С. 462–466.
- ГААО – Государственный архив Астраханской области. Р-2766. О. 2. Историческая справка; Ф. Р-1210. О. 1. Предисловие.
- Гмелин 1777 – Гмелин С.Г.* Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. II, Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года. СПб.: Императорская Академия наук, 1777.
- Георги 1779 – Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб.: Императорская Академия наук, 1779.
- Единственная в России... 2019 – Единственная в России туркменская школа под Астраханью приняла первых учеников // ТАСС. 02.09.2019. <https://tass.ru/obschestvo/6831498>
- Итоги визита... 2015 – Итоги визита делегации Астраханской области в Туркменистан // Агентство международных связей Астраханской области. 25.11.2015. <https://mid.astrobl.ru/special/press-release/itogi-vizita-delegacii-astrahanskoj-oblasti-v-turkmenistan> (дата обращения: 17.07.2017).
- Оку, Викторин 2017 – Оку М., Викторин В.М.* Экспедиционное изучение этнолингвистики и диалектологии у туркмен Астраханской обл. в марте 2017 г. // Астраханские краеведческие чтения / Ред. А.А. Курапов. Астрахань: Изд. Сорокин Р.В., 2017. Вып. IX. https://www.academia.edu/32075879/The_Astrakhan_Lower_Volga_Turkmens_Abdals_Ighdyrs_ethnolinguistics_and_dialectology_A_scientific_Expedition_with_Japanese_author_March_2017_text_in_Russian
- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Атал Приволжского р-на Астраханской обл. Октябрь 2015 г. (информанты: Г.Г. Айтеков, ок. 1980 г.р.; Р.Г. Айтеков, ок. 1983 г.р.; Н.Ф. Айтекова, ок. 1985 г.р.; Х.Х. Айтекова, ок. 1955 г.р.; В.В. Гульмухамедов, ок. 1955 г.р.; Г.С. Гульмухамедова, ок. 1955 г.р.; Рауль, ок. 1990 г.р.; А.К. Худайбердиева, 1947 г.р.).

- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в села Фунтово 1 и Фунтово 2 Приволжского р-на Астраханской обл. Ноябрь 2015 г. (информанты: Г.Ш. Курбансеитов, ок. 1950 г.р.; А.Р. Кутлалиев, ок. 1950 г.р.; Ш.У. Таганьязов, 1954 г.р.; И.Т. Туликов, 1955 г.р.; А.И. Туликова, ок. 1990 г.р.; З.Г. Туликова, ок. 1960 г.р.; Ж.И. Ходжанепесов, ок. 1940 г.р.; А.К. Ходжанепесова, ок. 1945 г.р.; А. Язмухамедов, 1960 г.р.).
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Туркменский район Ставропольского края. Октябрь 2013 г. (информант З. Юнусов, ок. 1983 г.р.).
- ЭА ИЭА РАН – Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г.; материалы Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989; материалы Всероссийской переписи населения 2002 // Электронный архив ИЭА РАН.

Научная литература

- Андерсон Б.* Введение // *Андерсон Б. и др.* Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 7–25.
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.
- Арсланов Л.Ш.* Формирование и развитие островных языков и диалектов (на материалах тюркских языков и диалектов Волгоградской, Астраханской областей, Ставропольского края и Калмыцкой АССР). Дис. ... д. филол. н. Елабужский государственный педагогический институт, Елабуга, 1980.
- Барт Ф.* (ред.) Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий. М.: Новое изд-во, 2006.
- Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: ВШЭ, 2012.
- Брусина О.И.* Российские туркмены. Три века этнической стойкости. М.: ИЭА РАН, 2019.
- Веселовский Н.И.* Первое подданство туркмен в России // Исторический вестник. 1884. Год пятый. Т. XVI. С. 300–306.
- Викторин В.М. и др.* История Астраханского края. Астрахань: АГПУ, 2000.
- Викторин В.М., Идрисов Э.Ш.* Астраханские ногайцы: история и культура // Возрождение. 2006. № 9. <http://astinform.ru/v-viktorin-e-idrisov-astrahanskienogaytsy-i-istoriya-i-kultura.html>
- Викторин В.М., Идрисов Э.Ш.* Этническая история и традиционно-бытовая характеристика астраханских ногайцев // Астраханские краеведческие чтения. Вып. 3 / Отв. ред. А.А. Курапов. Астрахань: Изд. Сорокин Р.В., 2011. С. 308–312.
- Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
- Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // *Андерсон Б. и др.* Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 146–200.
- Демидов С.М.* Этнографическая поездка к астраханским и ставропольским туркменам // Материалы по исторической этнографии туркмен / Отв. ред. А. Оразов. Ашхабад: Ылым, 1987. С. 83–109.
- Курбанов А.В.* Ставропольские туркмены. Историко-этнографические очерки. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1995.
- Мартин Т.* Империя “положительной деятельности”. Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.
- Небольсин П.И.* Очерки Волжского низовья. СПб.: Тип. МВД, 1852.
- Плюцинский С.С.* Национально-государственные отношения на территории Нижнего Поволжья. 1917–1927. Дис. ... канд. ист. наук. Волгоградский государственный университет, Волгоград, 2010.

- Смит Э. Национализм и историки // *Андерсон Б. и др. Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002. С. 236–263.
- Сызранов А.В. Астраханские туркмены: историко-этнографическая характеристика // *Астраханские краеведческие чтения / Ред. А.А. Курапов*. Астрахань: Изд. Сорокин Р.В., 2011. Вып. III. С. 322–327.
- Сызранов А.В. (сост., отв. ред.) *Астраханские туркмены: история и современность*. Астрахань: Типография “Новая Линия”, 2012.
- Сызранов А.В. Этнос и этнические группы Астраханской области. Астрахань: АОНМЦНК, 2015.
- Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Усманова А.Р., Сызранов А.В., Водовозова И.В. (авт.-сост.) *Фольклор и этнография Приволжского района Астраханской области*. Астрахань: АОНМЦНК, 2015.
- Хобсбаум Э. *Нации и национализм после 1780 г.* СПб.: Алетей, 1998.
- Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // *Андерсон Б. и др. Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002. С. 332–346.
- Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Андерсон Б. и др. Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002. С. 121–145.

Research Article

Brusina, O.I. The Construction of the Tatar Identity and Ethnic Survival of the Astrakhan Turkmens [Konstruirovanie tatarskoi identichnosti i vosproizvodstvo etnichnosti u astrakhanskikh turkmen]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 167–191. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040091> EDN: HXVNOС ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Olga Brusina | <http://orcid.org/0000-0003-0134-975X> | brusina@inbox.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

Turkmen, Astrakhan region, construction, ethnic identity, Tatarization

Abstract

The article addresses the problem of effectiveness of the construction of ethnic identities by the state, taking the case of the Astrakhan Turkmens. What were the results of “Tatarization”, and how did the ethnic community and its borders change? In the 18th–19th centuries, it was believed that the Turkmens partly disappeared among the Tatars and the Nogai, having adopted their language and culture. In the early Soviet period of the 1930^s, the Turkmens were officially by force registered as Tatars, and the Tatar language became their language of instruction at schools. Up until the 1990s, this ethnic group did not receive any organizational, cultural, or administrative support from the state. History has shown that the Astrakhan Turkmens, despite the pressure from the state, managed to preserve their identity owing to their autonomy and ties with the neighboring Turkmenistan. In the post-Soviet period, the Astrakhan Turkmens found themselves in an advantageous position as a border group. This was instrumental in turning the vector of construction and redirecting the efforts of Russia and Turkmenistan towards supporting their ethnic identity.

References

- Anderson, B. 2002. Vvedenie [Introduction]. In *Natsii i natsionalizm* [Mapping the Nation], by B. Anderson et al., 7–25. Moscow: Praksis.
- Anderson, B. 2016. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokah i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole.
- Arslanov L.S. 1980. Formirovanie i razvitie ostrovnykh yazykov i dialektov (na materialakh tiurkskikh yazykov i dialektov Volgogradskoi, Astrakhanskoi oblasti, Stavropol'skogo kraia i Kalmytskoi ASSR [Formation and Development of Insular Languages and Dialects (On the Example of Turkic Languages and Dialects of Volgograd Region, Astrakhan Region, Stavropol Krai and the Kalmyk ASSR)]. PhD Diss. Yelabuga State Pedagogical Institute.
- Barth, F., ed. 2006. *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: sotsial'naia organizatsiia kul'turnykh razlichii* [Ethnic Groups and Boundaries]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Brubaker, R. 2012. *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity Without Groups]. Moscow: VShE.
- Brusina, O.I. 2019. *Rossiiskie turkmeny. Tri veka etnicheskoi stoikosti* [The Russian Turkmens: Three Centuries of Ethnic Resilience]. Moscow: IEA RAN.
- Demidov, S.M. 1987. Etnograficheskaia poezdka k astrakhanskim i stavropol'skim turkmenam [Ethnographic Trip to the Astrakhan and Stavropol Turkmen]. In *Materialy po istoricheskoi etnografii Turkmen* [Materials on the Historical Ethnography of the Turkmens], edited by A. Orazov, 83–109. Ashkhabad: Ylym.
- Gellner, E. 1991. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow: Progress.
- Gellner, E. 2002. Prishestvie natsionalizma. Mify natsii i klassa [The Coming of Nationalism and Its Interpretation: The Myths of Nation and Class]. In *Natsii i natsionalizm* [Mapping the Nation], by B. Anderson et al., 146–200. Moscow: Praksis.
- Hobsbawm, E. 1998. *Natsii i natsionalizm posle 1780 g.* [Nations and Nationalism since 1780]. St. Petersburg: Aleteiia.
- Hobsbawm, E. 2002. Princip etnicheskoi prinadlezhnosti i natsionalizm v sovremennoi Evrope [Ethnicity and Nationalism in Europe Today]. In *Natsii i natsionalizm* [Mapping the Nation], by B. Anderson et al., 332–346. Moscow: Praksis.
- Hroch, M. 2002. Ot natsional'nykh dvizhenii k polnost'iu sformirovavsheisia natsii: protsess stroitel'stva natsii v Evrope [From National Movement to the Fully-Formed Nation: The Nation-Building Process in Europe]. In *Natsii i natsionalizm* [Mapping the Nation], by B. Anderson, et al., 121–145. Moscow: Praksis.
- Kurbanov, A.V. 1995. *Stavropol'skie turkmeny. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Stavropol Turkmen: Historical and Ethnographic Essays]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet.
- Martin, T. 2011. *Imperiia "polozhitel'noi deiatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN.
- Nebolsin, P.I. 1852. *Ocherki Volzhskogo nizov'ia* [Essays on the Volga Lower Reaches]. St. Petersburg: Ministerstvo Vnutrennikh Del.
- Pljutsinskij, S.S. 2010. Natsional'no-gosudarstvennye otnosheniia na territorii Nizhnego Povolzh'ia. 1917–1927 [Ethnic Groups and State Relationship in Lower Volga Region. 1917–1927]. PhD Diss. Volgograd State University.
- Smith, A. 2002. Natsionalizm i istoriki [Nationalism and the Historians]. In *Natsii i natsionalizm* [Mapping the Nation], by B. Anderson, et al., 236–263. Moscow: Praksis.
- Syzranov, A.V. 2011. Astrakhanskii turkmeny: istoriko-etnograficheskaia kharakteristika

- [The Astrakhan Turkmens: Historical and Ethnographic Characteristics]. In *Astrakhanskie kraevedcheskie chteniia* [Astrakhan Local History Readings], edited by A. A. Kurapov, III: 322–327. Astrakhan': Sorokin R.V.
- Syzranov, A.V. 2015. *Etnosy i etnicheskie gruppy Astrakhanskoi oblasti* [Ethnoses and Ethnic Groups of the Astrakhan Region]. Astrakhan': AONMTsNK.
- Syzranov, A.V., ed. 2012. *Astrakhanskie turkmeny: istoriia i sovremennost'* [The Astrakhan Turkmens: History and Modernity]. Astrakhan': Tipografiia "Novaia Liniia".
- Tishkov, V.A. 2003. *Rekviem po etnosu: issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka.
- Usmanova, A.R., A.V. Syzranov, and I.V. Vodovozova. 2015. *Fol'klor i etnografiia Privolzhskogo raiona Astrakhanskoi oblasti* [Folklore and Ethnography of the Privolzhskii Region of the Astrakhan Province]. Astrakhan': AONMTsNK.
- Veselovskii, N.I. 1884. Pervoe poddanstvo turkmen v Rossii [The First Citizenship of the Turkmens in Russia]. *Istoricheskii vestnik* XVI: 300–306.
- Viktorin, V.M., at al. 2000. *Istoriia Astrakhanskogo kraia* [The History of the Astrakhan Region]. Astrakhan': AGPU.
- Viktorin, V.M., and E.S. Idrisov. 2006. Astrakhanskie nogai'tsy: istoriia i kul'tura [The Astrakhan Nogais: History and Culture]. *Vozrozhdenie* 9. <http://astinform.ru/v-viktorin-e-idrisov-astrakhanskii-nogai'tsy-i-istoriya-i-kultura.html>
- Viktorin, V.M., and E.S. Idrisov. 2011. Etnicheskaia istoriia i traditsionno-bytovaia kharakteristika astrakhanskikh nogai'tsev [Ethnic History and Traditional-Customary Characteristic of the Astrakhan Nogays]. In *Astrakhanskie kraevedcheskie chteniia* [Astrakhan Local History Readings], edited by A. A. Kurapov, III: 308–312. Astrakhan': Sorokin R.V.

ЭТНИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОРЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ В ПОНИМАНИИ МЕСТНЫХ МУСУЛЬМАН МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

А.О. Никитичева

Алена Олеговна Никитичева | <http://orcid.org/0000-0002-1470-7715> | alengus2112@gmail.com | независимый исследователь (Москва, Россия)

Ключевые слова

ислам, Московская область, этническая идентичность, религиозная идентичность, Всероссийская перепись населения

Аннотация

В статье представлены результаты полевой работы 2014–2021 гг. в местных религиозных организациях мусульман Московской области. Автор изучает аспекты этнической и религиозной идентичностей мусульман. Особое внимание уделено отношению мусульман региона – граждан РФ – к Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. В статье рассматриваются подходы и идеи, отраженные в исследованиях, посвященных переписям населения в России, анализируются языковая, этническая, религиозная и гражданская идентичности изучаемого сообщества, обсуждается проблема определения численности мусульман в Московской области. Автор отмечает тенденцию к снижению доверия респондентов к результатам Всероссийской переписи населения. Наряду с этим было выявлено, что мусульмане региона выражают мнение о необходимости фиксации религиозной принадлежности в следующих переписных кампаниях и официальных документах.

Всероссийская перепись населения – важнейшее мероприятие для всех, кому интересны социальные вопросы и этнокультурная проблематика, поскольку перепись остается важным инструментом изучения этнического состава и языковой ситуации, а ее результаты надолго становятся необходимым компонентом профессиональных публикаций об актуальном состоянии общества в целом.

Отношение жителей страны к такому масштабному событию может быть не менее значимым предметом исследования, чем статистические данные о составе населения. Помимо общего неоднозначного восприятия гражданами опросов и иных добровольных мероприятий, необходимо отметить тот факт, что науч-

---

Статья поступила 24.06.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 07.02.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Никитичева А.О. Этнический и религиозный факторы Всероссийской переписи населения в понимании местных мусульман Московской области // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 4. С. 192–208. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040108> EDN: HYDRZG

Nikiticheva, A.O. 2022. *Etnicheski i religiozni faktory Vserossiiskoi perepisi naseleniia v ponimanii mestnykh musul'man Moskovskoi oblasti* [Ethnic and Religious Factors in the Russian Census as Local Muslims of the Moscow Region Understand Them]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 192–208. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040108> EDN: HYDRZG

ные работы о правилах учета тех или иных личных данных, о формах фиксации в опросных листах этнической идентичности могут напрямую повлиять на характер участия людей в переписи. Более того, публичная научная дискуссия о способах изучения и различения культур может серьезно усилить имеющиеся тенденции в межэтнических отношениях, поскольку “научные классификации и академический дискурс можно считать важными инструментами институализации этнических различий...” (Соколовский 2010: 409). Это влечет за собой серьезную ответственность исследователей, поскольку их обсуждения могут привести к реификации этнических границ (Соколовский 2012: 89). Поэтому особенно важно проследить реакцию населения и на научный дискурс, и на процесс проведения переписи населения, и на ее результаты.

Очевидно, что не все культурное многообразие страны может быть зафиксировано и изучено методами переписи. Оставшиеся “за кадром”, объединенные на основе самых разных принципов группы людей тем не менее могут представить свое видение ситуации. В данной статье внимание будет уделено конкретному сообществу – мусульманам Московской области, активным участникам местных религиозных организаций, и их отношению к Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. Важно отметить, что мусульманское сообщество Московской области неоднородно: этнически оно состоит из представителей разных народов; институционально даже сунниты объединены в рамках трех разных муфтиятов. При этом восприятие местными мусульманами этнокультурной специфики региона, а также самого процесса и результатов переписи населения еще не изучались.

Этничность, язык и религия в описании населения России

Целые направления научных исследований посвящены проблематике, которая может проявиться в беседе респондента с переписчиком: изучение связи религиозной и языковой идентичностей с этнической; конструирование идентичности; этноконфессиональные аспекты во взаимодействии с государством и в отношении к языковой политике. Немаловажно и доверие граждан к переписи населения, готовность принять в ней участие. Именно эти вопросы обсуждались с участниками данного исследования.

На подготовительном этапе особое внимание было уделено методике специалистов Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов ИЭА РАН, в работах которых системно отражается конструктивистский подход к интерпретации данных. Концептуальные рамки конструктивизма остаются актуальными для понимания культурного разнообразия и активного включения членов общества в процесс создания и изменения культурных границ (Попков, Топорков 2006: 89–90). Знаменитый своим научным подходом антрополог Ф. Барт, один из основоположников конструктивизма в теории этничности, в своей программной работе отмечал, что именно взаимодействие культур, наличие социальных процессов исключения и включения позволяют культурам вырабатывать маркеры границ (Барт 2006: 10).

Одним из главных таких маркеров является языковая принадлежность. Социальные последствия усиления роли того или иного языка в повседневности и различные смежные темы вообще отмечаются специалистами как важнейшие направления исследований этничности в обществе (Дробижева 2006: 90). Поэтому языковому аспекту было уделено особое внимание в полевом исследовании. Но и здесь остается ряд спорных деталей. Так, специалисты отмечали, что от формулировки вопроса – “говорят” люди на том или ином языке, “владеют” им или “используют” его – будет зависеть репрезентативность дан-

ных. При опросе выбор в пользу глагола “говорить” или “использовать” мог бы стать важным шагом и к получению более корректных данных, и к снижению общественного напряжения (Соколовский 2010: 397). Относительно дискуссии вокруг понимания и роли родного языка, в том числе возможности иметь два родных языка, особенно подробно писал академик В.А. Тишков (Тишков, Акбаев 2019: 23). Тема родного языка на протяжении десятилетий остается крайне уязвимой, порождающей конфликтные обсуждения, которые обостряются в периоды переписей населения.

В регионах Урало-Поволжья в эти периоды ожидаемо возобновляются призывы по возможности “улучшить” показатели – “вывести” титульный этнос на первое место. Авторы отмечают, что при такой трактовке задач переписи статистические манипуляции кратно усиливаются. В регионах проводится планомерная информационная подготовка населения к выбору того или иного “нужного” варианта в графах “национальность” и “родной язык”, при этом нарастает противодействие со стороны общественных организаций и отдельных лидеров мнений (Габдрафиков 2019: 194–195). Во многих публичных заявлениях ключевой остается идея безусловной связи языковой принадлежности с этнической. Во время последней переписи звучали опасения, что риск искажения результатов ради политических целей сохраняется¹.

Часто акцентируют внимание на проблеме языка лидеры мнений, чье влияние становится все более значимым в постоянно расширяющемся информационном пространстве. Многие старожилы из числа мусульман Московской области сохраняют семейные и культурные связи с Урало-Поволжьем и активно включены в этот дискурс². Вот как об этом говорил один из респондентов:

В Московской области среди татар и башкир заметен призыв обязательно участвовать в переписи населения, записываться татарами и башкирами. Я вижу в последнее время ажиотаж среди башкир и татар на разных сайтах и в группах. Причем мессенджер “Ватсап”, как я думаю, является основным источником таких сообщений и инструментом их массовой рассылки. У меня, например, наверное, половина контактов в этом мессенджере сейчас активно пересылают такие сообщения (ПМА 2021: Динислам Шарипов).

В 2020–2021 гг. серьезнейшие коррективы в проведение переписи были внесены пандемией коронавируса³. Больше времени для распространения получили тревожные сообщения (и призывы), как именно стоит заполнить опросный лист, активно распространяемые равнодушными пользователями. Эти рассылки могли сильнее обычного повлиять на представления людей о целях Всероссийской переписи населения, об объективности и перспективах применения полученных в ее ходе данных. Установить хотя бы приблизительно процент населения, указавшего в переписных листах ту или иную национальность под влиянием каких-либо публикаций, акций, флешмобов, на основе собственных убеждений или вдохновившись примером лидеров мнений – крайне затруднительная задача. В период переписи могут озвучиваться различные “угрозы” существованию народа (либо “истинному” отражению данных в результатах переписи). В иерархии таких угроз на одном из первых мест остается проблема языка, численности носителей которого в сознании многих жителей страны тождественна численности самого народа⁴.

Академик В.А. Тишков в 2019 г. отмечал: “...доминирующий в государстве язык, да еще и с мировым статусом, всегда будет иметь преимущества на так называемом языковом рынке” (Тишков 2019: 140). В случае мусульман Подмосковья этот тезис подтверждается полевыми данными: языком межкультурного общения мусульманского сообщества сегодня стал русский язык. Исключение составляют шииты (хотя среди подмосковных шиитов русский язык также ак-

туален на открытых публичных мероприятиях) (ПМА 2021: Подольск; шииты хутба; 04.04.2021). Тем не менее в ходе полевой работы проявилась символическая важность указания языка своего народа в качестве основания для определения этнической идентичности мусульман.

Вероисповедание как основа для создания сообщества – особый, сложный в имеющихся условиях предмет рассмотрения: отдельного вопроса о вероисповедании в опросном листе переписи населения просто нет. Зарубежный опыт демонстрирует примеры того, как сильная религиозная идентичность мусульман в европейских странах может реально повлиять на сплочение их групп. В Великобритании, по свидетельству экспертов, вопрос о вероисповедании в опросный лист переписи населения был добавлен именно под влиянием мусульманского сообщества (Ammerman 2007: 31). В России (как и во многих других странах, проводивших перепись населения) вероисповедание исторически рассматривалось как важнейшая характеристика человека. В отечественных переписях населения вопрос о вероисповедании задавался в 1897 и в 1937 гг. Данные, полученные во время всесоюзной кампании 1937 г., стали неожиданными для руководства страны: верующих среди лиц в возрасте 16 лет и старше оказалось больше, чем неверующих: 56,7%. Таким образом, материалы переписи 1937 г. несли угрозу самим исследователям (Лучков 2008: 110). Эти результаты были аннулированы, а в дальнейшем характеристики профессионального состава населения с помощью переписей не изучались (Чумакова 2012: 106–133). В 2015 г. А.Е. Суринов, на тот момент руководитель Федеральной службы государственной статистики, отметил, что вопрос о религии не был включен в анкету 2010 г. по рекомендации представителей традиционных конфессий⁵. В 2020–2021 гг. ситуация не изменилась. Поэтому для выявления актуальной численности верующих и в изучении корреляции между ответами об этничности и религиозной принадлежности пока можно опираться только на социологические данные и косвенные показатели.

Региональный контекст и оценка численности мусульманского населения

Историография изучения ислама в России и идентичности российских мусульман обширна и требует отдельного рассмотрения. Здесь же остановлюсь лишь на ряде важных публикаций, имеющих отношение к теме моего исследования. Работы, посвященные различным аспектам ислама в Подмосковье (и, как нередко обозначают авторы, в Московском регионе вообще) можно условно разделить следующим образом: рассматривающие отдельные сюжеты в рамках описания общей ситуации в России (напр.: Амиров 2009; Асадуллин 2014; Ярлыкапов 2016); изучающие влияние миграции (напр.: Деминцева и др. 2017); представляющие собой обзоры истории формирования и развития мусульманских институций и лидерства (напр.: Гаврилов, Шевченко 2010; Мухетдинов, Хабутдинов 2011; Бустанов, Кемпер 2016); анализирующие локальные практики, локальные истории и биографии (напр.: Гузаиров 2009; Сафаров 2014); социологические исследования (напр.: Мчедлова 2015). Весомый вклад в описание истории и современной жизни старожильского мусульманского населения внесли сами представители общин, в числе которых были историки, этнографы и общественные деятели. Значимым событием стал выпуск энциклопедического словаря “Ислам в Москве” (Хайретдинов 2008) в рамках серии “Ислам в Российской Федерации”. С 2015 г. проводится ежегодная конференция “Ислам в Московском регионе”, по итогам которой выпускается сборник статей (см., напр.: Аббясов 2020).

Специфика изучения мусульманских общин Московской области состоит в том, что для их членов проживание в регионе сопряжено с постоянным межкультурным общением, в том числе с позиции религиозного меньшинства. Ислам здесь имеет свою историю, при этом особенно важный ее период начался на рубеже XIX–XX вв., когда отмечался общий рост численности населения столицы и окрестных земель. Тогда фиксировалось и расширение мусульманской общины региона. В самой Москве в начале XX в. насчитывалось 5,9 тыс. мусульман (*Гаврилов, Шевченко 2010: 82*). На территории нынешней Московской области сложилось сразу несколько масштабных поселений (часто слободского типа) татар, переселившихся из регионов Урало-Поволжья. Именно татарские соседские объединения стали в Подмосковье первыми общинами, для которых было важно сохранение мусульманских традиций. В конце XX в. на их основе возникли официально зарегистрированные местные религиозные организации мусульман городов и поселений Московской области. Наиболее влиятельные из них, отвечающие интересам местных сообществ, были созданы в середине 1990-х годов. Руководство и актив общин (учредители, советы общин, постоянные участники мероприятий) – граждане России, главным образом из числа татар, башкир и народов Северного Кавказа, а также русских приверженцев ислама.

Местные мусульмане региона обладают объединяющим сообществом опытом, что позволяет проводить исследование их мнений по конкретным темам. Более того, заметной чертой сообщества является ориентир на создание позитивного имиджа, в том числе через адаптацию мигрантов к уже сложившейся в общинах жизни. Международные миграционные процессы последних десятилетий кардинально изменили и увеличили состав прихожан, но участие новоприбывшего населения либо временных мигрантов в управлении общинами мусульман региона остается слабым. Между тем риторика уязвимости татарской идентичности в новых условиях довольно ощутима, хотя она обосновывается не только миграционными процессами, но и влиянием русского немусульманского населения. Несколько меньшую тревожность за сохранение этнической целостности показывают азербайджанцы-шииты, проживающие в Московской области.

Специалисты, исследовавшие влияние миграционных процессов на мусульманские общины в других регионах России еще в 2015 г., видели серьезный конфликтный потенциал в несовпадении поведенческих стратегий местных и приезжих мусульман. В этом случае, по мнению ученых, высока вероятность создания новоприбывшими независимых молельных комнат либо демонстративный отказ от принятия норм местной мусульманской общины (*Шмелев, Потанова 2015: 149*). Мусульмане – старожилы Подмосковья рассказывают, что такой конфликт приводит и к созданию ячеек “проповедников”, которые действуют в разных городах и могут вербовать сторонников в уже созданных общинах (ПМА 2021).

Даже неполный перечень аспектов влияния миграции на мусульман региона не позволяет говорить о гомогенности этого сообщества. Поэтому в данном исследовании акцент был сделан на гражданах России, проживающих в регионе на протяжении многих лет – с рождения или с юности. Речь идет о людях, которые постоянно участвуют в ключевых мероприятиях местных религиозных организаций мусульман (пятничном намазе, меджлисах и собраниях по семейным событиям, в Ураза-байраме и Курбан-байраме, в обучении религии, в открытых празднованиях, например, по случаю годовщины исторического события).

Поскольку численность приверженцев тех или иных религий в регионе (особенно в центре миграционных потоков) на данный момент может быть при-

ведена только приблизительно, мы рассмотрим несколько подходов к ее определению в настоящих условиях. Доля представителей народов, традиционно исповедующих ислам (около 65 народов России), по сведениям одних источников, составляет примерно 11% от всего населения страны (Зорин 2017: 20). Безусловно, в этом вопросе необходимо учитывать мнение человека (Пучков 2008: 109): нужно говорить не о численности общностей, традиционно исповедующих ту или иную религию, а о количестве людей, идентифицирующих себя как ее последователей (Зорин 2017: 20). По данным других источников, например, общероссийского опроса 2011–2012 гг., соотношение приверженцев традиционных религий таково: 59–75% – православные христиане, 5–6% – мусульмане (Романов, Степанов 2012: 54); на эти цифры можно ориентироваться как на нижнюю границу численности исповедующих ислам. Интересно отметить, что председатель Духовного управления мусульман Московской области Р.Р. Аббясов (ПМА 2017) в своих оценках близок к первой позиции: по его мнению, в Подмоскowie местные мусульмане составляют около 10% от всего населения (Никитичева 2020: 151). Р.Р. Аббясов основывается не только на сведениях об этническом составе населения, а на целом комплексе показателей, среди которых посещаемость мечетей и культурных центров. Согласно его подходу, если по данным Федеральной службы государственной статистики численность населения региона на 2021 г. составляет 7 708 499 человек, то не менее 770 тыс. жителей являются последователями ислама.

Важно отметить, что только официально зарегистрированные религиозные организации могут вести открытую деятельность. Поэтому для оценки численности мусульман необходимо учитывать не только данные Министерства юстиции РФ (МЮ РФ) по таким организациям, но и данные, полученные в ходе постоянной полевой работы по выявлению малочисленных либо номинально формализованных объединений.

Согласно информации, приведенной на официальном сайте МЮ РФ, на момент проведения исследования в Московской области было зарегистрировано 84 религиозные организации мусульман. Часть из них имеют собственное помещение или здание (культурный центр, реже мечеть), что позволяет им расширять круг прихожан. Большинство из таких общин представляют ЦРО Духовное управление мусульман Московской области (фактически в составе ЦРО Духовное управление мусульман Российской Федерации), менее широко в регионе представлен Московский муфтият ЦРО Духовное собрание мусульман России, свое представительство имеет и ЦРО Центральное духовное управление мусульман России (действующая община в г. Сергиев Посад); некоторые организации официально действуют вне муфтиятов (шииты).

При попытке оценить численность мусульман в этих общинах важно учитывать три разных показателя, соответствующие трем важнейшим обрядовым мероприятиям, объединяющим верующих: 1) количество активных членов, организующих жизнь общины и регулярно собирающихся на межжлисы – Совет общины (в Подмоскowie в среднем это от 15 до 30 и более человек); 2) количество прихожан на пятничном намазе (обычно варьирует от 300 до 2 тыс. человек, но есть и другие данные, резко отличающиеся в обе стороны); 3) количество участников двух больших праздников – Ураза-байрам и Курбан-байрам (от 500 до 7 тыс. человек; число прихожан в эти дни резко увеличивается за счет иностранных мигрантов). Численность мусульман региона в последнем случае можно уточнить и по сведениям о предоставляемых для коллективной праздничной молитвы площадках. Здесь необходимо ориентироваться на данные до введения ограничений из-за пандемии коронавируса: в 2019 г. было выделено 39 официальных площадок в Московской области.

На мой взгляд, второй показатель должен рассматриваться как основной для определения количества постоянно проживающих в регионе мусульман, но эта идея требует проверки, которую трудно осуществить без статистики. При этом остается проблема подсчета мусульман, которые не посещают коллективные молитвы, например, большого числа женщин. Тем не менее даже с учетом этих деталей мы можем предположить, что 84 общины Подмосковья сегодня объединяют не менее 96 тыс. постоянно проживающих в регионе мусульман (по среднему показателю числа прихожан, участвующих в пятничном намазе).

Остается вопрос о наличии в регионе примеров резидентной концентрации иностранных мигрантов из стран традиционного распространения ислама. Социологические данные позволяют предположить наличие гипотетического российского паттерна складывания районов компактного проживания (вокруг рынков). Исследования, проведенные в г. Москве, позволили заметить, что, “несмотря на ассимиляционные процессы, в том числе за счет строительства новых зданий в местах резидентной концентрации мигрантов, уровень сегрегации растет, поскольку именно мигранты формируют спрос на эту недвижимость” (*Варшавер и др.* 2020: 225–253). Отмечается также процесс “пространственного перераспределения” представителей разных этнических групп. Некоторые исследователи даже указывают рубеж, за которым наступает якобы неминуемая этнизация кварталов: 17% этнически отличных от остального населения жителей. “Реалистичность осуществления подобного прогноза значительно выше на южных, восточных и северных окраинах, чем в центре или на юго-западе столицы...” – предупреждал автор обзора в 2004 г. (*Вендина* 2004). Исследователи отмечают, что в г. Москве сохраняется слабая информированность населения, в том числе молодежи, о других народах и культурах, имеет место влияние этнических стереотипов и предрассудков (*Остапенко и др.* 2019: 95).

Даже если регионы компактного проживания мусульман есть в Московском регионе, то, во-первых, возникли они, вероятнее всего, только в последние 10–15 лет, а во-вторых, сегодня они редко становятся базовой структурой для официально зарегистрированной организации мусульман (с неофициальными объединениями ситуация иная).

Методы полевого исследования

В статье приводится анализ данных, полученных в 2014–2021 гг. в ходе полевой работы в Московской области. Основными методами, используемыми мной, были включенное наблюдение и глубинное интервью с представителями зарегистрированных религиозных организаций мусульман региона (активистами, являющимися гражданами Российской Федерации). Дополнительно был привлечен массив материалов онлайн-опроса, проведенного в апреле 2021 г. среди 50 активных участников общин, в котором были задействованы только адресные обращения: использовались постоянные контакты, сформированные в ходе полевой работы; опросный лист в открытом доступе не размещался. Результаты опроса были использованы для получения дополнительной, менее персонализированной информации. После сбора всех материалов (полевых и полученных в ходе опроса) была предпринята попытка сопоставить мнения мусульман региона по ряду вопросов, связанных с переписью населения. Стоит указать, что мнения людей, “номинально” считающих себя мусульманами, практически не учитывались, поскольку они довольно редко полноценно участвуют в жизни общин.

Следовательно, в данном исследовании имеет смысл говорить о презентации мнения именно активных участников мусульманских организаций, граждан Рос-

сийской Федерации, а не всего мусульманского населения региона. Наибольшее число респондентов, принявших участие в исследовании, оказалось в категории от 35 до 50 лет, что сопоставимо с возрастом многих лидеров общин мусульман Московской области. Большинство опрошенных – мужчины (три четверти опрошенных), что представляется вполне логичным, поскольку именно мужчины руководят и коллективной молитвой, и самой общиной. При этом женщины, может быть, и немногочисленная, но неотъемлемая часть актива любой заметной общины мусульман. Более половины респондентов отметили, что имеют высшее образование, вариант “без образования” не был выбран ни разу (такое соотношение само по себе формирует область для новых изысканий, хотя показатель требует верификации).

Активисты мусульманских общин Подмосковья об участии во Всероссийской переписи населения

Многие респонденты отметили, что участие в переписи населения – это гражданский акт, показывающий открытость государству, а также ответственность перед своим народом:

Я был настроен очень серьезно, потому что рассматривал свое участие с практической точки зрения <...> Например, показать, что нужна поддержка татарского языка у нас <...> Потому что не взаимодействовать с государством невозможно, нельзя иначе поменять жизнь к лучшему. И я был очень расстроен, что люди слабо поддерживали идею участвовать в переписи (ПМА 2021: Рустам Гарипов).

Такое мнение достаточно распространено, поэтому можно говорить, что в обсуждении мусульманами вопросов переписи населения заметно пересечение этнической, религиозной и гражданской идентичностей. Можно предположить, что отношение к участию в переписи и к ее результатам в какой-то мере косвенно свидетельствует о доверии к государству вообще. В этой работе, как уже отмечалось, не рассматривается отношение к переписи новоприбывшего населения и временных мигрантов-мусульман, замечу только, что лояльность государству этих групп неоднократно анализировалась специалистами в рамках различных проектов (см., напр.: *Рочева и др.* 2020: 503).

В исследовании, которому посвящена данная статья, за полгода до основного этапа переписи респондентам были предложены вопросы: когда пройдет переписная кампания (большинство опрошенных не смогли дать ответ)? какие задачи она решает? будут ли достоверны полученные в ее ходе данные о численности народов? как правильно определить свою принадлежность к тому или иному народу (об основаниях определения этнической идентичности)? Были заданы и вопросы, проясняющие отношение респондентов к дискуссии о соотношении гражданской идентичности с другими элементами самосознания – более половины опрошенных отметили, что гражданская идентичность не противоречит этнической. Эти данные сопоставимы с результатами масштабного исследования, проведенного в 2008 г. в 14 городах России – тогда 57,7% респондентов указали, что, не отрицая своей национальной (этнической) принадлежности, они могут отметить национальность “россиянин” (*Тишков, Степанов* 2009: 36). Анализируя данные 2008 г., специалисты уточняли: “С одной стороны, подобный характер ответов есть свидетельство неустойчивости этнических категорий, а с другой – еще более важное свидетельство потенциальной готовности населения к усилению процессов нациестроительства, процессов гражданской интеграции” (*Шабаетов* 2011: 71).

Проблема состоит в том, что, по-видимому, формирование мнения о государственных проектах может в значительной степени зависеть не от самого

вопроса, а от общего уровня доверия (или недоверия) к официальной информации. Если в сообществе сформировался скептицизм по отношению к официальным источникам информации, то можно предположить распространение критического взгляда даже на вопросы, не связанные с политикой. Безусловно, проблема доверия к контролирующим институтам государства и к научным данным требует отдельного рассмотрения.

В процессе исследования респондентам задавался вопрос: “Считаете ли Вы, что результаты переписи отражают реальный состав населения страны?” Только треть опрошенных ответила на него утвердительно, две трети распределились по вариантам “нет” и “затрудняюсь ответить”.

В периоды проведения прошлых переписей этот момент также отмечался специалистами. Так, в 2011 г. были опубликованы результаты опроса среди жителей Москвы, свидетельствующие о радикальном недоверии значительной части москвичей к государственным мероприятиям вообще и к Всероссийской переписи населения в частности:

Респонденты высказывали сомнения в том, что перепись, как мероприятие государственного масштаба, действительно может быть инструментом адекватной социально-экономической и этнической политики. Лишь 40% опрошенных москвичей заявило, что перепись населения проводить необходимо, тогда как 39% не знают, нужна ли перепись стране или нет. Пятая часть опрошенных была против проведения переписей населения (*Кульбачевская 2011: 44–62*).

В данном исследовании вопрос о том, как респонденты видят основания определения этнической идентичности, включал несколько вариантов ответов, в том числе была возможность вписать свой. Вариант “самоопределение” намеренно был исключен. Было важно выяснить, будет ли он насколько значим для респондента, чтобы быть указанным (без подсказки) в графе “другое”. В итоге “самоопределение” как основу этнической идентичности указал только один из 50 участников опроса, несколько большая готовность к такой позиции была озвучена в интервью. Достаточно ожидаемой оказалась популярность ассоциации этнической принадлежности с религиозной: треть респондентов отметили вероисповедание как одно из оснований этнического самоопределения человека, хотя категория “этнический мусульманин” обычно воспринимается крайне негативно мусульманами региона.

В ответ на вопрос: религия или этничность/землячество для постоянных прихожан мусульманских общин Московской области является решающим фактором объединения? – руководители организаций единогласно назвали религию:

Мы скорее выбираем мусульманскую основу для объединения. Мы осознанно не делаем акцент на национальности ни во время проповедей, ни во время мероприятий. И за последние 10 лет мы видим динамику, сейчас люди в мечетях области все меньше делают акцент на национальности, а раньше это было сплошь и рядом (ПМА 2021: Вильдан Габидуллин).

Происхождение и этническая принадлежность родителей как основания этнической идентичности были наиболее популярны среди участников исследования; знание родного языка выбрали более половины респондентов. Полученные данные свидетельствуют об актуальности темы языковой политики и проблемы сохранения родного языка в сообществе мусульман.

Даже номинальное указание в различных официальных формах (анкетах, бланках и пр.) татарского, азербайджанского языков, языков народов Северного Кавказа, народов Средней Азии и других в качестве родного остается одобряе-

мой в мусульманском сообществе моделью поведения. В этом случае язык (отличный от русского) понимается не как средство реальной коммуникации, а как признак самобытности народа:

Для статистики значения не имеет, если человек язык свой родной не знает. Его все равно запишут, например, татарин, киргизом или таджиком. Но мы должны понимать, что язык – это основа. Если ты считаешь себя представителем какой-то нации, то ты должен хотя бы половиной языка обладать, хотя бы просто уметь разговаривать <...> У нас людей, которые только заявляют о своей принадлежности, называют манкуртами – такой человек не знает ни своего языка, ни традиций. Если таких и дальше будет много, то и наш язык исчезнет, и литература исчезнет, ничего не будет передаваться следующим поколениям. Поэтому вопросы языка, национальности и религии важнейшие, они должны присутствовать общим блоком в переписи населения. А сейчас там много лишних вопросов, например, о доходах человека, о том, где и как он проживает (ПМА 2021: Руслан Саберов).

Сохранение реальных навыков владения родными языками (или обучение им, если сохранить язык на должном уровне не удалось) постулируется как важнейшая задача каждой мусульманской семьи, несмотря на то что обучение арабскому – языку вероучительной традиции – тоже считается необходимым элементом домашнего воспитания детей.

Вопрос об указании национальности (этнической принадлежности) в официальных документах вызывал особый интерес респондентов. Полученные результаты позволяют предположить, что среди активных участников религиозных организаций мусульман Московской области (граждан России) широко поддерживается мнение о необходимости внесения такой графы (“национальность”/“этническая принадлежность”) в документы, удостоверяющие личность. Респонденты отмечали, что именно так можно было бы повысить доверие к местным мусульманам со стороны немусульман (последние увидели бы в документе запись “татарин”, а не, например, “представитель народов дальнего зарубежья”). По-видимому, этот момент не только говорит о желании продемонстрировать свою этническую принадлежность, но и высвечивает проблему этнических границ, из-за которых коммуникация между (условно) мусульманскими и (условно) немусульманскими народами Подмосковья остается затрудненной и уязвимой для конфликтов по причинам, не связанным с религией.

В повседневной риторике жителей Подмосковья популярна идея создания моноэтничной/монокультурной среды как фактора комфортного существования. Данных о степени распространенности идеи сейчас нет, но отношение к этническим анклавам, регионам компактного проживания, местам резидентной концентрации людей, принадлежащих к одной этнической культуре, по-видимому, неоднозначно не только в научных кругах (где обычно они рассматриваются скорее как угрожающий фактор).

Большая часть участников опроса на вопрос “Есть ли в Вашем городе или районе компактное поселение или проживание по соседству семей представителей каких-либо народов (ранее прибывших из других регионов России или других стран)?” дала утвердительный ответ. При этом во время интервью высказывались серьезные сомнения в том, насколько корректно такие кварталы называть “закрытыми” или гомогенными:

В некоторых населенных пунктах, где большой частный сектор – там можно встретить, что примерно половина улицы уже заселена мусульманскими семьями <...> В многоквартирных домах можно встретить ситуацию, когда вся лестничная клетка – это семьи конкретного народа <...> Но это не закрытые кварталы (ПМА 2021: Динислам Шарипов).

Такого мнения придерживаются многие участники исследования, они отмечают, что в регионе есть несколько домохозяйств, объединяющих семьи представителей конкретных народов, в том числе мусульманских, но, с их точки зрения, об этнизации целых районов говорить не приходится.

Примечательно, что идея создания этнокультурно гомогенных кварталов не встретила одобрения у большинства интервьюируемых (напомним, что в основном это лидеры общин). При этом более половины участников опроса (среди них преобладают простые прихожане) указали, что относятся к появлению этнических кварталов положительно. Такой результат задает новое направление исследования, требующее привлечения как статистических данных, так и полевых материалов, поскольку место регистрации людей зачастую не совпадает с местом их фактического проживания.

* * *

На основе полученных данных можно сказать, что темы, связанные с этничностью, этнокультурным разнообразием, его сохранением и развитием, популярны среди активных участников мусульманских организаций региона. При этом Всероссийская перепись населения 2020–2021 гг., по-видимому, не является для них главным источником таких сведений. Только треть респондентов воспринимают результаты переписи в части этнического состава как достоверные. Остается открытым вопрос о степени влияния на отношение к теме этничности личного мнения людей из ближнего круга, авторитетных лиц среди лидеров общины, колумнистов различных средств массовой информации, публицистов и иных людей.

Можно предположить, что у местных подмосковных мусульман достаточно четко выражены этническая и гражданская идентичности. Полученные данные свидетельствуют о том, что более половины участников исследования не видят противоречия между российской идентичностью и чувством причастности конкретной этнической общности. Половина опрошенных поддержала идею указывать в паспорте и других документах национальность, но это может быть обусловлено самыми разными причинами.

Основаниями для определения своей этнической принадлежности для участников исследования в основном служат происхождение и этническая принадлежность родителей, а также знание родного языка. Поэтому в дальнейшем можно прогнозировать повышенное внимание мусульман региона ко всем событиям и решениям, связанным с изучением языков народов России. Треть респондентов считают основанием этнической идентичности вероисповедание.

В процессе исследования было выявлено, что принадлежность респондентов к категории “мусульмане” оказалась настолько важной, что они указывали ее в открытых вопросах и отдельно выделяли в интервью. Более того, многие мусульмане Подмосквья, граждане Российской Федерации, считают важным внесение вопроса о вероисповедании в опросный лист следующей переписи.

Обсуждение фактора формирования этнических кварталов (или районов компактного проживания каких-либо народов, отличных от русского) в Московской области и отношение к нему респондентов дало неожиданные результаты. В беседах с людьми речь шла именно об этнических, а не о мусульманских кварталах. Многие участники исследования из числа прихожан общин отметили, что относятся к такому явлению одобрительно. Дальнейшее изучение этнорелигиозной картины региона с точки зрения возможности формирования кварталов и районов компактного проживания мусульман, по моему мнению, требует серьезного внимания.

Примечания

¹ “...в Башкортостане перепись населения понимают как некий вариант идеологической войны и национальной башкирской мобилизации” (Искандер Измайлов) (Неужели кто-то считал, что татары согласятся отказаться от своего языка, культуры и памяти предков? // Деловая электронная газета “БизнесOnline”. 08.05.2021. <https://www.business-gazeta.ru/article/508546>)

² Активисты (активные участники общин) – в основном нижегородские, мордовские и пензенские татары, но встречаются представители и других групп татар, и других народов, включая русских.

³ Росстат еще не знает дату начала переписи населения // Международная информационная группа “Интерфакс”. <https://www.interfax.ru/russia/763699> (дата обращения: 28.04.2021);

“Люди привыкают, что мы один народ”. Черкесские активисты – о переписи населения // Кавказ.реалии (ресурс включен в Реестр иностранных СМИ – иноагентов). <https://www.kavkazr.com/a/30779284.html> (дата обращения: 28.04.2021).

⁴ Сообщение, распространяемое в числе прочих среди мусульман Московской области посредством мессенджера “Ватсап” весной 2021 г. (орфография и пунктуация сохранены): “Дорогие друзья, родственники, одноклассники, мусульман кардәшләрем! Наша страна готовится к переписи населения. В бланках очень двояко будет поставлен вопрос о родном языке: страна проживания Россия, а затем вопрос о РАЗГОВОРНОЙ речи – вот здесь будьте очень внимательны, убедительная просьба в этом разделе ставить ТАТАРСКИЙ язык, даже, если вы знаете хоть одно слово на татарском языке, а дополнительный язык ставьте русский. Все это делается для уменьшения % соотношения количества татарского народа, что повлечет уменьшение нашего статуса, ввиду чего мы потеряем школы, классы по изучению татарского языка, библиотеки, ВУЗы, театры, и. т.д. Нет языка – нет народа. Будьте внимательны! Дорожите своими корнями, историей, национальностью, языком и народом!!!”

⁵ «Росстат изучал этот вопрос и обратился “к нашим основным конфессиям, и было единодушное мнение, что этот вопрос задавать не следует”. Именно поэтому в законе о переписи такого вопроса пока нет, но возможность его появления прорабатывается» (Владыкина Т. Вопрос о вероисповедании появится в опросе переписи населения // Интернет-портал “Российской газеты”. 20.04.2015. <https://rg.ru/2015/04/20/perepis-site-anons.html>).

⁶ В опросе были выделены следующие возрастные категории: 18–25 лет, 25–35 лет, 35–50 лет, старше 50 лет.

Источники и материалы

Аббясов 2020 – Аббясов Р.Р. (ред.) Ислам в Московском регионе: материалы IV межрегиональной научной конференции. Ногинск, 22 октября 2020 г. М.: Издательский дом “Читай”, 2020.

Гузаиров 2009 – Гузаиров Р.Г. (сост.) Татары Подмосковья: историко-литературная хроника жизни и дел татар Московской области с древнейших времен и до наших дней. М.: Арба Т-XXI, 2009.

ПМА 2017 – Полевые материалы автора. Интервью Аббясова Р.Р.

ПМА 2021 – Полевые материалы автора. Папка “Глубинные интервью с активистами местных религиозных организаций мусульман Московской области на тему отношения к переписи населения”.

Хайретдинов 2008 – Хайретдинов Д.З. (ред.) Ислам в Москве: энциклопедический словарь. Нижний Новгород: Издательский дом “Медина”, 2008.

Научная литература

- Амиров Я.Б.* Исламская составляющая российской идентичности. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. ФГОУ ВПО "Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации", Москва, 2009.
- Асадуллин Ф.А.* Многонациональный мир Москвы: от города к мегаполису. М.: Диалог цивилизаций, 2014.
- Барт Ф.* (ред.) Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006.
- Бустанов А.К., Кемпер М.* Ислам по-русски: анализ современной исламской литературы в России: учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2016.
- Варишвер Е., Рочева А., Иванова Н.* Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 225–253.
- Вендина О.И.* Москва этническая: грозит ли городу геттоизация? // Демоскоп weekly. 2004. <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0177/tema05.php>
- Габдрафиков И.М.* Зигзаги этностатистики: особенности переписей населения в Башкирии в 1989, 2002, 2010 гг. и прогноз на 2020 гг. // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / Ред. М.Ю. Мартынова, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 193–196.
- Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г.* Ислам и православно-мусульманские отношения в России в зеркале истории и социологии. М.: Культурная революция, 2010.
- Деминцева Е.Б., Зеленова Д.А., Космидис Е.А., Опарин Д.А.* Возможности адаптации детей мигрантов в школах Москвы и Подмосковья // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 4. С. 80–109.
- Дробижева Л.М.* Методологические проблемы этносоциологических исследований // Социологический журнал. 2006. № 3/4. С. 89–101.
- Зорин В.Ю.* Мусульмане России: реалии формирования гражданской идентичности // Власть. 2017. № 8. С. 39–48.
- Кульбачевская О.В.* Общественные реакции на перепись // Этнологический мониторинг переписи населения / Ред. В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 44–62.
- Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю.* Ислам в России в XVIII – начале XXI вв.: модернизация и традиции. Нижний Новгород: ННГУ им. Лобачевского, 2011.
- Мчедлова М.М.* Ислам и единство российского общества: современность и исторический опыт // Ислам в современном мире. 2015. № 1. С. 93–102.
- Никитичева А.О.* Русские мусульмане Подмосковья: аспекты самопонимания и роль в общинах // Ислам в современном мире. 2020. № 3. С. 145–164.
- Остапенко Л.В., Старченко Р.А., Субботина И.А.* Русская молодежь Москвы в системе межэтнического взаимодействия // Вестник антропологии. 2019. № 4 (48). С. 88–105.
- Попков Ю.В., Топорков В.Т.* Этничность реальная или воображаемая: новый конструктивизм // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2006. Т. 4. Вып. 2. С. 88–92.
- Пучков П.И.* Соотношение этнического и конфессионального в России // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М.П. Мчедлов. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 109–134.

- Романов М.В., Степанов В.В. (ред.) Религия в российском обществе. Традиционные религиозные и либеральные взгляды. М.: Общественная палата РФ, 2012.
- Рочева А.Л., Варшавер Е.А., Иванова Н.С. Уязвимые группы в чрезвычайных ситуациях: солидарность и доверие государству как основа стратегий мигрантов в России во время пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 488–511.
- Сафаров М.А. Посеваемые мечети в современной религиозной практике московских татар // Антропологический форум. 2014. № 23. С. 108–122.
- Соколовский С.В. Вторая всероссийская перепись населения: категоризация населения и политика идентичности // Ab Imperio. 2010. № 4. С. 393–414.
- Соколовский С.В. Прошлое в настоящем российской антропологии // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы / Ред. и сост. А.Л. Елфимов. М.: НЛЮ, 2012. С. 78–108.
- Тишков В.А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 127–144.
- Тишков В.А., Акбаев Х.М. “Народ не умирает с языком” или “Язык не живет без народа”? Диалог ученых о конфликте вокруг родного языка // Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / Отв. ред. Е.И. Филиппова, С.В. Соколовский. М.: ИЭА РАН; Горячая линия – Телеком, 2019. С. 19–39.
- Тишков В.А., Степанов В.В. Кем себя считают россияне // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2008 г.: ежегодный доклад сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 63–83.
- Чумакова Т. “Карта религий” для неудавшейся всесоюзной переписи 1937 г.: забытая страница советского религиоведения // Государство. Религия. Церковь. 2012. № 3–4 (30). С. 106–133.
- Шабает Ю.П. Этнический национализм и гражданская нация в современной России // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 69–83.
- Шмелев А.П., Потапова Ю.С. Влияние миграционных процессов на мусульманское сообщество России // Ислам в современном мире. 2015. № 11 (2). С. 145–152.
- Ярлыканов А.А. Российский ислам в контексте ситуации на Ближнем Востоке // Валдайские записки. 2016. № 48.
- Ammerman N.T. *Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives*. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Research Article

Nikiticheva, A.O. **Ethnic and Religious Factors in the Russian Census as Local Muslims of the Moscow Region Understand Them [Etnicheski i religiozni faktory Vserossiiskoi perepisi naseleniia v ponimani mestnykh musul'man Moskovskoi oblasti].** *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 192–208. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040108> EDN: HYDRZG ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Alena Nikiticheva | <https://orcid.org/0000-0002-1470-7715> | alengus2112@gmail.com | independent researcher (Moscow, Russia)

Keywords

Islam, Moscow region, ethnic identity, religious identity, Russian Census

Abstract

The article presents the outcome of fieldwork and research conducted in Muslim religious organizations of the Moscow region in 2014–2021. I focus on various aspects of the ethnic and religious identities of Muslims local to the region, paying special attention to their attitudes toward the Russian Census of 2020–2021. I examine the approaches and ideas reflected in studies of population censuses in Russia, analyze the linguistic, ethnic, religious, and civic identity of the community, and discuss the problem of determining the numbers of Muslims residing in the Moscow region. Pointing to the general trend toward the declining trust in official results of the Russian Census, I argue that Muslims of the region begin expressing the idea of introducing a special section on religious identity in forthcoming census campaigns and related official documents.

References

- Amirov, Y.B. 2009. *Islamskaia sostavliaiushchaia rossiiskoi identichnosti* [Islamic Component in the Russian Identity]. PhD diss. abstract, Russian Academy of Public Administration (RAPA).
- Ammerman, N.T. 2007. *Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives*. Oxford: Oxford University Press.
- Asadullin, F.A. 2014. *Mnogonatsional'nyi mir Moskvy: ot goroda k megapolisu* [Moscow Multinational World: From Town to Metropolis]. Moscow: Dialog tsivilizatsii.
- Bart, F. 2006. *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naia organizatsiia kul'turnykh razlichii* [Ethnic Groups and Social Borders: Social Organizing of the Cultural Differences], translated by I. Pilshchikov. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Bustanov, A.K., and M. Kemper. 2016. *Islam po-russki: analiz sovremennoi islamskoi literatury v Rossii: uchebnoe posobie* [Islam in Russian: Analysis of Modern Islamic Literature in Russia: Tutorial]. St. Petersburg: Sankt-Petersburgskii gosudarstvennyi universitet.
- Chumakova, T. 2012. “Karta religii” dlia neudavsheisia vsesoiuznoi perepisi 1937 g.: zabytaia stranitsa sovetskogo religiovedeniia [“The Religion Map” for Failed 1937 Soviet Census]. *Gosudarstvo. Religiiia. Tserkov'* 3–4 (30): 106–133.
- Demintseva, E.B., D.A. Zelenova, E.A. Kosmidis, and D.A. Oparin. 2017. *Vozможности adaptatsii detei migrantov v shkolah Moskvy i Podmoskov'ia* [Adaptation of Migrant Children in the Schools of Moscow and the Moscow Region]. *Demograficheskoe obozrenie* 4 (4): 80–109.
- Drobizheva, L.M. 2006. *Metodologicheskie problemy etnosotsiologicheskikh issledovaniia* [Methodological Problems of the Ethnosociological Studies]. *Sotsiologicheskii zhurnal* 3/4: 89–101.
- Gabdrifikov, I.M. *Zigzagi etnostatistiki: osobennosti perepisei naseleniia v Bashkirii v 1989, 2002, 2010 gg. i prognoz na 2020 gg.* [Ethnostatistics Zigzagging: 1989, 2002, 2010 Bashkiria Census Features and the Forecast for 2020]. In *Izmerenie kul'turnogo mnogoobraziia. Yazykovaia situatsiia, perepisi, polevaia etnostatistika* [Measuring Cultural Diversity: Language Situation, Censuses, Field Ethnostatistics], edited by M.Y. Martynova and V.V. Stepanov, 193–196. Moscow: IEA RAN.
- Gavrilov, Y.A., and A.G. Shevchenko. 2010. *Islam i pravoslavno-musul'manskie otnosheniia v Rossii v zerkale istorii i sotsiologii* [Islam and Orthodox-Muslim Relations in Russia in Reflection of History and Sociology]. Moscow: Kul'turnaia revoliutsiia.

- Kulbachevskaya, O.V. 2011. Obshchestvennye reaktsii na perepis' [Public Reactions to Census]. In *Etnologicheskii monitoring perepisi naseleniia* [Ethnological Monitoring of the Population Census], edited by V.V. Stepanov, 44–62. Moscow: IEA RAN.
- Mchedlova, M.M. 2015. Islam i edinstvo rossiiskogo obshchestva: sovremennost' i istoricheskii opyt [Islam and Unity of the Russian Society: Modernity and Historical Experience]. *Islam v sovremennom mire* 1: 93–102.
- Mukhetdinov, D.V., and A.Y. Khabutdinov. 2011. Islam v Rossii v XVIII – nachale XXI vv.: modernizatsiia i traditsii [Islam in Russia in the 18th – Early 21st Century]. Nizhnii Novgorod: NNGU im. Lobachevskogo.
- Nikiticheva, A.O. 2020. Russkie musul'mane Podmoskov'ia: aspekt samoponimaniia i rol' v obshchinakh [Russian Muslims in the Moscow Region: Aspects of Self-Understanding and the Role in Communities]. *Islam v sovremennom mire* 3: 145–164.
- Ostapenko, L.V., R.A. Starchenko, and I.A. Subbotina. 2019. Russkaia molodezh' Moskvy v sisteme mezhetnicheskogo vzaimodeistviia [Russian Youth in Moscow in the System of Interethnic Relations]. *Vestnik antropologii* 4 (48): 88–105.
- Popkov, I.V., and V.T. Toporkov. 2006. Etnichnost' real'naia ili voobrazhaemaia: novyi konstruktivizm [Real or Imaginary Ethnicity: New Constructivism]. *Vestnik NGU. Seriia: Filosofii* 4 (2): 88–92.
- Puchkov, P.I. 2008. Sootnoshenie etnicheskogo i konfessional'nogo v Rossii [Ethnic and Religious Correlation in Russia]. In *Religiia v samosoznanii naroda (religiozniy faktor v identifikatsionnykh protsessakh)* [Religion in the People Consciousness (Religious Factor in Identification Processes)], edited by M.P. Mchedlov, 109–134. Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Rocheva, A.L., E.A. Varshaver, and N.S. Ivanova. 2020. Uiazvimye grupy v chrezvychainykh situatsiiakh: solidarnost' i doverie gosudarstvu kak osnova strategii migrantov v Rossii vo vremia pandemii COVID-19 [Vulnerable Groups in Disasters: Solidarity and Trust in Government as the Basis for Migrant Strategies in Russia during the COVID-19 Pandemic]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 6: 488–511.
- Romanov, M.V., and V.V. Stepanov. 2012. *Religiia v rossiiskom obshchestve. Traditsionnye religioznye i liberal'nye vzgliady* [Religion in Russian Society: Traditional Religious and Liberal Views]. Moscow: Obshchestvennaia palata RF.
- Safarov, M.A. 2014. Poseshchenie mecheti v sovremennoi religioznoi praktike moskovskikh tatar [Visiting a Mosque in Modern Religious Practice of Moscow Tatars]. *Antropologicheskii forum* 23: 108–122.
- Shabaev, Y.P. 2011. Etnicheskii natsionalizm i grazhdanskaia natsiia v sovremennoi Rossii [Ethnic Nationalism and Civil Nation in Modern Russia]. In *Etnopoliticheskaiia situatsiia v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2010 g. Ezhegodnyi doklad seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniia konfliktov* [Ethnopolitical Situation in Russia and Border States in 2010: Annual Report of Network of Ethnological Monitoring and Early Warning Conflict – EAWARN], edited by V.A. Tishkov and V.V. Stepanov: 69–83. Moscow: IEA RAN.
- Shmelev, A.P., and Y.S. Potapova. 2015. Vliianie migratsionnykh protsessov na musul'manskoe soobshchestvo Rossii [The Impact of the Migration Processes on the Islamic Community of Russia]. *Islam v sovremennom mire* 11 (2): 145–152.
- Sokolovskiy, S.V. 2010. Vtoraiia vserossiiskaia perepis' naseleniia: kategorizatsiia naseleniia i politika identichnosti [Second Russian Census: Categorization of the Population and Identity Politics]. *Ab Imperio* 4: 393–414.
- Sokolovskiy, S.V. 2012. Proshloe v nastoiashchem rossiiskoi antropologii [The

- Past in the Present of Russian Anthropology]. In *Antropologicheskie traditsii: stili, stereotipy, paradigma* [Anthropological Traditions: Styles, Stereotypes, Paradigms], edited by A.L. Elfimov, 78–108. Moscow: NLO.
- Tishkov, V.A. 2019. Yazykovaia situatsiia i yazykovaia politika v Rossii (reviziia kategorii i praktik) [Language Situation and Language Policy in Russia (Revising Categories and Practices)]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* 3: 127–144.
- Tishkov, V.A., and K.M. Akbaev. 2019. “Narod ne umiraet s yazykom” ili “Yazyk ne zhivet bez naroda?” Dialog uchenykh o konflikte vokrug rodnogo yazyka [“Peoples don’t Die with Language” or “Language doesn’t Live without People”?]. In *Smert’ yazyka – smert’ naroda? Yazykovye situatsii i yazykovye prava v Rossii i sopredel’nykh gosudarstvakh* [Language Loss Means People Loss? Language Situations and Linguistic Rights in Russia and Border States], edited by S.V. Sokolovskiy and E.I. Filippova, 19–39. Moscow: IEA RAN, Goriachaia liniia – Telecom.
- Tishkov, V.A., and V.V. Stepanov. 2009. Kem sebia schitaiut rossiiane [Who are Russians: Regional Perceptions]. In *Etnopoliticheskaia situatsiia v Rossii i sopredel’nykh gosudarstvakh v 2008 g.: ezhegodnyi doklad seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniia konfliktov* [Ethnopolitical Situation in Russia and Border States in 2008: Annual Report of Network of Ethnological Monitoring and Early Warning Conflict – EAWARN], edited by V.A. Tishkov and V.V. Stepanov, 63–83. Moscow: IEA RAN.
- Varshaver, E., A. Rocheva, and N. Ivanova. 2020. Mesta rezidentnoi kontsentratsii migrantov v rossiiskikh gorodakh: est’ li pattern? [Residential Concentrations of Migrants in Russian Cities: Is There a Pattern?]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* 19 (2): 225–253.
- Vendina, O.I. 2004. Moskva etnicheskaia: grozit li gorodu gettoizatsiia? [Ethnic Moscow: Does the City Face Ghettoization?]. *Demoskop weekly*. <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0177/tema05.php>
- Yarlykapov, A.A. 2016. Rossiiskii islam v kontekste situatsii na Blizhnem Vostoke [Russian Islam and the Situation in the Middle East]. *Valdaiskie zapiski* 48.
- Zorin, V.Y. 2017. Musulmane Rossii: realii formirovaniia grazhdanskoi identichnosti [Muslims of Russia: The Reality of Shaping of the Civic Identity]. *Vlast’* 8: 39–48.

РИСКОВАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК АДАПТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ МУЖЧИН, ИХ МОРФОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОФИЛИ И СВЯЗЬ С РЕПРОДУКТИВНЫМ УСПЕХОМ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

М.Л. Бутовская, Ю.И. Адам

Марина Львовна Бутовская | <http://orcid.org/0000-0002-5528-0519> | marina.butovskaya@gmail.com | член-корреспондент, профессор, д. и. н., главный научный сотрудник, заведующая Центром кросскультурной психологии и этологии человека | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия) | ведущий научный сотрудник Учебно-научного центра социальной антропологии | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская пл. 6, Москва, 125993, Россия)

Юлия Игоревна Адам | <http://orcid.org/0000-0003-3839-8360> | julia.apalkova@gmail.com | к. и. н., младший научный сотрудник Центра кросскультурной психологии и этологии человека | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

тестостерон, кортизол, 2D:4D, пренатальная андрогенизация, агрессия, склонность к риску, поиск ощущений, гонщики, альпинисты, военные

Аннотация

Рискованное поведение у человека имеет сложную комплексную природу. Желание и готовность рисковать в определенной области принятия решений могут быть связаны как с выраженностью определенных психологических и поведенческих черт, так и с наличием некоторых морфофизиологических особенностей. Основная цель данного исследования – изучение адаптивных механизмов, запускающих готовность мужчин принимать физические (связанные с вероятностью получения травмы или гибели) риски различной направленности. Нами были проанализированы гормональные, морфологические и психологические профили склонных к риску мужчин в трех модельных выборках (гонщики, альпинисты, спецназовцы), различающихся по виду физически рискованной деятельности (n=157). Участники исследования заполнили опросники на склонность к поиску ощущений (SSS-V), агрессивному поведению (BPAQ) и стратегиям сексуального поведения (SOI-R).

Статья поступила 19.11.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 02.02.2022

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Бутовская М.Л., Адам Ю.И. Рискованное поведение как адаптивная стратегия мужчин, их морфофизиологические профили и связь с репродуктивным успехом в современном обществе // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 209–227. <https://doi.org/10.31857/S086954152204011X> EDN: HYGZPU

Butovskaya, M.L., and Y.I. Adam. 2022. Riskovannoe povedenie kak adaptivnaia strategiia muzhchin, ikh morfofiziologicheskie profili i sviaz' s reproduktivnym uspekhom v sovremennom obschestve [Risky Behavior as an Adaptive Strategy of Men, Their Morphophysiological Profiles and Relationship with Reproductive Success in Modern Society]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 209–227. <https://doi.org/10.31857/S086954152204011X> EDN: HYGZPU

Во всех трех выборках определяли содержание базового тестостерона и кортизола в слюне. Статистический анализ данных выявил ряд существенных различий в поведенческих и гормональных особенностях представителей трех выборок; морфологических различий между группами обнаружено не было. Нами также выявлена ассоциация между стратегиями рискованного поведения и репродуктивным успехом мужчин.

Информация о финансовой поддержке

РФФИ, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [20-09-00139]

Результаты значительного количества антропологических, психологических и этологических исследований и наблюдений свидетельствуют о том, что мужчины повсеместно проявляют большую склонность к риску по сравнению с женщинами в самых разных областях принятия решений – от физически рискованного поведения и действий, провоцирующих проблемы со здоровьем, до социальных и инвестиционных рисков (Byrnes et al. 1999; Charness, Gneezy 2012; Biolcati et al. 2018; Morgenroth et al. 2018; Ramiro-Sánchez et al. 2018; Archer 2019). Опубликованы исследования, подтверждающие, что даже в странах с высоким индексом гендерного равенства (*The Global Gender Gap Index*) склонность к риску у представителей мужского пола значимо выше, чем у женщин. Так, исследование, проведенное в Колумбии и Швеции (странах, разительно отличающихся с точки зрения как равноправия полов, так и практик социализации мальчиков и девочек), показало, что мальчики в обеих странах склонны к риску больше, чем девочки, и что, хотя гендерный разрыв в Швеции по этой характеристике был несколько меньше, разница между странами не существенна (Cárdenas et al. 2012).

Готовность к принятию физических рисков можно рассматривать в качестве важной составляющей адаптивного комплекса мужского поведения (Бутовская 2016; Archer 2019; Morgenroth et al. 2018), уходящего корнями в далекое прошлое (Boehm 1987; Bowles 2009; Glowacki et al. 2020). Эволюционные антропологи подчеркивают, что этот комплекс поддерживался отбором, поскольку на протяжении всей истории человечества мужчины были вовлечены в межгрупповые конфликты, принимали участие в военных действиях и при этом должны были соблюдать правила внутригрупповой консолидации и кооперации. Альтруистическое поведение по отношению к “своим” в сочетании с агрессивной по отношению к “чужим” – так наз. парохильный альтруизм – устойчивая стратегия, позволяющая социальной группе выжить и распространиться географически и предполагающая готовность идти на серьезные риски, включая самопожертвование, ради ее блага (Choi, Bowles 2007; Glowacki et al. 2020). Не последнюю роль в эволюции рискованного поведения человека и формировании выраженных различий в уровне склонности к риску между полами мог играть половой отбор, связанный для мужчин с конкуренцией за половых партнерш (постоянных и временных) и ресурсы (Бутовская и др. 2011; Бутовская 2016), а для женщин – с выбором партнера и мужской привлекательностью (Apalkova et al. 2018). Действия, требующиеся для решения всех этих задач, могли приводить к травмам и даже гибели. Конфликты с другими группами, охота, внутривидовая конкуренция предполагали постоянную включенность мужчин в рискованные взаимодействия со средой и другими мужчинами (Кон 2010; Buss 1994; Butovskaya et al. 2010).

Отдельного внимания заслуживает предположение, что физически рискованное поведение могло на протяжении длительного периода истории давать конкурентные преимущества в соперничестве мужчин за половых партнерш. Склонные к физическому риску и демонстрирующие это качество мужчины мо-

гут быть более привлекательными для женщин, особенно в плане краткосрочных сексуальных отношений (Kelly, Dunbar 2001). В этом контексте, как показывает одно из недавно проведенных нами онлайн-исследований, привлекательность таких мужчин оценивалась более высоко по сравнению с мужчинами, избегающими риска (Apalkova et al. 2018). Кроме того, склонные к физическому риску юноши получали первый сексуальный опыт раньше сверстников (Апалькова и др. 2018). Эти данные свидетельствуют о том, что физический риск может оставаться важной частью мужской половой (репродуктивной) стратегии и в наше время (несмотря на постоянно снижающуюся роль физической силы и физических навыков в жизни постиндустриального общества) и рассматриваться как оптимальная модель поведения в социуме, имеющая адаптивное значение и поддерживаемая эволюционным процессом (Бутовская 2016).

Необходимость ежедневно рисковать физически, чтобы обеспечить себя и семью ресурсами и просто выжить в современном обществе, действительно, существенно снизилась. Однако мужчин по-прежнему привлекают экстремальные виды спорта и опасные профессии. К тому же нет оснований полагать, что женщины перестали ценить смелость и решительность представителей противоположного пола в обстоятельствах с неопределенным исходом – но произошло существенное расширение количества областей, требующих рискованных решений (инвестиции, управление транспортными средствами, разного рода социальные проблемы, спортивные состязания), и, как следствие, стало возможно реализовать большим количеством способов склонность и готовность мужчин к принятию риска.

Эволюционные психологи акцентируют внимание на высокой степени диверсификации возможных рисков в современном обществе. Эти различия легли в основу концепции домен-специфичного принятия риска (*domain-specific risk taking*), предполагающей, что люди могут проявлять разную степень склонности к риску: от полного его избегания в одних областях жизни до готовности серьезно рисковать – в других. При этом риски, связанные с физической опасностью, выделяются исследователями в отдельную группу (Kruger et al. 2007; Wilke et al. 2014), поскольку сопряжены с выраженной маскулинностью и демонстрируют гендерную специфичность (в подавляющем большинстве случаев реализуются мужчинами). Очевидно, что мужчины, обладая большей мышечной силой, лучшими скоростными качествами и физическими показателями в целом (напр., у женщин более легкий и грацильный скелет и в среднем короче конечности), с большей легкостью идут на риски в ситуациях, когда от степени владения своим телом и развитых физических навыков зависит исход тех или иных действий.

Из черт личности, ассоциируемых с высокой склонностью к риску и реально проявляемых на поведенческом уровне, особый интерес представляет “склонность к поиску ощущений” (*sensation seeking*). Понятие было концептуализировано американским психологом М. Цукерманом в 70-х годах XX в. (Zuckerman 1979). Он исследовал стремление к поиску ощущений и переживаний как одно из основных свойств человека, оно занимает самостоятельную независимую позицию в структуре личности наряду с такими параметрами, как, например, экстраверсия/интроверсия или нейротизм. Стремление к поиску ощущений считается основным предиктором готовности к принятию реального риска и реализуется в тенденции поиска нового опыта, включающего ранее неизведанные интенсивные переживания и готовность подвергать себя опасности ради его получения. “Поиск ощущений” как черта характера был выделен из довольно большого количества свойств личности и психологических особенностей, влияющих на рискованность (Быкова 2016). Выраженность этой черты

определяется по шкале поиска ощущений Цукермана (*Sensation Seeking Scale form V – SSS-V*) (Zuckerman 1996, 2007). SSS-V, десятилетиями используемая и регулярно обновляемая, служит удобным маркером для поиска поведенческих и биологических коррелятов склонности к реальному риску (Roberti 2004).

Биологические маркеры склонности к риску – отдельно разрабатываемая в поведенческих науках тема. В частности, активно изучается взаимосвязь гормонов и поведенческих особенностей, задействованных в принятии рискованных решений. Гормональная система играет важную роль в формировании склонности к доминированию, конкурентности и риску, а также к агрессивному поведению и адаптации к стрессу (Aluja, Torrubia 2004; Roney et al. 2007; Sherman et al. 2016; Gray et al. 2017). В частности, предполагается, что существуют гормональные механизмы ответа на ситуацию опасности и стресса и врожденные особенности гормональной системы (определяемые уровнем пренатального тестостерона), влияющие на многие физиологические процессы и психологическое состояние и позволяющие одним людям в ситуации высокого риска действовать с большей эффективностью по сравнению с другими.

В качестве регуляторов ряда форм поведения чаще всего рассматриваются тестостерон и кортизол – “представители” двух основных классов стероидных гормонов (Carré, Mehta 2011; Eisenegger et al. 2011; Carré, Archer 2018; Hardy 2019). Тестостерон начинает влиять на маскулинизацию организма уже в пренатальном периоде (Meyer-Bahlburg, Ehrhardt 1982; Manning et al. 1998; Kilduff et al. 2013; Crewther et al. 2015). В целом высокие уровни этого гормона связывают с проявлением агрессии (Archer 1991, 2006) и стремлением завоевать высокий статус в обществе (доминирование, тенденция к лидерству) (Dabbs, Morris 1990; Mazur, Booth 1998; van Anders et al. 2011). Эти поведенческие особенности определяются необходимостью принимать на себя разного рода риски. Ряд исследований показал, что экстрагенитальный эффект тестостерона также проявляется в склонности к поиску острых ощущений и риску (Rosenblitt et al. 2001; Roberti 2004; Apicella et al. 2015).

Кортизол является основным эффекторным гормоном системы реагирования на стресс (Dickerson, Kemeny 2004). Особенности кортизоловой реакции лежат в основе процессов социализации, адаптации к стрессу, а также агрессивных проявлений (Kirschbaum et al. 1993; McBurnett et al. 2000; van Bokhoven et al. 2005; Козлов, Козлова 2014). Уровень кортизола повышается в ответ на воздействие широкого спектра стимулов в ситуациях, которые характеризуются неопределенностью (основная особенность рискованной ситуации) и негативными эмоциями. Кортизол может высвобождаться в незнакомых обстоятельствах, требующих немедленного реагирования, и характеризующихся наличием социального конфликта либо соревновательного стресса, а также в ответ на физические и экологические угрозы. Таким образом, суммарный эффект тестостерона и кортизола, предполагающий сочетание высокого уровня первого с низким уровнем второго (Mehta et al. 2015; Casto, Edwards 2016; Dekkers et al. 2019; Kordsmeyer, Penke 2019), может являться маркером устойчивости к стрессу и готовности к успешному принятию высокого физического риска.

Описанная в общих чертах комплексная многофакторная природа склонности к риску ставит перед исследователями сложную задачу конкретизации формулировок проблем и вопросов при изучении этого свойства личности и его поведенческих проявлений. В основу данного исследования легли несколько гипотез разной степени обобщения.

Прежде всего, мы считаем, что существует устойчивый в хронологическом отношении комплекс морфофизиологических и психологических черт, характерный для мужчин, готовых к принятию высокого физического риска. Вместе

с тем наличие такой единой характеристики, как бóльшая маскулинность ряда этих черт не исключает и существенных различий между разными модельными группами высокорисковых мужчин, что, возможно, и определяет домен-специфичность (принятие рисков в конкретной области) современного рискованного поведения. Исходя из вышесказанного, мы предполагаем выявить на модельной выборке комплекс биологических и психологических черт, являющихся стабильными маркерами успешности в видах деятельности, связанных с высоким риском. В то же время мы полагаем, что с развитием большого количества узкоспециальных областей, в которых маскулинные мужчины могут реализовать свое стремление к физическому риску (экстремальные профессии и виды спорта, хобби, связанные с поиском острых ощущений), в современном обществе происходит диверсификация когда-то монолитного адаптивного типа мужчин, готовых к принятию высокого физического риска. Ключевым моментом этой диверсификации выступают особенности психологического и гормонального статуса.

Для проверки высказанных предположений были изучены три группы мужчин, объединенные высокой готовностью к принятию физического риска, но различающиеся отношением к риску и мотивацией совершать физически рискованные действия (автогонщики, альпинисты и бойцы спецназа).

Материалы и методы

Материалом для данной работы послужили результаты тестирования, антропометрических измерений и гормональных исследований в трех группах респондентов-мужчин, общей численностью 157 человек: 1) профессиональные автогонщики ($n=69$); 2) квалифицированные альпинисты ($n=55$); 3) бойцы спецназа ($n=33$). Материалы собраны в период с 2018 по 2021 гг. в Московской, Смоленской, Нижегородской областях, г. Тольятти и на альпинистской базе в Кабардино-Балкарии. Возраст обследуемых варьировал от 18 до 49 лет, различия между группами отсутствовали ($H=0.68$, $p=0.71$, ст.св.=2, $n=157$).

Были выбраны следующие морфофизиологические параметры: рост, вес, пальцевый индекс, сила кисти. Измерение длин 2-го и 4-го пальцев проводилось по методике Дж. Меннинга (*Manning, Taylor 2001*) с помощью электронного штангенциркуля с точностью 0,01 мм (фирма Emil Lux GmbH@ Co.kg). Там, где наблюдалось несколько базальных гребней, измерения проводили по наиболее проксимальному из них. Каждый палец был измерен дважды. Пальцевые индексы вычисляли для каждой пары измерений на правой и левой руках. Индивиды, у которых были травмы костей и суставов второго или четвертого пальца или врожденные дефекты пальцев, были исключены из выборки. Мышечная сила кисти измерялась с помощью электронного динамометра ДМЭР-120-0,5 (диапазон измерений 2–120 даН). Измерение роста проводили с помощью антропометра (фирма GPM DKSH), для определения веса использовали весы-анализатор состава тела (BC-601 TANITA). На основании этих данных вычисляли индекс массы тела испытуемых.

С помощью психологических тестов изучалась предрасположенность респондентов к агрессии, склонность к поиску ощущений, а также анализировались стратегии сексуального поведения. Были использованы шкалы опросника Басса-Перри (*Buss-Perry Aggression Questionnaire – BPAQ*): физическая агрессия, вербальная агрессия, гнев и враждебность (*Buss, Perry 1992*) в адаптации и переводе М. Бутовской с соавторами (*Бутовская 2006*). Склонность к поиску ощущений оценивалась по четырем шкалам опросника Цукермана SSS-V (*Zuckerman 1979; Егорова, Пьянкова 1992*): поиск острых ощущений и приключений; поиск опыта (получение острых переживаний через ум и чув-

ства посредством музыки, искусства, путешествий, общения с “необычными” людьми); расторможенность (стремление к достижению состояния свободы и вседозволенности через алкоголь, азартные игры и сексуальное разнообразие); восприимчивость к скуке (уровень неприятия рутинных действий). Исследование особенностей сексуального поведения проводилось с помощью опросника оценки социально-сексуальных ориентаций (*The revised Sociosexual Orientation Inventory – SOI-R*), переведенного на русский язык и валидизированного М. Кониной и А. Холмогоровой (Penke 2011; Кони́на, Холмогорова 2015). Опросник состоит из девяти пунктов – девяти вопросов о сексуальном поведении человека, его сексуальных предпочтениях и убеждениях, связанных с сексуальным поведением. Девять шкал SOI-R образуют три фактора: SOI Behavior/SB (характеризует сексуальное поведение), SOI Attitude/SA (характеризует убеждения, связанные с сексуальным поведением), SOI Desire/SD (характеризует сексуальные желания и фантазии).

Гормональные пробы собирались в период с 10.30 до 16.00 час., чтобы проверить базальный уровень свободного тестостерона и кортизола в слюне. Для исследования полученного материала использовался метод твердофазного иммуноферментного анализа (ИФА).

Статистический анализ данных проводился в программе SPSS.

Результаты

В таблице приведены результаты множественных сравнений между группами. Фактор принадлежности к группе статистически значимо влиял на самооценку по двум из четырех шкал агрессии (гневу и враждебности), на средние баллы по всем субшкалам опросника Цукермана и трем субшкалам шкалы социосексуальной ориентации. Достоверные различия между группами были обнаружены и в возрасте начала половой жизни. По морфологическим параметрам группы не отличались друг от друга. Выявлены различия по базальному уровню свободного кортизола и соотношению тестостерона и кортизола.

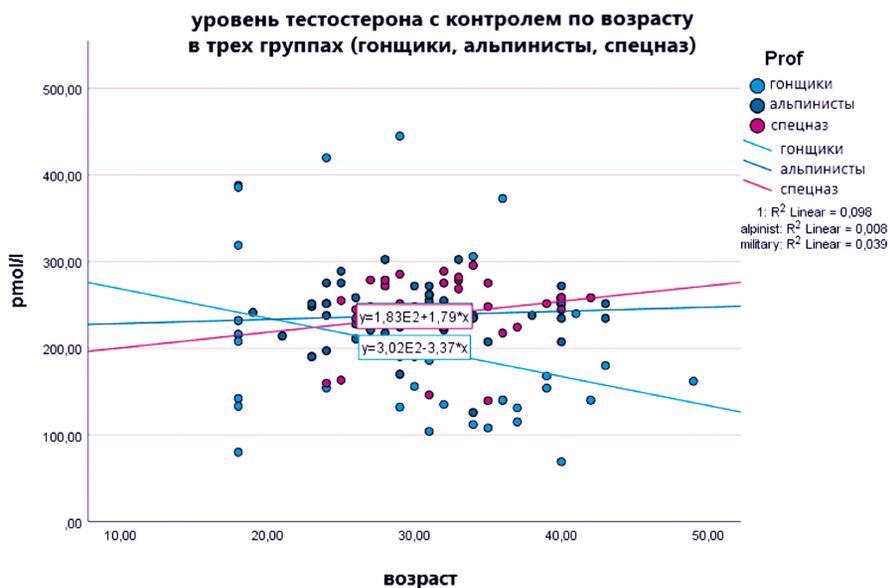
Таблица 1

Результаты сравнительного анализа морфофизиологических параметров (2D:4D, сила кисти, ИМТ), уровней тестостерона (Т), кортизола (С) и соотношения Т/С, агрессии и склонности к поиску ощущений

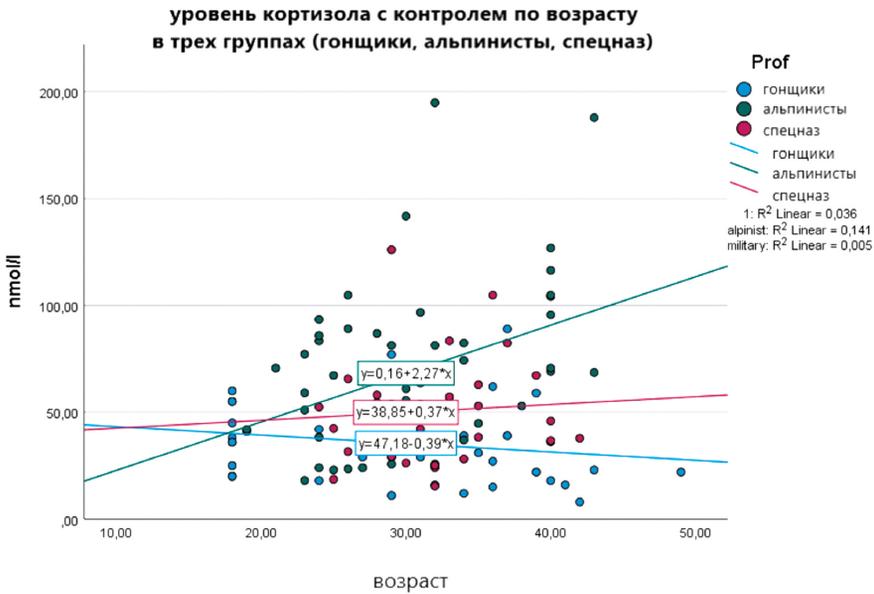
Признак	Гонщики (гр1)			Альпинисты (гр2)			Спецназовцы (гр3)			Множ. ср-ния м/д группами (Бонферрони) значимость р		
	N	M	±m	N	M	±m	N	M	±m	гр1 – гр2	гр1 – гр3	гр2 – гр3
R2D4D	69	0.964	0.029	55	0.964	0.032	33	0.963	0.031	p=1.000	p=0.998	p=0.998
L2D4D	68	0.969	0.028	55	0.970	0.027	33	0.965	0.031	p=0.981	p=0.929	p=0.812
Силомер прав.	69	52.91	8.240	55	51.08	8.433	33	51.80	8.670	p=0.540	p=0.903	p=0.974
Силомер лев.	69	50.95	8.602	55	47.16	6.512	33	49.26	8.271	p=0.018*	p=0.717	p=0.515
Рост	69	1.796	0.060	55	1.789	0.067	33	1.776	0.063	p=0.989	p=0.863	p=0.764
Вес	69	75.54	11.933	55	76.00	10.408	33	76.67	8.080	p=0.994	p=0.923	p=0.982
ИМТ	69	23.64	3.089	55	23.71	2.643	33	24.26	2.180	p=0.999	p=0.579	p=0.656
Т	36	202.42	99.360	55	238.24	31.601	33	239.34	42.618	p=0.121	p=0.134	p=0.999
С	36	35.50	19.147	55	69.15	36.848	33	50.53	24.185	p<0.0001***	p=0.018*	p=0.016*

Т/С	36	7.77	6.051	55	4.54	2.765	33	5.93	3.347	p=0.014*	p=0.325	p=0.137
Гнев	69	16.12	4.745	55	14.58	4.920	33	12.12	4.336	p=0.226	p<0.0001***	p=0.049*
Физ. агрессия	69	20.42	4.496	55	22.18	5.260	33	22.70	5.992	p=0.144	p=0.163	p=0.968
Враждебность	69	20.86	5.686	55	20.76	4.670	33	14.52	4.906	p=1.000	p<0.000***	p<0.000***
Вербальн. агрессия	69	14.30	3.503	55	15.29	3.823	33	13.64	3.613	p=0.365	p=0.760	p=0.130
Острые ощущения	69	6.46	2.483	55	7.98	1.986	33	7.48	2.002	p=0.001**	p=0.084	p=0.595
Поиск опыта	69	4.65	2.208	55	5.64	2.197	33	3.91	1.739	p=0.044*	p=0.191	p<0.000***
Расторможенность	69	4.87	2.572	55	5.31	2.324	33	3.45	2.032	p=0.684	p=0.010*	p=0.001**
Чувствит. к скуке	69	2.81	1.896	55	3.35	1.647	33	2.27	1.957	p=0.261	p=0.472	p=0.031*
Секс. поведение	39	14.87	4.959	55	10.07	5.747	32	10.97	5.240	p<0.000***	p=0.009**	p=1.000
Отношение к сексу	39	21.00	4.947	55	17.36	6.615	32	15.84	6.721	p=0.017	p=0.002**	p=0.812
Аспект желания	39	17.72	5.615	55	12.09	6.310	32	8.81	6.088	p=0.120	p<0.000***	p=0.049*
Первый секс. опыт	39	16.62	1.456	55	17.65	2.770	32	17.67	2.271	p=0.041*	p=0.099	p=1.000

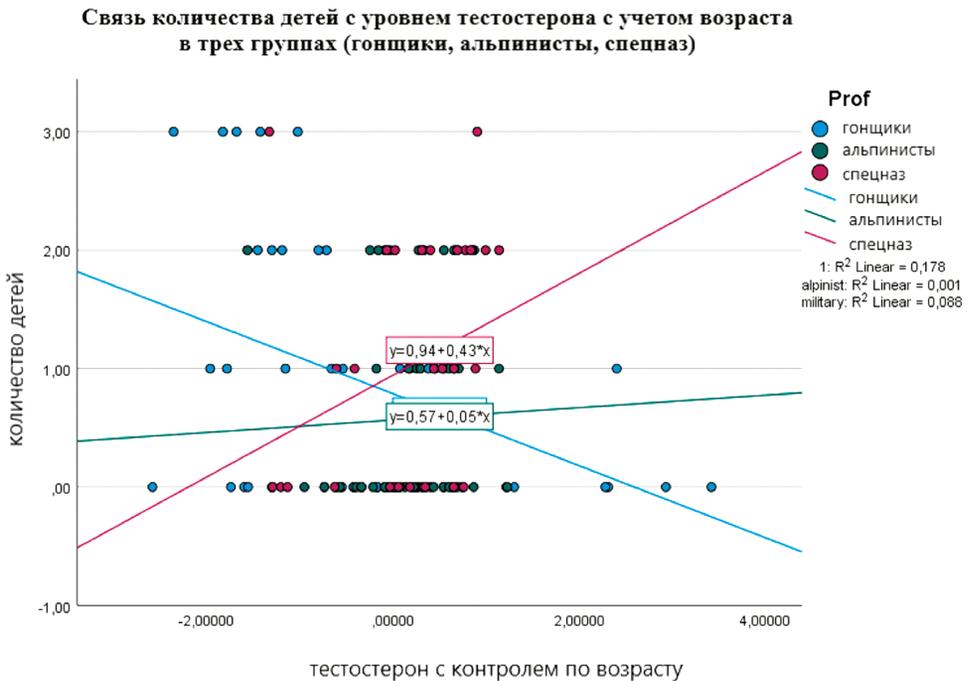
Примечания: N – численность выборки; M – среднее значение признака; ±m – ошибка средней арифметической величины; P – достоверность: <0.0001***, <0.001**, <0.05*.

Рис. 1. Изменение базового уровня тестостерона с возрастом у гонщиков, альпинистов и спецназовцев

Рис. 2. Изменение базового уровня кортизола с возрастом у гонщиков, альпинистов и спецназовцев

Рис. 3. Количество детей в зависимости от базового уровня тестостерона с контролем по возрасту у гонщиков, альпинистов и спецназовцев

Последующий одномерный анализ в рамках ОЛМ выявил различия между группами по базовому уровню тестостерона с контролем по возрасту при среднем эффективном размере ($F=4.44$, $p=0.014$, $\eta=0.068$). Гонщики достоверно отличались по этому показателю от двух других групп (Bonferroni, $p<0.05$) (см.: Рис. 1). Идентичный анализ с базовым уровнем кортизола с контролем по возрасту в качестве зависимой переменной также показал значимые различия ($F=14.60$, $p=0.000001$, $\eta=0.194$). Альпинисты достоверно отличаются от других групп (Bonferroni, $p<0.01$) (см.: Рис 2).

Исследованные группы достоверно различались по числу детей с контролем по возрасту ($F=4.48$, $p=0.01$, $\eta=0.069$). Более низкие показатели репродукции отмечены для альпинистов по сравнению с гонщиками (Bonferroni, $p<0.02$). Более высокий репродуктивный успех в группе профессиональных военных был положительно связан с уровнем тестостерона, стандартизованным по возрасту ($\tau=0.40$, $p=0.02$, $n=33$). У альпинистов эта связь не выявлена ($\tau=0.14$, $p=0.31$, $n=54$), а у гонщиков она была отрицательной ($\tau=-0.42$, $p=0.01$, $n=36$) (см.: Рис. 3). Достоверной связи между количеством детей и базовым уровнем свободного кортизола в слюне не выявлено.

Группы достоверно различались по показателям социосексуальных стратегий, в том числе в плане поведения, убеждений, фантазирования и желания. По двум факторам (“сексуальное поведение” и “сексуальные убеждения”) гонщики демонстрировали более высокие средние баллы по сравнению с двумя другими группами (имели больше партнерш, “разовых” сексуальных контактов, в большей мере считали допустимыми сексуальные связи без близких отношений). Выраженность фантазий о сексе также была выше у гонщиков, однако значимо по этому аспекту они отличались только от группы спецназовцев (см.: Табл. 1).

Обсуждение

Ранее в целом ряде исследований было показано, что мужчины, выбирающие экстремальные хобби и виды деятельности (профессиональный спорт, военные профессии, работа в МЧС и пожарных частях), обладают рядом общих черт, мотивирующих их на принятие именно физического риска (Бутовская и др. 2011; Бутовская 2016; Апалькова и др. 2018; Archer 2019; Glowacki et al. 2020). Комплекс черт, запускающих механизм принятия физически рискованных решений, вероятным исходом которых может быть травма или даже гибель, включает как психологические и поведенческие особенности, так и морфофизиологические и молекулярно-генетические маркеры, существенно влияющие на психоэмоциональные реакции человека.

Данные нашего исследования существенно дополняют и уточняют представления о том, что категория склонных к физическому риску мужчин не однородна. Склонность к физическому риску в сочетании с набором других личностных характеристик приводит к реализации различных жизненных сценариев. Так, в случае с выбором профессии (военные; в нашем случае – спецназ), она реализуется в комплексе с пониженными (по сравнению с другими группами) установками на враждебность, гнев и вербальную агрессию, устойчивостью к скуке, а также пониженной мотивацией к поиску новизны и нового опыта, умением концентрироваться в стрессовой ситуации. Ранее было показано, что эта категория мужчин демонстрирует более низкий нейротизм в сочетании с более высоким уровнем добросовестности и сотрудничества в сравнении с другими склонными к риску категориями мужчин, равно как и с индивидами из контрольной группы, а также более высокий уровень эмпатии (Апалькова и др. 2018; Бутовская и др. 2020). Напротив, группа мужчин, ищущих физический

риск в хобби (гонщики и альпинисты – в нашем случае), демонстрируют другой психологический профиль, характеризующийся в том числе более высоким уровнем гнева, враждебности, конфликтности, расторможенности, экстраверсии, меньшей эмпатичностью и более выраженной сексуальностью (Апалькова и др. 2018; Бутовская и др. 2020). В частности, представители досуговых сообществ проявляют больший интерес к кратковременным сексуальным связям и в целом более склонны к промискуитетному сексуальному поведению и фантазированию на тему секса. Для альпинистов также характерно повышение с возрастом уровня тревожности, и, соответственно, кортизола.

При общем сходстве морфологических показателей маскулинности тестируемые группы демонстрируют выраженные различия по базовым уровням тестостерона и кортизола в слюне и по набору личностных характеристик, связанных с агрессией и склонностью к риску. Подчеркнем, что только в случае военных риск был связан с профессиональной деятельностью, в двух других группах он являлся составляющей частью досуга.

Отдельный интерес представляет вопрос о связи уровня тестостерона с конкуренцией, агрессией и репродуктивным успехом (Knight et al. 2020). Межполовое взаимодействие – одна из ключевых сфер, регулируемых уровнем стероидных гормонов. Мужскую склонность к риску эволюционные психологи связывают прежде всего с репродуктивными стратегиями и внутриполовой конкуренцией. Сексуальное влечение обладает большим мотивационным потенциалом, определяющим поведение человека. Доказано, что тенденция к принятию рискованных решений с наибольшей силой проявляется в период наибольшей сексуальной активности (Wilson, Daly 1985), совпадающий с максимальным уровнем тестостерона, и что готовность мужчин к принятию риска возрастает в присутствии привлекательных женщин (Greitemeyer et al. 2013; Pawlowski et al. 2008). Поэтому один из основных акцентов данного исследования был сделан на поиске взаимосвязи гормонального статуса и репродуктивного успеха со склонностью к физическому риску. Мы предсказывали наличие таких взаимосвязей и возможные различия в их выраженности в изучаемых выборках (гонщики, альпинисты и спецназовцы) с разными типами рискованного поведения. В частности, мы предполагали обнаружить зависимость между уровнем тестостерона и репродуктивным успехом. Она прослеживается даже в условиях регулируемой рождаемости, но может быть опосредована спецификой выбора постоянного или кратковременного полового партнера (Бутовская и др. 2012; Бутовская 2016; Apalkova et al. 2018). В нашем нынешнем исследовании выявлена положительная связь уровня тестостерона с количеством детей в группе спецназовцев, тогда как в других группах эта связь отсутствовала.

* * *

Наши данные показывают, что представители трех исследованных групп, несмотря на общую черту – повышенную склонность к физическому риску, – существенно отличаются друг от друга по набору психологических характеристик, стратегиям репродуктивного поведения и гормональным показателям. Налицо два альтернативных, в отношении репродуктивных качеств, варианта морфопсихотипов, ассоциирующихся с образами постоянного и кратковременного партнеров (Apalkova et al. 2018; Buss, Schmitt 2019). Морфопсихотип, характерный для группы спецназовцев, представляет собой вариант эволюционно-стабильной адаптации, сохраняющей свои преимущества в плане репродуктивного успеха даже на фоне регуляции рождаемости в современном постиндустриальном обществе. По характеру выраженности морфологических,

гормональных и психологических характеристик респондентов из этой группы можно говорить о том, что мужчины-спецназовцы тяготеют к выбору стратегии поиска привлекательного постоянного партнера (*Kelly, Dunbar 2001; Бутовская и др. 2012; Апалькова и др. 2018*). Морфопсихотип гонщиков можно считать альтернативным выявленному для спецназовцев. Он также оказался успешным с точки зрения репродукции в современных условиях, хотя в большей степени соответствовал характеристикам партнеров, выбираемых для кратковременных связей (*Apalkova et al. 2018*).

Научная литература

- Апалькова Ю.И., Бронникова Н.К., Бутовская М.Л.* Устойчивые сочетания морфофункциональных и личностных характеристик у мужчин высокорисковых профессий // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2018. № 4. С. 67–76.
- Бутовская М.Л.* (ред.) Агрессия и мирное сосуществование: универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека. М.: Научный мир, 2006.
- Бутовская М.Л.* Универсальные морфо-психотипы человека: адаптация к условиям среды и оптимизация репродуктивного успеха // Вестник РФФИ. Естественнонаучные и математические методы в гуманитарных исследованиях. 2016. № 3. С. 92–99.
- Бутовская М.Л. и др.* Морфофункциональные и личностные характеристики мужчин спортсменов как модель адаптивных комплексов в палеореконструкциях // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2011. № 2. С. 4–15.
- Бутовская М.Л. и др.* Механизмы репродуктивного поведения человека: ольфакторные маркеры мужской привлекательности // Журнал общей биологии. 2012. Т. 73. № 4. С. 299–314.
- Бутовская М.Л., Апалькова Ю.И., Феденок Ю.Н.* Эмпатия и кооперация как составляющие морфопсихотипа “воина” у человека: сравнительный анализ группы военных и контроля // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2020. № 1. С. 58–71.
- Бутовская М.Л., Веселовская Е.В., Прудникова А.С.* Модели биосоциальной адаптации человека и их реализация в условиях индустриального общества // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 4. С. 143–154.
- Быкова С.В.* Склонность к риску как устойчивое свойство личности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. Т. 1. № 1. С. 157–160.
- Егорова М.С., Пьянкова С.Д.* Поиск ощущений и особенности личностной сферы // Актуальные проблемы психологической службы: теория и практика: сборник материалов международной конференции (Одесса, 8-9 сентября). Т. 2. Одесса: [Б.и.], 1992. С. 140.
- Козлов А.И., Козлова М.А.* Кортизол как маркер стресса // Физиология человека. 2014. Т. 40. № 2. С. 123–123.
- Кон И.С.* Маскулинность в меняющемся мире // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 25–35.
- Конина М.А., Холмогорова А.Б.* Стратегии сексуального поведения в современной культуре // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 61–70.
- Aluja A., Torrubia R.* Hostility-Aggressiveness, Sensation Seeking, and Sex Hormones in Men: Re-Exploring Their Relationship // Neuropsychobiology. 2004. Vol. 50. No. 1. P. 102–107.

- Apalkova Y. et al.* Assessment of Male Physical Risk-Taking Behavior in a Sample of Russian Men and Women // *Evolutionary Psychological Science*. 2018. Vol. 4. No. 3. P. 314–321.
- Apicella C.L., Carré J.M., Dreber A.* Testosterone and Economic Risk Taking: A Review // *Adaptive Human Behavior and Physiology*. 2015. Vol. 1. No. 3. P. 358–385.
- Archer J.* The Influence of Testosterone on Human Aggression // *British Journal of Psychology*. 1991. Vol. 82. No. 1. P. 1–28.
- Archer J.* Testosterone and Human Aggression: An Evaluation of the Challenge Hypothesis // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2006. Vol. 30. No. 3. P. 319–345.
- Archer J.* The Reality and Evolutionary Significance of Human Psychological Sex Differences // *Biological Reviews*. 2019. Vol. 94. No. 3. P. 1381–1415.
- Biolcati R., Mancini G., Trombini E.* Proneness to Boredom and Risk Behaviors during Adolescents' Free Time // *Psychological Reports*. 2018. Vol. 121. No. 2. P. 303–323.
- Boehm C.* Blood Revenge: The Enactment and Management of Conflict in Montenegro and Other Tribal Societies. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1987.
- Bowles S.* Did Warfare among Ancestral Hunter-Gatherers Affect the Evolution of Human Social Behaviors // *Science*. 2009. Vol. 324 (5932). P. 1293–1298.
- Buss A.H., Perry M.* The Aggression Questionnaire // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. No. 633. P. 452–459.
- Buss D.M.* The Strategies of Human Mating // *American Scientist*. 1994. Vol. 82. No. 3. P. 238–249.
- Buss D.M., Schmitt D.P.* Mate Preferences and Their Behavioral Manifestations // *Annual Review of Psychology*. 2019. Vol. 70. P. 23–31.
- Butovskaya M.L., Veselovskaya E.V., Prudnikova A.V.* Models of Man's Biosocial Adaptation in an Industrial Society // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2010. Vol. 38. No. 4. P. 143–154.
- Byrnes J.P., Miller D.C., Schafer W.D.* Gender Difference in Risk Taking: A Metaanalysis // *Psychological Bulletin*. 1999. Vol. 125. P. 367–383.
- Cárdenas, J.C. et al.* Gender Differences in Competitiveness and Risk Taking: Comparing Children in Colombia and Sweden // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2012. Vol. 83 (1). P. 11–23.
- Carré J.M., Archer J.* Testosterone and Human Behavior: The Role of Individual and Contextual Variables // *Current Opinion in Psychology*. 2018. Vol. 19. P. 149–153.
- Carré J.M., Mehta P.H.* Importance of Considering Testosterone–Cortisol Interactions in Predicting Human Aggression and Dominance // *Aggressive Behavior*. 2011. Vol. 37. P. 1–3.
- Casto K.V., Edwards D.A.* Testosterone, Cortisol, and Human Competition // *Hormones and Behavior*. 2016. Vol. 82. P. 21–37.
- Charness G., Gneezy U.* Strong Evidence for Gender Differences in Risk Taking // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2012. Vol. 83. No. 1. P. 50–58.
- Choi J.K., Bowles S.* The Coevolution of Parochial Altruism and War // *Science*. 2007. Vol. 318. No. 5850. P. 636–640.
- Crewther B. et al.* Digit Ratio (2D: 4D) and Salivary Testosterone, Oestradiol and Cortisol Levels under Challenge: Evidence for Prenatal Effects on Adult Endocrine Responses // *Early Human Development*. 2015. Vol. 91. No. 8. P. 451–456.
- Dabbs Jr J.M., Morris R.* Testosterone, Social Class, and Antisocial Behavior in a Sample of 4,462 Men // *Psychological Science*. 1990. Vol. 1. No. 3. P. 209–211.
- Dekkers T.J. et al.* A Meta-Analytical Evaluation of the Dual-Hormone Hypothesis:

- Does Cortisol Moderate the Relationship Between Testosterone and Status, Dominance, Risk Taking, Aggression, and Psychopathy? // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2019. Vol. 96. P. 250–271.
- Dickerson S.S., Kemeny M.E.* Acute Stressors and Cortisol Responses: A Theoretical Integration and Synthesis of Laboratory Research // *Psychological Bulletin*. 2004. Vol. 130. No. 3. P. 355–391.
- Eisenegger C. et al.* The Role of Testosterone in Social Interaction // *Trends in Cognitive Sciences*. 2011. Vol. 15. P. 263–271.
- Glowacki L., Wilson M.L., Wrangham R.W.* The Evolutionary Anthropology of War // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2020. No. 178. P. 963–982.
- Gray P.B., Mchale T.S., Carré J.M.* A Review of Human Male Field Studies of Hormones and Behavioral Reproductive Effort // *Hormones and Behavior*. 2017. Vol. 91. P. 52–67.
- Greitemeyer T., Kastenmüller A., Fischer P.* Romantic Motives and Risk-Taking: An Evolutionary Approach // *Journal of Risk Research*. 2013. Vol. 16. No. 1. P. 19–38.
- Hardy B.* Steroid Hormones in Social Science Research // *Biophysical Measurement in Experimental Social Science Research*. 2019. P. 105–148. <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-813092-6.00008-3>
- Kelly S., Dunbar R.I.M.* Who Dares, Wins // *Human Nature*. 2001. Vol. 12. No. 2. P. 89–105.
- Kilduff L.P. et al.* Digit Ratio (2D: 4D), Aggression, and Testosterone in Men Exposed to an Aggressive Video Stimulus // *Evolutionary Psychology*. 2013. Vol. 11. No. 5. P. 147470491301100502.
- Kirschbaum C., Pirke K.M., Hellhammer D.H.* The “Trier Social Stress Test” – A Tool for Investigating Psychobiological Stress Responses in a Laboratory Setting // *Neuropsychobiology*. 1993. Vol. 28. No. 1–2. P. 76–81.
- Knight E.L., et al.* Beyond the Challenge Hypothesis: The Emergence of the Dual-Hormone Hypothesis and Recommendations for Future Research // *Hormones and Behavior*. 2020. Vol. 123. P. 104657.
- Kordsmeyer T.L., Penke L.* Effects of Male Testosterone and Its Interaction with Cortisol on Self-And Observer-Rated Personality States in a Competitive Mating Context // *Journal of Research in Personality*. 2019. Vol. 78. P. 76–92.
- Kruger D.J., Wang X.T., Wilke A.* Towards the Development of an Evolutionarily Valid Domain-Specific Risk-Taking Scale // *Evolutionary Psychology*. 2007. Vol. 5. No. 3. P. 555–568.
- Manning J.T. et al.* The Ratio of 2nd to 4th Digit Length: A Predictor of Sperm Numbers and Concentrations of Testosterone, Luteinizing Hormone and Oestrogen // *Human Reproduction*. 1998. Vol. 13. No. 11. P. 3000–3004.
- Manning J.T., Taylor R.P.* Second to Fourth Digit Ratio and Ability in Sport: Implications for Sexual in Humans // *Evolution and Human Behavior*. 2001. No. 22. P. 61–69.
- Mazur A., Booth A.* Testosterone and Dominance in Men // *Behavioral and Brain Sciences*. 1998. Vol. 21. P. 353–397.
- McBurnett K. et al.* Low Salivary Cortisol and Persistent Aggression in Boys Referred for Disruptive Behavior // *Archives of General Psychiatry*. 2000. Vol. 57. No. 1. P. 38–43.
- Mehta P.H. et al.* Testosterone and Cortisol Jointly Modulate Risk-Taking // *Psychoneuroendocrinology*. 2015. Vol. 56. P. 88–99.
- Meyer-Bahlburg H.F.L., Ehrhardt A.A.* Prenatal Sex Hormones and Human Aggression: A Review, and New Data on Progesterone Effects // *Aggressive Behavior*. 1982. Vol. 8. No. 1. P. 39–62.

- Morgenroth T., Fine C., Ryan M.K., Genat A.E.* Sex, Drugs, and Reckless Driving: Are Measures Biased toward Identifying Risk-Taking in Men? // *Social Psychological and Personality Science*. 2018. Vol. 9. No. 6. P. 744–753.
- Pawlowski B., Atwal R., Dunbar R.I.M.* Sex Differences in Everyday Risk-Taking Behavior in Humans // *Evolutionary Psychology*. 2008. Vol. 6. No. 1. P. 147470490800600104.
- Penke L.* Revised Sociosexual Orientation Inventory // *Handbook of Sexuality Related Measures* / Ed. T.D. Fisher. N.Y.: Routledge, 2011. P. 622–625.
- Ramiro-Sánchez T., et al.* Sexism and Sexual Risk Behavior in Adolescents: Gender Differences // *International Journal of Clinical and Health Psychology*. 2018. Vol. 18. No. 3. P. 245–253.
- Roberti J.W.* A Review of Behavioral and Biological Correlates of Sensation Seeking // *Journal of Research in Personality*. 2004. Vol. 38. P. 256–279.
- Roney J.R., Lukaszewski A.W., Simmons Z.L.* Rapid Endocrine Responses of Young Men to Social Interactions with Young Women // *Hormones and Behavior*. 2007. Vol. 52. No. 3. P. 326–333.
- Rosenblitt J.C. et al.* Sensation Seeking and Hormones in Men and Women: Exploring the Link // *Hormones and Behavior*. 2001. Vol. 40. No. 3. P. 396–402.
- Sherman G.D. et al.* The Interaction of Testosterone and Cortisol Is Associated with Attained Status in Male Executives // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2016. Vol. 110. No. 6. P. 921–929.
- van Anders S.M., Goldey K.L., Kuo P.X.* The Steroid/Peptide Theory of Social Bonds: Integrating Testosterone and Peptide Responses for Classifying Social Behavioral Contexts // *Psychoneuroendocrinology*. 2011. Vol. 36. No. 9. P. 1265–1275.
- van Bokhoven I. et al.* Salivary Cortisol and Aggression in a Population-Based Longitudinal Study of Adolescent Males // *Journal of Neural Transmission*. 2005. Vol. 112. No. 8. P. 1083–1096.
- Wilke A. et al.* An Evolutionary Domain-Specific Risk Scale // *Evolutionary Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 8. No. 3. P. 123–141.
- Wilson M., Daly M.* Competitiveness, Risk Taking and Violence: The Young Male Syndrome // *Ethology and Sociobiology*. 1985. No. 6. P. 59–73.
- Zuckerman M.* Item revisions in the sensation seeking scale form V (SSS-V) // *Personality and Individual Differences*. 1996. Vol. 20. No. 4. P. 515.
- Zuckerman M.* Sensation Seeking and Risk Taking // *Emotions in Personality and Psychopathology* / Ed. C.E. Izard. Boston: Springer, 1979. P. 161–197.
- Zuckerman M.* The Sensation Seeking Scale V (SSS-V): Still Reliable and Valid // *Personality and Individual Differences*. 2007. Vol. 43. No. 5. P. 1303–1305.

Research Article

Butovskaya, M.L., and Y.I. Adam. Risky Behavior as an Adaptive Strategy of Men, Their Morphophysiological Profiles and Relationship with Reproductive Success in Modern Society [Riskovannoe povedenie kak adaptivnaia strategiiia muzhchin, ikh morfofiziologicheskie profili i sviaz' s reproduktivnym uspekhom v sovremennom obshchestve]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 209–227. <https://doi.org/10.31857/S086954152204011X> EDN: HYGZPU ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Marina Butovskaya | <http://orcid.org/0000-0002-5528-0519> | marina.butovskaya@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia) | Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia)

Yulia Adam | <http://orcid.org/0000-0003-3839-8360> | julia.apalkova@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

testosterone, cortisol, 2D:4D, prenatal androgenization, propensity to risk taking, sensation seeking, sexual strategies, aggression, racers, alpinists, special forces

Abstract

Risky behavior has a complex and complicated nature. The desire and willingness to take risks in some areas of decision-making can be associated with the severity of certain psychological and behavioral traits, as well as with the presence of certain morphophysiological features. The main goal of this study is to investigate the aspects of modern adaptive mechanisms responsible for triggering the willingness of men to accept physical (associated with the probability of injury or death) risks of various kinds. We have analyzed the hormonal, morphological, and psychological profiles of risk-prone men in three model samples (racers, alpinists, special forces) that differ in the type of physically risky activity (n=157). Participants completed questionnaires on the propensity for searching sensations (SSS-V), aggressive behavior (BPAQ), and Sociosexual Orientation Inventory (SOI-R). Testosterone and cortisol levels were tested in all three samples. Statistical analysis of the data has demonstrated a number of significant differences in the behavioral and hormonal characteristics of the representatives of the three samples; at the same time, no morphological differences were found between the groups. The data further pointed to the links between the risk taking strategies and reproductive success in men.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants: Russian Foundation for Humanities, <https://doi.org/10.13039/100009094> [grant no. 20-09-00139]

References

- Aluja, A., and R. Torrubia. 2004. Hostility-Aggressiveness, Sensation Seeking, and Sex Hormones in Men: Re-Exploring Their Relationship. *Neuropsychobiology* 50 (1): 102–107.
- Apalkova, Y., et al. 2018. Assessment of Male Physical Risk-Taking Behavior in a Sample of Russian Men and Women. *Evolutionary Psychological Science* 4 (3): 314–321.
- Apalkova, Y.I., N.K. Bronnikova, and M.L. Butovskaya. 2018. Ustoichivye sochetaniia morfo-funktsional'nykh i lichnostnykh kharakteristik u muzhchin vysokoriskovykh professii [Stable Combinations of Morpho-Functional and Personal Characteristics in Men of High-Risk Professions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23, Antropologiya* 4: 67–76.
- Apicella, C.L., J.M. Carré, and A. Dreber. 2015. Testosterone and Economic Risk Taking: A Review. *Adaptive Human Behavior and Physiology* 1 (3): 358–385.
- Archer, J. 1991. The Influence of Testosterone on Human Aggression. *British Journal of Psychology* 82 (1): 1–28.
- Archer, J. 2006. Testosterone and Human Aggression: An Evaluation of the Challenge Hypothesis. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews* 30 (3): 319–345.
- Archer, J. 2019. The Reality and Evolutionary Significance of Human Psychological Sex Differences. *Biological Reviews* 94 (3): 1381–1415.
- Biolcati, R., G. Mancini, and E. Trombini. 2018. Proneness to Boredom and Risk

- Behaviors during Adolescents' Free Time. *Psychological Reports* 121 (2): 303–323.
- Boehm, C. 1987. *Blood Revenge: The Enactment and Management of Conflict in Montenegro and Other Tribal Societies*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Bowles, S. 2009. Did Warfare among Ancestral Hunter-Gatherers Affect the Evolution of Human Social Behaviors. *Science* 324 (5932): 1293–1298.
- Buss, A.H., and M. Perry. 1992. The Aggression Questionnaire. *Journal of Personality and Social Psychology* 633: 452–459.
- Buss, D.M. 1994. The Strategies of Human Mating. *American Scientist* 82 (3): 238–249.
- Buss, D.M., and D.P. Schmitt. 2019. Mate Preferences and Their Behavioral Manifestations. *Annual Review of Psychology* 70: 23–31.
- Butovskaya, M.L. 2016. Universal'nye morfo-psihotipy cheloveka: adaptatsiia k usloviyam sredi i optimizatsiia reprodukativnogo uspekha [Universal Morpho-Psychotypes of a Person: Adaptation to Environmental Conditions and Optimization of Reproductive Success]. *Vestnik RFFI. Estestvenno nauchnye i matematicheskie metody v gumanitarnykh issledovaniiah* 3: 92–99.
- Butovskaya, M.L., E.V. Veselovskaya, and A.S. Prudnikova. 2010. Modeli biosotsial'noi adaptatsii cheloveka i ikh realizatsiia v usloviakh industrial'nogo obshchestva [Models of Human Biosocial Adaptation and Their Implementation in the Conditions of Industrial Society]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii* 4: 143–154.
- Butovskaya, M.L., ed. 2006. *Agressiia i mirnoe sosushchestvovanie: universal'nye mekhanizmy kontrolya sotsial'noi napriazhennosti u cheloveka* [Aggression and Peaceful Coexistence: Universal Mechanisms for Controlling Social Tension in Humans]. Moscow: Nauchnyi mir.
- Butovskaya, M.L., et al. 2011. Morfofunktsional'nye i lichnostnye kharakteristiki muzhchin sportsmenov kak model' adaptivnykh kompleksov v paleorekonstruktsiiakh [Morphofunctional and Personal Characteristics of Male Athletes as a Model of Adaptive Complexes in Paleoreconstructions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23, Antropologiya* 2: 4–15.
- Butovskaya, M.L., et al. 2012. Mekhanizmy reprodukativnogo povedeniia cheloveka: ol'faktornye markery muzhskoi privlekatel'nosti [Mechanisms of Human Reproductive Behavior: Olfactory Markers of Male Attractiveness]. *Zhurnal obshchei biologii* 73 (4): 299–314.
- Butovskaya, M.L., Y.I. Apalkova, and Y.N. Fedenok. 2020. Empatiia i kooperatsiia kak sostavliaiushchie morfopsihotipa “voina” u cheloveka: sravnitel'nyi analiz gruppy voennykh i kontrolya [Empathy and Cooperation as Components of the Morphopsychotype of the “Warrior” in Humans: A Comparative Analysis of the Military and Control Group]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23, Antropologiya* 1: 58–71.
- Bykova, S.V. 2016. Sklonnost' k risku kak ustoichivoe svoistvo lichnosti [Risk Taking as a Stable Property of Personality]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* 1 (1): 157–160.
- Byrnes, J.P., D.C. Miller, and W.D. Schafer. 1999. Gender Difference in Risk Taking: A Metaanalysis. *Psychological Bulletin* 125: 367–383.
- Cárdenas, J.C., et al. 2012. Gender Differences in Competitiveness and Risk Taking: Comparing Children in Colombia and Sweden. *Journal of Economic Behavior & Organization* 83 (1): 11–23.
- Carré, J.M., and J. Archer. 2018. Testosterone and Human Behavior: The Role of Individual and Contextual Variables. *Current Opinion in Psychology* 19: 149–153.
- Carré, J.M., and P.H. Mehta. 2011. Importance of Considering Testosterone–Cortisol

- Interactions in Predicting Human Aggression and Dominance. *Aggressive Behavior* 37: 1–3.
- Casto, K. V., and D.A. Edwards. 2016. Testosterone, Cortisol, and Human Competition. *Hormones and Behavior* 82: 21–37.
- Charness, G., and U. Gneezy. 2012. Strong Evidence for Gender Differences in Risk Taking. *Journal of Economic Behavior & Organization* 83 (1): 50–58.
- Choi, J.K., and S. Bowles. 2007. The Coevolution of Parochial Altruism and War. *Science* 318 (5850): 636–640.
- Crewther, B., et al. 2015. Digit Ratio (2D: 4D) and Salivary Testosterone, Oestradiol and Cortisol Levels under Challenge: Evidence for Prenatal Effects on Adult Endocrine Responses. *Early Human Development* 91 (8): 451–456.
- Dabbs Jr, J.M., and R. Morris. 1990. Testosterone, Social Class, and Antisocial Behavior in a Sample of 4,462 Men. *Psychological Science* 1 (3): 209–211.
- Dekkers, T.J., et al. 2019. A Meta-Analytical Evaluation of the Dual-Hormone Hypothesis: Does Cortisol Moderate the Relationship Between Testosterone and Status, Dominance, Risk Taking, Aggression, and Psychopathy? *Neuroscience & Biobehavioral Reviews* 96: 250–271.
- Dickerson, S.S., and M.E. Kemeny. 2004. Acute Stressors and Cortisol Responses: A Theoretical Integration and Synthesis of Laboratory Research. *Psychological Bulletin* 130 (3): 355–391.
- Egorova, M.S., and S.D. Piankova. 1992. Poisk oshchushchenii i osobennosti lichnostnoi sfery [Sensation Seeking for and Features of the Personal Sphere]. In *Aktual'nye problemy psikhologicheskoi sluzhby: teoriia i praktika: sbornik materialov mezhdunarodnoi konferentsii (Odessa, 8–9 sentiabria)* [Actual Problems of Psychological Service: Theory and Practice: Collection of Materials of the International Conference (Odessa, September, 8–9)], 2: 140. Odessa.
- Eisenegger, C., et al. 2011. The Role of Testosterone in Social Interaction. *Trends in Cognitive Sciences* 15: 263–271.
- Glowacki, L., M.L. Wilson, and R.W. Wrangham. 2020. The Evolutionary Anthropology of War. *Journal of Economic Behavior & Organization* 178: 963–982.
- Gray, P.B., T.S. Mchale, and J.M. Carré. 2017. A Review of Human Male Field Studies of Hormones and Behavioral Reproductive Effort. *Hormones and Behavior* 91: 52–67.
- Greitemeyer, T., A. Kastentmüller, and P. Fischer. 2013. Romantic Motives and Risk-Taking: An Evolutionary Approach. *Journal of Risk Research* 16 (1): 19–38.
- Hardy, B. 2019. Steroid Hormones in Social Science Research. *Biophysical Measurement in Experimental Social Science Research*: 105–148. <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-813092-6.00008-3>
- Kelly, S., and R.I.M. Dunbar. 2001. Who Dares, Wins. *Human Nature* 12 (2): 89–105.
- Kilduff, L.P., et al. 2013. Digit Ratio (2D: 4D), Aggression, and Testosterone in Men Exposed to an Aggressive Video Stimulus. *Evolutionary Psychology* 11 (5): 147470491301100502.
- Kirschbaum, C., K.M. Pirke, and D.H. Hellhammer. 1993. The “Trier Social Stress Test” – A Tool for Investigating Psychobiological Stress Responses in a Laboratory Setting. *Neuropsychobiology* 28 (1–2): 76–81.
- Knight, E.L., et al. 2020. Beyond the Challenge Hypothesis: The Emergence of the Dual-Hormone Hypothesis and Recommendations for Future Research. *Hormones and Behavior* 123: 104657.
- Kon, I.S. 2010. Maskulinnost' v meniaiushchemsia mire [Masculinity in a Changing World]. *Voprosy filosofii* 5: 25–35.
- Konina, M.A., and A.B. Kholmogorova. 2015. Strategii seksual'nogo povedeniia v sovremennoi kul'ture [Strategies of Sexual Behavior in Modern Culture]. *Kul'turno-istoricheskaiia psikhologiya* 11 (1): 61–70.

- Kordsmeyer, T.L., and L. Penke. 2019. Effects of Male Testosterone and Its Interaction with Cortisol on Self-And Observer-Rated Personality States in a Competitive Mating Context. *Journal of Research in Personality* 78: 76–92.
- Kozlov, A.I., and M.A. Kozlova. 2014. Kortizol kak marker stressa [Cortisol as a Stress Marker]. *Fiziologiya cheloveka* 40 (2): 123–123.
- Kruger, D.J., X.T. Wang, and A. Wilke. 2007. Towards the Development of an Evolutionarily Valid Domain-Specific Risk-Taking Scale. *Evolutionary Psychology* 5 (3): 555–568.
- Manning, J.T., and R.P. Taylor. 2001. Second to Fourth Digit Ratio and Ability in Sport: Implications for Sexual in Humans. *Evolution and Human Behavior* 22: 61–69.
- Manning, J.T., et al. 1998. The Ratio of 2nd to 4th Digit Length: A Predictor of Sperm Numbers and Concentrations of Testosterone, Luteinizing Hormone and Oestrogen. *Human Reproduction* 13 (11): 3000–3004.
- Mazur, A., and A. Booth. 1998. Testosterone and Dominance in Men. *Behavioral and Brain Sciences* 21: 353–397.
- McBurnett, K., et al. 2000. Low Salivary Cortisol and Persistent Aggression in Boys Referred for Disruptive Behavior. *Archives of General Psychiatry* 57 (1): 38–43.
- Mehta, P.H., et al. 2015. Testosterone and Cortisol Jointly Modulate Risk-Taking. *Psychoneuroendocrinology* 56: 88–99.
- Meyer-Bahlburg, H.F.L., and A.A. Ehrhardt. 1982. Prenatal Sex Hormones and Human Aggression: A Review, and New Data on Progestogen Effects. *Aggressive Behavior* 8 (1): 39–62.
- Morgenroth, T., C. Fine, M.K. Ryan, and A.E. Genat. 2018. Sex, Drugs, and Reckless Driving: Are Measures Biased toward Identifying Risk-Taking in Men? *Social Psychological and Personality Science* 9 (6): 744–753.
- Pawlowski, B., R. Atwal, and R.I.M. Dunbar. 2008. Sex Differences in Everyday Risk-Taking Behavior in Humans. *Evolutionary Psychology* 6 (1): 147470490800600104.
- Penke, L. 2011. Revised Sociosexual Orientation Inventory. In *Handbook of Sexuality Related Measures*, edited by T.D. Fisher, 622–625. New York: Routledge.
- Ramiro-Sánchez, T., et al. 2018. Sexism and Sexual Risk Behavior in Adolescents: Gender Differences. *International Journal of Clinical and Health Psychology* 18 (3): 245–253.
- Roberti, J.W. 2004. A Review of Behavioral and Biological Correlates of Sensation Seeking. *Journal of Research in Personality* 38: 256–279.
- Roney, J.R., A.W. Lukaszewski, and Z.L. Simmons. 2007. Rapid Endocrine Responses of Young Men to Social Interactions with Young Women. *Hormones and Behavior* 52 (3): 326–333.
- Rosenblitt, J.C., et al. 2001. Sensation Seeking and Hormones in Men and Women: Exploring the Link. *Hormones and Behavior* 40 (3): 396–402.
- Sherman, G.D., et al. 2016. The Interaction of Testosterone and Cortisol Is Associated with Attained Status in Male Executives. *Journal of Personality and Social Psychology* 110 (6): 921–929.
- van Anders, S.M., K.L. Goldey, and P.X. Kuo. 2011. The Steroid/Peptide Theory of Social Bonds: Integrating Testosterone and Peptide Responses for Classifying Social Behavioral Contexts. *Psychoneuroendocrinology* 36 (9): 1265–1275.
- van Bokhoven, I., et al. 2005. Salivary Cortisol and Aggression in a Population-Based Longitudinal Study of Adolescent Males. *Journal of Neural Transmission* 112 (8): 1083–1096.
- Wilke, A., et al. 2014. An Evolutionary Domain-Specific Risk Scale. *Evolutionary Behavioral Sciences* 8 (3): 123–141.

- Wilson, M., and M. Daly. 1985. Competitiveness, Risk Taking and Violence: The Young Male Syndrome. *Ethology and Sociobiology* 6: 59–73.
- Zuckerman, M. 1979. Sensation Seeking and Risk Taking. In *Emotions in Personality and Psychopathology*, edited by C.E. Izard, 161–197. Boston: Springer.
- Zuckerman, M. 1996. Item Revisions in the Sensation Seeking Scale Form V (SSS-V). *Personality and Individual Differences*: 20 (4): 515.
- Zuckerman, M. 2007. The Sensation Seeking Scale V (SSS-V): Still Reliable and Valid. *Personality and Individual Differences* 43 (5): 1303–1305.

КРИТИКА, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

ВЕРНУТЬ ЕВРОПУ

(РЕЦ. НА: ВКУС ЕВРОПЫ. АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ПИТАНИЯ / ОТВ. РЕД. М.Ю. МАРТЫНОВА, О.Д. ФАИС-ЛЕУТСКАЯ. М.: КУЧКОВО ПОЛЕ МУЗЕОН, 2020. 568 С., ИЛ.)

Т.Д. Соловей

Татьяна Дмитриевна Соловей | <https://orcid.org/0000-0002-7453-297X> | tsolovei19@yandex.ru | д. и. н., профессор кафедры этнологии исторического факультета | Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Ленинские горы 1, ГСП 1, Москва, 119991, Россия)

Рецензию стоит писать на ту книгу, которая вызывает эмоциональный отклик и стимулирует рефлексию, даже если ее проблематика не входит в твой профессиональный “домен”. Монография “Вкус Европы” с ее очень точно и “со вкусом” подобранным названием вызвала желание высказаться. Во-первых, о судьбах Европы, сопричастность к которой в культурно-ценностном, ментальном смысле, а также с точки зрения физиологии питания для меня *sine qua non*. Во-вторых, о трансформации профессиональной идентичности, позитивные и негативные тропы которой (трансформации) очевидно прослеживаются в коллективной монографии.

Дискурс о Европе проделал сложную эволюцию в XX – начале XXI вв. от “Заката Европы” Освальда Шпенглера и болезненного разочарования в providенциальной единственности европейской цивилизации до “Времени мира” и

Рецензия поступила 24.12.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 28.12.2021
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Соловей Т.Д. Вернуть Европу (рец. на: Вкус Европы. Антропологическое исследование культуры питания / Отв. ред. М.Ю. Мартынова, О.Д. Фаис-Леутская. М.: Кучково поле Музеон, 2020) // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 228–232. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040121> EDN: НУТWNQ

Solovei, T.D. 2022. Vernut' Evropu [Reclaiming Europe]: A Review of Vkus Evropy. Antropologicheskoe issledovanie kul'tury pitaniia [The Taste of Europe: Anthropological Research on Food Culture], edited by O.D. Fais-Leutskaja and M.Yu. Martynova. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 228–232. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040121> EDN: НУТWNQ

“Грамматики цивилизаций” Фернана Броделя и триумфальной реабилитации и утверждения Европы как источника культургенезиса – Европы, покоящейся на прочных экономических основаниях и географической монолитности. От “великого переселения народов” конца XX в. и романтических упований на “взаимное культурное оплодотворение”, создания блестящих межрасовых и межэтнических синтезов, ведущих к обогащению и укреплению оснований европейской цивилизации, до миграционного кризиса XXI в. и исчерпанности мультикультуралистских стратегий, вызвавшей культурный шок и интеллектуальную растерянность.

Господствующий либеральный этос с его презумпцией гражданского равенства и стремлением элиминировать расовые и этнические барьеры – тип политической социализации, взрастивший ощущение коллективной исторической вины Европы за колониальное наследие, – из фактора силы превратился в фактор фундаментальной уязвимости Европы и коренных европейцев. Невозможно более не замечать разрушения социокультурной ткани и утраты Европой базовой функции – производства культуры, ценностей и смыслов. “Человек в обороне” – вот символический образ современной Европы, сопротивляющейся глобализации, культурной стерилизации, смысловому вакууму. Но где проходят рубежи обороны? История Европы чудовищным образом препарируется, а прошлое откровенно дискриминируется самими европейцами, не позволяя на этой основе формулировать позитивный образ “Мы”. Утверждение культурного первородства Европы имеет малую цену для поколений, живущих в метапространстве с его другими квазикальтурными идолами и символами. Проведение границ между “Мы” и “Они” на основании этничности/расы не представляется возможным без множества оговорок.

Пафос множественности и равноправия особенного (культур, моралей, обычаев, “правил игры”) как ключевого условия своего осуществления требует признания *универсальной* ценности. В качестве таковой все еще выступает цивилизационная идентичность Запада, предполагающая существование базового европейского ценностно-культурного консенсуса.

Перезапуск европейских ценностей (вторичная сборка) может иметь одной из отправных точек припоминание, возвращение (конструирование) автохтонных традиций *питания* народов Европы. Пища как коннотативный знак отстаивания “самости” – разумеется, не последний и не единственный “рубеж обороны” европейского “Мы” перед лицом глобализации, унификации и стерилизации. Однако в ситуации, когда не работают апелляции к уважаемой истории, цивилизационной (религиозной) исключительности, культурному и экономическому превосходству, пищевые практики могут выступить одной из точек кристаллизации позитивного образа “Мы” европейских народов.

Авторы монографии “Вкус Европы” исходят из признания существования Европы как целостности с ее одновременно сохраняющимся многообразием и локальной спецификой стран, народов и культур. Артикулированное выражение и европейского универсализма, и европейской самобытности члены авторского коллектива обнаруживают в пище – истоке традиции, этническом, социальном, культурном знаке. Если верна максима “мы – то, что мы едим” и если помимо узко физиологического аспекта ее можно экстраполировать на историю, культуру и социальность, то пища (питание) выступает основанием человеческой экзистенции.

Текст монографии демонстрирует впечатляющий эвристический потенциал исследований антропологии питания. В творческой лаборатории ее авторского коллектива обнаруживается россыпь оригинальных идей и подходов. Одна из основополагающих идей – через историю еды коснуться истории цивилизаций –

небезосновательно исходит из предположения, что история питания переплетается с другими историями, определяет их и сама определяется ими (О.Д. Фаис-Леутская). Убедительно обоснована возможность через призму гастрономии Балкан – симбиоза “пищевых канонов славянской, венгерской, австрийской, турецкой, венецианской и арабской кухонь” (М.Ю. Мартынова, с. 114) – “проследить соотношение (и обосновать несовпадение) государственных, этнических, языковых и культурно-хозяйственных границ в Балканском регионе” (с. 115). Выпукло показано, что трансформация структуры и моделей питания не менее точно определяет, маркирует историю Испании XX – начала XXI в., чем социально-экономическая, политико-идеологическая и культурная динамика этой страны (А.Н. Кожановский).

Еще одна стержневая идея книги состоит в том, что через реконструкцию “путешествий еды” можно проследживать культурные контакты и взаимовлияние народов и традиций. Например, основательно верифицированный кейс О.Д. Фаис-Леутской, в исследовательской оптике которого Сицилия выступает “лабораторией”, породившей гастрономические ориентализмы. Или представленная Ю.А. Перевозчиковым и А.Е. Загребинным реконструкция происхождения и развития у финно-угров культурных инноваций, связанных с переработкой зерна в солод, – отличный компендиум эмпирического материала для “сравнительного изучения культурных параллелей и путей развития солодовых продуктов на обширном пространстве северо-восточной Евразии, где активно взаимодействуют индоевропейский, тюркский и финно-угорский миры” (с. 88).

Что касается “пищевой сферы” как таковой, монография фиксирует все многообразие ее составляющих, включая историю алиментарной культуры и формы ее презентации, спектр продуктов, базовый набор блюд, технологии их приготовления, пищевой этикет, стиль потребления пищи и характер протекания трапезы. Равноценное рассмотрение всех этих составляющих в рамках одной статьи едва ли возможно. В зависимости от исследовательских предпочтений и специфики полевого опыта авторы акцентируют тот или иной аспект: технологии приготовления, рецептуры, вкусы и пристрастия национальных кухонь (С.И. Рыжакова, А.А. Новик, М.П. Кляус и Е. Водинчар, Н.Г. Деметер, В.В. Руднев, Р.А. Григорьева), набор блюд и местные бренды (М.Ю. Мартынова, М.К. Любарт), пищевые привычки (А.Н. Кожановский), практики домашнего питания (Ю.В. Бучатская), ритуально-обрядовое потребление пищи (М.А. Андрюнина, Н.Г. Голант), дискурс о еде и его презентации в виртуальном и реальном поле (Л.С. Гушян и В.В. Федченко).

Немаловажно, что в большинстве статей материал изложен не статично (т.е. фиксирует специфику пищевого ландшафта в определенном временном континенте), а в динамике. Динамика “пищевой сферы” концептуализируется по-разному. Например, как поворот к “национальной” кухне последних лет в ответ на глобализацию (с. 121), как сдвиг от либерализации поведения, связанного с едой, в сторону неоконсервативных взглядов, “которые строже оценивают комплекс запретов, как в плане состава продуктов, так и в системе их потребления” (с. 474), или как адаптация гастрономических новшеств к почве, когда все новое в кухне “все равно приобретает национальную окраску” (с. 481).

Большинство оценок сводится к описанию динамики пищевой сферы при помощи метафоры “маятника”. От одной крайней точки – кухни фьюжен, триумфального шествия фастфуда, функционального отношения к пище как источнику энергии, потребляемому на ходу, – “маятник” качнулся в противоположном направлении к реконструкции (изобретению) и мемориализации традиционного пищевого ландшафта в рамках конструирования автохтонных идентичностей. Таким образом, эти изменения намекают на серьезнейший сдвиг

всей ценностной рамки массового сознания. Произошел ли он? И в какой точке застыл “маятник”?

Даже если метафора “маятника” уместна при описании трансформации пищевого ландшафта Европы, едва ли его колебания носят широкоамплитудный характер. Глобализация никогда не была всеобъемлющей и если и покушалась (что не бесспорно) на основания повседневности европейских народов, то так и не смогла их взломать. Знакомство с гастрономическими стандартами Других не вело к отказу от привычной гастрономической картины мира “Мы”, а гастрономические заимствования неизбежно адаптировались к ней, приобретая автохтонную окраску. Ситуативное удобство, функциональность фастфуда лишь подчеркивали и оттеняли неизменное таинство семейных неспешных гастрономических посиделок, а также медитативную атмосферу кофеен и ресторанчиков только для “своих”. Другими словами, чем больше меняется, тем больше остается прежним.

Точно так же и обратное движение в направлении “ренессанса” национальных кухонь имеет ограниченную амплитуду: современные европейцы не готовы отказаться от уже вошедших в их повседневность и интернализированных психологически гастрономических изысков разомкнутого глобального мира (ресторанчиков мексиканской, индийской, японской и китайской кухни), как не готовы отказаться от полуфабрикатов, доставки пищи и фастфуда, облегчающих жизнь работающих супругов. Полагаю, рядовые европейцы пришли к разумному, сбалансированному и спокойному восприятию пищевого ландшафта, прекрасно ощущая (буквально, “кожей”) границы “своего” (константного) и “иного” (ситуативного) в пищевых практиках. Алармизм в отношении “защиты” фундаментальных основ пищевого бытия Европы могут провоцировать туристическая индустрия и связанные с ней отрасли, заинтересованные “в презентации локальных культурных особенностей и эксклюзивов” (с. 89).

При чтении рецензируемой монографии порой возникало ощущение, что ее авторы не только изучают, но и “обороняют” Европу и ее ценности, пытаются спасти европейцев, слишком “заигравшихся” в глобализацию, от себя самих. Полагаю, Европа способна защитить себя сама. Но эта покровительственно-защитная позиция в отношении Европы исходит из ощущения нашей собственной профессиональной уязвимости, а подвергшаяся серьезной трансформации этнологически-антропологическая идентичность точно нуждается во вторичной сборке и перезапуске. Пища – это социальный, конфессиональный, гендерный маркер, культурный феномен (где культурой можно назвать что угодно) или часть национальной/этнической традиции? Ответ на этот вопрос, а также отбор, структурирование и интерпретация эмпирических данных напрямую определяются контурами профессиональной Я-идентичности (о коллективной цеховой идентичности в российском контексте говорить затруднительно). Голоса авторов статей, реализующих персональную картину мира, в отсутствие концептуального единства и конвенционального языка вряд ли образуют стройную полифонию, скорее производят впечатление разногласия, свидетельствуя о предельной атомизации профессионального сообщества.

Подытоживая: эта прекрасно изданная монография, соединившая усилия блестящего авторского коллектива и содержащая россыпь идей, имеет серьезную исследовательскую перспективу, поскольку ведет разговор о самом важном – одном из фундаментальных оснований человеческой экзистенции. Более того, она может стать основанием широкой профессиональной дискуссии по антропологии питания в широком историческом и геокультурном контекстах.

Book Review

Solovei, T.D. Reclaiming Europe [Vernut' Evropu]: A Review of *Vkus Evropy. Antropologicheskoe issledovanie kul'tury pitaniia* [The Taste of Europe: Anthropological Research on Food Culture], edited by O.D. Fais-Leutskaia and M.Yu. Martynova. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 228–232. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040121> EDN: HYTWNQ ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Tatiana Solovei | <https://orcid.org/0000-0002-7453-297X> | tsolovei19@yandex.ru | Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory, GSP 1, Moscow, 119991, Russia)

О КУЛЬТУРЕ ПИТАНИЯ НАРОДОВ ЕВРОПЫ
(РЕЦ. НА: ВКУС ЕВРОПЫ. АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ПИТАНИЯ /
ОТВ. РЕД. М.Ю. МАРТЫНОВА, О.Д. ФАИС-ЛЕУТСКАЯ.
М.: Кучково поле Музеон, 2020. 568 с., ил.)

М.Е. Кабицкий

Михаил Евгеньевич Кабицкий | orcid.org/0000-0003-2878-1067 | kabitski@yahoo.es | к. и. н., доцент Учебно-научного центра социальной антропологии | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская площадь 6, ГСП-3, Москва, 125047, Россия) | доцент исторического факультета | Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Ленинские горы 1, ГСП 1, Москва, 119991, Россия)

Антропология пищи и питания – отрасль этноантропологических наук, утвердившаяся сравнительно недавно, исследования в этой области продолжают динамично развиваться в последние десятилетия. Отрадно, что это происходит не только в зарубежной, но и в отечественной науке. Начиная с первых работ инициаторов данных исследований, прежде всего С.А. Арутюнова и его коллег (Арутюнов, Мкртумян 1981; Арутюнов 1981), задавших методологические установки изучения питания, в дальнейшем эта проблематика рассматривалась в тематических сборниках, коллективных и индивидуальных монографиях в социокультурных, биологических, экологических и других аспектах (Арутюнов, Воронина 2001; Добровольская 2005; Козлов 2005; и др.). Научные журналы, в частности “Этнографическое обозрение” и “Традиционная культура”, не раз посвящали вопросам

Рецензия поступила 05.05.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 15.05.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Кабицкий М.Е. О культуре питания народов Европы (рец. на: Вкус Европы. Антропологическое исследование культуры питания / Отв. ред. М.Ю. Мартынова, О.Д. Фаис-Леутская. М.: Кучково поле Музеон, 2020) // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 233–237. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040133>. EDN: HZFGGJ

Kabitskiy, M.E. 2022. O kul'ture pitaniia narodov Evropy [On the Food Culture of the Peoples of Europe]: A Review of Vkus Evropy. Antropologicheskoe issledovanie kul'tury pitaniia [The Taste of Europe: Anthropological Research on Food Culture], edited by O.D. Fais-Leutskaiia and M.Yu. Martynova. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 233–237. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040133> EDN: HZFGGJ

этнографии питания тематические номера (“ЭО” 2011 г., № 1; 2012, № 5; “ТК” 2014 г., № 4; 2019, № 3).

В то же время в данной сфере сохраняется огромное, во многом еще не освоенное поле для исследований: как конкретных систем питания, пищевых предписаний, предпочтений и запретов, гастрономических фактов, так и для более широкого теоретико-методологического синтеза, основу для которого могут дать эти конкретные явления. В частности, можно отметить отсутствие на данный момент на русском языке комплексной, обобщающей теоретической монографии по антропологии пищи и питания как особой (суб)дисциплине. С другой стороны, выходят весьма ценные коллективные труды, которые объединяют частные исследования культур питания по странам, народам, регионам общим подходом, а также концептуально-теоретическим анализом и обобщениями во вводных или установочных главах. К данной категории можно отнести и рассматриваемую работу.

Следует сказать несколько слов и о региональном контексте. Европа, как известно, для этноантропологов всегда имела несколько меньшее значение в сравнении с другими частями света, чем в рамках других общественных и гуманитарных наук. Этнография и антропология с самого начала развивались в большей степени как исследование экзотических народов, изучение специфических черт традиционной культуры, которая в рано индустриализированной и модернизированной Европе, как считалось, в значительной мере вышла из употребления. Однако время показало, что старый континент может дать этнографам массу ценного материала, способного послужить основой и для интереснейших концептуальных построений. Европейская этнография доказала свое право на существование. Одним из наиболее устойчивых элементов традиционного культурного наследия является пища (как отмечают и авторы книги, с. 11). Знаменательно поэтому, что именно коллеги-европеисты из нескольких научных центров (Центра европейских исследований ИЭА РАН, Отдела европейстики МАЭ и ряда других) стали авторами новой значительной работы по антропологии питания.

Вводная глава, как уже сказано, задает тон публикации. В ней ответственные редакторы книги М.Ю. Мартынова и О.Д. Фаис-Леутская обосновывают значимость исследований культуры питания, дают обзор их истории и современных тенденций. Эту главу можно рекомендовать как введение не только к книге, но и вообще в тематику антропологии питания, для тех, кто хочет начать знакомство с этой важной областью науки. Авторы уделяют большое внимание роли исторических, социологических, структурно-семиотических подходов к теме, что важно с учетом междисциплинарного характера изучения питания. Отмечена роль таких важнейших для данной дисциплины фигур, как К. Леви-Стросс и М. Дуглас, М. Харрис и А. Аппадурай, Дж. Гуди и С. Минц, которого иногда называют “отцом антропологии питания”. Вместе с тем следовало бы упомянуть, что, хотя оформление ее как самостоятельной области междисциплинарных исследований начинается в конце 60-х – начале 70-х годов XX в., впервые специально занялись этим аспектом еще функционалисты, а первые работы, непосредственно относимые к антропологии питания, выполнены О. Ричардс в 1930-е годы и М. Мид – в 1940-е (в рамках Комитета по изучению пищевых привычек), причем именно в отмеченном авторами аспекте проблемы голода (Баранов, Гуляева 2017: 47). Среди современных исследователей стоило также назвать К. Фишлера и Х. Контрераса – крупнейших современных антропологов питания во Франции и Испании соответственно (кстати, последний – автор одной из немногих фундаментальных теоретических монографий по данной дисциплине, о нехватке которых говорилось выше).

Удачно, что обзор современного состояния исследований включает и характеристику важнейших центров, занятых данной проблематикой. Помимо чисто научных учреждений, справедливо отмечена роль международной организации “Слоу Фуд”, возникшей как раз в Европе и сочетающей исследовательскую, образовательную, консультативную и социальную деятельность, что обстоятельно рассматривалось в специальной статье (Кабицкий, Калмыкова 2016), на которую авторы, правда, не ссылаются.

Можно отметить некоторую нечеткость в определении дисциплин, изучающих данную сферу, и их предметного поля. Так, авторы по-видимому приравнивают понятие *исследований пищи и питания* (в англоязычной литературе – *Food Studies*) и гасстики (“Food Studies, или гасстики, как ее называют в России”, с. 14), с чем трудно согласиться. Гасстика обычно понимается как наука о знаковых и коммуникативных функциях пищи, что важно для рассматриваемых авторами структурно-семиотических подходов, но в любом случае даже близко не исчерпывает всей сферы и тематики исследований пищи и питания, представляющих собой широкую междисциплинарную область. В нее входит (наряду с историей и социологией питания, которым авторы уделяют особое внимание, а также с диетологическими, эволюционными, демографическими, экономическими и многими другими аспектами) и антропология питания. В этом смысле выглядит некорректной сделанная в главе отсылка к статье автора данной рецензии, взгляды которого представлены как устаревшие (“Становится все более очевидно, что антропология питания отнюдь не исчерпывается такими дисциплинами, как этнология, социальная и культурная антропология, хотя так еще недавно полагали”, с. 13); логично все-таки *антропологию* питания как антропологическую субдисциплину рассматривать именно как часть социокультурной (как максимум – также и биологической) антропологии. Иначе обстоит дело с *Food Studies*, включающими большое количество смежных дисциплин, но о них в упомянутой статье речи не шло; к тому же и сама вводная глава рецензируемой книги озаглавлена “Культура питания как объект антропологического исследования”.

Основная часть коллективной монографии состоит из глав, посвященных конкретным пищевым традициям, практикам и видам блюд и продуктов у определенных народов Европы. Причем, что следует отметить, они не просто собраны подряд, а структурированы по разделам, в известной мере отражающим основные сферы антропологии питания: это алиментарные практики и истоки традиции, система питания и социальность, вкус в культурах, национальная кухня и аутентичные рецепты, трапеза и обряд. Рассматриваются черты культуры питания почти двух десятков народов, от крупных стран и регионов, таких, как Испания, Германия, Балканы, восточнославянские области, до диаспор (евреи, цыгане) и относительно небольших этнокультурных групп (например, влахов Сербии и Болгарии или понтийских греков).

К историческим истокам алиментарных традиций обратились О. Д. Фаис-Леутская, Ю.А. Перевозчиков и А.Е. Загребин, рассмотревшие соответственно распространение восточных элементов в европейской кухне со времен Средневековья в целом, а в особенности на конкретном примере Сицилии, и истоки, общие черты и особенности применения солода и его производных в культуре питания финно-угорских народов, восходящего еще к эпохе бронзы (на основе исторических, археологических, лингвистических и, разумеется, этнографических данных).

Второй раздел, озаглавленный “Система питания и социальность” (думается, здесь можно было бы использовать также термин “социальность”, применяемый преимущественно психологами, но уместный и для социальной

антропологии, когда речь идет о системах коммуникации в обществе) посвящен в основном крупным региональным и национальным сообществам, за исключением главы Л.С. Гусян и В.В. Федченко о *пищевом ландшафте* понтийских греков. Применительно к этой историко-культурной группе греческого народа авторы рассматривают идентитарный и символический аспекты пищи, опираясь на концепты “пограничности” и “иконографии”, предложенные Ж. Готтманном и М. Брюно. М.Ю. Мартынова, рассматривая такой многоликий регион, как Балканы (но преимущественно ареал сербскохорватской культурно-языковой общности), также уделяет особое внимание проблеме идентичности. В статьях А.Н. Кожановского и Ю.В. Бучатской соответственно о питании испанцев и немцев анализируются современные тенденции, в частности гендерный аспект.

Раздел “Вкус в культурах” рассматривает конкретные виды продуктов и вкусовые особенности блюд латышской (С.И. Рыжакова), бретонской (М.К. Любар), болгарской (М.П. Кляус, Е. Водинчар) и албанской (А.А. Новик) кухни.

Более общие черты, характеризующие национальные кухни, анализируются в разделе “Национальная кухня и аутентичные рецепты” В.В. Руднев применительно к пище шотландцев, Р.А. Григорьева – белорусов, Л.С. Гусян и В.В. Федченко – французских евреев, Н.Г. Деметер – цыган Европы. В данном разделе представляет интерес использование фундаментальных для антропологии питания концептов пищевых предпочтений и запретов.

Эти же аспекты связаны с обрядовыми предписаниями и практиками, рассмотренными авторами последнего, небольшого, но важного (*last, but not least*) раздела “Трапеза и обряд”. В главе, написанной М.А. Андриониной, анализ употребления некоторых продуктов (особенно яблок) у восточных славян дан в привязке к календарным вехам и поминальным обрядам в широком этнографическом контексте. Н.Г. Голант рассматривает пищу вlahов-царан также в связи с поминальными практиками, но и с обрядами так наз. “праздника дома”, рождественским и пасхальным циклами.

Книга ярко иллюстрирована, что важно в подобных работах, но, пожалуй, еще важнее то, что она хорошо иллюстрирует современное состояние антропологии питания в нашей стране применительно к такому важному региону, как Европа. Хотя отдельные главы посвящены конкретным народам и этнокультурным группам, их многообразие, широта охвата и применения современных подходов делают данную монографию своеобразной энциклопедией пищевых практик современных европейцев и их изучения.

Научная литература

- Арутюнов С.А. (отв. ред.) Этнография питания народов стран зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии // Отв. ред. С. А. Арутюнов. М.: Наука, 1981.
- Арутюнов С.А., Воронина Т.А. (отв. ред.) Традиционная пища как выражение этнического самосознания. Отв. ред.: М.: Наука, 2001.
- Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблемы классификации элементов культуры (на примере армянской системы питания) // Советская этнография. 1981. № 4. С. 3–15.
- Баранов Д., Гуляева Е. Об этнографическом описании пищи // *Experto crede Alberto*: сб. статей к 70-летию А. К. Байбурина. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. С. 46–65.
- Добровольская М.В. Человек и его пища. Пищевые специализации и проблемы антропогенеза. М.: Научный Мир, 2005.

Кабицкий М.Е., Калмыкова М.В. Организации Слоу Фуд и Терра Мадре и их деятельность по защите кулинарных и аграрно-промышленных традиций // Традиционная культура. 2016. № 2. С. 133–138.

Козлов А.И. Пища людей. Фрязино: Век 2, 2005.

Book Review

**Kabitskiy, M.E. On the Food Culture of the Peoples of Europe [O kul'ture pitaniia narodov Evropy]: A Review of *Vkus Evropy. Antropologicheskoe issledovanie kul'tury pitaniia* [The Taste of Europe: Anthropological Research on Food Culture], edited by O.D. Fais-Leutskaia and M.Yu. Martynova. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 233–237. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040133>
EDN: HZFGGJ ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences
© Institute of Ethnology and Anthropology RAS**

Mikhail Kabitskiy | orcid.org/0000-0003-2878-1067 | kabitski@yahoo.es | Russian State University for the Humanities (Miuskaya sq. 6, GSP-3, Moscow, 125047, Russia) | Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory, GSP 1, Moscow, 119991, Russia)

**РОССИЙСКИЕ ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БЫТА КУБИНЦЕВ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-Х ГОДОВ
(РЕЦ. НА: АЛЕКСАНДРЕНКОВ Э.Г. КУБИНСКИЕ ПОЛЕВЫЕ ТЕТРАДИ
(1980–1985). ЧАСТЬ I / ОТВ. РЕД.,
СОСТ. Р.Н. ИГНАТЬЕВ, В.В. ФЕДЮШИН.
М.: ИЭА РАН, 2021. 1388 с., с ФАКСИМИЛЕ.**

Галина Гавриловна Ершова | <http://orcid.org/0000-0002-4607-6436> | Mesoamerica@mail.ru | д. и. н., профессор, главный научный сотрудник, директор Учебно-научного Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская пл. 6, Москва, 125047, Россия)

Информация о финансовой поддержке

Государственное задание Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [номер госрегистрации № АААА-А20-120070890028-5] (проект № FSZG-2020-0019)

Полевыми материалами д. и. н., ведущего научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН, специалиста по этнической истории доколумбовой Америки, профессора Эдуарда Григорьевича Александренкова “Кубинские полевые тетради”, опубликованные в электронном виде, представляются знаковым явлением в отечественной американистике. И тому несколько причин. Во-первых, относительная “молодость” этого научного направления, нацеленного на изучение традиционных культур народов Северной и Латинской Америки: оно было создано лишь в середине XX в. Во-вторых, не слишком большое количество работающих в России антропологов, занимающихся данным регионом, – их появление в прошлом веке казалось проблематичным в силу определенной карьерной “бесперспективности”. В-третьих, конечно же, географическая удаленность изучаемого региона, которая не только обуславливала первые два фактора, но и долгое время не позволяла реализовывать масштабные полевые проекты из-за понятных финансовых сложностей. В качестве аргумента для организации исследований потенциально могло служить лишь культурное и генетическое родство между аборигенными народами северных сопредельных территорий России и Северной Америки, но и эти доводы не привели к развитию исследований региона.

Тем не менее российские “походы” в страны Нового Света имеют собственную, очень интересную и во многом уникальную историю. Как известно,

---

Рецензия поступила 01.02.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 05.02.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Ершова Г.Г. Российские полевые исследования быта кубинцев первой половины 1980-х годов (рец. на: Александренков Э.Г. Кубинские полевые тетради (1980–1985). Часть I / Отв. ред., сост. Р.Н. Игнатьев, В.В. Федюшин. М.: ИЭА РАН, 2021) // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 238–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040145> EDN: HZFRWU

Ershova, G.G. 2022. Rossiiskie polevyie issledovania byta kubintsev pervoi poloviny 1980-kh godov [Russian Field Studies of the Everyday Life of Cubans in the First Half of the 1980s]: A Review of Kubinskie polevyie tetradi (1980–1985). Chast I. [Cuban Field Notebooks (1980–1985). Part 1], by E.G. Aleksandrenkov. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 238–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040145> EDN: HZFRWU

об Америке первыми начали писать русские мореплаватели XVIII в. Сначала путь из России к неизведанному континенту был проложен через Тихий океан. В 1741 г. участник второй экспедиции Витаса Беринга юнга Лоренц Ваксель привез большую коллекцию рисунков, сделанных им во время плавания – так было положено начало Русской Америке. В августе 1762 г. мореход Степан Глотов, достигший берегов Нового Света на “Св. Иулиане”, составил “реестр” открытых земель, приложив карту Алеутских островов. Через год предприниматель Федор Кульков, отправившийся к берегам Америки на судне “Захарий и Елизавета”, составил для Кунсткамеры описание под названием “Известия, собранные из разговоров вологодского купца Федора Афанасьевича Кулькова о так называемых Олеутских островах в Санкт-Петербурге в 1764 году”. “Самовидец” описывал природные условия, растительный и животный мир, быт островитян, одежду, украшения, пищу, брачные обычаи, особенности ухода за младенцами.

Второй путь русских мореплавателей пролегал через Атлантику. В 1763 г. мичман Никифор Полубояринов, дослужившийся позже до капитана, отправился в плавание на английском судне к берегам Бразилии “для примечания тамошних военных порядков...”, которые зафиксировал “Журнал путешествия мичмана Никифора Полубояринова в Индию в 1763–1764 гг.” (РГАВМФ). Заметки мичмана о населении ограничились упоминанием монастырей и большого количества “черного привозного народа из Африки”. В том, что касалось “нравов и обычаев народных”, автор отметил: “...за малобытием всего подробно приметить невозможно, понеже мы были в оном месте две недели для налития воды и свежей провизии, також и для переправки корабельного такелажа”. Через полтора десятка лет мещанин из Нижнего Новгорода Василий Баранщиков добрался до Антильских островов и описал свои “нещасные приключения” (*Баранщиков* 1787). Примерно тогда же на Кубе побывал писатель Ф.В. Каржавин, который оставил своего рода дневник “С гишпанцами в Новый Йорк и Гавану”, повествующий о его жизни и путешествиях (*Рабинович* 1967).

Начиная с XIX в. все чаще можно говорить о русских путешественниках – географах и этнографах, принимавших участие в экспедициях мореплавателей. Это такие известные имена, как И.Ф. Крузенштерн, Г.И. Лангсдорф, Ю.Ф. Лисянский, Ф.П. Врангель, Ф.П. Литке, О.Е. Коцебу, А.И. Воейков, Г.Г. Манисер (самый яркий член “студенческой экспедиции”), Н.Н. Миклухо-Маклай, С.К. Патканов и другие. Если говорить о материалах, собранных в этих “походах”, то в большинстве случаев речь идет не собственно о “полевых дневниках” этих исследователей, а, скорее, о путевых заметках, архивных документах, письмах и т.п. Не все экспедиции характеризовались исключительно научными интересами: целью было освоение новых путей, изучение территорий, пригодных для пополнения запасов провизии и воды, поиски потенциальных плацдармов для усиления геополитического влияния России. Тем не менее в соответствии с традициями, обозначенными еще во времена Страбона, в описания включались сведения об аборигенном населении, о существующих традициях и о местных языках, любопытные факты и детали. Многие из таких “записок” спустя время обрели статус ценных уникальных исторических, этнографических и лингвистических источников. Конечно, дневники таких выдающихся этнографов, как Г.И. Лансдорф, Г.Г. Манисер, Н.Н. Миклухо-Маклай или С.К. Патканов, продолжают занимать особое место в отечественных и зарубежных исследованиях американского населения (*Соболева* 2016).

В советское время в 1920-е годы организовывались уникальные экспедиции, среди которых одной из самых ярких стала экспедиция Н.И. Вавилова,

позволившая впервые выстроить карту древних цивилизаций в связке с очагами окультуренных растений. Мезоамерика и Андский регион заняли в ней особо важное место. В 1929 г. в США на стажировку к Францу Боасу была отправлена выпускница Ленинградского университета, этнограф Юлия Павловна Аверкиева. Аверкиева принимала полноценное участие в полевых исследованиях учителя и по возвращению защитила диссертацию на собственных полевых материалах. Но это в советской этнографии первый и единственный такой случай.

Именно поэтому экспедиции Э.Г. Александренкова на Кубу стали особенным явлением для советского послевоенного периода. Конечно, в XXI в. мы можем говорить о планомерных регулярных археологических и антропологических полевых исследованиях в станах Латинской Америки, проводимых в рамках школы Ю.В. Кнорозова РГГУ. Но тогда, в 1980-х годах, политическая конъюнктура пошла на беспрецедентный шаг: для создания “Этнографического атласа Кубы” поддержала экспедиционные выезды советских этнографов с целью реконструкции этнической истории столь непростого региона.

Эта очень долгая история, начавшаяся с заселения Нового Света, выстраивалась через контакты с мезоамериканскими соседями, проходила через колонизацию и торговлю африканскими рабами, претерпевала сложные мультикультурные процессы, захлестывавшие остров в XX в. Экспедиция, в которой участвовал Э.Г. Александренков, продлилась пять лет – с 1980 по 1985 гг. Работы было много, и потому подробнейшие дневниковые записи стали почти вынужденным условием для сохранения уникальных материалов, которые предполагалось осмысливать уже по возвращению домой. Времени анализировать полученные данные на месте не оставалось. И это особенно важно для понимания ценности предлагаемых к публикации полевых дневников. Темы вопросников касались этнической истории, традиционной культуры, быта, топонимов, названий предметов, трудовых отношений и семейной структуры. Для получения представлений о Кубе в целом для полевых исследований были выбраны несколько провинций: Матансас, Сантьяго-де-Куба, Гуантанамо, Пинар-дель-Рио, Вилья-Клара, Сьенфиуэгос, Санкти-Спиритус. Полученные материалы – ярчайшие свидетельства этнических и социальных процессов в Карибском регионе того времени. Полевые дневники сами по себе, благодаря исключительной детализации описаний, становятся важным этнокультурным источником для исследователей прошлого и настоящего Кубы.

В аннотации составители указывают, что видят одну из задач публикации в “открытии дискуссии о формах и методах ведения полевого дневника (текст, видео, аудио), поднимая вопрос, каким образом формируется протокол исследования, определяющий и описывающий наше поведение в антропологическом поле?” (с. 8). Как мне кажется, эта задача комплементарна и лишь смещает акцент с уникального содержания на форму или метод. Впрочем, в современном пространстве подобные сюжеты пользуются зачастую большей популярностью, нежели глубокие оригинальные исследования.

Схема и особенности кубинских дневников Э.Г. Александренкова, хранящихся в архиве ИЭА РАН, представлены во вступительной статье ответственных редакторов и составителей Р.Н. Игнатьева и В.В. Федюшина (с. 7–8). Публикацию открывает предисловие автора (с. 5–6). Собственно корпус полевых материалов состоит из 12 рукописных тетрадей (экспедиции 1980–1984 гг.) и двух машинописных подшивок. Дневники 1985 г. сохранились только в машинописной версии. Как бы то ни было, каждая из тетрадей представляет собой единое целое, что позволяет хорошо ориентироваться в материале.

“Кубинские полевые тетради (1980–1985). Часть I” – это 1388-страничный документ в формате PDF. Сначала следуют факсимильные страницы тетради

в хронологическом порядке, затем соответствующая печатная расшифровка. Кстати, факсимильные страницы рукописных дневников не только сохраняют рисунки, схемы и иные графические заметки, которые отсутствуют в набранном тексте, но и придают особый шарм и ценность данной публикации.

Оглавление предельно четко и понятно структурировано: номер полевой тетради, датировка, тип документа (рукопись или машинописный текст). Несмотря на непонятную систему соответствия нумерации страниц в факсимиле и распечатках. В некоторых случаях она совпадает (тетрадь 5), в некоторых – нет (напр., в тетради 4 распечатка начинается со с. 100, тогда как факсимиле – со с. 1).

Причина того, что последняя часть за 1985 г. размещена только в набранном варианте, объясняется в предисловии – и потому вопросов не возникает. Однако у рукописных дневников, к сожалению, расшифровка сделана только для тетрадей за 1980 и 1982 гг., для тетрадей за 1983 и 1984 гг. (с. 896–1263) ее нет. Это вызывает сожаление: тексты рукописных страниц не столь объемны, и расшифровка не заняла бы много времени. Возможно, было бы целесообразно разместить в конце публикации и полную библиографию автора – Э.Г. Александренкова. Хочется надеяться, что все это появится во второй части “Кубинских полевых тетрадей”.

В заключение следует подчеркнуть, что публикация экспедиционных дневников Э.Г. Александренкова представляет огромный научный интерес, причем не только для этнографов или американистов, но и для историков и даже политологов. Хотелось бы отметить тот большой труд, который проделали составители, готовившие рукопись к изданию. Нет сомнений в том, что выход в свет работы Эдуарда Григорьевича Александренкова “Кубинские полевые тетради (1980–1985). Часть I” станет большим научным событием, которое привлечет интерес широкой общественности; особенно это необходимо сейчас, в период важных трансформаций кубинского общества. Кроме того, следует отметить, что эта публикация как достойное завершение первых отечественных полевых исследований в регионе становится важной вехой в отечественном изучении аборигенных культур Нового Света.

Источники и материалы

РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского флота. Ф. 172. Д. 408. Ч. 1 (дела графа Чернышева). Л. 27–44об. (Журнал путешествия мичмана Никифора Полубояринова в Индию в 1763–1764 гг.).

Баранициков 1787 – Баранициков В. Несчастные приключения Василия Бараницикова, мещанина из Нижнего Новгорода, в трёх частях света: в Америке, Азии и Европе, с 1780 по 1787 год. СПб.: Типография Вильковского и Галченкова, 1787.

Рабинович 1967 – Рабинович В.И. С гишпанцами в Новый Йорк и Гавану (Жизнь и путешествия Ф.В. Каржавина). М.: Мысль, 1967.

Соболева 2016 – Соболева Е.С. Манизер – участник второй русской экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг.: бразильский дневник. СПб.: МАЭ РАН, 2016.

Book Review

Ershova, G.G. Russian Field Studies of the Everyday Life of Cubans in the First Half of the 1980s [Rossiiskie polevyie issledovania byta kubintsev pervoi poloviny 1980-kh godov]: A Review of *Kubinskie polevyie tetradi (1980–1985). Chast I* [Cuban Field Notebooks (1980–1985). Part 1], by E.G. Aleksandrenkov.

Etnograficheskoe obozrenie, 2022, no. 4, pp. 238–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040145> EDN: HZFRWU ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Galina Ershova | <http://orcid.org/0000-0002-4607-6436> | Mesoamerica@mail.ru | Russian State University for the Humanities (6 Miuskaya sq., Moscow, 125047, Russia)

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants: Ministry of Education and Science of the Russian Federation [registration number AAAA-A20-120070890028-5] (project number FSZG-2020-0019)